

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАО ВО Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»
Министерство внутренних дел Российской Федерации
ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт МВД России»
Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: КОМПЕНСАТОРНЫЙ ПОДХОД

Материалы Международной научно-практической конференции

18-19 июня 2021 года, г. Красноярск

Часть 2

Красноярск 2021

Редакционная коллегия:

*Л. В. Бертовский, д-р юрид. наук, профессор
С. М. Курбатова, канд. юрид. наук, доцент
Е. А. Ерахтина, канд. юрид. наук, доцент
И. В. Тепляшин, канд. юрид. наук, доцент
А. Г. Калугин, канд. юрид. наук, доцент
А. Б. Судницын, канд. юрид. наук, доцент
Е. В. Богатова, А. Г. Русаков*

О 13 Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: материалы Международной научно-практической конференции (18-19 июня 2021 года, г. Красноярск). Часть 2 / Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»; Сибирский юридический институт МВД России; Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2021. – 298 с.

Представлены материалы Международной научно-практической конференции «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход», которая проходила 18-19 июня 2021 года в г. Красноярске и организаторами которой стали Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет», Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт МВД России».

Предназначено для ученых и специалистов образовательных и научно-исследовательских учреждений, представителей органов государственной и муниципальной власти, адвокатуры, иных организаций и учреждений, а также всех интересующихся вопросами правового регулирования уголовного судопроизводства, статуса лиц с ограниченными возможностями, теоретико-правовыми аспектами правоприменительной деятельности в социальном государстве.

ББК 67.409

Статьи публикуются в авторской редакции, авторы несут ответственность за содержание и изложение информации: достоверность приведенных сведений, использование данных, не подлежащих публикации, использованные источники и качество перевода.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕДЬМОГО СОЗЫВА

ДЕПУТАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

19 05 2021 г.

№ ПК-4/119

Курбатовой С.М.
66005, г. Красноярск, ул. Ленина, д.
117, 4 этаж, каб. 412.

Уважаемая Светлана Михайловна!
Уважаемые участники конференции!

Тематика научно-практической конференции близка мне как депутату Государственной Думы от партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», которая уделяет повышенное внимание законопроектам, направленным на поддержание социально уязвимых категорий населения, в том числе лиц с ограниченными возможностями. Режим содержания, бытовые условия в местах лишения свободы, рабочие места - это всегда актуально.

Исходя из многолетней практической работы с обращениями избирателей, хотелось бы отметить важность защиты прав когнитивно-уязвимых лиц. В современных реалиях они подвержены повышенному риску уголовного преследования. На престарелых, а иногда и на людей молодых, по документам дееспособных, но реально слабо ориентирующихся в технологиях 21-го века, записывают «фирмы-однодневки», берут невозвратные кредиты. Зачастую они не помнят, какие документы у них попросили, что убедили подписать, пообещав прибавку к пенсии. Нет вокруг родных, нет денег на хорошего адвоката. Это серьезная проблема, её нужно обсуждать и решать.

Я приветствую всех участников конференции! Буду рада получить как итоговые резолюции, так и рабочие материалы ваших, я уверена, плодотворных, профессиональных обсуждений и дискуссий. Надеюсь, что выводы конференции позволят рассмотреть возможность внесения законотворческих инициатив, направленных на улучшение качества жизни социально уязвимых граждан нашей страны.

С уважением

Р.В. Кармазина

**МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНЮСТ РОССИИ)
УПРАВЛЕНИЕ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ**

Кирова ул., д. 33, Красноярск, 660017
тел./факс (391) 227-75-16, факс (391) 211-04-55
E-mail: ru24@minjust.gov.ru

07 ИЮН 2021

№

24/01-3415

На № _____ от _____

Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Красноярскому краю приветствует участников Международной научно-практической конференции «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход».

Уровень участников: Юридический институт Московского государственного университета им. М.Ю. Ломоносова, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Сибирский юридический институт МВД России и Юридический институт Красноярского ГАУ предполагает заинтересованное отношение к заявленным для обсуждения темам конференции.

Международные договоренности и национальные законодательства диктуют необходимость создания условий, которые должны обеспечивать комфортное пребывание в стране людей с ограниченными возможностями.

Российская Федерация присоединилась к конвенции ООН «О правах инвалидов» (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 № 61/106) в 2008 году и ратифицировала данную конвенцию в мае 2012 года. По итогам колоссальной работы, проведенной в системе нормативно-правовых актов, более 700 документов на международном, федеральном и региональном уровнях претерпели изменения, либо были созданы новые.

В этой связи предстоит обсудить ряд сложных теоретических и практических вопросов понимания правового государства, прав и интересов участников уголовного процесса, лиц с ограниченными возможностями и многих других.

Уверены, что ваша конференция будет способствовать достижению заявленных целей, увеличению вклада в развитие уголовного процесса и судопроизводства, решению общесоциальных задач. Желаем участникам конференции успешной работы!

И.о. начальника Управления

Л.И. Бычкова

От имени руководства и судей Красноярского краевого суда приветствую организаторов, участников и гостей Международной научно-практической конференции «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: КОМПЕНСАТОРНЫЙ ПОДХОД».

В современных условиях выбранная организаторами тема конференции, связанная с многогранной оценкой проблем, имеющих в обеспечении прав лиц с ограниченными возможностями в сфере уголовного судопроизводства, и выработкой путей их разрешения представляет интерес как для ученых, профессорско-преподавательского состава и аспирантов высших учебных заведений, так и для практических работников судебных и правоохранительных органов, представителей экспертного сообщества.

Результаты работы конференции могут быть использованы при совершенствовании законодательства, регламентирующего соответствующую сферу правоотношений, а выработанные по ее итогам предложения и рекомендации будут полезны всем участникам и найдут применение в их дальнейшей практической деятельности.

Желаю всем участникам международной конференции конструктивной дискуссии, достижения поставленных целей, плодотворной и результативной работы!

Заместитель председателя
Красноярского краевого суда

A handwritten signature in black ink, appearing to be "V.V. Nosov". The signature is stylized and written in a cursive script.

В.В. Носов

Прокуратура
Российской Федерации

Прокуратура
Красноярского края

пр. Мира, 32,
г. Красноярск,
Красноярский край, 660049

Заместителю директора
Юридического института
Красноярского Государственного
Аграрного Университета по научной
работе

Курбатовой С.М.

04 06.2021 № 12-19-2021

На № _____

Уважаемая Светлана Михайловна!

Уважаемые участники конференции! Работники прокуратуры Красноярского края приветствуют Вас и рады принять участие в международной научно-практической конференции «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход».

В настоящее время вопросы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями наравне с иными участниками процесса, а также возможность реализации этих прав на практике приобрели повышенную актуальность.

Хотелось бы отметить необходимость выработки действенных механизмов осуществления данной категорией граждан своих прав, как на досудебной стадии уголовного производства, так и при непосредственном рассмотрении уголовных дел судами.

Развитие правового государства невозможно без решения таких проблем, как определение круга прав потерпевших, свидетелей, подозреваемых (обвиняемых) и иных лиц, имеющих ограниченные возможности; механизмы обеспечения прав указанной категории лиц в процессе реализации ими своих полномочий в рамках расследования уголовных дел и рассмотрения их судом; а также контроль за соблюдением их прав со стороны правоохранительных и судебных органов.

Считаю, что тесное сотрудничество представителей образовательных учреждений, работников правоохранительных и судебных органов позволит продуктивно исследовать и найти пути решения актуальных вопросов компенсаторного подхода к обеспечению прав участников уголовного производства.

Выражаем Вам благодарность за возможность принятия активного участия в работе конференции.

Прокурор края

государственный советник
юстиции 3 класса

Р.Н. Тютюник

AA № 183541

Прокуратура Красноярского края
№ 12/2-628-21/8035-20040001

МВД России

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
по КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ
(ГУ МВД России по Красноярскому краю)**

Курбатовой С.М.

sveta_kurbatova@mail.ru

ул. Дзержинского, 18, Красноярск, 660017

31.05.2021 _____ 3/215405228175
на № _____ от _____

□ О направлении информации □

Уважаемые коллеги! Приветствую Вас по случаю открытия международной конференции, посвященной вопросам обеспечения прав участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями. Благодарю за приглашение принять участие в обсуждении важнейших вопросов, связанных с обеспечением прав граждан в уголовном судопроизводстве.

Важно, что мероприятия в подобном формате с участием докторов юридических наук становятся регулярными, это позволит нам наладить систематический обмен профессиональным опытом. Уверена, что наши дискуссии будут конструктивными и содержательными, а выдвинутые идеи и инициативы получат практическое применение.

Желаю всем успехов!

Врио начальника
Главного следственного управления

Н.А. Юдаева

**МИНИСТЕРСТВО
социальной политики
Красноярского края**

Мира пр., д. 34, г. Красноярск, 660049
Телефон: (391) 229-16-00
Факс: (391) 212-38-90
e-mail: szn24@szn24.ru
<http://www.szn24.ru>
ОКОГУ 2300220, ОГРН 1082468040225
ИНН/КПП 2466212572/246601001

01 ИЮН 2021 № 80-д/49

на № _____ от _____

Об участии в конференции

Заместителю директора
по научной работе Юридического
института ФГБОУ ВО
«Красноярский государственный
аграрный университет»

С.М. Курбатовой

Sveta_kurbatova@mail.ru

Уважаемая Светлана Михайловна!

Министерство социальной политики Красноярского края (далее – министерство) благодарит Юридический институт Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет» за приглашение принять участие в международной научно-практической конференции «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход» (далее – конференция).

Считаем важным обсуждение вопросов реализации прав граждан с ограниченными возможностями, в том числе в уголовном судопроизводстве. Полноценное участие в судебных процессах лиц с ограниченными возможностями позволит повысить уровень реализации права на судебную защиту таких лиц, эффективность судебной защиты, сократить расходы на участие в рассмотрении судебных дел.

Кроме того, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» судам следует создавать необходимые условия для обеспечения открытости и гласности судопроизводства и реализации права на получение информации о деятельности судов, в том числе лицами с ограниченными возможностями здоровья, с учетом требований Конвенции о правах инвалидов 2006 года, Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Министр

И.Л. Пастухова

**Секция: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ
ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ НА ДОСУДЕБНЫХ
СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

УДК 343.1

**СПЕЦИАЛИСТ И ЭКСПЕРТ КАК ОСОБЫЕ СУБЪЕКТЫ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Бертовский Лев Владимирович

докт. юрид. наук, профессор,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Московский институт электронной техники,

Москва, Россия

email: bgl1980@yandex.ru

***Аннотация:** В статье обосновывается особый подход к лицам, участвующим в уголовном судопроизводстве и обладающим специальными знаниями, необходимость уточнения положений уголовно-процессуального кодекса в части допроса эксперта, а также сформулированы криминалистические рекомендации по допросу специалиста и эксперта.*

***Ключевые слова:** специалист, эксперт, свидетель, потерпевший, обвиняемый, судопроизводство, когнитивное развитие, память, допрос эксперта.*

**SPECIALIST AND EXPERT AS SPECIAL SUBJECTS OF CRIMINAL
PROCEEDINGS**

Bertovsky Lev Vladimirovich

doctor of law, professor

Moscow state university,

Moscow institute of electronic engineering

email: bgl1980@yandex.ru

***Abstract:** The article substantiates a special approach to persons participating in criminal proceedings and having special knowledge, the need to clarify the provisions of the Criminal Procedure Code regarding the interrogation of an expert, and also formulates forensic recommendations for the interrogation of a specialist and an expert.*

***Keywords:** specialist, expert, witness, victim, accused, legal proceedings, cognitive development, memory, expert interrogation.*

Современные исследователи справедливо указывают на то, что для некоторых групп участников уголовного судопроизводства необходим специальный подход, связанный с особенностями их когнитивного развития. Имеется в виду необходимость применять компенсаторный механизм к несовершеннолетним и

малолетним, инвалидам, лицам старшего возраста и др., к тем, кто не может в полной мере реализовать свои права [3]. При вовлечении таких субъектов в уголовный процесс применяются нормы, предусматривающие обязательное участие защитников, законных представителей, педагогов, психологов и т.п. Кроме того, изменены в сторону уменьшения временные параметры, проводимых с их участием процессуальных действий.

Исследователи-криминалисты, учитывая особенности когнитивного развития таких субъектов, формулируют научно-обоснованные тактические рекомендации, направленные на оптимизацию следственных действий, проводимых с их участием.

Такие подходы безусловно правильные и конечно требуют проведение дальнейших исследований, результаты которых будут имплементированы в практическую деятельность правоохранительных органов.

Однако указанные криминалистические рекомендации рассчитаны на таких субъектов уголовного процесса как свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый и подсудимый. А есть ли необходимость в подготовке рекомендаций по проведению следственных действий с другими субъектами уголовного процесса?

Для ответа на такой вопрос необходимо понять каким образом происходит когнитивное развитие человека и как это может повлиять на возможность его участие в процессуальных действиях. Известный швейцарский ученый Жан Жак Пиаже после проведения целого ряда исследований пришел к выводу о том, что человек с момента рождения и до момента когнитивной компетентности проходит в своем развитии четыре этапа: сенсомоторный (от рождения до 2 лет), дооперациональный (от 2 до 7 лет), конкретных операций (от 7 до 11–12 лет), формальных операций (от 11–12 лет и старше). Причем каждый этап характеризуется увеличением хранящегося объема информации в памяти, в т.ч. словарного запаса, усложнением процесса мышления, физическим и эмоциональным развитием ребенка.

Когнитивные возможности человека имеют синусоидальный характер, возрастая с момента его рождения и достигая своего пика, затем плавно идут на спад, причем этот процесс прогрессирует с увеличением возраста.

По данным геронтологов максимальная работоспособность у лиц умственного труда наблюдается в возрасте от 35 до 45 лет, а к возрасту 50-60 лет из-за старения мозга она снижается на 20-40%.

В последние годы было предпринято немало попыток объяснить влияние старения на познавательные способности различными причинами. Представляется наиболее перспективной и обоснованной теория Тимоти Солтхауса [4], о том, что все когнитивные эффекты старения объясняются *снижением скорости обработки поступающей и хранящейся в памяти информации*, являющемся характерной особенностью пожилого возраста [1].

Таким образом, можно сказать, что когнитивные возможности, а значит и процессуальная дееспособность, напрямую зависят от объема памяти и скорости доступа к хранящейся в ней информации. Это обстоятельство должно учитываться и при проведении криминалистических исследований. Вот почему

специалистам, работающим в области уголовного процесса и криминалистики, необходимо иметь представление об основных принципах работы человеческой памяти.

Попробуем в самых общих чертах изложить концепция современного понимания функционирования памяти, в основе которой лежит предложенная Аткинсом и Шифриным сенсорная модель [5].

Человек воспринимает окружающий мир посредством своих органов чувств (зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания). Информация, полученная с их помощью, поступает в сенсорную память, являющуюся границей между восприятием и памятью, где в кратчайшие сроки обрабатывается и передается в рабочую память. Там информация перекодируется в вид, удобный для хранения, и определяется порядок работы с ней. В дальнейшем перекодированная информация поступает в долговременную память, которую условно можно разделить на эксплицитную и имплицитную память.

Имплицитная память чаще всего задействована в ситуациях, в которых проявляются некоторые формы научения, претворяющиеся, скорее, в действия, нежели в явные воспоминания: например, езда на велосипеде, управление автомобилем с автоматической коробкой передач и т.д.

В эксплицитной памяти специалисты выделяют эпизодическую и семантическую память. Эпизодическая память содержит информацию о произошедших событиях, а семантическая накапливает информацию об окружающем мире.

В процессе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, обращаясь к событиям прошлого, при проведении процессуальных действий со свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми, обвиняемыми и подсудимыми они в большей части задействуют именно эпизодическую память. И именно исходя из этих положений и сформулированы большинство криминалистических рекомендаций направленных на оптимизацию вышеперечисленных действий.

Несколько по-иному обстоит дело при допросе специалистов и экспертов. В соответствии со ст.ст. 57, 58 УПК РФ специалист и эксперт — это лица, обладающие специальными знаниями, которые они и применяют, хотя и в разных формах, для достижения целей уголовного судопроизводства. В отличие от свидетелей и др., специалисты и эксперты в большей степени, при решении стоящих перед ними задач, используют семантическую память. Психологи отмечают, что ошибки при работе с памятью могут происходить на любом из этапов получения, переработке, хранении, передачи и использования информации. Таким образом, в задачу правоприменителей при оценке заключения специалиста и экспертизы должен входить и анализ обстоятельств, при которых проводились исследования и формулировались выводы лицами, обладающими специальными знаниями, а также исследование возможности совершения ими указанных ошибок.

Поэтому представляется, что статью 205 УПК РФ, где сформулирована только одна цель допроса эксперта - разъяснение данного им заключения, необходимо дополнить еще одной целью - выяснение обстоятельств проведения исследований.

Кроме того, на настоящее время отсутствуют какие-либо криминалистические рекомендации по допросу указанных лиц. Хотя, с учетом использования ими другого вида долговременной памяти, в отличии от свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и подсудимых (для допроса которых разработаны множество рекомендаций) они явно необходимы.

Одно из свойств семантической памяти заключается в том, что помимо понимания огромного количества слов и понятий она содержит в себе так называемые схемы, т.е. хорошо интегрированные совокупности знаний о мире, событиях, людях и действиях. Схемы позволяют формировать ожидание. Так, например, зная о том, что при нагревании воды скорость движения молекул увеличивается, и в результате они, отрываясь от поверхности, образуют пар (это схема), ожидая это явление, мы будем чрезвычайно удивлены, если поставим чайник на горячую плиту, а пара не будет. Хотя такое возможно, например, в случае если чайник изготовлен из термоизоляционного материала (кроме того, математики утверждают, что теория вероятности предусматривает определенную возможность образования не пара, а льда).

Безусловно, схемы помогают нам воспринимать мир более предсказуемым, позволяют с помощью умозаключений по наступившим последствиям судить о произошедших ранее событиях. Однако за использование схематических знаний приходится платить определенную плату. Семантическое знание (в приведенном примере это знание о процессе образования пара), которое имеется у людей, недостаточно осведомленные о каком-либо вопросе (о термоизоляционных свойствах чайника), будет в наибольшей степени согласовано с их собственными взглядами (они будут уверены, что должен образоваться пар). Аналогичная ситуация может возникнуть и при использовании специальных знаний в уголовном процессе. Специалист или эксперт с целью решения поставленной перед ним следователем задачи, проводя исследования, тоже задействуют определенные схемы. Чем больше объем знаний у специалиста или эксперта, чем богаче его опыт, тем большим количеством схем он располагает. Получив исходную информацию, выяснив ее содержание, семантическая память определяет схему, подлежащую применению в данном конкретном случае. В результате ее использования у специалиста или эксперта формируется то или иное мнение (заключение), причем оно может быть и ошибочным в связи с целым рядом объективных и субъективных обстоятельств: некорректностью исходных данных; несовершенством используемой экспертной методики; использованием приборов и инструментов, неисправных или не обладающих достаточной разрешающей способностью; использованием неадекватных математических моделей и компьютерных программ, профессиональной некомпетентностью специалиста или эксперта, дефектов органов чувств специалиста, эксперта и его неординарных психических состояний (стресс, конфликт в коллективе, усталость) и т.п.

В этом случае необходимо установить схему, в соответствии с которой у допрашиваемого было сформировано то или иное мнение (заключение), и вместе с допрашиваемым (желательно в присутствии компетентного специалиста в этой же области знаний) провести анализ ее структурных элементов с целью

выявления в них возможного дефекта, послужившего основанием для ошибочных выводов [2].

С учетом кардинального роста количества киберпреступлений, увеличения проводимых экспертных исследований, в дальнейших научных изысканиях следует сосредоточить больше внимания на правовой регламентации и тактике использования специальных знаний в уголовном процессе.

Список литературы

1. Бертовский, Л.В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп / Л.В. Бертовский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С.1100.
2. Бертовский, Л.В. Допрос: тактика и технологий / Л.В. Бертовский. М.: Экзамен, 2015. 303 с.
3. Курбатова, С.М. О проблематике участия лиц с ограниченными возможностями в производстве по уголовному делу / С.М. Курбатова // Современный ученый. 2020. № 2. С. 305-309.
4. Timothy A. Salthous. The Processing-Speed Theory of Adult Age Differences in Cognition Timothy A. Salthous Psychological Review 1996. Vol. 103. № 3. 403-428.
5. Atkins R.C., Shifrin R.M. Human memory. A proposed system and its control processes. The Psychology of Learning and Motivation Advances in Research and Theory. Vol. 2. New York Academic Press. 1968. pp. 89–195.

УДК 343.953.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЛИФИКАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ С ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОФАЙЛИНГЕ

Бурмистрова Наталья Сергеевна

ст. преподаватель

Пятигорский государственный университет»,

г. Пятигорск, Россия

email: nata.burmis@gmail.com

Колениченко Ирина Александровна

канд. психол. наук, доцент

Пятигорский государственный университет»,

г. Пятигорск, Россия

email: kolinichenkoi@yandex.ru

Аннотация: В статье изложены некоторые аспекты развития личности преступника с точки зрения идентичности и процесса принадлежности к преступному сообществу, место этих знаний в криминалистике, а также тенденции их использования в криминалистическом профайлинге.

Ключевые слова: Криминалистический профайллинг; идентичность; профилактика преступлений.

PECULIARITIES OF PSYCHOLOGICAL PROLIFICATION OF PERSONAL IDENTITY WITH CRIMINAL ACTIVITIES IN CRIMINALISTIC PROFILING

Burmistrova Natalya Sergeevna
senior lecturer

**Pyatigorsk state university,
Pyatigorsk, Russia**

email: nata.burmis@gmail.com

Kolinichenko Irina Alexandrovna

candidate of psychological sciences, associate professor

**Pyatigorsk state university,
Pyatigorsk, Russia**

email: kolinichenkoi@yandex.ru

***Annotation:** The article outlines some aspects of the development of a criminal's personality from the point of view of identity and the process of belonging to a criminal community, the place of this knowledge in forensic science, as well as trends in its use in forensic profiling.*

***Keywords:** Forensic profiling; identity; prevention of crimes.*

Преступник - один из основных элементов криминалистической характеристики преступления [2; с.25]. Этот элемент рассматривается с разных сторон, например, как одна из характерных черт личности, позволяющая делать выводы о мотивации действий преступника на месте происшествия и обуславливающая социопатологическое поведение.

Криминалистические знания о поведении преступнике используются в основном в ходе расследования преступлений и являются сферой научных интересов таких дисциплин, как криминалистика, криминология, судебная психиатрия, психопатология и уголовное право. Криминалистическая характеристика личности преступника основана на психологических определениях личности, как организованной, динамичной и уникальной (отличной от других), обладающей совокупностью психофизических диспозиций (характеристик и чувств), которые внешне проявляются в определенном поведении и действиях.

Судебная психология, для которой личность преступника является основным предметом интереса, уделяет наибольшее внимание таким характеристикам личности преступника, как:

- несдержанность в действиях - стремление к немедленному удовлетворению потребностей;

- недостаточные внутренние барьеры - склонности к искажению правовых и моральных норм, что связано с эгоцентризмом и изменениями в процессе принятия решений правонарушителем;

- так называемые когнитивные искажения (искажения мыслительного процесса и памяти), которые позволяют преступнику «защищать» преступное поведение от своей совести, помогают ему сохранять стабильность в представлениях о себе и защитить самооценку.

Познания криминалистического профайлинга, ориентированные на личность правонарушителя, обычно изучают и объясняют:

- мотивацию действий правонарушителя (непосредственный набор причин конкретного правонарушения),

- личный, семейный и криминальный анамнез, течение и проблемы развития его социализации,

- уровень адаптации к окружающей социальной среде,

- прикладной образ жизни,

- влияние потенциального даже отбытого наказания на будущее преступника,

- прогноз дальнейшего преступного поведения и оценка возможного повторения преступления в будущем.

Попытки обобщить знания о преступниках всегда были частью научного исследования преступности как деятельности и почти всегда сопровождалась попытками классифицировать преступников по определенным характеристикам. Эти усилия были направлены на типирование личностей с антисоциальным поведением по критериям, применимым в медицине, психиатрии, психологии и философии. Обобщение знаний о классификации систем, объектов или явлений с использованием типов занимается наука типология. В криминалистическом профайлинге это позволяет классифицировать исполнителей преступлений (лиц и личностей) по определенным критериям, признакам или набору персонажей в группы, каждую из которых можно охарактеризовать с помощью определенной модели, типа. Тип личности определяется как конкретный комплекс личностных черт, особенностей или других характеристик, которые не влияют на всю личность человека в целом, но являются общими для большего числа людей, у которых возникновение этих черт может создать подгруппу в рамках определенной типологии. Исследования подтверждают, что так называемых чистых типов личности в реальности не существует, это всегда только приближение к определенной модели (типу), определенной для нужд дальнейшей классификации.

Однако в области исследования личностей преступников, не до сих пор отсутствует их систематизированный обзор. В криминалистическом профайлинге мы можем разделить типы, в которых основное внимание уделяется биологическим, психологическим и социологическим характеристикам личности преступников.

Типология основана в первую очередь на биологических аспектах личности и включает, помимо прочего, теории так называемой криминальной антропологии, физиогномические и френологические теории (основанные

на измерениях черепа). Как пример, можно привести теорию Ламбозо [8] о так называемом прирожденном преступнике, которая, в соответствии с биологическими особенностями, также различает отдельные типы преступников (например, убийцы и воры).

Наиболее известными в этой области являются типологии, предполагающие тесную связь между типом телосложения и характеристиками личности, включая их наследственную обусловленность и характер совершенного правонарушения. Типичный пример - конституционная типология немецкого психиатра Эрнеста Кречмера (1888) [11]. Согласно этим типологиям, личность формируется чертами, передающимися по наследству. Строение тела (соматический тип) соответствует типу темперамента как динамическому аспекту личности, а также преобладающему преступному поведению.

Также можно рассмотреть концепцию психопатической личности, которая имеет те же методологические недостатки, что и уже упомянутые концепции отождествления преступника. В новой классификации психических заболеваний психопатия рассматривается как конкретное расстройство личности и диагностируется не как заболевание, а как расстройство личности и поведения взрослых. Психопатическая личность определяется как дисгармоничная личность с аномальными чертами, некоторые проявления которых могут привести к преступному поведению. К ним относятся, например, параноидальное расстройство, шизоидное расстройство, диссоциальное расстройство, эмоционально нестабильное расстройство и т. д. Образ психопатии никогда не включает психотические симптомы. Люди с этим расстройством могут восприниматься окружением как обаятельные, приятные и заслуживающие доверия.

Исследования показывают, что около 30% всех преступлений совершается людьми с определенным расстройством личности. Однако они имеют еще большую долю в насильственных преступлениях. Распространенность психопатии у рецидивистов составляет от 70 до 100%. Акцент на роли психопатии в преступности, который иногда подвергается критике, является результатом применения психиатрических оценок в практике уголовного права.

Типология правонарушителей основывается, как правило, на психологических аспектах личности, которые полностью зависят от уровня обработки знаний по психологии личности, клинической психологии, психопатологии, а также общей психологии и психиатрии. Личность обычно описывается через отдельные компоненты, которые создают ее структуру. Это способности (включая наличие все еще обсуждаемый интеллекта), характер, темперамент, качества и свойства личности, мотивация, установки, интересы, психологические особенности и иногда так называемые факторы второго порядка, такие как экстраверсия, интроверсия и т. д.

Личность преступника — это уровень его адаптации к внешней среде, способность адаптироваться к изменяющимся условиям и изменениям внешней среды. Мы часто сталкиваемся с понятием дезадаптации, которое возникает, когда потребности человека не могут быть согласованы с условиями окружающей среды.

Среди наиболее известных авторов этой области юридической психологии - Х. Дж. Айзенк, автор теории дифференциальной обусловленности [1], который также является автором опросника личности (PEN), содержащего шкалу так называемой криминальной склонности. Этот опросник является одним из немногих психологических инструментов, специально предназначенных для описания личности преступника.

Типология, подчеркивающая в основном социологические характеристики личности правонарушителя, основана, прежде всего, на изучении социальной среды правонарушителя и его социального обучения, ценностных ориентаций правонарушителя и его социальной интеграции.

Истоки социализирующих типологий заключаются в том, что не каждый преступник может стать преступником в любое время и при любых обстоятельствах.

Франц фон Лист разделил преступников на три группы: обычных преступников, обычных преступников, которых можно исправить, и неисправимых преступников. Он объединил это разделение с тремя индивидуально превентивными функциями наказания (сдерживание, исправление, устранение).

Вопрос деятельной идентичности преступника можно рассмотреть с помощью научной базы, которой являются работы Эрика Эриксона [10] и его ближайшего последователя Джеймса Марсии [9]. По Дж. Марсии, механизмы и этапы формирования идентичности в процессе самоопределения проходят два этапа развития идентичности - этап поиска и этап принятия.

Однако назвать совершение преступления профессиональной деятельностью будет неправильно, хотя этапы формирования одинаковы, поэтому мы предпочли бы вместо термина «профессиональная идентичность» использовать термин «идентичность с групповыми действиями». Согласно определению, данного А.И. Бастрыкиным, преступная деятельность – очерченная и нормативно описанная в уголовном законе деятельность, включающая все роды виды и группы преступлений, предусмотренных законом, а также определенные комплексы общественных отношений, действий событий и т. д. [5; с.13].

Дж. Марсия обозначил две оси (поиск и принятие), которые образовали систему координат, в проблемном поле статусной концепции идентичности. На этапе поиска происходит исследование возможных вариантов идентичности - "кем бы я мог быть", "кем я хочу стать", "чем я буду заниматься", "какой я". Человек примеряет на себя разные роли, тестирует разные виды деятельности, собирает и осмысливает информацию о том, кто он такой, а также какие варианты развития для него возможны. В этот период формируется его личная система ценностей, проявляются жизненные цели, приемлемое отделяется от неприемлемого, интересное - от неинтересного, значимое от незначительного. Вторым этапом является этап принятия, когда человек принимает на себя ответственность за сделанный выбор и начинает планомерно его реализовывать в своей жизни. То есть, приняв некую идентичность, действовать в соответствии с нею.

Продолжая идею Дж. Марсия об этапах формирования идентичности личности, первым этапом мы бы назвали этапом развития деятельной (преступ-

ной) идентичности, диффузной. На этом этапе идентичность не сформирована из-за отсутствия собственных предпочтений. Далее есть два пути. Человек, ставший перед выбором, принимает ту деятельную идентичность, которую диктует ему его окружение, или запускает собственный процесс поиска.

Для следующего этапа незрелой идентичности характерен неосознанный выбор, который может являться результатом стечения обстоятельств или обусловлен коммуникативной средой. При это мотивация выбора как правило направлена на получение «легких денег».

Следующий этап – это предрешенная идентичность, она является основной проблемой, так как важная потребность формирующейся преступной личности - поиск решения о том, кем быть, пока не принято, однако, процесс принятия решения уже запущен. Именно на этом этапе у человека есть возможность перенаправить личностный потенциал преступника на социально одобряемую деятельность.

На этапе достигнутой идентичности происходит самоактуализация. В статусе достигнутой идентичности появляется ощущение - "я занимаюсь своим делом".

Личность преступника формируют внешние условия, обстоятельства. Под влиянием знаний – (например, «как открыть чужую дверь, чтоб никто не узнал»), он начинает восприниматься окружающими как максимально идентичный своей деятельности (преступной). Движущие силы – непротиворечие между содержанием преступной деятельности и требованиями в преступной группе, которые усиливают друг друга.

Преступник делает, как умеет, а требования группы серьезнее, поэтому, стремясь к идентичности с понравившейся ему группой – «я хочу стать таким же, как они» – он совершенствуется и воспринимается как более и более идентичный данной группе и, в итоге, сливается с ней [7]. Этап диффузной идентичности, при «растворении», с группой, принятии ее идей, приводит к достижению группового сходства и становится этапом достигнутой идентичности.

Достигнутая профессиональная идентичность – высший этап самосознания личности.

Центральный механизм идентичности по Шнейдеру [6] – это осознание. Преступная деятельность влияет на ценностные свойства личности и предопределяет становление профессиональной идентичности.

Если человек уже попал в группу, его развитие будет идти вне зависимости от его личности. Е. А. Ермолаева [4] подобную групповую идентичность трактует как надсоциальную при развитии субъекта в общественной системе. Подобный этап развития, по ее мнению, происходит вне зависимости от профессии, общества, личных интересов, то есть как бы над ними.

Для себя самого преступник считает идентичность позитивной – ему же нравится быть таким же, как члены его группы. Идентичность предполагает осознанное внимание к вопросу «Кто Я?» в течении всей жизни, отвечая на который, человек изменяет отношение к себе в профессиональной (деятельной, преступной) сфере.

Список литературы:

1. Айзенк, Г. Природа интеллекта — битва за разум: Как формируются умственные способности = Intelligence: the battle for the mind / Г. Айзенк, Л. Кэмин. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 352 с.
2. Бертовский, Л.В., Криминалистика. Учебник для бакалавров / Л.В. Бертовский, И.И. Белозерова, В.П. Антонов / под ред. Л.В. Бертовского. М.: Издательство: РГ-Пресс, 2019 г. 960 с.
3. Богданович, Н.В. Особенности ценностно-смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе / Н.В. Богданович, Е.И. Ермолаева, Е.П. Психология социальной реализации профессионала: учебное пособие. М.: ИП РАН, 2008. 345 с.
4. Криминалистика. Учебник. Том I. / Под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Изд-во Экзамен, 2014. 511 с.
5. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления / Л.Б. Шнейдер. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 193 с.
6. Щеткина А.А. Особенности ценностно-смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе / А.А. Щеткина, А.А. Борисова и др. // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2. С. 232-249.
7. Чезаре Ломброзо. Преступный человек. Милгард. 2005 // Михаил Штереншис. "Чезаре Ломброзо". ИкраДон. 2010.
8. James E. Marcia. The Ego Identity Status Approach to Ego Identity // Ego Identity. — New York, NY: Springer New York, 1993. С. 3–21.
9. Эриксон, Э.Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование / Эрик Г. Эриксон; пер. с англ. А. М. Каримского. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1996. 560 с.
10. Medizinische Psychologie. Leipzig: Thieme Verlagsgruppe, 1922. 305 с.

УДК 343.1

РОЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И МЕРЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

Гаврилов Борис Яковлевич
докт. юрид. наук, профессор
Академия управления МВД России,
г. Москва, Россия
email: profgavrilov@yandex.ru

Аннотация: В статье автором исследуется проблема эффективности российского уголовного процесса и ее влияние на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, в том числе с ограниченными возможностями. С

этой целью исследуется современное состояние таких российских уголовно – процессуальных институтов как возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки расследования, предъявление обвинения, процессуального контроля и прокурорского надзора, упрощенные формы предварительного расследования, а также причины и факторы, повлекшие необходимость внесения законодателем в УПК изменений более, чем 260 федеральными законами. Обосновывается авторское видение реформирования в рамках действующего уголовно – процессуального закона указанных выше процессуальных институтов как условие обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: *уголовный судопроизводство, следователь, дознаватель, прокурор, возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки, предъявление обвинения, дознание в сокращенной форме.*

THE ROLE OF THE EFFECTIVENESS OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS IN ENSURING THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CURRENT STATE AND MEASURES TO IMPROVE

Gavrilov Boris Yakovlevich

doctor of law, professor

Academy of department of the MIA of Russia,

Moscow, Russia

email: profgavrilov@yandex.ru

Annotation: *The article by the author examines the problem of the effectiveness of the Russian criminal process and its impact on ensuring the rights of participants in criminal proceedings, including disabilities. For this purpose, the current state of such Russian criminal procedures, as the initiation of criminal case, the procedural term of the investigation, the presentation of the charge, procedural control and prosecutor's supervision, simplified forms of preliminary investigation, as well as the reasons and factors that caused the need to make a legislator in the Code of Code more, than 260 federal laws. The author's vision of reforming under the current criminal procedure law of the above procedural institutions as a condition for ensuring the constitutional rights and freedoms of man and citizen is substantiated.*

Keywords: *criminal proceedings, investigator, prosecutor, criminal case initiation, procedural time, charges, inquiry in abbreviated form.*

Влияние эффективности российского уголовного судопроизводства на обеспечение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовно – процессуальной деятельности и тем более граждан с ограниченными возможностями, включая несовершеннолетних, автором рассматривается как с позиции следователя, посвятившего этой службе более 30 лет, так и с точки зрения ученого-процессуалиста, а также члена рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы РФ, принимавшего на протяжении более 4-ех лет (после принятия 6 июня 1997 г. проекта Уголовно-процессуального ко-

декса Российской Федерации (далее-УПК) в первом чтении) непосредственное участие в его подготовке ко второму чтению и принятии в третьем чтении и его последующем мониторинге. В этой связи следует отметить, что внесение в последующие годы в УПК изменений более, чем 260 федеральными законами, в связи с чем Кодекс сегодня подвергается критике, якобы, за его низкое качество, представляется недостаточно обоснованным, а в ряде случаев критики современного УПК не воспринимают то, о чем, например, профессор В.Т. Томина писал несколько десятилетий тому назад: «Мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо – первый в мировой истории уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности» [18], с чем нельзя не согласиться.

Критикующие современный УПК за многочисленные внесенные в него изменения как представители научного сообщества, так и практические работники органов предварительного расследования и органов дознания не учитывают, что многие из них обуславливались происходящими в жизни государства и российского общества значительными изменениями, а также необходимостью реализации решений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека (далее-ЕСПЧ) в части обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Одновременно следует признать и факт того, что отдельные из поправок в УПК не носили системный характер и даже противоречили ряду его основополагающих институтов. Снижению эффективности работы органов предварительного расследования способствовали и отдельные контрреформы, последовавшие после принятия УПК РФ [2; с. 22-28, 3].

Следует также указать и на компромисность отдельных решений законодателя. Так, за прокурором до 1 января 2004 г. [8] сохранялось право санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также продления срока содержания подозреваемых, обвиняемых под стражей [9], что послужило основанием для признания Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 №6-П [15] указанных положений не соответствующими Конституции РФ, что обусловило законодателя к внесению в УПК еще до его вступления в силу изменений, предусматривающих ограничение прав и свобод участников уголовного процесса исключительно по судебному решению, и ряд других, с ними взаимосвязанных [10].

Особо автор считает необходимым отметить, что принятие значительной части изменений было обусловлено введением ряда новых уголовно – процессуальных институтов, что вызывалось потребностями правоприменения [4; С. 74-78]. Одновременно следует обратить внимание на то, что при построении модели современного УПК как законодателю, так и представителям науки, и правоприменителю не удалось преодолеть сложившиеся еще в рамках действия УПК РСФСР заформализованность и забюрократизированность закона, что и обусловило его низкую эффективность, о чем наглядно свидетельствует значительное сокращение (с 36 % в 1991 г. до 22 % в 2020 г.) направленных в суд уголовных дел из числа возбужденных [5; с. 98-102].

Примером чего является приговор в отношении З., совершившего в нетрезвом состоянии путем разбития стекла с витрины магазина трех упаковок

туалетной бумаги стоимостью 197 руб., за что был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 5 месяцам лишения свободы, поскольку факт проникновения имел место в присутствии проходящего мимо гражданина, который и сообщил в полицию. Несмотря на очевидность совершенного преступного деяния, расследование и судебное разбирательство по данному делу осуществлялось почти 5 месяцев, в течение которых обвиняемый содержался под стражей. По делу проведена судебно-товароведческая экспертиза по оценке похищенного. Содержание приговора изложено на 14 страницах [16]. На судопроизводство по данному уголовному делу было затрачено не менее 0,5 млн. руб. И таких уголовных дел ежегодно насчитывается десятки тысяч.

Профессор А.С. Александров [1; с. 7-10] такое состояние правосудия оценивает как коренной порок отечественной правовой модели, предлагая отказаться от предварительного следствия с переходом на «прокурорское» дознание. С данным предложением возможно было бы и согласиться при условии готовности к таким изменениям судебной системы. Однако в условиях России такие революционные преобразования способны только разрушить систему предварительного следствия, без которого судебная система останется «без работы». Исходя из этого, автору видится целесообразным преодоление законодателями имеющихся проблем действующего УПК.

При этом, следует обратить внимание на те правовые результаты, которые стали возможными в результате внесенных в УПК изменений:

- так, Федеральным законом от 05.06.2007 №87-ФЗ [11] следователи были выведены из состава прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета РФ. Для реализации данных изменений руководителю следственного органа от прокурора были переданы полномочия по процессуальному руководству предварительным следствием с одновременным сохранением за прокурором надзорной функции за деятельностью следователей, о необходимости чего автором высказывалось еще в мае 2001 г. на заседании Комитета по законодательству при обсуждении готовности УПК ко второму чтению;

- с учетом настоятельных обращений правоприменителя Федеральным законом от 04.03.2013 №23-ФЗ [12] значительно расширен перечень возможных следственных и иных процессуальных действий на этапе проверки сообщения о преступлении, что предоставило возможность собирания доказательств в стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, данным Законом в УПК введена сокращенная форма дознания;

- Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ включена норма-принцип–ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» [13], в которую в последующие годы были внесены изменения еще 5-ью федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков;

- к числу необходимых изменений в УПК автор относит и включение в число участников уголовного судопроизводства начальника подразделения дознания и начальника органа дознания, а также введение в Кодекс института досудебного соглашения о сотрудничестве и ряда других. Существенные дополнения внесены в судебное производство, предусматривающие принципиальный пересмотр апелляционного и кассационного производства, расширение подсуд-

ности суда присяжных на районный уровень и др., также обусловленные потребностью качественного обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Говоря о причинах низкой эффективности современного уголовно – процессуального законодательства, автор указывает на то обстоятельство, что ряд норм УПК РФ содержат положения УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., в связи с чем автором вносятся предложения, направленные на:

- исключение из УПК его ст. 162 в силу противоречия норме-принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11-П, не должен превышать по уголовным делам 4 лет. Тем более, что сама эта норма «пришла» из УПК РСФСР, 1922 г.;

- увеличение двух месячного срока (по тяжким и особо тяжким преступлениям) содержания обвиняемого под стражей, в который с учетом положений ч.1 и ч.1¹ ст.221 УПК РФ входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) и ещё 14 суток в соответствии с ч. 1 ст. 227 УПК РФ для принятия судом (судьей) соответствующего решения (для примера, по УПК Италии первоначальный срок ареста составляет 6 месяцев с возможностью его сокращения);

- исключение из УПК института предъявления обвинения, сущность которого заключалась в обеспечении на протяжении десятилетий допуска защитника к участию в уголовном деле с момента предъявления обвинения. Сегодня это стало возможным, исходя из положений обозначенного выше Федерального закона №23-ФЗ, еще до возбуждения уголовного дела. Следует также учитывать и такие факторы, как фактическое нивелирование различий в правовом статусе подозреваемого и обвиняемого, кроме этапа окончания расследования; в суд за период действия УПК РФ направлено более 5 млн. уголовных дел без «классического» предъявления обвинения, что не повлекло за собой обращения осужденных ни в Конституционный Суд РФ, ни в ЕСПЧ о нарушении их конституционного права на защиту; не предусматривали данного института и нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [6, С. 65-73], а также в уголовно – процессуальном законодательстве большинства государств Европы, а сегодня и ряде государств бывшего постсоветского пространства; а также позицию Европейского Суда по правам человека, согласно которой обвинение-это есть обоснованное подозрение [17];

- отказ от сокращенного дознания в силу его фактической дискредитации в последние годы, поскольку сроки расследования составляют от одного до нескольких месяцев, а объем собираемых доказательств такой, как и при производстве дознания в общем порядке. Соответственно автором предлагается введение протокольной формы предварительного расследования в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признании им факта совершения преступного деяния, не предусматривающая процедуру возбуждения уголовного дела и ограничение перечня обязательных следственных действий допросом заподозренного в совершении преступления

лица и непосредственно потерпевшего или свидетеля совершенного преступления (при отсутствии потерпевшего). Одновременно данная форма расследования должна предусматривать обязательное задержание такого лица по основаниям, предусмотренным ст. ст. 91-92 УПК РФ на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд с учетом положений п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ (при внесении в данную норму изменений) срок задержания продлевается судом до 72 часов, в течение которых осуществляется судебное разбирательство. Например, в Германии срок расследования и судебного разбирательства такого уголовного дела составляет сутки, а в Италии – двое суток с возможным назначением наказания до 5 лет лишения свободы. Решение изложенных проблем способно обеспечить расследование в форме сокращенного дознания и их последующее судебное разбирательство за год порядка 150-200 тыс. преступлений (в 1995-1996 г. ежегодно направлялось в суд порядка 250-300 тыс. материалов по протокольной форме досудебной подготовке). Актуальность введения протокольной формы расследования обусловлена также и необходимостью обеспечения реализации осуществляемых Российской Федерацией законодательных мер по гуманизации уголовного законодательства, в том числе при возвращении в российское законодательство уголовного проступка.

Назрела необходимость реформирования и института возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло на протяжении последних 15-ти лет двукратное (с 3,3 млн. в 2006 г. до 1,7 млн. в 2020 г.) снижение количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн. (с 4,5 млн. в 2006 г. до 6,8 млн. в 2015 г.) количества «отказных» материалов при незначительном снижении числа зарегистрированных сообщений о преступлениях [4; с. 74-78], чем фактически ограничивается предусмотренное ст. 52 Конституции РФ право граждан на доступ к правосудию и возмещению причиненного им совершенным преступлением ущерба.

Исключение ст. ст. 146 и 148 УПК РФ обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда РФ [14] и позиции Верховного Суда РФ [7; с. 20-22] судебной практикой возбуждения в рамках расследуемого уголовного дела самостоятельного дела по каждому вновь выявленному факту совершенного преступления или в отношении вновь выявленного соучастника преступления, что противоречит ранее принятым решениям данных судебных органов, а также многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 60 лет норме о возбуждении уголовного дела.

Указанные и ряд других предложений по совершенствованию уголовно – процессуального законодательства не ставят перед собой задачу разработки нового УПК, а заключаются в формировании правовых положений современного закона, призванных реально отразить произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни государства и российского общества изменения, чему препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов. Дело за российским законодателем.

Список литературы

1. Александров, А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России / А.С. Александров // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5(5). С. 7-10.
2. Божьев, В.П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика / В.П. Божьев, Б.Я. Гаврилов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74-82.
3. Гаврилов, Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 22-28.
4. Божьев, В.П. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России / В.П. Божьев, Б.Я. Гаврилов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 74-78.
5. Гаврилов, Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? / Б.Я. Гаврилов // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 98-102.
6. Гаврилов, Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика / Б.Я. Гаврилов // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2019 г. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 65-73.
7. Кожокар, В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ / В.В. Кожокар // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 20-22.
8. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ // Собрание законодательств Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4924.
9. О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федеральный закон от 29.12.2001 г. № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 53. Ст. 5019.
10. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.
11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87 – ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 24. Ст. 28-30.
12. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 г. №23-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2013. №. 9. С. 875.
13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение

судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 343-О [Электронный ресурс]. <http://sudbiblioteka.ru/ks>.

15. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.03.2002 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Мартынова и С.В. Пустовалов» // СПС КонсультантПлюс.

16. Приговор Богородицкого районного суда Тульской области № 1-1/2016 1-124/2015 от 18 января 2016 г. по делу № 1-1/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

17. Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. М.: Норма, 2000.

18. Уголовное судопроизводство: революция продолжается / В.Т. Томин. Горький: ГВШ МВД СССР, 1989. 112 с.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ДОВЕРИТЕЛЕМ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Гармаев Юрий Петрович

докт. юрид. наук, профессор

Бурятский государственный университет,

г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: garmaeff1@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена малоисследованная в юридических науках проблема выбора доверителем адвоката в уголовном процессе. Проблема должна решаться на междисциплинарном уровне, с привлечением ряда наук, учебных дисциплин: криминалистика, адвокатская деятельность и адвокатура, уголовный процесс и другие.

Ключевые слова: как выбрать адвоката, защита прав доверителя, криминалистика, адвокатская деятельность и адвокатура, уголовный процесс.

THE PROBLEM OF A CLIENT'S CHOICE OF A LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THEORY, PRACTICE, LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION

Garmaev Yury Petrovich
doctor of law, professor
Buryat state university,
Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: garmaeff1@mail.ru

Abstract: *The article deals with the problem of the client's choice of an attorney in criminal proceedings, which is little studied in legal sciences. The problem should be solved at an interdisciplinary level, with the involvement of a number of sciences, academic disciplines: criminology, advocacy and advocacy, criminal procedure and others.*

Keywords: *How to choose a lawyer, protection of the client's rights, forensics, advocacy and advocacy, criminal procedure.*

В научной юридической литературе мы не увидим теоретических или прикладных исследований, крупных печатных изданий на тему: «Как выбрать адвоката по уголовному делу» или «Критерии выбора доверителем адвоката-защитника» (исключение составляет следующая книга [7]).

В учебниках и пособиях по предмету «Адвокатура», «Адвокатская деятельность» также нет соответствующих разделов, глав или даже параграфов.

Однако множество кратких рекомендаций типа: «Как выбрать адвоката...» или «Куда обращаться за юридической помощью...» представлено в электронном виде на многих сайтах известных и авторитетных адвокатов и адвокатских образований, юридических фирм, правозащитных организаций и т. д. [1, 3, 5]. Есть весьма полезные видео инструкции по этой теме [4, 9].

Однако все эти полезные разработки имеют, скажем так, свои особенности. Прежде всего, они предлагаются самими адвокатами – членами профессионального сообщества или юристами-представителями. Отсюда некоторые нюансы. Заинтересованность в увеличении числа доверителей, а также достаточно жесткие требования профессиональной этики адвоката [6, 10] не позволяют адвокатам подробно описывать, например, некоторые скрытые стороны профессиональной защиты. А знание таковых очень важно для граждан – потенциальных доверителей. Например:

- что делать доверителю, если с первым адвокатом не повезло (оказался непрофессионалом)? Как без лишних проблем и финансовых потерь заключить соглашение с другим представителем профессионального сообщества?

- как привлечь недобросовестного адвоката к юридической ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей? Стоит ли это делать, и если да, то в каких случаях?

По нашему глубокому убеждению, *большинство адвокатов – честные и порядочные профессионалы, все свои силы отдающие высоким целям адвокатской деятельности и не допускающие в своей работе каких-либо правонарушений и неэтичных поступков.* В то же время нельзя не отметить весьма опасные тенденции в адвокатском сообществе. Ведущие адвокаты страны признают: «Беды адвокатуры не только вовне – они и внутри нее» [8; с. 167].

Таким образом, добросовестным представителям адвокатского сообщества сложно, почти невозможно размещать на сайтах и в блогах, например, сведения об адвокатах, предающих интересы клиента, «коррупцированных» адвокатах и т. п.

Кроме того, среди Интернет-публикаций профессиональных защитников, видимо, в силу указанных причин (необходимость привлечь, а не отпугнуть клиентов, профессиональная этика) не удалось найти рекомендаций о том, что, вероятно:

- нужно не только правильно выбрать адвоката, но и контролировать, стимулировать его работу законными, эффективными и этически допустимыми средствами;

- помимо адвоката-защитника по любому делу желательна помощь опытного юриста-консультанта, при этом не адвоката. Лучше всего и с тем, и с другим познакомиться и общаться задолго до того, как будет возбуждено уголовное дело;

- если это возможно (что бывает далеко не всегда, но часто), нужно ориентировать адвоката на то, чтобы уголовное дело даже не возбуждалось или хотя бы было прекращено на следствии и не «дошло до суда (представлены некоторые небесспорные суждения из следующей книги в соавторстве [2]).

Предлагаемое к развитию научно-прикладное направление, которое можно поименовать как «Рекомендации по выбору доверителем адвоката и взаимодействию с ним в уголовном (ином) судопроизводстве» представляется безусловно актуальным для самого широкого круга граждан, а также для ряда юридических наук и учебных дисциплин.

Это научно-прикладное направление необходимо развивать и оно, безусловно, имеет междисциплинарный характер. Вот лишь краткий перечень юридических наук и их разделов, учебных дисциплин, где было бы полезно разрабатывать положения и рекомендации по выбору адвоката и взаимодействию с ним:

- 1) Криминалистика, в 3-х разделах: криминалистическая техника, тактика и методика;

- 2) Адвокатская деятельность (по всему курсу);

- 3) Уголовный процесс, в разделах учебного курса «Участники уголовного судопроизводства» и ряде других.

На семинарских занятиях можно проводить деловые игры с заданиями по типу: «Как выбрать адвоката», например:

- в типовой ситуации (неожиданного задержания и ареста, вызова для допроса в качестве подозреваемого, для «беседы» в рамках доследственной проверки или оперативно-розыскной деятельности и т.п.);

- по определенному типу уголовных дел: о коррупционных и должностных преступлениях, налоговых, против личности и т.п.

На этих занятиях в качестве дополнительной литературы можно предлагать указанное в сноске издание, а также иные, например, посвященные методике расследования определенных видов и групп преступлений. В заданном контексте сочетание рекомендаций по расследованию с задачей надлежащей защиты прав и законных интересов граждан обеспечит адекватное понимание обучающимися принципа состязательности судопроизводства, будет препятствовать развитию у них в дальнейшем обвинительного или оправдательного уклона.

Список литературы

1. Выбираем адвоката: несколько простых правил [Электронный ресурс]. URL: <https://pravorub.ru/articles/1491.html>.

2. Как выбрать адвоката / Ю. П. Гармаев, О. В. Викулов, В. В. Савцов [и др.]; под общ. ред. Ю. П. Гармаева. Кн. 1. Основы выбора адвоката в уголовном процессе. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. 120 с.

3. Как найти надежного грамотного адвоката и не потерять при этом время и деньги? [Электронный ресурс]. URL: <https://topurist.ru/article/53511-kak-nayti-nadezhnogo-gramotnogo-advokata-i-ne-poteryat-pri-etom-vremya-i-dengi.html>.

4. Как правильно выбрать адвоката. Олег Сухов. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/1718-E69t0A>.

5. Как правильно выбрать юриста [Электронный ресурс]. URL: <http://cpk42.com/kak-pravilno-vybrat-iurista/>.

6. Кодекс профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=217073&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.13468811596331687#043473513282492093>.

7. Куприянов, А.А. Эффект защитника: как выбрать адвоката и как с ним победить: руководство для клиентов / А.А. Куприянов, Ф.А. Куприянов, Е.Р. Куприянова. Москва: IRISBOOK, 2014. 255 с.

8. Резник, Г.М. Спасите адвокатуру / Г.М. Резник // Рассказывают адвокаты. М.: Изд-во ИГиП РАН, 2000. 272 с.

9. Советы адвоката: Как выбрать адвоката? Александр Добровинский [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/wsCyR216Lsc>.

10. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/fparf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/>.

УДК 343.1

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ
ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ГАРАНТИЯ
СОБЛЮЖДЕНИЯ ИХ ПРАВ В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Давыдов Сергей Иванович

доктор юрид. наук, доцент

Алтайский государственный университет,

г. Барнаул, Россия

email: davidov_ord@mail.ru

***Аннотация:** В статье рассмотрены формы, правовые основы взаимодействия следователя с сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. На конкретных примерах показано значение такого взаимодействия в установлении причастности несовершеннолетних к совершению преступлений, добыванию информации по уголовным делам, имеющей доказательственное значение. Полученная следователем из подразделений по делам несовершеннолетних информация обеспечивает соблюдение процессуальных прав несовершеннолетних, способствует принятию справедливых судебных решений.*

***Ключевые слова:** взаимодействие, подразделения по делам несовершеннолетних, расследование, права несовершеннолетних.*

**INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH UNIVERSAL
UNITS FOR MINORS AS A GUARANTEE OF THE OBSERVANCE
OF THEIR RIGHTS IN THE PROCESS
OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES**

Davidov Sergey Ivanovich

doctor of law, associate professor

Altai state university,

Barnaul, Russia

email: davidov_ord@mail.ru

***Abstract:** The article examines the forms, legal foundations of interaction between the investigator and the employees of the juvenile departments of the internal affairs bodies. Specific examples show the importance of such interaction in establishing the involvement of minors in the commission of crimes, obtaining information on criminal cases that has evidentiary value. The information received by the investigator from the juvenile affairs units ensures the observance of the procedural rights of minors, contributes to the adoption of fair court decisions.*

***Keywords:** interaction, juvenile affairs units, investigation, juvenile rights.*

Применительно к тематике данной статьи целесообразно использовать следующее определение взаимодействия при расследовании преступлений – это «согласованная деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование (следователя или дознавателя), оперативно-разыскных (оперуполномоченных УР и БЭП) подразделений, которая основывается на едином мнении о путях достижения целей уголовного судопроизводства, руководящей роли лица, в производстве которого находится уголовное дело, и при наличии относительной самостоятельности каждого из участников деятельности в выборе средств и методов в соответствии с компетенцией, предоставленной ему законом и ведомственными нормативными актами» [2].

Как показывает оперативно-следственная практика успех в работе по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними, не может быть достигнут без взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками и подразделениями по делам несовершеннолетних (далее - ПДН), состоящих в структуре органов внутренних дел (далее - ОВД). Актуальность взаимодействия следователя с ПДН обусловлена не только психологическими особенностями личности несовершеннолетнего, которые надо учитывать при производстве следственных действий, но и необходимостью соблюдения его прав как участника уголовного судопроизводства.

Отметим, что вопросы организации взаимодействия следователя и ПДН в процессе работы по уголовным делам помимо законодательного, ведомственного уровня регламентируются и нормативными актами правоохранительных органов субъектов Российской Федерации. Например, в Главном управлении МВД России по Алтайскому краю издан приказ от 28 февраля 2015 года № 96 «О взаимодействии сотрудников органов внутренних дел Алтайского края в раскрытии и расследовании преступлений». В нем содержатся положения, раскрывающие порядок взаимодействия всех участников раскрытия и расследования преступлений на стадии возбуждения уголовного дела с момента получения сообщения о преступлении и на первоначальном этапе его расследования.

В Алтайском крае действует и межведомственный приказ следственного управления Следственного комитета России по Алтайскому краю и ГУ МВД России по Алтайскому краю от 16 мая 2013 года № 216 -58пр/229, который регламентирует вопросы взаимодействия следственных подразделений и подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов внутренних дел Алтайского края по вопросам предупреждения, раскрытия и расследования преступлений несовершеннолетних [1]. В соответствии с указанным приказом организуется обмен информацией между следователями следственных отделов следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю и подразделениями по делам несовершеннолетних территориальных ОВД Алтайского края по вопросам предупреждения, раскрытия и расследования преступлений несовершеннолетних.

Основной организационной формой взаимодействия является следственно-оперативная группа. Сотрудник ПДН является обязательным участником следственно-оперативной группы в случае, если есть основания полагать, что преступление совершено несовершеннолетним. На месте происшествия он вы-

полняет устные поручения следователя, направленные на установление лица, совершившего преступление и сбор доказательственной информации.

Необходимо отметить, что нормативными актами детально регламентируются действия, которые должны предприниматься при доставлении несовершеннолетнего в ОВД. В частности, оперативный дежурный:

- немедленно уведомляет об этом родителей либо законных представителей несовершеннолетнего;

- передает несовершеннолетнего для осуществления разбирательства в установленном порядке следователю или сотруднику оперативного подразделения;

- при доставлении несовершеннолетнего в ОВД и отсутствии оперуполномоченного или следователя, сотрудник ПДН, при совершении несовершеннолетним преступления, сам проводит неотложные следственные и другие действия;

- по окончании разбирательства оперативный дежурный передает несовершеннолетнего родителям, законным представителям либо должностным лицам образовательных, учебно-воспитательных учреждений, специализированных учреждений для несовершеннолетних.

Таким образом, уже на первоначальном этапе работы с несовершеннолетним обеспечивается защита его прав.

Итогом взаимодействия следователя и сотрудника ПДН на стадии возбуждения уголовного дела является принятие следователем в соответствии с УПК РФ одного из следующих решений: о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела; о передаче заявления или сообщения по подследственности или подсудности.

В случае возбуждения уголовного дела по фактам преступных действий несовершеннолетних в ходе проведения первоначальных следственных действий задачей взаимодействия следователя и сотрудника ПДН является, прежде всего, установление личности несовершеннолетнего, причастного к совершению преступления, степени его участия в преступных действиях и сбор характеризующей его информации. Эту задачу позволяет решить наличие профилактических учетов в ПДН, постоянное наблюдение и контроль за подростками со стороны сотрудников указанных подразделений, сбор ими информации о несовершеннолетних, имеющей значение для расследования уголовного дела.

Полученную в результате взаимодействия с ПДН информацию следователь может использовать в дальнейшем при проведении следственных действий по уголовному делу (например, выбор педагога для участия в допросе, избрание меры пресечения). Информация о личности несовершеннолетнего будет способствовать и формированию окончательных выводов следователя о реальной роли несовершеннолетнего в подготовке, совершении, сокрытии преступления.

В дальнейшем участие сотрудника ПДН в расследовании уголовного дела, где фигурантом является несовершеннолетний, осуществляется в форме содействия следователю. Виды такого содействия законодательно не закреплены, но на практике они достаточно распространены. Например, участие сотрудника

ПДН в подготовке и проведении следственных действий с участием несовершеннолетнего. При опросе 37% следователей показали, что привлекали сотрудников ПДН к сопровождению обвиняемого несовершеннолетнего на место проведения следственного действия, 23% следователей проводили допросы несовершеннолетних с участием сотрудников ПДН. В 14% случаев они привлекались к проведению обысков. Так, по уголовному делу о краже, совершенной несовершеннолетними в г. Барнауле, следователь привлек к производству обыска двух сотрудников ПДН, их участие способствовало обнаружению орудий преступления, которые использовались при его совершении [3].

Для выбора следователем тактики следственного действия, проводимого в отношении несовершеннолетнего, также полезно обращаться к сотрудникам ПДН, располагающим информацией о своих подучетных. Так, в ходе расследования уголовного дела по факту квартирной кражи, допрошенный в качестве свидетеля сотрудник ПДН рассказал следователю об особенностях личности несовершеннолетнего обвиняемого, содержащегося под стражей, что позволило при допросе избрать верную линию поведения, вследствие чего допрашиваемый дал правдивые показания [4].

В ряде случаев сотрудники ПДН сами активно работают по раскрытию преступлений и добывают информацию, которая впоследствии может быть положена в основу доказательств. Более 52% опрошенных сотрудников ПДН пояснили, что перед ними руководители ставят задачу по участию в раскрытии преступлений и они достаточно много времени этому уделяют. Так, работая по факту совершенной кражи с садового участка в пригороде г. Барнаула, сотрудник ПДН по итогам работы по преступлению в своем рапорте, составленном на имя начальника следственного подразделения, сообщил о месте нахождения похищенного имущества - садовый участок на другом конце этого же садоводства [5].

Взаимодействия следователя и сотрудников ПДН в рамках расследования уголовного дела в отношении несовершеннолетнего не всегда направлено на доказывание его вины. По ряду дел требуется совместная работа по сбору материалов для суда о помещении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, для принятия решений о медицинском освидетельствовании несовершеннолетнего.

При расследовании уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, целесообразно допрашивать в качестве свидетеля по делу сотрудника ПДН, который осуществлял в отношении него профилактический контроль. При рассмотрении дела в суде сотрудник ПДН, как участник разбирательства, может представить всестороннюю и объективную информацию о несовершеннолетнем, что будет способствовать вынесению справедливого судебного решения.

Список литературы

1. О порядке взаимодействия следственных отделов следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю и подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов внутренних дел Алтайского края по вопросам предупреждения, раскрытия и

расследования преступлений несовершеннолетних: приказ следственного управления Следственного комитета Российской Федерации и Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю от 16 мая 2013 года № 216-58пр/229 // СПС КонсультантПлюс.

2. Федоткин, М.А. Взаимодействие органов предварительного следствия и дознания / М.А. Федоткин // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1996. № 8. С. 94-96.

3. Уголовное дело № 144187 // Отдел по расследованию преступлений, совершенных на территории, обслуживаемой отделами полиции № 1 СУ УМВД России по г. Барнаулу, 2019 г.

4. Уголовное дело № 161226 // Отдел по расследованию преступлений, совершенных на территории, обслуживаемой отделами полиции № 2 СУ УМВД России по г. Барнаулу, 2019 г.

5. Уголовное дело № 110057 // Следственная часть Следственного управления УМВД России по г. Барнаулу, 2018 г.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВОМ НЕРАВЕНСТВЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Девяткин Генрих Сергеевич

канд. юрид. наук

Московский институт электронной техники,

г. Москва, Россия

email: devyatkins@gmail.com

***Аннотация:** Серьезный рост киберпреступлений усложняет привычную жизнь для многих граждан. Нередко потерпевшие по уголовному делу находятся в разных субъектах России или в других странах, что создает определенные сложности в расследовании. Уголовно-процессуальное законодательство крайне фрагментарно предусматривает проведение следственных действий с применением высоких технологий. Формирование безбарьерного цифрового доступа для уголовно-правовой защиты включает в себя не только наличие необходимого технического оборудования, но и законодательную инфраструктуру. У многих граждан нет доступа к смартфону, компьютеру, сети «Интернет». В ряде случаев обладание техническим устройством не означает наличие навыков по его использованию. Цифровое неравенство в уголовном судопроизводстве еще не наступило, но несет в себе серьезную угрозу для общества.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, равный доступ, высокие технологии, цифровое неравенство, технология «блокчейн», следственные действия.*

SOME ISSUES OF DIGITAL INEQUALITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Devyatkin Genrikh Sergeevich

candidate of legal sciences

MIET,

Moscow, Russia

email: devyatkins@gmail.com

Abstract: *The serious growth of cybercrime complicates the usual life for many citizens. Often, the victims of a criminal case are located in different regions of Russia or in other countries, which creates certain difficulties in the investigation. The criminal procedure legislation is extremely fragmentary and provides for the conduct of investigative actions with the use of high technologies. The formation of barrier-free digital access for criminal legal protection includes not only the availability of the necessary technical equipment, but also the legislative infrastructure. Many citizens do not have access to a smartphone, computer, or the Internet. In some cases, the possession of a technical device does not mean that you have the skills to use it. Digital inequality in criminal justice has not yet arrived, but it poses a serious threat to society.*

Keywords: *criminal proceedings, equal access, high technologies, digital inequality, blockchain technology, investigative actions.*

По оценкам правоохранительных органов за последние семь лет количество киберпреступлений возросло в двадцать раз [1]. Уличная преступность сокращается, меняются способы совершения преступлений, что требует новых подходов в проведении следственных действий, поиске доказательств, привлечении виновных лиц к уголовной ответственности. Под киберпреступлениями следует понимать «криминалистически схожие уголовно-наказуемые деяния, выделенные в одну группу на основании способа их совершения, а именно с использованием высоких технологий» [2].

Современное состояние уголовно-процессуального законодательства не позволяет полноценно применять высокие технологии при проведении следственных действий. Например, статья 278.1. УПК РФ допускает провести допрос свидетеля в суде путем использования систем видеоконференцсвязи. В случае с остальными участниками уголовного судопроизводства, УПК РФ такую возможность не допускает [3]. Вместе с тем, распространение систем видеоконференцсвязи в целом на все стадии предварительного расследования позволило бы эффективнее и оперативно проводить, например, допрос потерпевшего, находящегося на значительном расстоянии от должностного лица, уполномоченного провести его допрос.

Следует отметить попытки законодателя устранить данный пробел путем внесения на рассмотрение законопроекта № 434998-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о допросе свидетеля следователем посредством видеоконференцсвязи), который позволил бы произ-

водить допрос свидетеля с помощью систем видеоконференцсвязи [4]. Однако он был отозван после нескольких этапов обсуждения. Из анализа данного законопроекта необходимо сделать вывод об отсутствии проработанной инфраструктуры под проведение следственных действий.

С учетом направленных изменений, предлагалось производить допрос свидетеля в присутствии фактически двух следователей, один из которых находился бы физически в том же помещении, что и свидетель, а другой следователь уже непосредственно производил допрос. При этом роль первого следователя сводилась бы к составлению протокола следственного действия и получению подписи от свидетеля, после чего документ должен был направляться следователю, в чьем производстве находится уголовное дело.

Как быть, если потерпевших по делу десятки и находятся они во разных субъектах России или в других странах? Например, при совершении киберпреступлений, связанных с различными составами мошенничества или созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ (ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации). В ряде случаев, потерпевший не имеет возможности въехать на территорию России либо серьезно ограничен в своих перемещениях по состоянию здоровья.

Проведение «дистанционного допроса» участника уголовного судопроизводства, который находится у себя дома процессуально не допускается. Для этого ему необходимо явиться в зал суда того субъекта, где он находится для подключения путем видеоконференцсвязи к суду, в чьем производстве находится уголовное дело. Однако с учетом быстрого распространения высоких технологий, внедрения и использования Big Data (больших данных), а также уже сложившейся практике проведения судебных заседаний «он-лайн» в арбитражных судах и судах общей юрисдикции по гражданским делам, следует уверенно сказать об изменениях в процедуре проведения допросов и иных следственных действий в ближайшие 3-5 лет. Пронизывание технологиями уголовного судопроизводства традиционно происходит после их внедрения в арбитражный процесс. Технологически сейчас не составляет проблем следователю и свидетелю подключиться, используя смартфон или компьютер, к «прямому эфиру» и произвести допрос. Безусловно, потребуется как-то «поставить» подпись свидетеля в протоколе, если он фактически находится за сотни или тысячи километров, однако использование электронной цифровой подписи решило бы эту проблему [5].

С одной стороны, распространение сети «Интернет», смартфонов, компьютеров, программного обеспечения создает благоприятные условия для получения защиты от государства каждому гражданину, который стал жертвой преступления. С другой стороны, многие граждане не имеют компьютера, а цена доступа в сеть «Интернет» для проведения «дистанционного допроса» в некоторых случаях может достигать несколько десятков тысяч рублей. Уже сейчас происходит «цифровой» разрыв между различными категориями граждан. Отсутствие смартфона не позволяет использовать QR-код, внедряемый в различные государственные сервисы. Электронная цифровая подпись позволяет дистанционно получать различные услуги в Федеральной налоговой службе,

создать юридическое лицо, верифицировать иски, подаваемые удаленно.

Еще в 2010 году в результате принятия Федерального закона от 27 июля 2010 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» в российском процессуальном законодательстве появились нормы, регулирующие электронное арбитражное судопроизводство. Система «Электронное правосудие» позволяет через сеть «Интернет» выполнять большинство задач, связанных с подачей документов в суд, обработкой и движением документов в суде, опубликованием судебных решений и информации о ходе рассмотрения дела, информированием участников судебного процесса обо всех событиях по делу и многие другие задачи. С одной стороны, государством созданы условия для дистанционного участия в рассмотрении дел. С другой стороны, отсутствие сети «Интернет», смартфона или компьютера, а также электронной цифровой подписи ограничивает возможности получения удаленного доступа к судебной защите.

Транслирование данного механизма в уголовное судопроизводство пока не произошло. На всех его стадиях от лица, участвующего в деле, не требуется наличие сети «Интернет», смартфона или другого технического устройства. Соответственно, цифровое неравенство при участии в уголовном судопроизводстве, в отличие от арбитражного процесса, еще не наступило. Процедура возбуждения, расследования уголовного дела производится без занесения его материалов в информационную систему, доступную участникам.

Технология «блокчейн» позволит серьезно продвинуться вперед в вопросах безопасного хранения уголовного дела с одновременным его удаленным предоставлением лицам, участвующим в нем [6]. При отсутствии подготовленной для общества технической инфраструктуры в виде специальных государственных информационных центров, возникнет цифровое неравенство. Многофункциональные центры предоставления услуг, существующие сейчас, позволяют сократить разрыв в цифровом неравенстве граждан, получающих государственные сервисы.

Помимо цифрового неравенства граждан, которое безусловно будет возрастать при внедрении высоких технологий в уголовное судопроизводство, возникнет проблема обучения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Размещение материалов уголовного дела и создание цифровой картотеки в системе «блокчейн» потребует от следователя навыков в криптографии, защиты информации и программирования. В этой связи цифровое неравенство при цифровой трансформации уголовного судопроизводства затронет всех его участников. Уже сейчас при расследовании и рассмотрении в суде некоторых киберпреступлений, привлекаемый к делу специалист вынужден трансформировать на понятный язык объективную сторону совершаемого преступления, что не всегда удается.

Совершенно точно, рост киберпреступности будет способствовать переходу на «цифровые рельсы» процедуры рассмотрения уголовных дел. Категории граждан, не способных в силу возраста, наличия проблем со здоровьем, осваивать технологии, позволяющие дистанционно получить уголовно-правовую защиту, находятся в основной группе риска по переходу в цифровое неравенство. Создание равных условий доступа для уголовно-правовой защиты граждан является одной из основополагающих задач государства. С развитием высоких технологий неизбежно повышаются риски для лиц, у которых отсутствует доступ к техническим устройствам, к сети «Интернет», а также по различным причинам не владеющих навыками работы с компьютером, смартфоном или программным обеспечением.

Список литературы

- 1 Уровень киберпреступности в России за семь лет вырос в 20 раз / ТАСС. [Электронный ресурс]. URL : <https://tass.ru/obschestvo/10465313> (дата обращения 05 июня 2021 года).
2. Бертовский, Л.В. Понятие киберпреступлений / Л.В. Бертовский // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. № 4 (30). 2020. С. 46.
3. Архипова, Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Архипова. М., 2013. 198 с.
4. Законопроект № 434998-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о допросе свидетеля следователем посредством видеоконференцсвязи) [Электронный ресурс]. RL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7> (дата обращения 05 июня 2021 года).
5. Луценко, П.А. Электронные доказательства в уголовном процессе / П.А. Луценко, Д.О. Спесивцев // Цифровые технологии в юриспруденции: генезис и перспективы: материалы I Международной межвузовской научно-практической конференции (28 февраля 2020 г., Москва). НИУ МИЭТ, Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2020. С. 100-103.
6. Бертовский, Л.В. Перспективы применения технологии «блокчейн» в уголовном судопроизводстве / Л.В. Бертовский, Г.С. Девяткин // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сб. мат. XXIV междунар. научн.-практич. конф. Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. С. 115-118.

Дубербаев Даурен Муратович

магистрант 1 курса «Судебная экспертиза»,

Сембекова Бакиткул Рактаевна

канд. юрид. наук, профессор

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Р. Казахстан

email: Duberbaev_Dauren@mail.ru

***Аннотация:** В статье проведен краткий сравнительный анализ отечественного законодательства и некоторых европейских стран. Определены проблемы использования геномной информации, включая этическую и правовую стороны, требующие дальнейшего проведения дополнительных научных исследований. Рассматривается вопрос об эффективности ДНК-анализа, исследованный применительно к системам криминалистической ДНК-регистрации.*

***Ключевые слова:** ДНК-анализ, база данных ДНК, профиль ДНК, расследование, преступление, геномная регистрация, молекулярно-генетическая экспертиза.*

THE USE OF DNA IN CRIME INVESTIGATION

Duberbayev Dauren Muratovich

1st year master student

Sembekova Bakitkul Raktaevna

candidate of juridical sciences, professor

L.N. Gumilyov Eurasian national university

Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

email: Duberbaev_Dauren@mail.ru

***Annotation:** The article provides a brief comparative analysis of domestic legislation and some European countries. The issues of the ethical and legal side of the use of genomic information are identified, requiring further research. The article deals with the problem of the efficiency of DNA analysis, studied in relation to systems of forensic DNA registration.*

***Keywords:** DNA analysis, DNA database, DNA profile, investigation, crime, genomic registration, forensic DNA testing.*

Начиная с XIX века задача поиска в раскрытии преступления и идентификации преступников была поставлена на научную основу. Научными исследователями был разработан метод опознания и идентификации преступников по отпечаткам пальцев. Для того, чтобы использовать метод в судебной практике, нужно было доказать, что отпечатки пальцев индивидуальны и у разных людей не совпадают между собой, кроме того, имеют уникальные особенности

папиллярных узоров и не изменятся в течении всей жизни человека.

Научное обоснование для использования отпечатков пальцев в криминалистике предоставил сэр Френсис Гальтон, проанализировав большое количество отпечатков пальцев, полученных от многих добровольцев, и с помощью математических расчетов показал, что совпадение отпечатков у разных людей невозможно. Именно Гальтону принадлежит заслуга введения криминалистической дактилоскопии как метода регистрации подозреваемых и преступников.

С начала XX века в ряде государств была введена систематическая дактилоскопическая регистрация полученных данных преступников, а к окончанию века внедрение компьютерных технологии позволило ее автоматизировать. Автоматизированная компьютерная обработка позволила провести с высокой скоростью сравнение отпечатков пальцев с места преступления с десятками миллионов дактилокарт в криминалистических баз данных.

В дальнейшем, на помощь криминалистике пришла молекулярная биология и генетика. Изучение генетических различий между людьми показало, что каждого человека можно идентифицировать по индивидуальным особенностям и признакам его ДНК, а выделить и успешно исследовать эту ДНК можно практически из любых биологических материалов, тканей и биожидкостей организма человека, содержащих хотя бы несколько клеток индивида.

По аналогии с отпечатками пальцев новый метод идентификации личности назвали ДНК-дактилоскопией. Открытие в 1984 году, лежащее в основе метода, было сделано английским генетиком Алемом Джеффрисом (Университет Лестера, Великобритания). Он показал, что ДНК каждого человека (кроме однояйцевых близнецов) обладает индивидуальными специфичными признаками, которые неизменны на протяжении жизни человека и легко определить при лабораторном анализе [1]. Впервые метод ДНК-идентификации был применен в Великобритании в 1987 году при расследовании убийств и изнасиловании двух молодых девушек, совершенных в 1983 и 1986 годах [2]. Новые методы позволили не только установить серийный характер преступлений и идентифицировать личность преступника, но и исключить причастность к ним лиц, проходящих по следствию. Более того, данное уголовное дело является и первым в мире, где молекулярно-генетические методы способствовали реабилитации невиновного человека, ранее признавшегося в совершении одного из убийств. С тех пор молекулярно-генетические методы использования ДНК, способствовали их быстрому вовлечению в уголовный процесс и отвели им роль основного инструмента для правоохранительных органов в доказывании при расследовании тяжких и особо тяжких насильственных преступлений, а также для правозащитников в установлении судебных ошибок по ранее вынесенным приговорам [3].

Продолжающиеся разработки технологий в сфере биологических исследований нашли прикладное значение и в области систем криминалистических учетов. В Великобритании, а затем и в других странах, были созданы национальные базы данных для хранения информации о ДНК профилях. Сбор образцов на месте преступления для анализа ДНК стал важнейшей процедурой в криминалистике. Одной из форм использования геномной информации в практике уголовного расследования является применение баз данных ДНК.

С момента внедрения в практику методы молекулярно-генетического анализа постоянно совершенствовались и на их основе, начиная с середины 1990-х годов, в Европе после принятия соответствующих нормативных правовых актов формировались первые системы учета, хранения, обработки и обмена геномной информации (Великобритания в 1995 г., Новая Зеландия в 1997 г., Германия в 1998 г. и другие) [4]. К настоящему времени они стали одними из надёжных инструментов в вопросах эффективного использования ДНК при расследовании преступлений и идентификации личности. Возможность применения ДНК-технологий применительно к лицам, пропавшим без вести, признана в международных правовых документах Совета по правам человека Генеральной ассамблеи ООН (резолюция 7/28) [5].

Одним из показателей, позволяющим оценить эффективность базы данных, является количество расследованных с ее помощью преступлений. Такой показатель бытует в статистике ФБР США, представленной на официальном вебсайте этой организации [6]. Согласно размещенной там информации, использование национальной базы данных CODIS (Combined DNA Index System) помогло в расследовании уже более 325 тыс. преступлений.

Достигнутый уровень эффективности стал возможным благодаря аккумулярованию в базе данных CODIS больших пополнений информации, поскольку только при больших объемах криминалистических баз данных они начинают работать в полную силу. На сегодняшний день CODIS содержит более 12 млн. профилей ДНК преступников (offender profiles), из них более 2,4 млн. профилей ДНК, задержанных (арестованных) лиц и более 733 тыс. профилей ДНК, полученных при исследовании следов, изъятых с мест преступлений, — всего более 15 млн. генетических профилей. С учетом того, что в США проживает более 325 млн. человек, 15 млн. из которых были подвергнуты ДНК-тестированию, охват ДНК-регистрацией составляет более 4,6% населения страны. Если количество положительных результатов запроса базы данных (совпадений) сопоставить с количеством преступлений, расследованных с ее помощью, можно увидеть, что эти результаты оказались важными для расследования в 95,9% случаев, т.е. почти каждое совпадение с базой данных помогло расследованию.

По данным исследований Интерпол (2019) количество стран, которые в период с 2008 по 2018 годы внедрили геномную регистрацию граждан на национальном уровне, возросло с 54 до 70. В планах еще как минимум 6 государств, среди которых Армения и Молдова, есть намерения внедрить подобные системы учета. В Узбекистане проект закона о геномной регистрации находится на стадии общественных обсуждений. В таблице 1 приведены данные о состоянии национальных баз некоторых стран-членов Интерпол (примечание: данные о массиве представлены для США и Великобритании на 2020 год, по остальным странам за 2018 год).

Сведения о национальных базах некоторых стран-членов Интерпол

Страна	Дата принятия нормативного документа, регулирующего базы данных ДНК	Дата введения базы данных ДНК	Общее количество образцов ДНК
Великобритания	1994	1995	7 011 908
Соединенные Штаты Америки	1994	1998	19 689 154
Нидерланды	1994	1998	328 732
Финляндия	1997	1999	193 575
Германия	1998	1998	1 213 331
Канада	1998	2000	535 236
Франция	1998	2001	4 247 382
Россия	2008	2009	734 373

Анализ данных, представленных в зарубежных источниках, показывают статистику Интерпола разных лет, что общий массив баз геномной информации стран мира в период с 2008 по 2016 год вырос более чем в 2 раза, с 16 448936 до 35 413 155 профилей. Национальные базы только 31 страны включают данные геномной информации в отношении без вести пропавших [7].

Исследования по Китаю показывают, что количество данных, содержащиеся в криминалистической базе ДНК, может достигать более 44 млн. образцов, что делает ее крупнейшей в мире. Кроме того, дополнительно более 23 млн. и 3 млн. образцов биологических материалов были получены у жителей Синьцзянского и Тибетского региона соответственно [8].

Политика некоторых стран Ближневосточного региона (Кувейт и Саудовская Аравия) до недавнего времени предполагала возможность ведения геномной регистрации всех граждан страны, а также всех иностранцев, въезжающих для трудоустройства.

При сравнении показателей массива данных по состоянию на 2016 и 2018 годы, отмечается наращивание темпов накопления геномной информации в Российской Федерации и Беларуси (таблица 2), что вероятно, обусловлено обработкой биологических материалов, накопившихся за прошлые годы, выделением должного финансирования программы, а также развитием межгосударственных программ сотрудничества в сфере регистрации геномной информации и расширения потенциала их использования как в отрасли противодействия преступности, так и в сфере медицины.

Динамика пополнения базы ДНК в России и Беларуси

Государство	Исследуемый период	
	2016	2018
Россия	440 723	734 373
Беларусь	210 441	336 408

Данные о текущем состоянии баз ДНК Украины, Грузии, Литвы и Латвии относятся только к 2016 году и до настоящего времени не актуализированы. Узбекистан, Кыргызстан находятся только в рассмотрении возможности введения таких систем учета. Проекты законов о геномной регистрации, рассматриваемые в РФ и Узбекистане, представляют интерес в отношении возможности совершенствования отечественного законодательства.

Кроме того, активное использование геномной информации в практике уголовного расследования и других аспектах деятельности общества интенсивно расширяется, странами реализуются проекты национальных баз данных ДНК. И Казахстан в этом плане не является исключением. Государственной политикой Республики Казахстан в области борьбы с преступностью определены основные направления деятельности правоохранительных органов. Особый интерес представляют средства и способы решения задач, которым и являются «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, профилактика правонарушений» [9]. В этой связи роль молекулярно-генетических методов приобретает все более существенное значение в стране, как и возрастающая потребность в анализе геномной информации. Принятие в 2016 году Закона Республики Казахстан №40-VI «О дактилоскопической и геномной регистрации» стало одним из средств практической реализации концепции, заложив тем самым правовую основу для создания отечественной системы базы данных ДНК.

Согласно положениям названного закона генотипированию подлежат лица, осуждённые за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст.ст. 120-124 Уголовного кодекса РК). Обязательной геномной регистрации также подлежат биологические материалы, изъятые на месте происшествия по вышеперечисленным категориям преступлений, а также неопознанные трупы. Генетические профили, полученных от биологических родственников без вести пропавших лиц, вносятся в базу данных при условии получения от них согласия [10].

Привести количественную оценку по субъектам, подлежащим геномной регистрации в РК, на основе данных отечественной уголовно-правовой литературы и статистики не представляется возможным, поскольку формы отчетности и содержащиеся сведения о статистике преступлений и следственной практики несовершенны либо недостаточны для всестороннего анализа. Известно, что с начала текущего года и по состоянию на декабрь 2019 года в Казахстане совершено 193.776 уголовных правонарушений [11], где на долю тяжких и особо

тяжких преступлений приходится 19.533 и 1.533 преступлений соответственно или 10,88% от общего числа совершенных уголовных правонарушений. Количество преступлений, предусмотренных статьями 120-124 УК РК, составило 1.557 фактов или 0,8% от общего числа совершенных в указанный период преступлений. Из анализа статистических данных по пенитенциарной системе Казахстана следует ожидать, что генотипированию могут быть подвергнута определенная доля образцов, которые могут быть получены у более чем 29 тыс. заключенных (по состоянию на август 2019 года количество заключенных составляет 29.609) [12].

Сравнительный анализ субъектов, подвергаемых геномной регистрации по законодательству некоторых европейских стран, проведенный по данным из открытых источников [13, 14], показал следующее: законодательство стран предполагает возможность увеличения числа лиц, которые могут быть внесены в базу данных ДНК с целью повышения эффективности её работы, которая напрямую зависит от количества содержащихся в ней генотипов. Между тем нынешняя редакция упомянутого закона Республики Казахстан не содержит какого-либо запрета по категориям преступлений, что позволяет вести геномную регистрацию по достаточно широкому кругу преступлений. Следовательно, пополнение массива базы данных ДНК непосредственно зависит числа лиц, вовлеченных в криминальную деятельность и от криминогенной ситуации в стране в целом. Аргументом, служащим в пользу необходимости накопления большего числа информации (на примере системы Великобритании) служит то, что лица, которые совершают незначительные преступления или считаются подозреваемыми, могут быть вовлечены в более серьезные преступления в будущем; определение сроков хранения геномной информации в базе данных ДНК в ряде стран имеет дифференцированный подход и варьирует в широких пределах. Казахской системой определены достаточно длительные сроки хранения геномной информации вне зависимости от вида наказания и возраста лица, совершившего преступления; в отличие от законодательства европейских стран Законом Республики Казахстан «О дактилоскопической и геномной регистрации» не предусмотрены нормы, регламентирующие порядок сбора, сроки хранения, обработку и уничтожение биологических образцов и геномной информации из образцов, полученных в ходе досудебного расследования от лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления и в отношении которых не были выдвинуты подозрение, обвинение. В то время согласно п. 2 ст. 23 данного Закона биологический материал, полученный у осужденных лиц, уничтожается сразу после извлечения из него геномной информации. Отсутствие указанных процедур поднимает этические и правовые вопросы касательно возможности использования правоохранительными и специальными органами полученных персональной информации и биологического материала вне связи с расследованием в отношении конкретного лица. Представляется сомнительной необходимость столь длительного хранения генотипа после смерти лица, подвергавшегося геномной регистрации, а также хранение в течение одного года геномной информации о лицах, в отношении которых был вынесен оправдательный приговор.

Использование геномной информации в целях «установления родственных отношений разыскиваемых и устанавливаемых лиц» (п.п.4 п.1. ст. 28 Закона Республики Казахстан) затрагивает этические проблемы и права, поскольку помимо установления кровного родства индивидов предполагает возможность осуществления поиска на основе данных родственных связей. Осуществление данной цели в рамках следственных действий должно быть в достаточной мере мотивировано, вероятно, быть согласовано с надзорным и иным независимым «курирующим» органом. Соответственно, необходима выработка четких критериев отбора генетических профилей, содержащиеся в базе, для включения их в соответствующие алгоритмы поиска, в том числе основанных на анализе родственных связей. В этой связи, целесообразно рассмотреть опыт Великобритании, где родственный поиск применяется в исключительных случаях, при этом запросы по необходимости применения данного метода должны быть одобрены Советом по стратегии Forensic Information Databases (FIND). Всего за 2018-2020 год были одобрены 33 запроса [15].

Казахстан находится только на начальных этапах реализации и внедрения систем геномной регистрации, что в свою очередь выражается в отсутствии достаточного объема накопленного массива генетической информации. Также следует ожидать низкую эффективность данного инструмента в первоначальный период функционирования. Цель, определенная Законом «О дактилоскопической и геномной регистрации» - установление или подтверждение личности, требует по своей сути вовлечения все большего числа генотипов, которые могут быть обеспечены лишь расширением круга субъектов, подлежащих геномной регистрации, для чего требуется соответствующие дополнения и изменения в нынешнюю редакцию Закона. Порядок использования сбора, накопления, хранения и уничтожения геномной информации и биологических образцов, изъятых в ходе досудебного расследования у лиц, впоследствии признанных непричастных к совершению преступления, не могут возлагаться на ведомственные нормативные документы в силу их подзаконного уровня. Внедрение систем, содержащих персональную информацию и допускающих их обмен с учетом современных возможностей ДНК- технологий, вызывает беспокойство общественности, а также у правозащитников и исследователей в странах, где уже функционируют национальные системы геномной регистрации и ощущается некоторое влияние на отдельные социальные процессы.

Все вышеназванное, на фоне снижения общей преступности в Казахстане, и внедрения параллельно всеобщей дактилоскопической регистрации, ставит вопрос противопоставления государственных интересов (а именно их преобладание) правовым и этическим аспектам и связанным с ними последствиям.

Таким образом, обязанность компетентных органов принимать меры правового, организационного и технического характера, направленные на защиту геномной информации и исключения несанкционированного доступа к ней, в том числе и применение механизмов обезличивания данной информации. Тем не менее, существующие опасения со стороны общества в связи с возможностью злоупотребления персональными данными, к числу которых относится геномная информация, в первую очередь заключена в критически низком

уровне доверия к работе правоохранительных органов. Более того, отсутствие достаточной гарантии со стороны государства по защите сведений и ответственности государственных институтов подтверждаются несколькими общеизвестными резонансными событиями, связанными с массовой утечкой персональных данных граждан из государственных учреждений. Исправление уязвимостей в системах защиты и хранения персональных данных в принципе не устраняют последствий утечки, которые могут носить отдаленный эффект.

В связи с этим, роль результатов молекулярно-генетических экспертиз в уголовном расследовании тяжких и особо тяжких насильственных преступлений значительна, а в отдельных случаях является одним из единственных источников доказательства. Потребность в применении специальных знаний в данной области возрастает применительно и к другим видам преступлений. Как показывает экспертная практика, возможности успешного исхода исследования вещественных доказательств, напрямую зависит от качества собираемых по делу материалов, соблюдении правил обращения с объектами и вещественными доказательствами на этапах их изъятия, упаковки и хранения. Теоретические аспекты более широкого применения возможностей судебной молекулярно-генетической экспертизы Казахстана, в том числе и применение геномной информации, содержащейся в базах данных ДНК, не исключаются. Требуется более полного понимания ее роли в расследовании уголовных дел и принятия со стороны правоохранительных органов и судов.

Список литературы

1. Alec J. Jeffreys, Victoria Wilson, SweeLay Thein. Hypervariable minisatellite regions in human DNA // Nature. 1985. v. 314. pp. 67-73.
2. Alec J. Jeffreys, John F. Y. Brookfield, Robert Semeonoff. «Positive identification of an immigration test-case using human DNA fingerprints» // Nature. 1985. v. 317. pp. 818-819.
3. Jessica McDonald, Donald C. Lehman // Forensic DNA analysis // Clinical Laboratory Science. 2012. V. 25. pp 109-110.
4. INTERPOL Global DNA Profiling Survey. Results and Analysis (2008) <http://www.dnaresource.com/documents/2008INTERPOLGLOBALDNASURVEYREPORTV2.pdf>.
5. Резолюция 7/28 Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН // Доклад Совета по правам человека о работе его седьмой сессии, 2008. С. 105.
6. В оригинале этот показатель представлен следующим образом: «CODIS's primary metric, the "Investigation Aided," tracks the number of criminal investigations where CODIS has added value to the investigative process». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fbi.gov/services/laboratory/biometricanalysis/codis/ndis-statistics>.
7. Официальный сайт Интерпол www.interpol.int.
8. James Leibold and Emile Dirks «Genomic surveillance: inside China's DNA dragnet» // The Australian Strategic Policy Institute. Policy Brief Report. 2020. № 34. web.version on www.aspistrategist.org.au.
9. Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года №858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до

2020 года» (с изменениями и дополнениями от 16.01.2014 г.) // Официальный сайт Президента РК - <http://www.akorda.kz>

10. Закон Республики Казахстан «О дактилоскопической и геномной регистрации» № 40-VI ЗРК, 30 декабря 2016 года (с изменениями от 11.07.2017 года) // ИПС НПА Республики Казахстан.

11. Интернет-портал «Карта уголовных правонарушений» <http://infopublic.pravstat.kz>.

12. Статистические данные TheWorldPrisonBrief. Общее количество заключенных (включая лиц, содержащихся под стражей) <https://www.prisonstudies.org/country/kazakhstan>.

13. N. Van Camp, et al., // National Forensic DNA Databases in the EU // European Ethical-Legal Papers. 2007. № 9. Leuven. pp. 46-53-76-83.

14. Santos et al. // Forensic DNA databases in European countries: is size linked to performance? // Life Sciences, Society and Policy. 2013. .9:12

15. National DNA Database Strategy Board Biennial Report 2018– 2020 // Home office. NPCC. September. 2020.

УДК 343.985

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В МЕТОДАХ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

Ерахтина Елена Александровна

канд. юрид. наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: 345nn@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена психологическим тактическим приемам допроса. В статье рассмотрены вопросы практики проведения когнитивного интервью в следственной работе.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, юридическая психология, допрос, когнитивное интервью, когнитивная психология

COGNITIVE PSYCHOLOGY IN THE METHODS OF INTERROGATION OF THE WITNESS

Erakhtina Elena Alexandrovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: 345nn@mail.ru

Abstract: This article is devoted to the psychological tactics of interrogation. The article discusses the issues of the practice of conducting cognitive interviews in investigative work.

Keywords: forensic tactics, legal psychology, interrogation, cognitive interview, cognitive psychology

Любой допрос – это парный танец.

И если ты попадаешь в ритм...

Это кто еще кого допросит.

Галина Гончарова «Средневековая история».

Становясь свидетелем преступления человек, как правило, испытывает стресс в силу того, что ситуация, в которую он попадает, воспринимается участником как экстремальная. В ходе допроса нередко возникают ситуации, когда из-за пережитого стресса, свидетель может забыть информацию, которая является важной при расследовании уголовного дела.

Допрос, как основная форма получения доказательств при расследовании уголовного дела, является ещё и особой формой межличностных отношений, где большое значение имеют закономерности психической деятельности людей, изучаемые когнитивной (от лат. *cognitio* - знание) психологией.

Когнитивная психология изучает организацию знания и памяти человека, а также соотношение образных и вербальных составляющих в процессах мышления и запоминания.

Грамотное проведение следователем допроса невозможно без учета психологии и личностного рефлексивного взаимодействия с допрашиваемым лицом. Следователю необходимо подготовиться к решению проблемных ситуаций, научиться пользоваться психологическими средствами преодоления стресса у свидетеля, в том числе и средствами эффективного общения.

Основная задача следователя, взяв на вооружение многолетний опыт психологических разработок российских и зарубежных ученых по активизации памяти для решения подобных проблемных ситуаций – помочь вспомнить допрашиваемому значимые для установления истины факты.

Сложность самого распространённого следственного действия состоит в том, что допрашиваемый может, неправильно оценив событие, ошибиться, в т.ч. в памяти могут иметь место дефекты восприятия и запоминания информации об событии преступления.

Психическое восприятие субъективной действительности допрашиваемого лица (в т.ч. искажение его воспоминаний) зависит от разных факторов: общекультурного уровня личности, профессиональных качеств, социального статуса и роли, национально-культурных и возрастных факторов, жизненного опыта.

В процессе допроса когнитивное восстановление образов при актуализации ранее воспринятого события сопровождается и произвольными, ассоциативными воспоминаниями. Зачастую при производстве допроса допрашиваемые лица испытывают затруднения при оценке результатов восприятия, что приводит к когнитивным искажениям.

Дефиниция понятия «когнитивное искажение» было сформулировано Александровым А.А. Под когнитивным искажением он понимает систематиче-

ские ошибки в мышлении или шаблонные отклонения, которые возникают на основе дисфункциональных убеждений, внедрённых в когнитивные схемы, которые легко обнаруживаются при анализе автоматических мыслей [1; с. 17].

Для преодоления затруднений (искажённого восприятия свидетелем объективной действительности) в ходе допроса применяется специальная его тактика его проведения, приемы которой направлены на совершенствование и исключение ошибок. Известно, что применяемые следователем тактические приёмы допроса обязаны отвечать определённым требованиям, а именно: соответствовать нормам закона, не нарушать этических правил, быть целесообразным и безопасным для жизни и здоровья участников.

Задача следователя учесть возможные причины искажений, отфильтровать при реконструкции события преступления и оценки результатов. Виды возможных причин когнитивных искажений, возникающих у допрашиваемого, рассмотрим на схеме № 1.

Схема № 1. Психическое восприятие субъективной действительности допрашиваемого лица

Одними из первых работу по внедрению особых методик допроса начали известные американские психологи: Э. Гейзельман и Р. Фишер. Учёными, после многолетних клинических исследований был сделан вывод о необходимости внедрения метода «когнитивное интервью» в криминалистическую тактику поведения допроса.

Когнитивное интервью – это метод получения исчерпывающей субъективной информации от свидетелей (потерпевших) о признаках внешности, поведении преступника и обстоятельствах преступления.

Цель когнитивного интервью состоит в том, чтобы при помощи определенных приемов активизировать память опрашиваемого лица, т.е. помочь вспомнить важные для дела факты, обстоятельства, моменты, признаки. Этим приемов несколько: 1) мысленное, а затем вербальное воссоздание (восстановление) контекста события, 2) детализация, 3) припоминание обстоятельств в различной последовательности, 4) смена перспективы [2].

Схем № 2 «Краткая схема правил допроса по методу когнитивного интервью»

Когнитивное интервью с допрашиваемым проводится непосредственно сразу после происшествия, в силу интенсивности протекания процесса забывания в первые часы после происшествия. Характеристика каждого из этапов допроса по методу когнитивное интервью рассмотрен в таблице № 1.

Таблица № 1 «Характеристика этапов метода когнитивное интервью»

№ п/п	Этапы	Характеристика этапа
1	Создание предпосылок (вводный этап)	1. Создать спокойную доверительную обстановку для допрашиваемого. 2. Установление психологического контакта (дружелюбие, взаимопонимание, сотрудничество). 3. Обратить внимание допрашиваемого на следующие моменты: максимально сконцентрироваться, усиленно работать; ничего не пропускать; не придумывать ответов.
2	Свободный рассказ	1. Предложить воссоздать общую последовательность события: куда шел, что собирался делать, как себя чув-

		<p>ствовал, какая была погода, кого встретил, с кем говорил по телефону и т.д. перед тем, как совершилось преступление.</p> <p>2. Предложить в свободной форме описать случившееся.</p> <p>3. Определить стратегию получения информации из образов: наметить перечень и последовательность подлежащих уточнению вопросов, значимых для расследования деталей.</p>
3	Зондирование образов памяти	<p>Выявить особенности памяти допрашиваемого: Концентрация на образе (предложить закрыть глаза для улучшения работы). Воссоздание эпизод события. Ответы на рамочные вопросы («Как Вы всё видели» «Как это было»).</p> <p>Подробно описать объект (лицо).</p>
4	Обзорная стадия	<p>1. Медленно и чётко прочитать допрашиваемому все, что было зафиксировано в протоколе.</p> <p>2. Внести изменения при их наличии.</p>
5	Завершающая стадия	<p>1. Выяснение необходимой информации о личности допрошенного (ФИО, возраст, место работы, жительства, профессия и т.п.).</p> <p>2. Высказать благодарность за помощь и попросить сообщить новые факты, если допрашиваемый впоследствии их вспомнит (оставить свой номер телефона для связи).</p> <p>3. Задача оставить от общения с представителем правоохранительных органов благоприятное впечатление (он поделится об этом с близкими и знакомыми).</p>

Необходимо обратить внимание на то, что мелкие детали (например, цвет и тип одежды) забываются быстрее, чем общая информация о событии происшествия. Информации о событии в памяти допрашиваемого зависит не только от самих воспоминаний, но и от других обстоятельств.

Для когнитивного интервью значение имеет способность допрашиваемого понять даваемые ему инструкции и способность следовать этим инструкциям - искать информацию в памяти [2].

Имеет значение психическое состояние допрашиваемого. Например, последствия перенесенного стресса, психической и (или) физической травмы и т.п. могут негативным образом сказаться на его способности дать достоверные показания, затруднить возможность эффективно извлечь информацию из своей памяти [3]. В таком случае необходимо подождать, пока потерпевший или лицо успокоится и придет в себя. Однако в ряде случаев когнитивные нарушения могут быть настолько сильны, что может быть поставлен вопрос не только о его

возможности давать показания, но и быть участником уголовного судопроизводства вообще [4].

Метод «когнитивное интервью» начал свою апробацию полицейскими и следователями с 1992 года. По мнению специалистов, его использование на 47% позволяет получить больше значимой информации по сравнению с традиционными методами допроса, поэтому он рекомендован к применению.

Список литературы

1. Александров, А. А. Проблемы интегративной психотерапии / А.А. Александров // Психология и психотерапия. СПб., 2002. С. 17.
2. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. М.: Тривола, 1996. 600 с.
3. Долгинов, С.Д. Криминалистика: актуальные методы в следственной деятельности: Учеб. пособие / С.Д. Долгинов, В.И. Шмыков. Пермь: ПГНИУ, 2014. 180 с.
4. Курбатова, С.М. Уголовно-процессуальная дееспособность: юридические и фактические аспекты проявления когнитивных особенностей личности / С.М. Курбатова // Право и законность: вопросы теории и практики. Сб. мат-в IX Всероссийской научно-практич. конф. Абакан: Изд-во ХГУ, 2019. С. 28-29.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЛИЦАХ, ОБЛАДАЮЩИХ ОСОБЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ

Железняк Николай Семенович,

докт. юрид. наук, профессор,

заслуженный юрист РФ,

Сибирский юридический институт МВД России

г. Красноярск, Россия

email: zhns21@mail.ru

Все мы уже достаточно давно (хоть и не по историческим меркам) привыкли к тому, что Россия является правовым государством, то есть формой человеческого сообщества, существующей и развивающейся на основе верховенства закона¹.

Как в Конституции РФ, так и в российских законах неоднократно транслируется мысль о примате прав и свобод человека, их равенстве перед законом.

Так, в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ закреплена формула, согласно которой «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии,

¹ Под законом в данном случае мы понимаем систему правовых предписаний, не противоречащих Конституции РФ.

убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Здесь же в ч. 3 ст. 55 сформулировано правило, в соответствии с которым «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

И вроде бы все совершенно понятно: существует постулат о равенстве всех перед законом и перечень условий ограничения прав и свобод для защиты конституционных ценностей.

Вместе с тем нормодатель, результаты работы которого мы периодически критикуем, оценивая многие положения как не проработанные, не выстроенные в понятную правоприменителю систему и зачастую негативно влияющие на деятельность правоохранительных органов [1, 2], в рамках предмета настоящего исследования сформулировал предписание, по нашему мнению, выпадающее из канвы принципа равенства всех перед законом.

В частности, в ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) в близкой к конституционной транскрипции он указал, что «гражданство, национальность, пол, место жительства, имущественное, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием для проведения в отношении их оперативно-розыскных мероприятий на территории Российской Федерации, *если иное не предусмотрено федеральным законом*» (здесь и далее наиболее значимые словосочетания будут выделены курсивом – Н.Ж.).

В данном сопоставлении норм следует обратить внимание на привлекающий читателя перифраз «*Все люди равны, если иное не предусмотрено законом*». И добавить, что указанное неравенство образует исключительно такое качество, как должностное положение так называемого спецсубъекта.

На суть исследуемого установления в свое время обратил внимание заместитель начальника Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда Российской Федерации А.Е. Чечетин, который отметил, что «законодатель с помощью отсылочной нормы обязал сотрудников оперативно-розыскных служб руководствоваться положениями специальных законов, устанавливающих правовой статус отдельных категорий должностных лиц. В то же время анализ этих законов порождает больше вопросов об условиях проведения ОРМ в отношении так называемых неприкосновенных персон, чем дает ответов на них» [3].

Так можно ли в отношении отдельных лиц, обладающих особым правовым статусом, осуществлять оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД)?

Статья 19 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [4], регулирующая механизм обеспечения неприкосновенности федеральных парламентариев, установила обязательность получения согласия соответствующей палаты Федерального Собрания на привлечение парламентариев к уголовной или административной ответственности, но никак не разъяс-

нила наличие или отсутствие возможности проведения в отношении указанных статусных фигур оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Меньше вопросов у правоприменителя вызывают условия проведения ОРМ в отношении судей, поскольку они регулируются Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [4], являющимся базовым при определении статуса судей. Его статья 16 «Неприкосновенность судьи», реализуя конституционное положение о неприкосновенности судей применительно к сфере ОРД, относит к числу гарантий этой неприкосновенности проведение в отношении судьи ОРМ (если в отношении судьи не возбуждено уголовное дело или он не привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу), связанных с ограничением гражданских прав либо нарушением неприкосновенности судей, не иначе как на основании решения коллегии из трех судей о даче согласия на производство названных мероприятий. Тем самым, обязанность обеспечения особого порядка проведения ОРМ в отношении судьи закон возлагает на суд. Вместе с тем в случае, когда в отношении судьи проводятся ОРМ, не ограничивающие его неприкосновенность, они могут осуществляться без предварительного получения разрешения коллегии из трех судей.

Законодателем никак не оговаривается порядок проведения ОРМ в отношении прокуроров. В то же время статья 42 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [4] закрепляет правило о том, что проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры. Данное положение истолковывается прокурорами как запрещающее проведение ОРМ в отношении сотрудников прокуратуры без получения согласия вышестоящего прокурора.

Согласно ч. 3 ст. 8 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [4] «проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката... допускается только на основании судебного решения». Отсутствие в данной норме указания на виды ОРМ, требующие судебного решения, позволяет достаточно широко ее истолковывать и распространять на все без исключения мероприятия в отношении адвокатов.

Вышеизложенное еще раз подтверждает вывод автора о несовершенстве правовой системы России и насущной необходимости в ее оптимизации.

А сегодня, перефразируя известное изречение Марка Туллия Цицерона «Когда гремит оружие, законы молчат», сформулируем близкую к теме мысль: «Когда молчит закон, должен говорить Конституционный Суд РФ». И, кстати, он это делает весьма успешно. Решениями этого высшего судебного органа от 08.02.2007 № 1-О, от 07.02.2008 № 224-О-О, от 27.05.2010 № 752-О-О, от 22.03.2012 № 629-О-О сняты вопросы о статусности указанных лиц применительно к ОРД и определено, что в отношении них проведение ОРМ осуществляется в общем порядке.

И остается неразрешенным один вопрос: «Так торжествует ли закон?».

Список литературы

1. Железняк, Н.С. «Черные дыры» и «белые пятна» ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: юридические и лингвистические аспекты: моно-

графия / Н.С. Железняк, А.Д. Васильев. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2009. 162 с.

2. Железняк, Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография / Н.С. Железняк. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. 332 с.

3. Чечетин, А.Е. О совершенствовании правового регулирования условий проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом / А.Е. Чечетин // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности. Материалы Всеросс. научно-практич. конф. Омск: Изд-во Ом. юр. ак., 2012. С. 63-71.

4. ИПС «Консультант Плюс».

УДК 378.6

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ДОЗНАВАТЕЛЕЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ НА ОСНОВЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
СТАНДАРТОВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Калугин Алексей Геннадьевич

канд. юрид. наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России

г. Красноярск, Россия

e-mail: alexei_kalugin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности разработки основных образовательных программ высшего образования, направленных на подготовку специалистов для органов предварительного следствия и подразделений дознания, в ведомственных образовательных организациях МВД России, связанные с формированием у выпускников инклюзивной компетентности для работы с лицами с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: лица с ограниченными возможностями здоровья; базовые дефектологические знания; предварительное следствие; дознание.

**FORMING OF INCLUSIVE COMPETENCE IN THE COURSE
OF TRAINING INVESTIGATORS AND INQUIRY OFFICERS
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AT EDUCATIONAL INSTITUTIONS
OF THE MIA OF RUSSIA ON THE BASIS OF THE NEW GENERATION
OF FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS OF HIGHER
EDUCATION**

Kalugin Alexey Gennadyevich

candidate of law sciences, assistance professor

Siberian law institute of the MIA of Russia

Krasnoyarsk, Russia
e-mail: alexei_kalugin@mail.ru

Annotation: *The article considers features of developing basic educational programs of higher education aimed at the process of training specialists for bodies of preliminary investigation and subdivisions of inquiry at departmental educational institutions of the MIA of Russia. These features are related to the forming of graduates' inclusive competence for working with disable persons.*

Keywords: *disable persons, basic defectology knowledge, preliminary investigation, inquiry.*

Осуществление любого вида социальной деятельности в современных условиях не может не учитывать требований международных и национальных стандартов, обеспечивающих права и законные интересы лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – лица с ОВЗ). Не является исключением и уголовно-процессуальная деятельность, хотя в этой области, в отличие от сфер образования, здравоохранения, спорта, социального обслуживания в настоящее время действует относительно небольшое количество нормативных правовых актов.

Одним из основополагающих международно-правовых документов в указанной сфере деятельности является Конвенция о правах инвалидов, заключенная в г. Нью-Йорке 13 декабря 2006 г. и ратифицированная Российской Федерацией 3 мая 2012 г. [2].

Статья 13 указанной Конвенции, поименованная как «Доступ к правосудию», гласит:

«1. Государства-участники обеспечивают инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы, облегчающие выполнение теми своей эффективной роли прямых и косвенных участников, в том числе свидетелей, во всех стадиях юридического процесса, включая стадию расследования и другие стадии предварительного производства.

2. Чтобы содействовать обеспечению инвалидам эффективного доступа к правосудию, государства-участники способствуют надлежащему обучению лиц, работающих в сфере отправления правосудия, в том числе в полиции и пенитенциарной системе».

Реализация этих положений требует от стран-участниц соответствующей подготовки кадров, осуществляющих уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную функции.

Утвержденными в 2020 году федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования (далее – ФГОС ВО) так называемого «поколения 3++» по направлениям подготовки и специальностям, относящимся к укрупненной группе 40.00.00 «Юриспруденция», в числе универсальных компетенций предусмотрены компетенции, относящиеся к категории «Инклюзивная компетентность».

Поскольку в образовательных организациях МВД России подготовка кадров для органов предварительного следствия и специализированных подразделений дознания осуществляется по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (специализация «Уголовно-правовая»), а подготовка специалистов аналогичного профиля для компетентных органов иностранных государств в некоторых вузах помимо образовательных программ специалитета осуществляется также по программам бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, рассмотрим соответствующие аспекты содержания основных образовательных программ, разрабатываемых в настоящее время на основе ФГОС ВО 3++ по вышеуказанным специальности и направлению подготовки.

Вопросы, связанные с содержанием процессуальных гарантий прав участников уголовного судопроизводства, в том числе лиц с ОВЗ, достаточно обстоятельно изучаются в рамках базовых дисциплин «Уголовный процесс» и «Предварительное следствие в органах внутренних дел». Вместе с тем, в образовательные программы включаются и дисциплины, направленные на формирование инклюзивной компетентности будущих следователей и дознавателей.

ФГОС ВО – специалитета по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности [5] и бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция [4] в числе универсальных компетенций установлена компетенция УК-9 (код и в том, и в другом ФГОС ВО совпадает) «Способен использовать базовые дефектологические знания в социальной и профессиональной сферах».

В целях реализации указанной компетенции примерными рабочими учебными планами по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (профили подготовки «Предварительное следствие в органах внутренних дел» и «Дознание в органах внутренних дел»), утвержденными начальником Департамента государственной службы и кадров (далее – ДГСК) МВД России 9 апреля 2021 г., в рамках дисциплины «Основы профессиональной деятельности» предусмотрено изучение раздела «Основы русского жестового языка» (24 часа аудиторных занятий). Данный объем дисциплины при условии интенсивного погружения в специфическую языковую среду за счет компактного расписания занятий позволяет обеспечить формирование у обучающихся минимальных умений первичного контакта с лицами с нарушением слуха в объеме: дактилирование на низкой скорости (1,3 дактилемы в секунду) и 100–120 профессионально ориентированных жестов.

Помимо этого, примерным рабочим учебным планом по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (профиль подготовки «Предварительное следствие по уголовным делам в отношении несовершеннолетних») предусмотрено изучение дисциплин «Психология развития и возрастная психология», «Психология девиантного поведения». Обе дисциплины включены в часть основной образовательной программы, формируемую участниками образовательных отношений.

Примерным рабочим учебным планом по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (профиль подготовки «Уголовно-правовой» (Подго-

товка сотрудников правоохранительных органов иностранных государств)), утвержденным начальником ДГСК МВД России 26 апреля 2021 г., предусмотрено изучение дисциплины «Взаимодействие сотрудника полиции с лицами с ограниченными возможностями здоровья в социальной и профессиональной сферах», в рамках которой изучаются различные ситуации и способы контакта сотрудника полиции с лицами с ОВЗ.

Помимо собственно дисциплин рабочего учебного плана важнейшую роль в формировании инклюзивной компетентности у курсантов образовательных организаций МВД России играет внеучебная деятельность.

Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся» структура основных образовательных программ, в том числе программ высшего и среднего профессионального образования была дополнена новыми обязательными элементами: рабочей программой воспитания, календарным планом воспитательной работы и соответствующими формами аттестации [1].

Следует отметить, что и до этого в образовательных организациях МВД России на протяжении нескольких последних лет успешно реализовывались программы морально-психологического обеспечения учебно-воспитательного процесса на весь период обучения, которые, формально не являясь обязательным элементом образовательных программ, тем не менее, разрабатывались и утверждались одновременно с ними для каждого набора обучающихся и включали в себя широкий спектр форм и методов воспитательной работы, содержание которой сегодня нашло отражение в формулировке п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [3]: «воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде».

Среди мероприятий, предусмотренных программами морально-психологического обеспечения учебно-воспитательного процесса на весь период обучения, в частности, реализуемыми в Сибирском юридическом институте МВД России, значимую роль в формировании инклюзивной компетентности у курсантов и иностранных слушателей играют различные формы взаимодействия с лицами с ОВЗ.

Одной из таких форм является осуществляемая на постоянной основе шефская работа с ветеранами органов внутренних дел и учебного заведения, в частности, оказание помощи в решении бытовых проблем; проведение праздничных мероприятий для ветеранов войны и труда во взаимодействии с ветеранскими организациями.

Другой формой воспитательной работы, непосредственно направленной на формирование инклюзивной компетентности, является шефская работа с детьми с ОВЗ:

- во взаимодействии с Красноярской региональной общественной организацией поддержки детей инвалидов «Щит» ежегодно проводятся различного рода мероприятия (концерты, выставки, речные прогулки на теплоходе) для детей с ограниченными возможностями передвижения (с нарушениями центральной нервной системы, опорно-двигательного аппарата), где курсанты и слушатели института выступают в качестве сопровождающих волонтеров;

- на постоянной основе институтом осуществляется шефство над городским социально-реабилитационным центром для несовершеннолетних «Росток» и городским реабилитационным центром для детей и подростков с ограниченными возможностями «Радуга», в рамках которой курсанты и слушатели круглогодично проводят различные мероприятия с воспитанниками, имеющими отставание в развитии (праздничные утренники, мастер-классы, спортивные состязания и т.д.).

При осуществлении этой работы в течение всех лет обучения в вузе курсанты и слушатели органично приобретают необходимые в будущей профессиональной деятельности психологическую готовность и устойчивые навыки общения и социального взаимодействия с различными категориями людей с ОВЗ: лицами пожилого возраста, детьми, имеющими отставание в психическом развитии, инвалидами с ограниченными возможностями передвижения.

Список литературы

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

2. О ратификации Конвенции о правах инвалидов: Федеральный закон от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 августа 2020 г. № 1011 // СПС КонсультантПлюс.

5. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 31 августа 2020 г. № 1138 // СПС КонсультантПлюс.

УДК 343.13

**ЭВОЛЮЦИЯ ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫХ (ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ)
МЕР В РАМКАХ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ
МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ**

Квык Александр Валерьевич
**Открытый юридический институт,
г. Владивосток, Российская Федерация**
e-mail: skwik@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются виды запретительных мер в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий, этапы их появления, а также вопросы конкуренции мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий.

Ключевые слова: мера пресечения, запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу, конкуренция мер пресечения.

**EVOLUTION OF PROHIBITION (RESTRICTIVE) MEASURES OF AL-
TERNATIVE DETENTION**

Kvyk Aleksandr Valerievich
Public law institute
Vladivostok, Russian Federation
e-mail: skwik@mail.ru

Abstract: This article examines the types of prohibitive measures of preventive measure in the form of a prohibition of certain actions, the stages of their appearance and issues of competition between preventive measures in the form of house arrest and the prohibition of certain actions.

Keywords: preventive measures, prohibition of certain actions, house arrest, detention, competition of preventive measures.

Уголовно-процессуальные термины «ограничение» и «запрет» применительно к институту мер пресечения появились в современном законодательстве сравнительно недавно – с момента закрепления в ст. 107 УПК РФ новой меры пресечения в виде домашнего ареста.

Домашний арест согласно редакции Федерального закона от 18.12.2001 № 177-ФЗ заключался в ограничениях, связанных со свободой передвижения, а также в запрете: 1) общаться с определенными лицами; 2) получать и отправлять корреспонденцию; 3) вести переговоры с использованием любых средств связи [1].

В настоящее время термин «ограничение» применительно к альтернативным заключению под стражу мерам пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве не используется и полностью заменен терминологией «запретов», которые стало возможным налагать на подозреваемого (обвиняемого) не

только в рамках домашнего ареста, но и залога, а также в рамках совершенно новой меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Современное уголовно-процессуальное законодательство в ч. 6 ст. 105.1 определяет 6 видов запретов, которые могут быть возложены на подозреваемого или обвиняемого:

1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3) общаться с определенными лицами;

4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;

6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Из них совершенно новыми для российского законодательства явились запреты, предусмотренные в п.п. 2) и 6) – запреты на нахождение в определенных местах, ближе установленного расстояния до определенных объектов, а также на посещение и участие в определенных мероприятиях и запрет, связанный с управлением транспортными средствами.

Указанные выше виды запретов возможно возлагать на подозреваемого или обвиняемого как по отдельности, так и в совокупности, в зависимости от обстоятельств уголовного дела. Кроме того, возлагать любой из перечня запретов стало возможным в совокупности с избранием подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения в виде залога (ч. 8.1 ст. 107 УПК РФ). При этом, необходимость продления сроков применения запретов предусмотрена только по отношению к запрету, сформулированному в п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, остальные виды запретов применяются вплоть до отмены или изменения меры пресечения.

Домашний арест в редакции Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ [2] трактуется как «нахождение подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении» и уже подразумевает собой наличие первых двух запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а запреты, предусмотренные п.п. 3) – 6) ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ возлагаются на лицо в дополнение, исходя из фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений.

Как видно, в настоящее время альтернативные заключению под стражу виды мер пресечения представляют собой определенный «конструктор», посредством которого возможно индивидуализировать и «собрать» оптимальный набор запретительных мер, позволяющих обеспечить должное поведение подозреваемого или обвиняемого.

Следует отметить, что на этапе рассмотрения поправок в уголовно-процессуальное законодательство в части появления новой меры пресечения в виде запрета определенных действий, перечень запретительных мер был открытым, предусматривалась возможность суда запретить «совершать иные действия, не связанные с изоляцией в жилище, которые могут повлечь последствия, указанные в части первой статьи 97 УПК РФ» [3].

Безусловно, такой подход к формулированию перечня запретительных мер связан с желанием законодателя повысить привлекательность альтернативных заключению под стражу мер пресечения, однако такая законодательная конструкция могла стать своего рода «базой» для различного рода злоупотреблений и необоснованного ограничения конституционных прав и свобод подозреваемых (обвиняемых), в связи с чем в настоящее время перечень запретительных мер является закрытым (исчерпывающим), однако это не означает, что в установленном законом порядке он не может дополняться новыми запретительными мерами, продиктованными реалиями правоприменения.

Существующая в настоящее время конструкция возможности применения к подозреваемому (обвиняемому) запрета определенных действий и домашнего ареста как альтернатив заключению под стражу, ставит вопрос о конкуренции указанных видов мер пресечения [4]. И действительно, если в теоретическом плане разграничение между изоляцией от общества в жилом помещении в рамках домашнего ареста и выходом в определенные периоды времени за пределы жилого помещения в рамках запрета определенных действий еще можно провести, то в практической деятельности грани между указанными мерами пресечения весьма размыты. При этом, согласно ч. 10 ст. 109 УПК РФ зачет срока применения запрета определенных действий и домашнего ареста в срок содержания под стражей, а следовательно – и в общий срок наказания – различен и если срок домашнего ареста засчитывается в полном объеме, то срок применения запрета определенных действий засчитывается в пропорции 2 дня применения запрета определенных действий за 1 день содержания под стражей [5].

Фактически же условия применения запрета определенных действий и домашнего ареста могут быть идентичными. Ранее в своих работах мы проводили анализ практики применения домашнего ареста и указывали, что суды склонны устанавливать подозреваемому (обвиняемому) 1-2 часа в день на выход из жилого помещения для прогулки и для удовлетворения своих общебытовых потребностей [6].

Анализ практики применения запрета определенных действий показывает, что в рамках данной меры пресечения можно установить практически идентичные условия. Так, 14 апреля 2021 г. Басманным судом г. Москвы редактору студенческого журнала М., а также журналистам Г., Т. и А. обвиняемым в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а», «в», ч. 2 ст. 151.2 УК РФ, избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий в рамках которой им запрещено круглосуточно выходить из дома в период с 00 час. 00 мин. до 23 час. 59 мин [7].

Подобные условия не только конкурируют с условиями содержания под домашним арестом, но и в зависимости от конкретных обстоятельств могут

быть даже более строгими, чем в рамках домашнего ареста, что не допустимо из принципа иерархического построения системы мер пресечения.

Подводя итог изложенному, отметим, что подобная конкуренция данных мер пресечения будет разрешена только практикой их применения, посредством анализа которой на законодательном уровне будут сделаны соответствующие изменения.

Мы же полагаем, что появление меры пресечения в виде запрета определенных действий, является совершенно новой для российского законодательства попыткой оживить практику применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения, позволяющих по типу «конструктора» собрать подходящую для конкретного подозреваемого или обвиняемого модель запретительных мер, обеспечивающую его должное поведение в ходе предварительного следствия и судебного рассмотрения уголовного дела, которая в конечном итоге заместит собой меру пресечения в виде домашнего ареста.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 № 420-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Проект Федерального закона, разработанного депутатами Государственной Думы Российской Федерации И.Е. Костуновым и Л.К. Шойгу «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)» [Электронный ресурс]. <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/900722-6>.
4. Загвоздкин, Н.Н. Запрет определенных действий. Анализ правоприменительной практики / Н.Н. Загвоздкин, С.А. Кузора // Закон и право. 2018. № 12. С. 84–86.
5. Загвоздкин, Н.Н. Проблемы избрания и применения запрета определенных действий // Гуманитарные чтения: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой Победы: текстовое электронное издание. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. С. 198-202.
6. Квык, А.В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения / А.В. Квык // Уголовный процесс. 2018. № 7. С. 34–39.
7. Официальный сайт издательства BBC news. Суд запретил четверем журналистам студенческого издания DOXA выходить из дома [Электронный ресурс]. <https://www.bbc.com/russian/news-56743195>.

УДК 343.1

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦ СТАРШИХ
ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Курбатова Светлана Михайловна

канд. юрид. наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: В статье поднят вопрос о необходимости закрепления специального статуса лиц старших возрастных групп, участвующих в производстве по уголовному делу. Проведена сравнительная характеристика причин формирования и содержания особого статуса данной группы лиц по аналогии с несовершеннолетними участниками уголовного судопроизводства на примере досудебных стадий уголовного процесса. Сделан ряд выводов теоретического и практического характера.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, участники уголовного судопроизводства, лица старших возрастных групп, несовершеннолетние, правовой статус.

**FEATURES OF THE PROCEDURAL STATUS OF PERSONS
OF OLDER AGE GROUPS AT THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL
PROCEEDINGS**

Kurbatova Svetlana Mikhailovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: The article raises the question of the need to consolidate the special status of persons of older age groups involved in criminal proceedings. A comparative characteristic of the reasons for the formation and content of the special status of this group of persons is carried out by analogy with minor participants in criminal proceedings on the example of the pre-trial stages of the criminal process. A number of conclusions of a theoretical and practical nature are made.

Keywords: criminal proceedings, participants in criminal proceedings, persons of older age groups, minors, legal status.

В настоящее время отмечается общемировая тенденция старения населения планеты. И если в 1950 г. на людей старше 65 лет приходилось 7,7% то, в 2019 г. стало 19%, а в 2050 г., по прогнозам, превысит 27% [9].

В России, согласно официальным данным государственной службы статистики, на людей старше 65 лет уже приходится почти четверть населения, а к 2060 г., по предварительным расчетам, их доля вырастет до 47% [9, 10, 12].

Исходя из то, что пожилой и старческий возраст характеризуется различными изменениями, в том числе отражающимися на уровне их когнитивных способностей, то считаем, что можно и нужно говорить о такой самостоятельной группе населения, как «лица старших возрастных групп» (учитывая при этом возрастную классификацию населения, утвержденную Всемирной организацией здравоохранения, согласно которой выделяются: пожилой человек: 60-75 лет; старческий период: 75-90 лет; долгожители: 90+ лет [3]) и закреплять законодательно особенности их правового статуса как участников различных видов правоотношений, в том числе и в уголовно-процессуальной сфере. Ведь уже достаточно давно понимание психофизиологических особенностей личности несовершеннолетних в силу их возраста является общепризнанным как в международном, так и в национальном праве, а сами несовершеннолетние рассматриваются как участники правоотношений, обладающие специальным уголовно-процессуальным статусом [4, 7, 8]. Это находит свое отражение и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, где существует как отдельная глава, регулирующая производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ), так и иные статьи, содержащие нормы специального характера, регулирующие статус несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей (ст.ст. 48, 105, 108, 191 и др.).

Считаем, что такой подход следует использовать и применительно к участникам уголовного судопроизводства из числа старших возрастных групп [6], распространив на них специальные положения, предусмотренные для несовершеннолетних его участников. Так, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства это следующее:

- выделение уголовного дела в отношении такого подозреваемого, обвиняемого, когда он участвовал в совершении преступления с другими лицами (при условии, что это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования, если же имеются основания считать, что отразится, то не выделять, но все равно предоставлять такому лицу дополнительные гарантии);

- обязательное участие защитника по уголовным делам в отношении таких лиц, при том, что если защитник не был приглашен самим подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия этого подозреваемого, обвиняемого, то обязанность обеспечить участие защитника в досудебном производстве возлагается законодателем на дознавателя, следователя;

- о задержании лица, относящегося к категории старшей возрастной группы, незамедлительно должны извещаться его законные представители, а если их нет, то родственники или близкие лица;

- применение меры пресечения в виде заключения под стражу должно быть возможным в исключительных случаях;

- как о решении о заключении под стражу, так и о продлении срока содержания под стражей незамедлительно должны извещаться законные представители такого лица, а если их нет, то родственники или близкие лица;

- должна быть предусмотрена специализированная мера пресечения «присмотр» в отношении таких подозреваемых, обвиняемых, на которую должны ориентироваться следователи, дознаватели при решении вопроса об избрании меры пресечения; и т.д.

Если речь идет о потерпевших или свидетелях, относящимся к категории старших возрастных групп, то, по аналогии со ст. 191 УПК РФ, при производстве допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с их участием должны участвовать психолог, имеющий знания об особенностях данной группы лиц и (или) геронтолог.

При этом следует учитывать, что если у несовершеннолетних с возрастом происходит, по общему правилу, личностное развитие, то возрастные изменения у лиц старшего возраста, наоборот, приводят к ослаблению как физического состояния организма, так и уровня работы когнитивных функций их головного мозга. В связи с этим, по аналогии с выделением возрастных категорий среди несовершеннолетних в виде групп «до 14 лет» и «от 14 до 18 лет» (хотя, конечно, с учетом индивидуальных особенностей конкретного субъекта, он может быть как более развит, чем его сверстники, так и менее, но законодательно действует усредненный общий подход), следует закрепить возрастные границы и в отношении участников уголовного судопроизводства старших возрастных групп. Предлагаем использовать возраст 75 лет, исходя как из возрастной категоризации Всемирной организации здравоохранения, основанной на результатах масштабных исследований, так и на данных, полученных автором в ходе проведенного в 2020 г. анкетирования 110 следователей и дознавателей, а также 164 судей судов общей юрисдикции Сибирского федерального округа, где на вопрос о возрасте надления особым процессуальным статусом участников из числа старших возрастных групп ответили «с 75 лет» 23 % респондентов («с 80 лет» 17%, «с 70 лет» 16%, «с 65 лет» 9%).

Исходя из того, что законодатель понимает факт наличия индивидуальных особенностей развития когнитивных и иных личностных характеристик несовершеннолетних и в ряде случаев распространяет свой специальный подход к лицам, которые уже достигли 18-летнего возраста, но имеют отставание в развитии (например, ч. 3 ст. 20 УК РФ), считаем, что следует распространить это и в отношении лиц старших возрастных групп, которые еще не достигли 75-летнего возраста, но их возрастные изменения уже оказали свое отрицательное воздействие на уровень работы их когнитивных функций, что проявляется вовне. И тогда либо по заявлению самого этого лица или его законного представителя, если он есть, либо по инициативе следователя, дознавателя в случаях, дающих основание считать об имеющихся у такого лица когнитивных нарушениях, по результатам заключения судебно-психиатрической экспертизы, наделять их специальным процессуальным статусом как и лиц 75-летнего возраста.

Применительно к таким лицам следует закрепить обязательное участие законного представителя и через него осуществлять вызов лиц, достигших возраста 75 лет (а в случаях, указанных выше – и более младшего возраста), к следователю, дознавателю. При невозможности привлечь в качестве законного представителя родственников такого лица следует привлекать к участию в производстве по уголовному делу представителя органов опеки и попечительства, по аналогии с действующими положениями относительно законных представителей несовершеннолетних участников.

При допросе таких лиц следует использовать специальные подходы. Применительно к несовершеннолетним одной из наиболее популярных методик для оценки правдоподобности утверждений, представленных в устной форме, является методика оценки валидности утверждений (ОВУ). Она была разработана в Германии для определения достоверности детских свидетельских показаний и заключается в том, что при оценке истинности свидетельских показаний детей или подростков задействуется психолог, проводящий внесудебную оценку, который располагает иными, значительно более эффективными средствами, чем лица, занимающиеся расследованием в официальной атмосфере производства по уголовному делу [2]. Относительно лиц старших возрастных групп существуют определенные правовые документы общего характера, которые следует использовать в правоприменительной деятельности при производстве по уголовным делам с участием таких категорий граждан, например, Клинические рекомендации Министерства здравоохранения РФ «Когнитивные расстройства у лиц пожилого и старческого возраста» [5].

Это обуславливает необходимость формирования соответствующих навыков по работе с лицами старших возрастных групп у следователей, дознавателей в рамках обучения на курсах повышения квалификации и прохождения профессиональной переподготовки сотрудниками органов предварительного расследования, а также разработки криминалистических методических рекомендаций по данной тематике и их применение на практике.

Реализация вышеизложенного сначала в нормах уголовно-процессуального законодательства, а затем и в процессе правоприменительной деятельности будет способствовать обеспечению прав лиц старших возрастных групп, участвующих в производстве по уголовному делу, а также реализации принципов и назначения уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г., с изм. от 13.05.2021 г.) // СПС КонсультантПлюс.
2. Бертовский, Л.В. Допрос: тактика и технологии / Л.В. Бертовский. М.: Изд-во «Экзамен», 2015. 303 с.
3. Всемирная организация здравоохранения: официальный сайт. <https://www.who.int/ru>
4. Гуковская, Н.И. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних / Н.И. Гуковская, А.И. Долгова, Г.М. Миньковский. М.: Юр. издат., 1974. 208 с.
5. Клинические рекомендации Министерства здравоохранения РФ

«Когнитивные расстройства у лиц пожилого и старческого возраста» 2020 г. // СПС КонсультантПлюс.

6. Курбатова, С.М. Формирование когнитивного подхода к пониманию личности с ограниченными возможностями на международно-правовом уровне и его влияние на национальное право (на примере российского уголовно-процессуального законодательства) / С.М. Курбатова // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 8-1. С. 134-143.

7. Сафин, Н.Ш. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого в советском уголовном судопроизводстве (процессуальный и криминалистический аспекты проблемы) / Н.Ш. Сафин. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1990. 169 с.

8. Трашкова, С.М. Международно-правовое регулирование как гарантия реализации правового статуса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в уголовном процессе / С.М. Трашкова // Наука и бизнес: пути развития. 2015. № 10 (52). С. 144-146.

9. [Электронный ресурс]. - <https://www.credit-suisse.com/ch/en.html>

10. [Электронный ресурс]. - <https://rosstat.gov.ru/>

11. [Электронный ресурс]. - <https://www.credit-suisse.com/ru/ru.html>

12. [Электронный ресурс]. -

<https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.DPND.OL?locations=RU-GB-JP-BR-KR>

13. Bertovskiy L.V. Regulating the criminal procedural status of older persons as an element of criminal policy: national and international aspects / L.V. Bertovskiy, S.M. Kurbatova // Revista Gênero e Interdisciplinaridade Início. 2020. v. 2 n. 01.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ФИЗИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ОБВИНЯЕМОГО, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Логинава Надежда Геннадьевна

канд. юрид. наук, доцент

Сибирский федеральный университет,

г. Красноярск, Россия

email: nadlog71@mail.ru

Космодемьянская Елена Евгеньевна

канд. юрид. наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России,

Сибирский федеральный университет,

г. Красноярск, Россия

email: kontra2505@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы правового регулирования физического состояния подозреваемого (обвиняемого) как основания обяза-

тельному назначению и производству судебной экспертизы (п. 3 ч. 1 ст. 196 УПК РФ). Авторами отмечается, что в судебно-следственной практике не в каждом подобном случае субъект доказывания прибегает к обязательному назначению и производству судебной экспертизы. Нередко фактическими основаниями выступают лишь данные, полученные от соответствующего специалиста в ходе допроса или консультации. Поэтому неразрешенным остается вопрос об установлении физического состояния, когда возникает сомнение в способности данных процессуальных участников самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: физическое состояние, психическое состояние, следователь, судебная экспертиза, постановление, уголовное судопроизводство, слепота, немота, глухонмота, патология.

ON THE QUESTION OF THE LEGAL REGULATION OF THE PHYSICAL STATE OF THE ACCUSED SUSPECTED IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Loginova Nadezhda Gennadievna

candidate of legal sciences, associate professor

Siberian federal university,

Krasnoyarsk, Russia

email: nadlog71@mail.ru

Kosmodemyanskaya Elena Evgenievna

candidate of legal sciences, associate professor

Siberian law institute of the MIA of Russia,

Siberian federal university,

Krasnoyarsk, Russia

email: kontra2505@mail.ru

Abstract: *The article discusses the issues of legal regulation of the physical condition of the suspect (accused) as the basis for the mandatory appointment and production of a forensic examination (clause 3, part 1 of article 196 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The authors note that in forensic practice, not in every such case, the subject of proof resorts to the mandatory appointment and production of a forensic examination. Often, the factual grounds are only data obtained from the relevant specialist during interrogation or consultation. Therefore, the question of establishing the physical state remains unresolved, when there is doubt about the ability of these procedural participants to independently protect their rights and legitimate interests in criminal proceedings.*

Keywords: *physical condition, mental condition, investigator, forensic examination, ruling, criminal proceedings, blindness, dumbness, deaf-dumbness, pathology.*

Пунктом 3 части 1 статьи 196 УПК РФ предусмотрено обязательное назначение и производство судебной экспертизы в случаях, если необходимо

установить психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

На наш взгляд, в данном пункте содержатся как два самостоятельных основания назначения и производства экспертизы – психическое и физическое состояния, так и две самостоятельных цели для каждого из них: 1) сомнения во вменяемости, 2) сомнения в способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

Фактическими данными, свидетельствующими об обязательности назначения и производства судебной экспертизы для установления психического состояния, являются сведения о подозреваемом (обвиняемом), связанные с возможным наличием у него психического расстройства. Так, в Методических материалах для органов предварительного расследования, размещённых на сайте Красноярского краевого психоневрологического диспансера №1, указано, что основаниями для назначения судебно-психиатрической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз в уголовном процессе выступают:

«1. Сведения о том, что гражданин находился или находится под диспансерным психиатрическим наблюдением, лечился в прошлом в психиатрическом стационаре, проходил судебно-психиатрическую, военно-врачебную, медико-социальную экспертизы с установлением диагноза психического расстройства;

2. Сведения о странном, неадекватном поведении гражданина в период времени, предшествующий правонарушению, во время совершения правонарушения, в период следствия;

3. Заявления самого гражданина о своих болезненных переживаниях (галлюцинации, необычные ощущения, запомывание событий и др.);

4. Характер правонарушения (особая жестокость, отсутствие очевидных мотивов, сексуальные аномалии и т.п.)» [1].

Подобная информация в материалах уголовного дела независимо от цели – вменяемость или способность самостоятельно отстаивать свои интересы – обуславливает принятие соответствующего решения следователем (дознавателем). И как правило, никаких проблем в подобных ситуациях не возникает.

Вместе с тем, относительно установления физического состояния сказать этого нельзя, поскольку нет однозначного понимания о том, какое именно физическое состояние может повлечь за собой сомнения во вменяемости и ограниченной способности самостоятельно отстаивать свои интересы и, как следствие, – обязательное назначение экспертизы.

В статье 59 УПК РСФСР в ред. 1922 и 1923 г.г. на обязательное участие защитника указывалось в п. 4 «по делам немых, глухих и вообще лиц, лишенных в силу физических недостатков, способности правильно воспринимать те или другие явления» [2].

Однако в последующих редакциях уголовного процесса законодатель отказался и от этой формулировки. В современной научной среде данное понятие также относится к малоизученным.

Отсутствие в УПК РФ информативности о содержании физического состояния порождает ряд вопросов практического характера. Первый связан с определением физического состояния лица, влекущим обязанность назначить судебную экспертизу. Профессор С.П. Щерба, в монографии, посвящённой особенностям уголовного судопроизводства в рассматриваемых нами условиях, указывает, что в этом случае речь идет о таких патологических состояниях как слепота, немота и глухонемота, заикание [6]. Относит автор к этой категории и лиц с отсутствием, например, рук. На наш взгляд, сюда же можно отнести и постинсультные состояния.

Открыт вопрос и относительно установления фактических оснований для принятия решения об обязательном назначении и производстве судебной экспертизы в случае, если физическое состояние лица даёт основания сомневаться в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои интересы в уголовном процессе. Не вносит ясности и ведомственное регулирование назначения и производства экспертиз медицинского класса.

Следующая проблема правовой регламентации рассматриваемого вопроса, которая обращает на себя внимание: всегда ли обязательно назначение и производство судебной экспертизы при наличии тех или иных физических недостатков? Действительно, патологии, ограничивающие лицо в восприятии и передаче информации – слепота, немота, глухонемота, заикание, старческая немота, постинсультные состояния влекут за собой и ограничения, связанные с участием в уголовном процессе, но какова необходимость назначения во всяком случае экспертизы, если это носит для следователя (дознателя) очевидный характер? При таких обстоятельствах у субъекта расследования уже возникает обязанность компенсировать ограниченное физическое состояние лица путём привлечения защитника, а при глухонемоте – специалиста сурдопереводчика. На наш взгляд, возможно и привлечение в качестве законных представителей попечителей, что позволит усилить процессуальные гарантии таких лиц при участии в судопроизводстве. Полагаем, что отсутствие законодательного регулирования этого вопроса не должно являться препятствием к реализации их процессуальных прав.

По нашему мнению, экспертизу необходимо назначать лишь тогда, когда имеются фактические основания полагать, что физический недостаток так или иначе мог повлиять на психическое состояние. Для этого необходимо получить конкретные данные, поскольку сделать об этом вывод лишь по наличию физического ограничения вряд ли возможно. Думается, что в подобных ситуациях необходимо установить, при каких обстоятельствах наступила патология: родовая, бытовая, производственная травмы; в результате насильственных действий; возраст, в котором наступило физическое расстройство. Кроме этого, истребовать медицинские документы и получить консультацию от специалиста врача-психиатра. И только после этого решать вопрос о назначении и производстве экспертизы.

Показательны в условиях подготовки данной публикации результаты опроса следователей по вопросам определения фактических оснований для назначения и производства экспертизы в связи с физическим состоянием ли-

ца. Проведенный опрос показал, что при расследовании уголовных дел в отношении лиц, имеющих такие физические недостатки, как немота и глухонемота, в каждом случае обязательно привлекался специалист переводчик-сурдолог. Ни один из респондентов не соотнес эти физические недостатки с п. 3 ч. 1 ст. 196 УПК РФ.

Выскажем своё мнение и относительно вида судебной экспертизы, необходимой в данном случае.

В настоящее время традиционной в судебно-следственной практике является комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (далее КСППЭ), которая позволяет соотносить факт психического здоровья/нездоровья подэкспертного с его поведенческими проявлениями.

Как отмечает в своих трудах И.А. Кудрявцев, «к предмету КСППЭ индивидуально-психологических особенностей могут быть отнесены две основные задачи: 1) диагностика направленности, черт личности и характера; 2) оценка влияния личностного фактора на поведение и (или) своеобразие психической деятельности исследуемого в интересующей следователя и суд ситуации (момент времени).

Предметом совместного экспертного рассмотрения и компетенции является диагностика и оценка личностных (характерологических и патохарактерологических) черт, процессов личностной компенсации и декомпенсации, состояния (уровня) личностной критичности» [3].

Говоря об учете индивидуальных качеств, которые влияют на поведенческие проявления (например, аффект), в первую очередь анализу и изучению подвергаются такие как: пол, возраст, образовательный уровень. Также в литературе отмечаются «...состояние алкогольного опьянения, соматические болезни или состояние выздоровления, психическое и физическое перенапряжение (усталость), бессонница, истощение» и др. [3].

Как показала анализ теоретических источников по рассматриваемой нами проблематике, когда идет речь о физическом здоровье/нездоровье участников уголовного судопроизводства (подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших), оно, в контексте влияния этого нездоровья на способность указанных лиц самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве, никоим образом не соотносится с их внешними поведенческими проявлениями.

При этом, как справедливо указывает Е.Н. Холопова, «границы компетенции судебно-психологической экспертизы (далее СПЭ) расширяются по мере развития общей психологии и ее прикладных отраслей по мере осмысления опыта экспертных психологических исследований» [5; с. 60].

Поэтому в настоящее время широко используемыми в судебно-следственной практике являются СПЭ индивидуально-психологических особенностей личности (например, обвиняемого, подсудимого и их проявлений в криминальной ситуации). Также широко известной является СПЭ способности свидетеля (потерпевшего, обвиняемого) воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них правильные показания.

Примером такого вида экспертиз может быть следующий: «На разрешение комиссии экспертов разных специальностей в Постановлении о назначении экспертизы поставлены вопросы:

1. Каковы индивидуально-психологические особенности личности Л.А.А. (интеллектуальные, эмоционально-волевые, характерологические, мотивационные и др.)?

2. Имеется ли у Л.А.А. склонность к фантазированию, повышенной внушаемости?

3. Каковы эмоциональные реакции Л.А.А., связанные с нанесением ударов К.А.И. и К.М.С. руками, ногами, косой, а также действиями по поджогу дома последних?

4. На основании представленного для исследования видеоматериала возможно ли высказаться о том, что 04.07.2003 года при производстве проверки показаний Л.А.А. на месте с применением видеозаписи на последнего оказывалось психологическое давление со стороны присутствующих лиц?

5. На основании представленного для исследования видеоматериала возможно ли высказаться о том, что 04.07.2003 года при производстве проверки показаний Л.А.А. на месте с применением видеозаписи последний находился в состоянии, существенным образом, влияющим на его восприятия, память мышление?

6. Сочетаются ли словесные (вербальные) характеристики информации, содержащейся в показаниях Л.А.А. с его невербальным поведением 04.07.2003 года в ходе проверки его показаний месте с применением видеозаписи» [7].

Что касается решения вопроса о влиянии физических недостатков либо физического нездоровья подэкспертного на способность самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве, то С.П. Щерба в своих работах предлагал для этого назначать комплексную медико-психологическую экспертизу (далее КМПЭ) [6].

В настоящее время в судебно-следственной практике на разрешение КМПЭ ставятся следующие вопросы:

- «Какие особенности психики могут быть обусловлены данным видом заболевания?

- Могло ли данное лицо правильно воспринимать события или правильно их воспроизводить?

- Имеется ли у обследуемого лица сенсорная недостаточность?

- Могло ли подэкспертное лицо в результате определенной болезни сознавать значение своих действий и руководить ими?» [4].

Безусловно, стоит согласиться с фактом, что на современном этапе научного развития «медицина и психология оказывают взаимное влияние друг на друга. Специфичность материала медико-психологического исследования требует использования медициной знаний психологии. Возникает необходимость внесения в медицину ряда новых для психологии и ценных для нее фактов, понятий и методов, вновь выявленных закономерностей. Таким образом, объединяясь, медицина и психология взаимообогащаются» [4].

Как и любое другое экспертное заключение, заключение КМПЭ подлежит оценке следователем и судом, для чего необходимо знать, по каким критериям проводить такую оценку.

Так, В.В. Нагаев в своей работе указывает, что «в заключении КМПЭ приводятся сведения в отношении подэкспертного и указываются данные, по-

служившие основанием для назначения экспертизы. В анамнестической части содержатся сведения (субъективные и объективные, в том числе почерпнутые из материалов истории болезни) о прошлой жизни и истории настоящего заболевания (если таковое имеется), описание физического, неврологического и психического состояния, установленного в ходе обследования подэкспертного» [4].

Поскольку в контексте нашего исследования данные о физических недостатках лица составляют относительно самостоятельные обстоятельства, подлежащие доказыванию, и соответственно влияют на качество проведенного расследования с точки зрения его полноты, полагаем, что именно КМПЭ позволила бы определить влияние физических недостатков либо физического нездоровья подэкспертного на способность самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. А вопросы, которые, по нашему мнению, могут быть поставлены перед экспертами, таковы:

- Имеется ли у подэкспертного лица определенный физический недостаток, если да, то какой именно?

- Влияет ли данный физический недостаток на способность подэкспертного лица самостоятельно защищать свои права и законные интересы в судебном процессе?

- Допускаем возможность корректировки данных вопросов, главным критерием для которых должны быть точность формулировки, их неюридический характер и соответствие компетенции эксперта и экспертного учреждения.

Список литературы

1. О порядке взаимодействия отделений судебно-психиатрической экспертизы КГБУЗ ККПНД №1 со следственными органами Красноярского края по вопросам производства судебно-психиатрических экспертиз: Информационное письмо [Электронный ресурс] <http://kraspsixo.ru/spe-all/> (дата обращения 18 мая 2021г.).

2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 22 мая 1922 г. [Электронный ресурс] <https://docs.cntd.ru/document/901757376> (дата обращения 31 мая 2021 г.).

3. Кудрявцев, И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза / И.А. Кудрявцев. М.: Изд-во МГУ, 1988. [Электронный ресурс] URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/kudr/kudr.htm> (дата обращения 01.06.2021)

4. Нагаев, В.В. Основы судебно-психологической экспертизы: Учеб. пособие для вузов / В.В. Нагаев. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. - 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://lawbook.online/ekspertiza-sudebnaya/osnovyi-sudebno-psihologicheskoy-ekspertizyi.html> (дата обращения 01.06.2021).

5. Холопова, Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза: теоретические, правовые и организационные основы: монография / Е.Н. Холопова. Калининград, 2005. 337 с.

6. Щерба, С.П. Расследование и судебное разбирательство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками / С.П. Щерба. М.: Юрид. лит., 1975. 144 с.

7. Экспертное заключение комиссии экспертов разных специальностей № 5481 от 12 сентября 2003г. / Архив ГУ «Саратовская лаборатория судебной экспертизы МЮ РФ».

УДК 343.13

**УЧАСТИЕ ПСИХОЛОГА В ФОРМИРОВАНИИ ПОКАЗАНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ**

Миронова Гаяна Александровна

адъюнкт

Краснодарский университет МВД России

г. Краснодар, Россия

email: iana13@mail.ru

Научный руководитель:

Николюк Вячеслав Владимирович

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный деятель науки РФ

Российский государственный университет правосудия

г. Москва, Россия

email: nvv56@mail.ru

***Аннотация:** В статье рассматриваются подходы участия психолога в следственных действиях, проводимых в отношении несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Обращается внимание на взаимодействие психолога со следователем при подготовке к следственным действиям, осуществлении психологического взаимодействия следователя с несовершеннолетним потерпевшим (свидетелем), участие психолога в формировании следователем показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля).*

***Ключевые слова:** психолог, несовершеннолетний потерпевший, несовершеннолетний свидетель, следственные действия, показания, формирование доказательств, экспертиза, уголовное судопроизводство.*

**PARTICIPATION OF THE PSYCHOLOGIST IN THE FORMATION
OF THE INDICATIONS OF A MINOR VICTIM AND WITNESS**

Mironova Gaiana Aleksandrovna

adjunct

Krasnodar university of the MIA of Russia

Krasnodar, Russia

email: iana13@mail.ru

Scientific adviser:

Nikolyuk Vyacheslav Vladimirovich

*doctor of law, professor,
honored scientist of the Russian Federation*
Russian state university of justice
Moscow, Russia
email: nvv56@mail.ru

Abstract: *The article examines the approaches to the participation of a psychologist in investigative actions carried out in relation to a minor victim and witness. Attention is drawn to the interaction of the psychologist with the investigator in preparation for investigative actions, the implementation of the psychological interaction of the investigation officer with the minor injured person (witness), the participation of the psychologist in the formation of the testimony of the minor injured person (witness) by the investigator.*

Keywords: *psychologist, minor victim, minor witness, investigative actions, testimony, formation of evidence, examination, criminal proceedings.*

УПК РСФСР 1960 г., действовавший 40 лет, не знал такого участника уголовного процесса как психолог. Использование специальных психологических знаний в рамках производства по уголовному делу происходило путем назначения судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы. В советской юридической литературе уделялось достаточно внимания проблемным ситуациям, возникавшим при проведении психологической экспертизы, считавшейся в кругу специалистов новым и перспективным направлением научных исследований [12; с. 58-60, 6]. Отдельно обсуждались вопросы психологической экспертизы несовершеннолетних, в частности для определения способности потерпевшего с учетом его психического развития, индивидуально-психологических особенностей и психического состояния понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление [10; с. 31-33, 4].

УПК РФ предусмотрено обязательное участие психолога:

1) в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ч. 3 ст. 425);

2) в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (далее – потерпевшего), не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ч. 1 ст. 191);

3) по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 191). Участие психолога в следственных действиях, проводимых в отношении несовершеннолетнего потерпевшего, закреплено сравнительно недавно – Федеральным законом от 12 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, введенным в действие в этой части с 1 января 2015 г.

Подобные дополнения УПК РФ являются подтверждением все большего влияния на уголовное судопроизводство психологии как динамично развивающейся отрасли науки. В последнее время к данной области знаний привлекается повышенное внимание в связи с попытками внедрения в оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность методик психологического исследования видеозаписей оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий с целью обнаружения признаков правдивости или неправдивости зафиксированных на них показаний. Будучи востребованными при расследовании уголовных дел, данные экспертные методики воспринимаются научным сообществом неоднозначно, в большей части критически как не опирающиеся на строго научную основу [9; с. 165-192].

В контексте «психологизации» уголовного процесса актуальным представляется разработка научно-обоснованных положений о формировании следователем с участием психолога доказательств в виде показаний несовершеннолетнего потерпевшего [7; с. 200-207]. Такая постановка вопроса обусловлена следующими причинами.

Введение в уголовный процесс психолога в статусе самостоятельного участника продиктовано конкретной целью. Она не раскрывается законодателем (с точки зрения законодательной техники не представляет особого труда сформулировать ее нормативно) и при ее характеристике надлежит принимать во внимание ряд обстоятельств.

Законодатель счел недостаточным участие педагога в следственных действиях, проводимых в отношении несовершеннолетнего потерпевшего. И хотя в ч. 1 ст. 191 УПК РФ говорится об обязательном участии в них педагога или психолога, это вовсе не означает, что они полностью взаимозаменяемы. У них разная область специальных познаний. Выбор педагога или психолога для участия в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний несовершеннолетнего потерпевшего должен определяться с учетом конкретных обстоятельств расследуемого уголовного дела. В самом общем плане задача психолога в связи с привлечением его к проведению следственного действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего в литературе определяется как оказание помощи следователю составить общее представление о психологических возможностях и особенностях допрашиваемого, учет которых облегчает следователю максимально полное извлечение доказательств в процессе допроса [5; с. 220-221].

Цели участия педагога и психолога в следственных действиях, проводимых в отношении несовершеннолетних, дифференцирует и А.Н. Бычков, по мнению которого приглашение педагога целесообразно для компенсации возрастной недостаточности в психическом и психологическом развитии. «Психолог должен принимать участие, - считает автор, - при исследовании личности несовершеннолетнего для разъяснения мотивации его поведения. Его участие при проведении следственных действий представляется необходимым для определения симуляции определенных отклонений» [1; с. 7].

На самостоятельный характер задач, которые должен решать психолог как участник допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний несовер-

шеннолетнего потерпевшего, однозначно указывает содержание и конструкция ч. 4 ст. 191 УПК РФ: по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, как правильно подмечено в процессуальной литературе, предусмотрено обязательное участие только психолога [8; с. 45].

В то же время психолог является самостоятельным участником в уголовного процессе наряду со специалистом и на него в полной мере не распространяются положения ст. 58 УПК РФ об оказании специалистом содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела [11; с. 44].

Таким образом, в настоящее время в УПК РФ взят на курс на более широкое привлечение психолога к расследованию уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних. Процессуальной формой такого «присутствия» психолога в уголовном деле закон предусмотрел его участие в следственных действиях. К сожалению, в ч. 1 и 4 ст. 191 УПК РФ не прописаны права и обязанности психолога по аналогии с ч. 3 ст. 425 УПК РФ, регламентирующей процессуальный статус педагога и психолога в связи с участием их в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Совершенно очевидно, что именно психолог при организации надлежащего взаимодействия с ним следователя может оказать содействие в качественной *подготовке* к следственным действиям (выбор времени, места их проведения, подбор участников, оценка психологической подготовки потерпевшего к допросу, предварительное формулирование и обсуждение различных вариантов вопросов потерпевшему), в *осуществлении* психологического взаимодействия следователя с потерпевшим в ходе проведения следственного действия (устранение или снижение эмоциональной напряженности потерпевшего соответствующими приемами, расчет времени наступления и продолжительности перерывов в следственном действии), *определении* необходимости и целесообразности проведения последующих следственных действий, *формулировании* вопросов эксперту-психологу. Следует также иметь в виду, что психолог должен быть ориентирован следователем на формирование максимально полных, развернутых показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) в шадящем для него режиме, по возможности в ходе одного допроса, что позволит избежать или минимизировать оказание на него психотравмирующего воздействия [2; с. 3-4, 3; с. 86-90].

В связи с участием психолога в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний несовершеннолетнего потерпевшего и оказанием профессиональной помощи следователю при подготовке, осуществлении следственного действия и использовании полученных показаний в расследовании уголовного дела актуализируется проблема выбора адекватных процессуальных и организационных форм взаимодействия следователя с психологом в рамках нормативного регулирования отношений, возникающих в процессе формирования следователем показаний несовершеннолетнего потерпевшего с помощью психолога. Исследователи психологических аспектов проведения следственных действий свободно оперируют терминами консультирование, информирование,

дача рекомендаций психологом следователю, оказание ему содействия, помощи. В свою очередь следователь, начиная с приглашения психолога принять участие в проведении следственного действия, инициирует представление им сведений, значимых для его осуществления. Однако указанные «встречные» действия следователя и психолога, основанные на нормах ч. 1 и ч. 4 ст. 191 УПК РФ, не регламентируются законом, что нельзя признать правильным.

Участие психолога в формировании следователем показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) ставит и другие важные тактические и процессуальные вопросы (возможность психолога общаться с несовершеннолетним потерпевшим и знакомиться с материалами уголовного дела до проведения следственного действия; правомерность и порядок представления психологом, участвовавшим в следственном действии, формулировок вопросов эксперту-психологу; может ли поручаться производство судебно-психологической экспертизы несовершеннолетнего потерпевшего психологу, участвовавшему в его допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний и др.). Они требуют самостоятельного изучения и освещения в правовой литературе).

Список литературы

1. Бычков А.Н. Участие педагога в уголовном судопроизводстве: автореферат диссертации канд. юрид. наук / А.Н. Бычков. Ижевск, 2007 [Электронный ресурс] www.dslib.net.
2. Васько, Е.В. К вопросу об участии специалиста-психолога в подготовке и проведении допроса несовершеннолетнего, потерпевшего от сексуального насилия / Е.В. Васько // Психология и право. 2012. № 2. С. 3-4.
3. Вдовцев, П.В. Участие педагога (психолога) в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний несовершеннолетнего потерпевшего: отдельные аспекты проблемы / П.В. Вдовцев // Раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, связанных с насилием над несовершеннолетними: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 20 апреля 2017 г.). М.: Моск. акад СК РФ, 2017. С. 86-90.
4. Коньшева, Л.П. Использование следователем психологических знаний при расследовании дел об изнасиловании несовершеннолетних / Л.П. Коньшева, М.М. Кочнев. М.: ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1989. 53 с.
5. Коченов, М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды / М.М. Коченов. М.: Генезис, 2010. 352 с.
6. Мельник, В.В. Основы судебно-психологической экспертизы по уголовным делам / В.В. Мельник, С.В. Цыцарев, Я.М. Яковлев. Л.: ЛГУ, 1987. 80 с.
7. Миронова, Г.А. Собираение и формирование уголовных доказательств как элементы процесса доказывания: понятие, содержание, соотношение // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. Восточно-Сибирский институт МВД России. Иркутск, 2020. № 3 (15). С. 200-207. (Автор тезисов придерживается точки зрения, согласно которой первый этап процесса доказывания представляет собой не собириание доказательств, а их формирование, т.е. процесс

преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных законом, в рассматриваемом случае – в форму показаний).

8. Николук, В.В. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего / В.В. Николук, В.А. Виноградова, В.А. Антонов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Вып. № 3 (82). 2017. С. 39-52.

9. Носкова, Е.В., Путинцева Ю.А. Использование специальных знаний при оценке достоверности показаний в уголовном судопроизводстве: ретроспективный, доктринальный и практический подход / Е.В. Носкова, Ю.А. Путинцева // Правосудие JUSTICE. 2020. Том 2. № 3. С. 165-192.

10. Рыбальская, В.Я. Судебно-психологическая экспертиза по делам несовершеннолетних в уголовном процессе европейских социалистических стран // Советская юстиция. 1968. № 6. С. 31-33.

11. Софийчук, Н.В. Педагог, психолог в уголовном процессе: некоторые проблемы правовой регламентации процессуального статуса и его регламентации / Н.В. Софийчук // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 3 (27). С. 44.

12. Яковлев, Я.М. Проблемы судебно-психологической экспертизы / Я.М. Яковлев // Социалистическая законность. 1973. № 3. С. 58-60.

УДК 343.1

«ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТИ» О НЕПРАВОМЕРНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПУТЕМ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Николук Вячеслав Владимирович

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный деятель науки РФ

Российский государственный университет правосудия

г. Москва, Россия

email: nvv56@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные положения известного коллективного информационного письма о неправомерности определения достоверности показаний участников уголовного процесса по видеозаписям следственных действий. Автором оцениваются перспективы судебно-психологической экспертизы выявления признаков достоверности/ недостоверности процессуально-значимой информации с позиций существующих правил уголовно-процессуального доказывания, где ключевая роль принадлежит принципу свободной оценки доказательств.

Ключевые слова: психология, уголовный процесс, доказывание, экспертиза, эксперт, специалист, показания, достоверность показаний.

«LETTER OF THE TWELVE» ON THE ILLEGALITY OF DETERMINING THE RELIABILITY OF TESTIMONY BY FORENSIC EXAMINATION IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN MODEL OF CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE

Nikolyuk Vyacheslav Vladimirovich
doctor of law, professor,
honored scientist of the Russian Federation
Russian state university of justice
Moscow, Russia
email: nvv56@mail.ru

Abstract: *The article deals with the main provisions of the well-known collective information letter about the illegality of determining the reliability of the testimony of participants in the criminal process from the video recordings of investigative actions. The author evaluates the prospects of forensic psychological examination of identifying signs of reliability/ unreliability of procedural-relevant information from the standpoint of the existing rules of criminal procedural evidence, where the key role belongs to the principle of free evaluation of evidence.*

Keywords: *psychology, criminal procedure, proof, expertise, expert, specialist, testimony, reliability of testimony.*

В известном среди процессуалистов, криминалистов и экспертов – психологов информационном письме «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» (далее – Письмо), в категоричной форме сделан вывод, что «учитывая положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и состояние научных разработок в области свидетельских показаний, в *настоящее время* (выделено мной – В.Н.) установление достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной) на строго научной основе невозможно». Более того, критикуемый авторами письма метод выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства, назван эклектичным и научно необоснованным [8].

Данный документ подписан 12 специалистами в области судебной психологической экспертизы и права, утвержден Научно-методическим советом Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России 15 июня 2016 г. и Ученым советом Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им В.П. Сербского Минздрава России 20 июня 2016 г.

Подобные оценки результатов работы в общем-то не приняты в «большой» науке и не характерны для научных дискуссий, хотя именно со слов «научная дискуссия» начинается названное письмо. Будем считать, что тон данного документа задан повышенной теоретической и практической значимо-

стью вопросов, затронутых в Письме. Целесообразность их обсуждения по прошествии 5 лет с момента опубликования документа вызвана следующим.

В Письме в качестве итоговых выводов приведены две главные причины, блокирующие внедрение в уголовное судопроизводство экспертной оценки показаний его участников: а) установленные УПК РФ правила оценки доказательств, исключающие участие в ней эксперта; б) научная необоснованность метода проверки достоверности показаний путем проведения экспертизы. Фактически это означает, что методика анализа показаний участников уголовного процесса по видеозаписи следственных действий путем назначения и производства экспертизы станет актуальной тогда, когда под нее будет «подведена» соответствующая научная база, а в уголовно-процессуальное законодательство о доказывании будут внесены соответствующие изменения. Иначе она рискует остаться нерабочей. В текущий момент, и это прямо следует из Письма, необходимо упорядочить (читай – приостановить) экспертную практику в части исследования видеоматериалов проведения отдельных следственных действий с различными субъектами уголовного процесса.

Также надо представлять и другой сценарий развития событий, при котором методика определения достоверности показаний путем судебной экспертизы останется непроверяемой, «не соберет» достаточных убедительных научных данных.

И все же призывая к дальнейшим исследованиям в этой сфере, авторы Письма, надо полагать, в принципе не исключают разработку на строго научной и практической основе методологии проверки достоверности показаний. Отдельными учеными совершенствование методики данного вида судебно-психологической экспертизы до уровня, отвечающего требованиям исследовательской надежности и валидности, формулируется, ни много ни мало, как экспертно-психологическая проблема сегодняшнего дня [9]. В п. 3 Резолюции Международной научно-практической конференции «Судебно-психологическая экспертиза и комплексные исследования видеозаписей», состоявшейся 16 марта 2017 г. в Российском государственном университете правосудия, прямо формулируется задача развивать исследования по использованию специальных психологических знаний для помощи следователям и судьям в психологической оценке достоверности показаний и разработки типовой экспертной методики, основанной на единых методических принципах и репрезентативной экспериментальной базе [7].

Ожидаемый психологами научный прорыв в области судебно-психологической экспертизы достоверности показаний, если таковой произойдет, неизбежно «упрется» в проблемы уголовно-процессуального характера. Решится ли законодатель ради нового вида экспертизы «сломать» устоявшуюся конструкцию уголовно-процессуального доказывания, в основе которой лежит принцип свободной оценки доказательств? Именно этот вопрос и становится центральным в контексте рассмотрения возможностей таких экспертиз. Как ни странно, он не затронут в Письме и не стал предметом обсуждения на указанной выше научно-практической конференции.

В анализируемом документе правильно обращено внимание на то, что исследования свидетельских показаний – чрезвычайно сложная область экспертной практики, требующая от экспертов особой ответственности и профессионализма [8; с. 70]. В этой связи с позиций уголовно-процессуальной доктрины доказательств и доказывания крайне неубедительно выглядят выводы о том, что «в настоящее время не только возможность, но и необходимость привлечения психологов для экспертной оценки психологических признаков достоверности в экспертном сообществе не вызывает сомнений» [9; с. 57]. Но ведь уголовно-процессуальный закон «не подпускает» эксперта к оценке, и с этим нельзя не считаться.

В ходе происходящей «психологизации» уголовного процесса проявляется множество неопределенных ситуаций, обусловленных, в том числе, и недостаточным взаимодействием в данной сфере между психологами, соприкасающимися с уголовным судопроизводством, и учеными-процессуалистами. Элементарное недопонимание природы процесса доказывания, который в основе своей имеет не только познавательную, но и жестко формализованную, достоверительную составляющие, приводит к спорным, а зачастую и просто неверным выводам.

Так, один из апологетов «экспертизы достоверности показаний» В.Ф. Енгальчев вполне обоснованно утверждает, что «...психологические процессы, свойства и состояния находятся вне компетенции юристов» [1; с. 11]. Однако, далее следует оригинальный вывод: «В то же время, если бы анализ поведения препятствовал адекватной оценке сообщаемой информации, законодатель предпринял бы все меры, чтобы исключить непосредственное восприятие опрашиваемого или допрашиваемого и его заслушивали бы только опосредованно» [1; с. 11]. Тот факт, что внутренние психологические процессы не могут быть подвергнуты узкопрофессиональной трактовке следователем или судом, никоим образом не может нивелировать значимость их непосредственного общения с допрашиваемым. Предусматривая условие непосредственности исследования доказательств (при этом только для судебного разбирательства, что не берет во внимание В.Ф. Енгальчев), законодатель, в первую очередь, думал не столько о «психологических» аспектах взаимодействия суда с допрашиваемыми лицами, сколько об обеспечении таких непреходящих правовых ценностей как право на защиту и справедливое судебное разбирательство.

При этом закон допускает и опосредованное исследование личных доказательств в стадии предварительного расследования, когда следователь или дознаватель дают поручение органам дознания по месту производства следственного действия на его производство. В таких случаях лицу, ведущему производство по уголовному делу, только и остается, что ознакомиться с протоколом следственного действия и, в лучшем случае – с аудио- или видеоматериалами, приобщенными к нему.

Представленный пример – это лишь частный случай, иллюстрирующий тот разрыв, который имеет место в гуманитарной науке, когда представители одной ее ветви (психология) игнорируют изыскания, производимые в другой ее

сфере (уголовный процесс), вследствие чего и делаются заведомо ошибочные выводы.

Достоверность -- оценочное качество или свойство доказательства, т.е. результат его оценки, что прямо следует из положений ст. ст. 17 и 88 УПК РФ. В ст. 17 УПК РФ закреплено одно из основных положений современного уголовного процесса – принцип свободы оценки доказательств. Мало того, что субъектами оценки там названы исключительно участники уголовного судопроизводства, уполномоченные на основе *их личного внутреннего убеждения* принимать решения по уголовному делу – суд, присяжный заседатель, прокурор, следователь, дознаватель, так эта норма закона еще устанавливает и обязательное «технологическое» правило, гласящее, что это внутреннее убеждение может быть сформировано исключительно на основе *совокупности* доказательств. При этом, ни одно доказательство, включая заключение и показания эксперта, никаких преимуществ перед другими доказательствами не имеет.

Свобода оценки доказательств - истинное достижение отечественного уголовного процесса. Она не совместима с предложениями реформировать доказательственное право и перейти на «здоровый формализм» в доказывании. Представленная сторонниками «экспертизы достоверности показаний» точка зрения как раз из ряда таких мнений.

УПК РФ закрепляет рациональную, устойчивую и, самое главное, подвижную конструкцию доказывания. Суд, следователь, дознаватель, получив некую совокупность доказательств, начинают проверять их достоверность средствами, предусмотренными ст. 87 УПК РФ (сопоставлять их с уже имеющимися, проверять источники сведений, получать новые доказательства, которые могли бы подтвердить или опровергнуть сведения, содержащиеся в доказательстве) и оценивают ее применительно к каждому отдельному доказательству в системном единстве с другими. Непротиворечивость, проверяемость сведений, содержащихся в доказательствах, другими доказательствами – единственный законный путь установления их достоверности.

Сторонники «экспертизы достоверности показаний» предлагают проверять не совокупность доказательств, а исследовать каждое доказательство дискретно, т.е. отдельно друг от друга, устанавливая достоверность каждого из них безотносительно других. Не сложно представить себе ситуацию, когда психолог, изучив видеоматериалы следственного или оперативного мероприятия, даст отрицательный ответ на вопрос об их достоверности, хотя их содержание будет подтверждено другими доказательствами. Как в таких случаях поступать следователю? Судя по всему, принимать вывод «сведущего лица» как должное, он ведь за следователя или суд уже «оценил» доказательство как «недостоверное». Но тут же возникает вопрос: а не превратится ли это в формальное доказывание, когда выводы лица, ведущего производство по уголовному делу, предпринимает кто-то, но не он сам? Не является ли это попыткой придать определенным доказательствам заранее установленную силу? Ответы на эти вопросы для процессуалиста ясны. Но, видимо, они совершенно не очевидны для психолога.

Не состоятелен и аргумент сторонников «экспертизы достоверности показаний», что закон дает возможность, а иногда и обязывает суд, следователя или дознавателя назначать судебно-психологические экспертизы, к числу которых относят оспариваемую нами разновидность исследований. При этом делается упор на потерпевшего, подвергнутого сексуальному насилию: якобы «искренность» его показаний поможет установить «экспертиза достоверности показаний».

Здесь мы также имеем дело с неверной трактовкой закона. Действительно, ст. 196 УПК РФ говорит об экспертизах, направленных на установление «психического состояния» ряда участников уголовного судопроизводства – обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего. Однако, исходя из смысла этих норм речь в них идет не об «искренности» или «неискренности» потерпевшего, а о таком обстоятельстве как его способность «правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать показания». Судебно-психологическая экспертиза здесь должна быть проведена не для выявления факта лжи, а для выяснения, не *заблуждается* ли в силу возраста или особенностей состояния или развития потерпевший в том, что с ним произошло.

Каковы же перспективы развития психологических исследований достоверности сведений, предоставленных участниками уголовно-процессуальных отношений? Они должны вписываться в действующее законодательство (УПК РФ, Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), гармонизировать с процессуальной теорией. На практике в качестве альтернативы психологической экспертизе следователи прибегают к вызову психолога-специалиста, который по материалам следственного действия способен дать соответствующую трактовку их результатам. Именно этот способ использования специальных психологических познаний в процессе доказывания предпочитают следователи, поскольку он позволяет получить мнение сведущего лица -- специалиста, которое в совокупности с другими доказательствами, может быть положено им в основу решения о достоверности или недостоверности проверяемых сведений.

Вместе с тем нельзя не учитывать специфику процессуального статуса специалиста по сравнению с экспертом. Согласно разработанным теоретическим положениям, апробированным на практике, он высказывает свое суждение по вопросам, хотя и требующим специальных знаний, но ответить на которые можно без производства специальных исследований. Эксперт же дает заключение по вопросам, которые требуют проведения исследования [6; с.26, 2; с.158-160]. Потребуется ли психологу-специалисту проведение исследований для того, чтобы высказать свое суждение о психологической достоверности показаний по результатам просмотра их видеозаписи? Безусловно.

Многими экспертами констатируется проблемность, незавершенность разработок методологических, научных основ данного направления экспертиз. Поэтому трудно представить, чтобы психолог без соответствующего исследования высказал свое суждение по тем же самым вопросам, которые задаются и экспертам.

Например, по данным отдельных авторов, отдел судебных психологов одного из медицинских центров Кузбасса в 2018-2019 г. провел 14 судебных психологических исследований, направленных на выявление признаков заученности, подготовленности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства во время следственных действий, их неискренности. Назначение психологического анализа видеозаписи показаний процессуально оформлялось в порядке, установленном ч. 3 ст. 80 УПК РФ, психолог привлекался в качестве специалиста и представлял соответствующее заключение. Последнее наряду с иными доказательствами по уголовному делу исследовалось в ходе судебного разбирательства [5; с.182-183].

Таким образом, проведение психологических исследований специалистом, что и имеет место на практике, подменяет экспертизу. Проблема правомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы смещается в иную плоскость: заключение эксперта уступает место заключению специалиста. Сходство этих документов по признаку наличия специальных знаний у лиц, их составивших, ведет к тому, что различия между ними стираются в ходе правоприменения, путаются понятия, имеющие строгое назначение, и в итоге грубо нарушается закон.

Что касается практической стороны обсуждаемой ситуации, то она сегодня выглядит примерно так. Во многих регионах страны преимущественно следователями ОВД назначаются исследования с привлечением специалиста либо судебно-психологические экспертизы показаний участников уголовного процесса на предмет анализа поведения, зафиксированного на видеозаписи, и выявления психологических признаков достоверности/недостоверности сообщаемой ими информации.

По данным А.В. Ильиной, производятся данные экспертизы в основном негосударственными экспертными учреждениями или частнопрактикующими психологами, привлекаемыми в качестве экспертов. В государственных экспертных учреждениях на запросы следственных органов о возможности производства экспертизы психологической достоверности показаний чаще всего отвечают мотивированным отказом. Исследования, устанавливающие психологическую достоверность или недостоверность показаний, производятся по видеозаписям следственных действий (допросов, проверок показаний на месте) и представленным материалам уголовного дела. Данные исследования проводятся, как правило, заочно, без экспериментально-психологического обследования подэкспертного [3; с. 16-20].

Крайне редко, но все же выносятся приговоры, в которых суд первой инстанции ссылается на заключение экспертов о достоверности либо недостоверности показаний как на самостоятельное доказательство [4; с.59]. Суды апелляционной и кассационной инстанции исключают из приговоров ссылки на экспертные заключения относительно показаний, считая их противоречащим ст. 87 и ст. 88 УПК РФ.

Изложенное показывает, что в Письме поставлены и рассмотрены важные для уголовного судопроизводства вопросы, связанные с использованием специальных психологических знаний в доказывании по уголовным делам. Основное

его назначение – «притормозить», «придержать» стихийно складывающуюся практику назначения и производства экспертиз для определения достоверности показаний по видеозаписи следственных действий до тех пор, пока не будет создана и апробирована научно-обоснованная методика проведения экспертизы для определения достоверности показаний.

Вместе с тем в условиях отсутствия официальной, нормативно выраженной позиции по данному вопросу у органов, реализующих функцию расследования преступлений и уголовного преследования (СК России, ФСБ России, МВД России; Генеральная прокуратура РФ), правосудия (Верховный Суд РФ), при противостоянии научных школ, занимающих полярные позиции о возможности установления в рамках психологической экспертизы «достоверности показаний», на фоне принятия 16 марта 2017 г. участниками конференции формальной резолюции, нивелирующей, скрывающей реально существующие антагонистические противоречия среди экспертов-психологов в вопросах возможности экспертной оценки показаний участников уголовного судопроизводства, и отсутствия эффективного взаимодействия психологической и уголовно-процессуальной наук сформировалась относительно устойчивая практика инициирования следователями проведения психологами-экспертами и психологами-специалистами исследований для определения достоверности показаний с применением спорной и недостаточно научно обоснованной методики. Живучесть и распространенность такой практики объясняется ее ориентированием не на формирование доказательств для суда (суды по общему правилу не признают доказательствами заключение эксперта и заключение специалиста о психологических признаках достоверности/недостоверности показаний), а на решение тактических, текущих задач досудебного производства (например, устранение противоречий, непоследовательности в показаниях участников уголовного дела, данных при производстве других следственных действий; обоснование необходимости производства определенных следственных действий; принятие мер к исключению психологического воздействия как со стороны допрашиваемого, так и иных лиц), выпадающих из-под судебного контроля.

Итак, на стыке наук уголовного процесса и психологии при объективной потребности следственной и судебной практики в специальных психологических знаниях, фактическом их внедрении в уголовное судопроизводство, реально возникла уникальная ситуация (своеобразное «процессуально-психологическое зазеркалье»): под видом экспериментальных частных экспертных методик в стадии предварительного расследования экспертами и специалистами проводятся не имеющие необходимой научной основы психологические исследования для определения достоверности показаний по видеозаписям допросов. Несмотря на то, что результаты таких исследований не имеют судебной перспективы и «отсечены» от судебного производства, подобная практика самогенерируется и позиционируется как один из трендов современного досудебного уголовного производства. Сложившееся положение требует не только дальнейшего детального изучения и обсуждения на научно-теоретическом уровне, но и соответствующего администрирования. По проше-

ствии 5 лет уже пора прислушаться к авторам Письма, в котором фактически речь идет о предупреждении следственных и судебных ошибок.

Список литературы

1. Енгальчев, В.Ф. Психологический анализ поведения, зафиксированного на видеозаписи, как новое направление судебной психологической экспертизы / В.Ф. Енгальчев // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей. Сб. науч. статей. М.: РГУП, 2017. С. 11-16.
2. Зайцева, Е.А. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств / Е.А. Зайцева, А.И. Садовский. Волгоград: Волгоград. акад. МВД РФ, 2013. 292 с.
3. Ильина, В.А. К вопросу о судебной экспертизе «психологической достоверности» показаний // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей. Сб. науч. статей. М.: РГУП, 2017. С. 16-20.
4. Исаенко, В. Экспертная оценка показаний в уголовном судопроизводстве / В. Исаенко // Законность. 2020. № 2. С. 55-59.
5. Носкова, Е.В. Использование специальных знаний при оценке достоверности показаний в уголовном судопроизводстве: ретроспективный, доктринальный и практический подход / Е.В. Носкова, Ю.А. Путинцева // Правосудие JUSTICE. 2020. Т. 2. № 3. 2020. С. 182-183.
6. Орлов, Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве / Ю.К. Орлов. М.: Изд-во МГЮА, 2004. 23 с.
7. Резолюция Международной научно-практической конференции «Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей» 16 марта 2017 года. РГУП, г. Москва // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей. Сб. науч. статей. М.: РГУП, 2017. С. 243-244.
8. Смирнова, С.А. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» / С.А. Смирнова, Е.В. Макушкин, А.Я. Аснис и др. // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 64-73.
9. Южанинова, А.Л. Судебно-психологическая экспертиза достоверности сообщаемых в ходе уголовного судопроизводства сведений: исторический аспект / А.Л. Южанинова // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные исследования видеозаписей. Сб. научных статей. М.: РГУП, 2017. С. 53-55.

УДК 343.1

**УСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИМЕЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ
ЛИЦАМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ ОТКЛОНЕНИЯМИ**

Овсянников Юрий Васильевич

канд. юрид. наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России,

г. Красноярск, Россия

email: 79135519628@yandex.ru

***Аннотация:** В статье рассматриваются проблемы расследования уголовных дел, совершенных лицами с психическими аномалиями. Кроме того, анализируются признаки, указывающие на возможность наличия у подозреваемого психических расстройств в ходе допроса, осмотра места преступления и других следственных действий. На основе приведенного анализа научной литературы и следственной практики, выработаны рекомендации по расследованию уголовных дел.*

***Ключевые слова:** психические аномалии, психические расстройства, вменяемость, осмотр места происшествия, допрос, обстоятельства, подлежащие установлению.*

**ESTABLISHING THE CIRCUMSTIGATION RELEVANT TO
THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY PERSONS
WITH MENTAL DISABILITIES**

Ovsyannikov Yuri Vasilyevich

candidate of legal sciences, associate professor

Siberian law institute of the MIA of Russia

Krasnoyarsk, Russia

email: 79135519628@yandex.ru

***Abstract:** This article examines the problems of investigating criminal cases committed by persons with mental abnormalities. In addition, the authors analyze signs indicating the possibility of a suspect with mental disorders during the interrogation of witnesses, examination of the crime scene, search and other investigative actions. Based on the above analysis of scientific literature and investigative practice, recommendations have been developed for the investigation of this category of cases.*

***Keywords:** mental abnormalities, mental disorders, sanity, inspection of the scene of the accident, the interrogating, circumstances to be established.*

Традиционно психические расстройства подразделяются на те, которые не исключают вменяемости (например, олигофрения в степени дебильности), и те, которые исключают вменяемость (шизофрения). В одном случае психиче-

ское расстройство может быть учтено как обстоятельство, смягчающее наказание. В другом случае субъект не может понимать общественный характер своих действий и руководить ими. Таким образом, в зависимости от степени психической неполноценности разрешается вопрос о способности лица нести ответственность за совершенное деяние, т. е. о наличии субъективной стороны состава преступления [1]. Вместе с тем, даже наличие незначительных психических отклонений влияет на поведение подозреваемого (обвиняемого) во время расследования преступления, на его возможность участия в следственных действиях и т.д.

Ситуация осложняется тем, что, как правило, имеющиеся у субъекта психические аномалии редко известны окружающим на момент совершения преступления [2], а также на момент задержания преступника. В силу этого, на первоначальном этапе расследования необходимо собрать достаточное количество процессуально значимой информации о лице, совершившем преступление. С этой целью уже на первых этапах расследования предлагается прибегать к консультации специалиста – психиатра и (или) психолога, а также фиксировать с помощью технических средств обстоятельства, вызывающие сомнение в психическом здоровье лица [3]. Последнее в дальнейшем позволит избежать разногласий по вопросу неправильной интерпретации следователем позиции подозреваемого (обвиняемого), страдающего психическим расстройством.

Традиционно на начальных стадиях расследования встречаются три следственные ситуации, характеризующие факт установления у субъекта преступления психического отклонения: подозреваемый не установлен и не задержан, но у следователя есть основания полагать наличие у него психического расстройства; личность подозреваемого установлена и получена информация о том, что подозреваемый страдает психическим расстройством; имеют место официальные документы, подтверждающие наличие у лица психических отклонений [4].

Еще до поступления официальной информации о наличии у лица, совершившего преступление, психических расстройств следователь имеет возможность выявить их и учитывать данное обстоятельство при организации и планировании расследования, подготовке и проведении следственных действий, выборе тактических приемов и рекомендаций.

В частности, когда подозреваемый не установлен, на наличие у него психического расстройства могут указывать материальные следы преступления и преступника. Так, еще А.Р. Ратинов отмечал, что обстановка места происшествия может рассматриваться как «овеществленная психология участников расследуемого события, действовавших на этом плацдарме. Ее изучение позволяет с большей или меньшей степенью вероятности судить о психических особенностях преступника» [5].

Наличие у лица психического расстройства определяет время, место, способ, обстановку, орудия преступления. Как правило, для лиц, имеющих психическое отклонение, характерно отсутствие предпочтения места совершения преступления, игнорирование свидетелей, нарушение ориентировки, частота совершения действий в отношении непосредственно окружающих, в том числе

близких лиц [6]. Подготовка к совершению преступления часто состоит в завлечении или ожидании жертвы в безлюдном месте. В большинстве случаев она представлена достаточно примитивными операциями, не требующими много времени [7].

Совершение насильственных преступлений лицами с психическими расстройствами может сопровождаться пытками и глумлением, необъяснимой особой жестокостью. При расследовании преступлений против собственности могут обнаруживаться следы взлома множества преград при целесообразном одном взломе [8].

Установление этих и некоторых других обстоятельств события преступления уже до задержания подозреваемого может указывать на совершение преступления лицом, имеющим психическое расстройство.

Основанием предполагать наличие у лица психического расстройства может быть не только специфика события преступления (места, времени, обстановки, способа и других обстоятельств совершения преступления), но также некоторые признаки психического расстройства, проявляющиеся в мотивах поведения лица.

Часто преступления, совершенные лицами, имеющими психические расстройства, имеют безмотивный характер либо им может быть свойственна алогичная мотивация действий обвиняемого, для них характерно отсутствие действий, направленных на создание алиби (в связи с низкими интеллектуальными способностями) и т. п. Кроме того, для данной категории преступлений свойственен серийный характер.

В результате получается, что в основе поведения человека лежит образование двух наборов образов, различно взаимодействующих между собой. Потребность есть не что иное, как некий образ желаемого, а мотивы поведения определяются наличием диссонансного взаимодействия образа желаемого и образа реальности [9].

Для преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами, характерны внезапные, неадекватные ситуации действия с проявлением повышенной агрессивности, завладение недорогими вещами жертвы и оставление без внимания ценных предметов, похищение вещей, способствующих актуализации сексуальных переживаний и т. д. [10].

Установленные обстоятельства, характеризующие специфику психического расстройства лица, совершившего преступление, могут быть использованы не только в целях раскрытия преступления, но также в интересах прогнозирования вероятного поведения подозреваемого (обвиняемого) в рамках предварительного расследования и в последующем [11].

С этих же позиций в науке разрабатываются особые рекомендации по производству следственных действий при расследовании преступлений. Например, в ходе допроса потерпевшего, свидетелей рекомендуется уточнять, помимо прочего, поведенческие особенности подозреваемого (обвиняемого) до, во время и после совершения им преступления, их возможную алогичность, непосредственные побудительные мотивы для противоправных действий виновного, реакцию подозреваемого (обвиняемого) на просьбы отказаться от со-

вершения преступления, особенности мимики, интонации, речи и т. п. У близких лиц рекомендуется также выяснять информацию об образе жизни подозреваемого (обвиняемого), его интересах, круге общения, страхах, комплексах, намерениях, перенесенных болезнях и травмах и т.д. В процессе допроса самого подозреваемого (обвиняемого) следует выяснять его жалобы на состояние здоровья, а также уточнять конкретные обстоятельства совершенного деяния: время возникновения умысла, мотив, цель, постороннее влияние, ход подготовительных мероприятий и т.д. При этом рекомендуемыми приемами, направленными на установление психологического контакта с подозреваемым (обвиняемым), является наблюдение за ним, изучение его внешнего облика, выявление и анализ жалоб, проявление уважительного отношения и искренней заинтересованности делами допрашиваемого.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что содержание обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании преступлений, совершаемых лицами с психическим отклонением, предопределено указанными особенностями субъекта преступления. При этом установление обстоятельств, характеризующих характер и степень психического расстройства лица, совершившего преступление, играет двоякую роль: с одной стороны, выявленное на основе анализа места, времени, обстановки, способа, орудия совершения преступления, оно может способствовать установлению конкретного лица, совершившего преступление, а с другой стороны, выявленное у подозреваемого (обвиняемого), оно позволяет спрогнозировать его поведение в ходе предварительного расследования, а также определить уголовно-правовые и уголовно-процессуальные последствия его психической неполноценности.

Список литературы

1. Дворецкий, М. Ю. Понятие невменяемости в уголовном праве в контексте оптимизации уголовной ответственности / М.Ю. Дворецкий, Д.А. Пестов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 311.
2. Щерба, С. П. Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками: дис. ... д-ра юрид. наук / С.П. Щерба. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. 499 с.
3. Копыткин, С. А. Расследование преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Копыткин. М., 2012. 22 с.
4. Лозовой, Я. Я. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершенных с участием лиц с психическими расстройствами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Я.Я. Лозовой. Владимир, 2011.
1. 5. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. М., б/и, 1967. 290 с.
2. 6. Гонтадзе, М. Г. Выдвижение и проверка версии о совершении преступления лицом в состоянии кратковременного психического расстройства / М.Г. Гонтадзе // Российский следователь. 2008. № 24. С. 2-5.

7. Виноградова, О. П. Особенности тактики отдельных следственных действий с участием подозреваемых (обвиняемых), страдающих нарушением психики / О.П. Виноградова // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. №1. С. 5-10.

8. Толстолужинская, Е. М. Особенности расследования преступлений, совершенных лицами с психическими аномалиями: дис. канд. юрид. наук. / Е.М. Толстолужинская. Тюмень, 2004. 161 с.

9. Овсянников, Ю.В. Основания и мотивы принятия уголовно-процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела: дисс. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Овсянников. Омск, 2001. 220 с.

10. Гнетнев, И.Г. Некоторые особенности расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости / И.Г. Гнетнев // Юристъ - Правоведь. 2012. № 6 (55). С. 49-52.

11. Стариков, А.П. Социальная обусловленность специального метода расследования преступлений лиц с негативными изменениями в психической деятельности / А.П. Стариков // Ученые записки. 2017. № 3 (23). С. 107-111.

УДК 343.1

**ПРЕСТАРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК ОСНОВАНИЕ
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ
И ПРОКУРОРОМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Петухов Евгений Николаевич

канд. юрид. наук, доцент

Алтайский государственный университет,

г. Барнаул, Россия

email: petuchove@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена проблема соблюдения прав подозреваемого, в отношении которого истекли сроки давности уголовного преследования. Раскрыта правовая ситуация по уголовному делу, в которой органы дознания и надзирающий прокурор воспользовались престарелым возрастом подозреваемой, используя его как надуманное основание для продолжения уголовного преследования подозреваемого после истечения срока давности уголовного преследования, с целью сокрытия ненадлежащего исполнения своих уголовно-процессуальных обязанностей по уголовному делу. Сформулировано предложение о том, чтобы в создавшейся ситуации заменить в уголовно-процессуальном законодательстве дискреционное усмотрение данных субъектов на их обязанности.

Ключевые слова: подозреваемый, престарелый возраст, дознание по уголовному делу, злоупотребление правом, истечение сроков давности уголовного преследования

THE ELDERLY AGE OF THE SUSPECT AS A BASIS FOR ABUSE OF THE RIGHT BY THE BODY OF INQUIRY AND THE PROSECUTOR IN A CRIMINAL CASE

Petukhov Evgeny Nikolaevich
candidate of legal sciences, associate professor
Altai state university,
Barnaul, Russia
email: petuchove@mail.ru

Abstract: *The article deals with the problem of observing the rights of a suspect in respect of whom the statute of limitations for criminal prosecution has expired. The article reveals the legal situation in the criminal case, in which the investigating authorities and the supervising prosecutor took advantage of the elderly age of the suspect, using it as a far-fetched basis for continuing the criminal prosecution of the suspect after the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution, in order to conceal the improper performance of their criminal procedural duties in the criminal case. A proposal is formulated to replace the discretionary discretion of these subjects in the criminal procedure legislation with their duties in the current situation. The article deals with the problem of observing the rights of a suspect in respect of whom the statute of limitations for criminal prosecution has expired. The article reveals the legal situation in the criminal case, in which the investigating authorities and the supervising prosecutor took advantage of the elderly age of the suspect, using it as a far-fetched basis for continuing the criminal prosecution of the suspect after the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution, in order to conceal the improper performance of their criminal procedural duties in the criminal case. A proposal is formulated to replace the discretionary discretion of these subjects in the criminal procedure legislation with their duties in the current situation.*

Keywords: *suspect, elderly age, criminal investigation, abuse of law, expiration of the statute of limitations of criminal prosecution*

В соответствии со статьей 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения от имени государства обязаны осуществлять прокурор, а также следователь и дознаватель. При этом на указанных представителях государства лежит возложенная законодателем обязанность, закрепленная в ч. 2 ст. 1 УПК РФ как предписание - неукоснительно соблюдать порядок уголовного судопроизводства, установленный действующим УПК РФ. Учитывая, что в сфере уголовного судопроизводства УПК РФ является не единственным правовым источником, которым обязаны руководствоваться органы расследования и прокурор в ходе осуществления уголовного преследования по уголовному делу, поэтому отметим важность и значение в этом ряду источников уголовно-процессуального права таких правовых актов как решения Высших судебных инстанций. Речь идет о решениях, изложенных в

Пленумах Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда РФ, в которых на основе обобщения передового опыта правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства, осуществляемой на всей территории государства и глубокого анализа действующих норм уголовно-процессуального законодательства на соответствие их Конституции Российской Федерации, с целью обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса вырабатываются рекомендации для правильного применения органами расследования, прокурорами и судами положений действующих норм уголовно-процессуального права.

Например, если при осуществлении дознавателем уголовного преследования подозреваемого по уголовному делу публичного обвинения истекли сроки давности уголовного преследования, то в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ он должен принять единственно верное в такой правовой ситуации законное решение по данному уголовному делу, то есть вынести постановление о прекращении уголовного дела, если сам подозреваемый заявил об этом ходатайство.

Как верно утверждают при оценки таких правовых ситуаций авторитетные российские ученые-процессуалисты [1], здесь законодатель в достаточной степени четко и ясно закрепил, а, по нашему мнению, авторитетные интерпретаторы в лице Высших судебных органов государства однозначно определили в своих рекомендациях должное поведение органов расследования, прокурора и суда в ходе осуществления ими производства по уголовному делу. Мы видим и настаиваем при таких обстоятельствах на безусловном исполнении указанными субъектами названных предписаний. В теории, насколько нам известно, такая безусловность поведения представителей государства в уголовном процессе не вызывает сомнения. Однако на практике дела обстоят иначе. Как видно из нижеприведенного примера органы расследования в лице органа дознания и прокурора в своей деятельности на первое место поставили корпоративные интересы и личные показатели своей служебной деятельности как дознавателя и надзирающего прокурора за производством дознания по уголовному делу, поэтому в данной ситуации мы видим, что имеет место такое негативное явление в уголовно-процессуальном праве как злоупотребление правом представителями государства по уголовному делу. При этом орган дознания и прокурор используют в своих интересах такое состояние человека как престарелый возраст подозреваемого. При этом признано, что престарелыми признаются лица, достигшие пенсионного возраста [3; с. 104].

Обратимся к правоприменительной практике. Так, 04.10.2016 года ОД ОП №9 «Первомайский» УМВД России по г. Новосибирску было возбуждено уголовное дело № 616817 по факту осуществления неустановленным лицом фиктивной постановки на учет иностранных граждан по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации, расположенном по адресу: xxx, г. Новосибирск, в период с марта 2016 года по 04.10.2016 года в неустановленное время в помещении ОУФМС России по Новосибирской области (ст. 322.3 УК РФ).

16.09.2018 года гражданка Д. была уведомлена о подозрении в совершении указанного преступления. На момент расследования уголовного дела она

уже давно достигла пенсионного возраста (72 года), то есть была уже престарелым человеком.

Данное уголовное дело расследовалось последовательно несколькими дознавателями в течение более двух лет, до 6.10.2018 года.

Как мы видим срок давности уголовного преследования, установленный законодательством к этой дате, уже истек, однако дознаватель, в производстве которого в этот момент находилось уголовное дело обратился к надзирающему прокурору с ходатайством о продлении срока расследования еще на месяц, так как в установленный срок дознания принять окончательное решение по делу им не представлялось возможным в виду того, что органом дознания принято решение о проведении подозреваемой Д стационарной судебно-медицинской экспертизы, а основанием ее назначения является престарелый возраст подозреваемой.

Прокурор поддержал ходатайство дознавателя и продлил срок производства дознания. Районный суд также поддержал ходатайства дознавателя о проведении стационарной судебно-психиатрической экспертизы и вынес 15.10.2018 года Постановление о помещении подозреваемого, не находящегося под стражей, в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы. В дальнейшем срок дознания по данному уголовному делу надзирающим прокурором был продлен еще до 06 декабря 2018 года.

К этому времени подозреваемая с защитниками, а их было два у подозреваемой, неоднократно заявляли по делу ходатайства о прекращении уголовного дела по основанию – истечения срока давности уголовного преследования. Однако такое решение органом дознания не принималось и письменных отказов в неудовлетворении заявленных ходатайств тоже не было вынесено. Кроме того, адвокаты-защитники, неоднократно обжаловали бездействия органа дознания надзирающему прокурору, однако в удовлетворении жалоб им было отказано. При этом сторона защиты справедливо приводила достаточно авторитетные и однозначно понимаемые в правовом отношении следующие доводы, обосновывающие решение о прекращении уголовного дела:

1. Подозреваемая Д. уведомлена о подозрении в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ, признающегося в силу ч. 2 ст. 15 УК РФ преступлением небольшой тяжести. Согласно уведомлению о подозрении в совершении преступления от 16 сентября 2018 года Д подозревается в совершении действий с марта 2016 года по 04.10.2016 года, срок давности уголовного преследования за которые истек 03 октября 2018 года в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ.

2. Согласно п. 3 части 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по истечении сроков давности уголовного преследования.

3. Исходя из разъяснения, содержащегося в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке, лишь в случае, если лицо возражает против прекращения уголовного

дела по нереабилитирующим основаниям. При этом, как следует из положения абз. 1 п. 25 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ не имеет значения, в какой момент производства по делу истекли сроки давности уголовного преследования.

4. В силу правовой позиции, сформулированной в Определении Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 года № 591-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фирсовой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации», отказ государства в лице его законодательных органов от уголовного преследования ввиду истечения срока давности имеет безусловный характер, не зависит от усмотрения органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, и исключает возможность осуществления уголовного преследования как правоохранительными органами (по делам публичного и частно-публичного обвинения), так и потерпевшими (по делам частного обвинения).

5. Незаконный и необоснованный отказ в удовлетворении ходатайства увеличивает срок осуществления уголовного преследования подозреваемой Д, что является нарушением ее прав и свобод, а также нарушением принципа разумного срока уголовного судопроизводства, поскольку в соответствии с частью 2 ст. 6.1 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные настоящим Кодексом. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок.

6. Принудительное помещение подозреваемой Д в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы по истечении срока давности ее уголовного преследования, повлечет фактическое нарушение конституционного права гражданки Д на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ) и крайне негативно повлияет на ее состояние, безусловно, причинит Д серьезные физические и нравственные страдания, тем более учитывая, что даже при производстве о применении принудительных мер медицинского характера, исходя из положений части 3 ст. 443 УПК РФ, абз. 3 п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07 апреля 2011 года № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (с изм.), постановление о прекращении уголовного дела выносится при наличии оснований, предусмотренных статьями 24-28 УПК РФ, независимо от наличия и характера заболевания лица.

7. В силу положений ст. 2 Конституции РФ, имеющей высшую юридическую силу и прямое действие (ст. 15 Конституции РФ), человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства.

В итоге, только апелляционное постановление судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 21 ноября 2018 года смогло разорвать этот круг беззакония правоохранительных органов (органа дознания, надзирающего прокурора и суда) на уровне района города Новосибирска, так

как им было отменено Постановление районного суда о помещении подозреваемой в стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы, полностью поддержанное представителем прокуратуры Новосибирской области. То есть оно послужило основанием для восстановления законности по уголовному делу и защиты прав подозреваемой, так как лишило орган дознания, надуманного им основания продолжать уголовное преследование, и дознаватель был вынужден в декабре 2018 года прекратить уголовное дело за истечением срока давности уголовного преследования, а надзирающий прокурор согласовать это решение (больше данные субъекты уже ничего не смогли придумать для сокрытия результатов своей недобросовестной работы).

На основании вышеизложенного формируется вывод о том, что орган дознания использовал престарелый возраст подозреваемого с целью скрыть свое бездействие (волокиту) в течение более двух лет, также, как и прокурор использовал престарелый возраст подозреваемого для того, чтобы скрыть факт ненадлежащего осуществления прокурорского надзора за соблюдением процессуальных сроков осуществления дознания по такой категории уголовных дел. Полагаем, что они надеялись на то, что как показывают медицинские исследования, люди престарелого возраста всегда будут признаны психолого-психиатрической экспертизой ограниченно дееспособными, так как в большинстве случаев, у лиц, достигших преклонного возраста, развиваются старческие склерозы, психозы и иные нарушения психофизических свойств личности [2; с. 156]. Хотя в данном конкретном случае орган дознания фактических действий к установлению даже фактов, которые бы свидетельствовали о каком-то беспомощном состоянии подозреваемой не имел. В ходе расследования дела было всего два факта общения с подозреваемой, две попытки допроса с участием ее защитника, на которых она воспользовалась ст. 51 Конституции РФ и соответственно у дознавателей даже не было возможности увидеть ее ограниченную дееспособность, чтобы иметь основания к назначению судебной экспертизы. Дознаватели в ходе всего расследования даже и не предпринимали попыток установить факты того, что подозреваемая страдает физическими или психическими недостатками. Например, можно было бы истребовать и изучить медицинскую карту подозреваемой, также допросить соседей и родственников на предмет неадекватного поведения подозреваемой в быту и т.п. Соответственно дознавателю и прокурору как представителям государства было выгодно получить такое заключение судебной экспертизы, которое позволило бы им направить уголовное дело в суд, который безусловно его бы прекратил за истечением давности привлечения к уголовной ответственности. Так как к такому решению дознаватель и надзирающий прокурор уже бы не имели отношения, то это им позволило бы избежать наступления возможных дисциплинарных воздействий со стороны своего ведомственного руководства за ненадлежащее исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, то есть за неисполнение своих должностных обязанностей.

Считаем, что для не допущения в дальнейшем фактов злоупотребления правом представителями государства по уголовным делам в описанной нами ситуации, следует скорректировать положения УПК РФ, заменив дискрецион-

ное усмотрение органов расследования, прокурора и суда на их обязанность прекращать уголовные дела, если срок давности уголовного преследования по ним истек, а лицо, привлекаемое к уголовному преследованию против этого, не возражает. При этом, на субъект, в производстве которого находится такое уголовное дело законодателю необходимо возложить обязанность выяснять отношение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование к факту прекращения уголовного дела.

Список литературы

1. Волынская, О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. / О.В. Волынская. М., 2007. 462 с.
2. Полосков, П.В. Правоспособность и дееспособность в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. / П.В. Полосков. М., 1985. 216 с.
3. Сарсенбаев, Т.Е. Теория и практика охраны прав и законных интересов беспомощных жертв преступления в досудебном производстве (сравнительно-правовое исследование по материалам Казахстана и России) / Т.Е. Сарсенбаев // Под общ. ред. проф. С.П. Щербы. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2005. 480 с.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОБВИНЯЕМЫХ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Поляков Игорь Михайлович

адвокат

*Адвокатское бюро «Правовая гарантия» адвокатской палаты Приморского края, член Совета Адвокатской палаты Приморского края, заместитель председателя Приморского регионального отделения «Ассоциации юристов России»,
аспирант*

Бурятский государственный университет,

г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

E-mail: bjgz@mail.ru

Аннотация: В статье содержится ряд практических рекомендаций, обосновывающих необходимость внесения дополнений в Раздел XVI УПК РФ (особенности производства по отдельным категориям уголовных дел) в виде Главы 51.1 производство по уголовным делам в отношении лиц с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: лицо с ограниченными возможностями, дополнительные гарантии, адвокат, уголовное судопроизводство.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE RIGHTS OF THE ACCUSED WITH RESTRICTED CRIMINAL POSSIBILITIES CORRUPTION CRIME CASES

Polyakov Igor Mikhailovich

lawyer

*Law Office "Legal Guarantee" of the Bar Chamber of the Primorsky Territory, member of the Council of the Bar Chamber of the Primorsky Territory, Deputy Chairman of the Primorsky Regional Branch of the "Association of Lawyers of Russia",
graduate student*

Buryat State University,

Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia

E-mail: bjgz@mail.ru

Resume: *The article contains a number of practical recommendations justifying the need to amend Section XVI of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (peculiarities of proceedings in certain categories of criminal cases) in the form of Chapter 51.1 criminal proceedings against persons with disabilities.*

Keywords: *person with disabilities, additional guarantees, lawyer, criminal proceedings.*

Обеспечению прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве всегда предавалось особое значение, что постоянно вызывало научные дискуссии, приводило к обоснованной корректировке нормативных актов в части усиления гарантий соблюдения их прав. Учитывая психические и иные особенности отдельных субъектов преступления, УПК РФ ориентирован на дифференцированный порядок применения процессуальных норм. Однако из прямого прочтения Раздела XVI УПК РФ специфическими критериями для применения этого порядка выступают только возраст (Глава 50 производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних) или психические расстройства (Глава 51 УПК производство о применении принудительных мер медицинского характера). При этом не учитывается определенное физическое состояние или психические дефекты некоторых обвиняемых, формально не подпадающих в вышеуказанную группу, но при этом, безусловно, нуждающихся в особом механизме уголовно-процессуального регулирования для эффективной реализации своих процессуальных прав.

Речь идет о лицах с ограниченными возможностями. К таковым можно отнести:

- лиц, имеющих физические недостатки, препятствующие трудоустройству при обычной конкуренции (инвалиды, пенсионеры);
- лиц, демонстрирующих неадекватное восприятие обстановки и/или неадекватную реакцию при проведении следственных действиях, и при этом не имеющих медицинских диагнозов, подтверждающих серьезную психическую патологию, исключаящую привлечение их к уголовной ответственности (ст.21

УК РФ невменяемость), или психические расстройства, не исключающие вменяемости (ст.22 УК РФ);

- лиц, имеющих тяжелые хронические заболевания, регулярно затрудняющие или препятствующие проведению следственных действий с их участием.

Методика раскрытия и расследования коррупционных преступлений не предполагает особенной тактики при проведении следственных действий с указанными лицами, дополнительной проверки их на предмет самостоятельной активной реализации процессуальных прав (не считая информационной справки из региональной клинической психиатрической больницы о нахождении гражданина под наблюдением или отсутствие наблюдения). При этом не учитывается, что субъектом совершения коррупционных преступлений, как правило, выступают лица, не относящиеся к криминальной субкультуре, психически не подготовленные к посткриминальным последствиям в виде возбуждения в отношении них уголовных дел, привлечения их к уголовной ответственности и т.д., неминуемо сопровождающихся повышенной стрессовой ситуацией для них и возникновением у следователя процессуальных сложностей с указанными лицами.

Многолетний анализ следственной практики данной категории уголовных дел, в том числе по мелкому взяточничеству (ст.291.2 УК РФ), где расследование проводится органом дознания в сокращенные сроки, показывает, что отсутствует особый процессуальный подход к лицам с ограниченными возможностями. Это объясняется тем, что преступление небольшой тяжести не сопряжено с повышенной общественной опасностью и завершается вынесением наказания, не связанного с реальным лишением свободы. Такие обвинительные приговора, как правило, не обжалуются. Уголовный процесс со стадии предварительного расследования проходит в отсутствие защитника, при некритическом отношении к доказательствам обвинения, без выявления недопустимых доказательств и прочих фатальных нарушений, препятствующих направлению уголовного дела в суд с обвинительным актом.

Полагаем, что назрела насущная необходимость включения в Раздел XVI УПК РФ (особенности производства по отдельным категориями уголовных дел) Главы 51.1 производство по уголовным делам в отношении лиц с ограниченными возможностями.

При выявлении следователем указанных лиц, в том числе, криминалистическим методом визуального восприятия (наблюдения), требуется приостановление проведения следственных действий с обязательным вызовом адвоката. В настоящее время ст.51 УПК РФ не позволяет лицам с ограниченными возможностями пользоваться помощью адвоката по назначению, оставляя этот вопрос на усмотрение следователя.

Пример. Проведение следственного действия в отношении обвиняемого не было приостановлено несмотря на то, что у обвиняемого после начала до-

проса выявилось заикание, которое усилилось и отчетливо затруднило речевое формулирование ответов на поставленные перед ним вопросы.

Отдельно необходимо ввести дополнительные сдерживающие механизмы при рассмотрении в отношении указанных лиц материалов об избрании в меры пресечения заключение под стражу. При отсутствии конкретных фактических оснований для ее избрания (что встречается довольно часто на практике) судам необходимо отказывать следователю в удовлетворении ходатайства. Применение к указанным лицам с ограниченными возможностями данной меры пресечения сопряжено с повышенным риском наступления негативных последствий в виде ухудшения состояния здоровья, вплоть до летального исхода. Помимо этого, угроза лишения свободы на период следствия создает почву для вынужденного самооговора обвиняемого. Подобные примеры с желанием обвиняемых дать «признательные показания» при осознании своей невиновности в обмен на избрание меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, или сохранением статуса свидетеля, носит многочисленный характер.

Повышенная загруженность следственных органов зачастую приводит к нежеланию добросовестного выполнения своих профессиональных обязанностей отдельными должностными лицами, что приводит к грубому игнорированию состояния здоровья лиц с ограниченными возможностями.

Пример. Обвиняемая в коррупционном преступлении с подтвержденным диагнозом гипертоническая болезнь III стадии, при наличии гипертонического криза на дату планируемого допроса не смогла явиться к следователю и была доставлена принудительным приводом в отделение полиции. Сам следователь отказался выехать для допроса к месту ее проживания со ссылкой на отсутствие у него такой обязанности, разъяснив ей по телефону обязанность самостоятельно явиться на допрос в следственный орган.

Пример. Инвалид I группы (инвалидность бессрочная) при подготовке документов для трудоустройства получил справку из ИЦ УМВД РФ по Приморскому краю, из содержания которой следовало, что он в прошлом привлекался к уголовной ответственности за преступление небольшой тяжести. Уголовное дело было приостановлено ввиду его неоднократной неявки на следственные действия как лица привлеченного к уголовной ответственности, а затем, спустя несколько лет, прекращено за истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Материалы дела были уничтожены по акту. Сам гражданин не знал о данном факте. Попытки адвоката обжаловать незаконность привлечения инвалида – «спинальника» к уголовной ответственности, при очевидной невозможности совершения преступления в указанный период, оказались безрезультатны, как и заявление о провидении ведомственной проверки по факту незаконного возбуждения уголовного дела в отношении него. Внесенная запись в ИЦ УМВД РФ по Приморскому краю о привлечении гражд-

данина к уголовной ответственности не может быть аннулирована, что создает пожизненные препятствия для заключения с ним трудового контракта.

Пример. К уголовной ответственности был привлечен мужчина 55 лет при наличии явного расстройства памяти (забывчивость адреса места жительства и т.п.). Тем не менее следователь ограничилась получением справки из психоневрологического диспансера об отсутствии сведений о нахождении его на специализированном учете. Следственные действия проводились без адвоката при отобрании заявления со стандартной формулировкой, что в услугах адвоката обвиняемый не нуждается. Хотя требовалось предоставление указанному лицу адвоката, а также проведение судебно-психиатрической экспертизы.

Определенные проблемы с указанными лицами возникают при выполнении требований ст.217 УПК РФ. Это процессуальное мероприятие должно происходить особенно тщательно, без предъявления повышенных требований к срокам ознакомления указанных лиц с материалами уголовного дела и без применения требований оперативного ознакомления из расчета изучения одного тома за четыре часа (порочная практика установленная российской судебной системой).

Пример. Обвиняемый привлекается за совершение особо тяжкого коррупционного преступления и содержится под стражей. В ходе выполнения требований ст.217 УПК РФ произошло обострение хронического заболевания – простатита, сопровождающегося сильными болями, температурой, плохим самочувствием. Медицинская помощь в условиях СИЗО носила примитивный характер в виде выдачи обезболивающих препаратов. Тем не менее следователь требовал ускоренного продолжения ознакомления с материалами уголовного дела, доводя до сведения обвиняемого возможность судебного ограничения этой процедуры со ссылкой на злоупотребление правом.

Отдельно обращает на себя внимание отсутствие обучающих программ (лекций, разъяснений ФПА РФ) для практикующих адвокатов, столкнувшихся с оказанием помощи лицам с ограниченными возможностями. Представители адвокатского сословия не используют при общении с доверителем и установлении с ним необходимого конфиденциального контакта должные инструменты (тактические приемы), не учитывают особенности личности таких клиентов при проведении следственных действий с их участием.

Из сказанного следует необходимость активного обсуждения учеными-процессуалистами и юристами, занимающимися уголовной практикой указанной проблемы, а также скорейшей законодательной инициативы по включению в УПК РФ самостоятельной Главы 51.1, регулирующей особый порядок судопроизводства в отношении лиц с ограниченными возможностями.

УДК 343.1

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ
ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШИХ ПОЖИЛЫХ ЛИЦ**

Попова Елена Ильинична,

канд. юрид. наук, доцент

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета,

г. Иркутск, Россия,

Бурятский государственный университет,

г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия,

e-mail: popovaelena03@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрен ряд вопросов, касающихся обеспечения прав и законных интересов потерпевших, относящихся к категории «пожилые лица».

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, потерпевший, пожилые, защита прав

***SOME ASPECTS OF ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE
INTERESTS OF ELDERLY VICTIMS***

Popova Elena Ilinichna,

candidate of legal sciences, associate professor

East Siberian branch of the Russian state university,

Irkutsk, Russia,

Buryat State University,

Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia,

e-mail: popovaelena03@yandex.ru

Abstract: The article considers a number of issues related to ensuring the rights and legitimate interests of victims belonging to the category of «elderly persons».

Keywords: criminal proceedings, victim, elderly, protection of rights

Необходимость защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений уже достаточно давно признается на мировой уровне и обозначена в качестве одной из важнейших составляющих законодательства большинства стран. Так, сформулированное в ст. 7 Всеобщей декларации прав человека положение о том, что каждый имеет право на *эффективное* (здесь и далее курсив наш – авт.) восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом [1], нашло свое дальнейшее развитие в иных документах Организации объединенных наций. В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью акцентируется внимание на

том, что жертвы преступления имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством. В том же документе государствам рекомендуется содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв путем предоставления им информации об их роли и об объеме, сроках проведения и ходе судебного разбирательства и о результатах рассмотрения их дел, особенно в случаях тяжких преступлений, а также в случаях, когда ими запрошена такая информация [2]. В 2005 году резолюцией 60/147 Генеральной Ассамблеи ООН были приняты основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права. В этом документе, кроме прочего акцентируется внимание на том, что государства должны обеспечить соответствие своего национального законодательства их международно-правовым обязательствам посредством обеспечения *адекватных, эффективных, быстрых и надлежащих* средств правовой защиты, включая возмещение ущерба (пункт 2) [3].

Российская Федерация также осознает важность обеспечения надлежащей защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Основной закон нашей страны устанавливает, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (статья 2 Конституции РФ); «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» (статья 52 Конституции РФ). Дальнейшее свое развитие и конкретизацию указанное находит, в том числе, и в уголовно-процессуальном законодательстве. Содержание статьи 6 УПК РФ дает понимание того, что назначением уголовного судопроизводства, кроме прочего являются защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Системное толкование данного закона позволяет утверждать, что потерпевший наделен достаточно обширным комплексом прав (ст. 11, 20, 22, 25, 42, 86 и др. УПК РФ). Несмотря на это, зачастую он их в полной мере не реализует. Причина этого банальна – потерпевший, как правило, просто не обладает знаниями о том, как это делать! На данное обстоятельство в рамках интервьюирования обратили внимание свыше 90% опрошенных нами респондентов из числа 52 следователей (дознавателей), судей, работников прокуратуры, в чьи полномочия входит надзор за органами предварительного расследования². В связи с этим во многом справедливо мнение о том, что «... дальнейшее расширение прав потерпевшего, детализация правил их реализации в досудебном производстве не представляется необходимым, т.к. эффективность их защиты при этом не повышается, поскольку совокупность прав потерпевшего содержит

² Интервьюирование проводилось в отношении 52 судей, следователей (дознавателей), работников прокуратуры в чьи полномочия входит надзор за органами предварительного расследования.

в себе значительный правовой потенциал, реализация которого возможна за счет формирования системы прав, востребованных потерпевшим, и дополнительного стимулирования потерпевшего на активное участие в уголовном судопроизводстве путем разъяснения преимуществ такого участия, оптимизации его процессуальных правил, введения дополнительных преференций и др.» [5; с. 12].

Тот факт, что потерпевший сегодня зачастую не может в полной мере реализовать, предоставленные ему законом права дает основания многим представителям юридического сообщества утверждать, что, несмотря на то, что названный субъект, хотя и относится к представителям стороны обвинения: 1. зачастую имеет свои интересы (как правило, во многом отличные от интересов сотрудников правоохранительных органов); 2. на сегодняшний день является самым незащищенным участником уголовного судопроизводства [6, 12]. Сотрудники правоохранительных органов, которые в соответствии с ч.1 ст. 11 УПК РФ обязаны *разъяснить* потерпевшему, гражданскому истцу их права, обязанности и ответственность и *обеспечивать* возможность осуществления этих прав зачастую этого не делают. Так, например, в ходе интервьюирования респонденты из числа следователей (12%) указали на то, что на них законом (ст. 38 УПК РФ) прямо не возложена обязанность разъяснения потерпевшему порядка возмещения вреда, причиненного ему в результате совершения преступления. В рамках интервьюирования 34 следователей Республики Бурятия, Иркутской области, Новосибирской области практически 92% респондентов отметили, что в большинстве своем только доводят до сведения потерпевшего права и обязанности, названные в ст. 42 УПК РФ (зачитывают, перечисляют, иногда предоставляют текст закона для самостоятельного прочтения), подробно не разъясняя особенности реализации этих прав³. На это обстоятельство обращается внимание и другими исследователями. Так, например, С. А. Синенко отмечает, что в уголовно-процессуальном законе не содержится достаточных предписаний, побуждающих следователя к надлежащему выполнению деятельности, связанной с доказыванием факта причинения вреда преступлением и его размера [11; с. 137]. Он же, а также другие авторы обращают внимание, что имеют место факты переложения на потерпевшего обязанности доказывания размера имущественного вреда [11; с. 127].

Одними из наиболее уязвимых участников уголовного судопроизводства являются потерпевшие пожилого возраста. Типично, что они не обладают элементарными юридическими знаниями, но и имеют определенные, обусловленные возрастом, особенности восприятия и осмысления происходящего. В числе таких особенностей – преимущественно краткосрочное запоминание, забывчивость, плохое зрение, слух, рассеянность, эмоциональная неустойчивость и др. В результате способность понимать предусмотренные законом права, уметь их реализовывать у пожилых лиц из числа потерпевших значительно снижается, по сравнению с более молодыми людьми.

³ Интервьюирование проводилось в отношении 34 следователей Республики Бурятия, Иркутской области, Новосибирской области в период с 2010 по 2017 годы.

Обозначенная проблема актуальна и в связи с тем, что по данным экспертов Организации Объединенных наций возраст каждого девятого жителя планеты в 2001 году составлял 60 лет и старше, а через 40 лет, согласно прогнозам, этот возрастной порог перешагнёт уже каждый пятый гражданин [7]. В 1991 году Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций были приняты Принципы в отношении пожилых людей, отражающие проблемы старения населения и признания права пожилых на активную и продуктивную старость [9]. Кроме прочего, там подчеркивается, что Международный план действий по проблемам старения, утвердивший необходимость защиты прав пожилых людей на достойную и активную старость, их полноправное и эффективное участие в экономической, политической и социальной жизни общества (п.18).

Мировое сообщество предпринимает активные попытки, направленные на обеспечение пожилым лицам достойной жизни. Так, в 2002 году в Мадриде был одобрен Международный план действий по проблемам старения, утвердивший необходимость защиты прав пожилых людей на достойную и активную старость, их полноправное и эффективное участие в экономической, политической и социальной жизни общества [8]. В п. 94 Плана особо отмечается, что важное значение имеют также обязательства государств, касающиеся укрепления политики и программ, направленных на создание социально интегрированного, сплоченного общества для всех — для женщин и мужчин, детей, молодежи и лиц старшего возраста. В каких бы обстоятельствах ни находились люди пожилого возраста, они имеют право жить в условиях, способствующих расширению их возможностей. ... Правительства должны играть ключевую роль в формулировании и осуществлении политики, способствующей созданию таких благоприятных условий, наряду с вовлечением в эту деятельность гражданского общества и самих пожилых лиц.

Положение людей пожилого возраста в нашей стране – особая сфера внимания государственных структур и Главы государства Российской Федерации. Свидетельство тому заседания президиумов Госсовета РФ, состоявшихся 25 октября 2010 года и 5 августа 2014 года, посвященных совершенствованию социальной политике в отношении граждан пожилого возраста, повышению качества их жизни, развитию системы социальной защиты старшего поколения. Итогами заседаний стали поручения, направленные на улучшение социально-экономического положения граждан пожилого возраста в России. Документом, предусматривающим планомерное создание условий достойного и безопасного проживания пожилых людей в России, является принятие в 2015 году Стратегии действий в отношении граждан пожилого возраста в России до 2025 года [10].

С учетом изложенного представляется, что сотрудникам правоохранительных органов целесообразно рекомендовать в случае участия по уголовному делу потерпевшего из числа пожилых лиц:

- учитывать особенности, присущие его возрасту (о чем было сказано выше);
- уделять повышенное внимание разъяснению прав, которыми наделяется потерпевший уголовно-процессуальным законодательством, способствовать реальному обеспечению таких прав;

- в случае участия потерпевшего в следственных и иных процессуальных действиях тщательно планировать их производство, при необходимости привлекать педагога, психолога [4].

- критично подходить к показаниям потерпевших, проверять их путем сопоставления с иными доказательствами по уголовному делу.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 10.12.1948 СПС КонсультантПлюс.

2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985 // СПС КонсультантПлюс.

3. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права. Приняты резолюцией 60/147 Генеральной Ассамблеи // СПС КонсультантПлюс.

4. Бертовский, Л.В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп / Л.В. Бертовский // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. Т.24. №4. С. 1100-1121.

5. Ильин, П.В. Процессуальное обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.В. Ильин. М.: Акад. упр. МВД РФ, 2015. 32 с.

6. Ищенко, Е.П. Реформой правит криминал / Е.П. Ищенко. М.: Юрлитинформ, 2013. 319 с.

7. Доклад второй Всемирной ассамблеи по проблемам старения, 08–12 апреля 2002 года, Испания, Мадрид [Электронный ресурс]. URL:

<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/397/53/PDF/N0239753.pdf?OpenElement>

8. Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml

9. Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml

10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.02.2016 г. № 164–р. «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» // СПС КонсультантПлюс

11. Синенко, С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. д-ра юрид. наук / С.А. Синенко. М., 2014. 41 с.

12. Смахтин, Е.В. Обеспечение защиты прав потерпевшего уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами при реализации назначения уголовного судопроизводства / Е.В. Смахтин, И.Г. Смирнова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 359-369.

УДК 343.1

**МЕХАНИЗМ ИСКЛЮЧЕНИЯ ПСИХОТРАВМИРУЮЩЕГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ
И СВИДЕТЕЛЕЙ**

Судницын Алексей Борисович

канд. юрид. наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России,

г. Красноярск, Россия

email: ab_sudnitsyn@mail.ru

***Аннотация:** В статье рассмотрены некоторые положения, определяющие возможность действий правоприменителей, исключаящих психотравмирующее воздействие на несовершеннолетних потерпевших и свидетелей со стороны обвиняемого и производства по уголовному делу в целом, но при этом позволяющих реализовать право обвиняемого оспорить показания, свидетельствующего против него лица.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетние потерпевшие и свидетели, минимизация участия, исключение психотравмирующего воздействия, очная ставка, депонирование показаний.*

**MECHANISM FOR EXCLUDING PSYCHO-TRAUMATIC EFFECTS
ON JUVENILE VICTIMS AND WITNESSES**

Sudnitsyn Aleksei Borisovich

candidate of legal sciences, associate professor

Siberian law institute of MIA of Russia

Krasnoyarsk, Russia

email: ab_sudnitsyn@mail.ru

***Abstract:** The article considers some provisions that determine the possibility of actions of law enforcement officers, excluding the traumatic effect on juvenile victims and witnesses on the part of the accused and the criminal proceedings in general, but at the same time allowing to exercise the right of the accused to challenge the testimony of the person testifying against him.*

***Keywords:** minor victims and witnesses, minimization of participation, exclusion of psycho-traumatic effects, confrontation, deposition of testimony.*

Нормативно-правовая основа, обеспечивающая охрану прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, постоянно совершенствуется. Вместе с тем механизмы ее практической реализации остаются проработанными не в полной мере.

Законодатель, уделив внимание несовершеннолетним как участникам уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями, учтя необходимость оказания им особой заботы и помощи, уточнил особенности допроса

несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, а также оглашения их показаний, данных в досудебном производстве. Так, была введена обязательность видеозаписи в ходе допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте с участием указанных субъектов (ч. 5 ст. 191 УПК РФ). Кроме того, в ходе судебного заседания стало возможно просматривать видеозапись допроса, проведенного в ходе предварительного расследования, а также оглашать показания несовершеннолетних потерпевших и свидетелей без их участия (ч.ч. 2.1, 6 ст. 281 УПК РФ) [2].

Подобные меры минимизируют контакт несовершеннолетних потерпевших и свидетелей с обвиняемыми, должностными лицами, ограждают от производства по уголовному делу, что обеспечивает реализацию международно-правовых установлений в национальном законодательстве [1] и способствует исключению психотравмирующего воздействия на детей.

Вместе с тем, обвиняемый наделяется правом оспорить доказательства, свидетельствующие против него, предусмотренными законом способами (ч.ч. 2.1, 6 ст. 281 УПК РФ) [3].

В уголовно-процессуальном кодексе не имеется детально регламентированного способа, позволяющего абсолютную реализацию противоположных интересов участников в случае, если потерпевший (свидетель) является несовершеннолетним, а обвиняемый – взрослым.

Так, проведение очной ставки неприемлемо ввиду высоковероятного негативного (психотравмирующего) влияния на несовершеннолетнего в результате встречи с обвиняемым. Не предоставление возможности обвиняемому (подсудимому) оспорить показания свидетельствующего против него лица чреват невозможностью оглашения показания несовершеннолетнего, а значит потребует его вызов в суд и допрос, что не соответствует охранительной направленности производства по уголовным делам с минимальным участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Компромиссным решением является использование «альтернативной» очной ставки – аналога классической (ст. 192 УПК РФ) очной ставки, осуществляемой опосредованно, путем постановки вопросов допрашиваемыми через следователя, без их личной встречи друг с другом [4; с. 92, 5; с. 7, 6; с.49, 7; с. 161].

Учитывая имеющиеся предложения, принимая во внимание складывающуюся следственно-судебной практику, предложим следующую последовательность действий правоприменителей, исключаящую психотравмирующее воздействие на несовершеннолетних потерпевших и свидетелей:

1. Разъяснение несовершеннолетнему потерпевшему (свидетелю) и законному представителю положительных для них последствий допроса с видеозаписью;
2. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) с применением видеозаписи допроса;
3. Допрос обвиняемого с разъяснением ему права задать вопросы, свидетельствующему против него лицу, отраженного в протоколе допроса;

4. При заявлении обвиняемым соответствующего ходатайства – предъявление (оглашение) протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля), воспроизведение видеозаписи его допроса;

5. Формулирование обвиняемым вопросов, адресованных несовершеннолетнему потерпевшему (свидетелю), фиксация вопросов в протоколе допроса обвиняемого;

6. Рассмотрение возможности отвода вопросов, адресованных несовершеннолетнему потерпевшему (свидетелю);

7. Дополнительный допрос несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) по неотведенным следователем вопросам обвиняемого, с применением видеозаписи допроса;

8. Ознакомление обвиняемого с показаниями несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля), содержащие ответы на вопросы, сформулированные обвиняемым, воспроизведение видеозаписи допроса.

Следует оговориться, что в рамках действующего закона предлагаемый алгоритм действий включает в себя элементы таких процессуальных институтов как подача и разрешение ходатайств, ознакомление с материалами уголовного дела, следственное действие – допрос (очная ставка исключается).

В этой связи предлагаемый процессуальный способ, позволяющий уменьшить (исключить) психотравмирующее воздействие на несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, а также реализовать право обвиняемого оспорить показания, свидетельствующего против него лица, уместно называть альтернативной очной ставкой только образно. По сути, этот механизм является «отложенным» (продолжающимся) допросом, осуществляемым в несколько этапов.

В контексте приводимых рассуждений, предлагается следующее понимание сущности указанного механизма – проведение в ходе предварительного расследования допроса (дополнительного допроса) несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) с обязательным применением видеозаписи с целью уменьшения (исключения) психотравмирующего воздействия на него путем исключения непосредственных контактов с обвиняемым, а также минимизацией участия при производстве по уголовному делу, осуществляемого в том числе по вопросам, заявленным стороной защиты в целях реализации права обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него.

Представляется возможным подчеркнуть, что применение предложенного механизма позволит уменьшить (исключить) психотравмирующее воздействие на несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) и реализовать право обвиняемого на оспаривание показаний свидетельствующего против него лица.

Список литературы

1. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 г. // СПС Консультант-Плюс.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве

производстве: Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

3. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 // СПС КонсультантПлюс.

4. Брусницын, Л.В. Новые правила допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии и в суде / Л.В. Брусницын // Уголовное право. 2015. № 3. С. 90-94.

5. Кальницкий, В.В. Органы расследования обязаны обеспечивать право обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него / В.В. Кальницкий // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 6-9.

6. Николук В.В. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего // В.В. Николук, В.А. Виноградова, В.А. Антонов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3. С. 39-52.

7. Николук, В.В. Видеозапись допроса несовершеннолетнего потерпевшего и ее использование при расследовании уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних / В.В. Николук, А.А. Ломакина // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: [Электронное издание]: сборник материалов межд. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Н.С. Диденко. Ростов н/Д: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2019. С. 157-165.

УДК 343.98.063

«НОВАЯ» ФОРМА ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ – ФОНОСКОПИЧЕСКАЯ?

Табакон Александр Владимирович

канд. юрид. наук, доцент

**Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
*tabakov@mail.ru***

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости ревизии криминалистической теории фиксации доказательственной информации. Отмечается, что в условиях информатизации и цифровизации современного общества появляются новые типы криминалистических объектов и новые средства и способы фиксации, которые выходят за рамки традиционной концепции. Автором показано, что перечень из четырёх форм фиксации доказательственной информации уже не охватывает все возможные способы фиксации. В частности, вербальная фиксация, вопреки мнению большинства криминали-

стов, не может включать в себя аудиозапись. Для последней необходимо выделить отдельную форму – фоноскопическую.

Ключевые слова: доказательственная информация; формы фиксации; аудиозапись; фоноскопия.

ON THE FORMS OF FIXING EVIDENTIARY INFORMATION AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF FORENSIC SCIENCE

Tabakov Alexander Vladimirovich

candidate of legal sciences, associate professor

Saint Petersburg state university of architecture and civil engineering

Saint Petersburg, Russia

e-mail: tabakov@mail.ru

Abstract. *The article raises the question of the need to revise the forensic theory of evidence fixing. It is noted that in the conditions of informatization and digitalization of modern society, new types of forensic objects and new means and methods of fixation appear that go beyond the traditional concept. The author shows that the list of four forms of fixing evidential information no longer covers all possible ways of fixing. In particular, verbal fixation, contrary to the opinion of most forensic scientists, cannot include audio recording. For it, it is necessary to select a separate form – phonoscopic.*

Keywords: *evidentiary information; fixation forms; audio recording; phonoscopy.*

В историческом плане криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации – одно из самых «ранних», зародившихся на начальном этапе формирования криминалистики как науки. Вопросы фиксации доказательственной информации «традиционно» находятся в поле зрения криминалистов ввиду особого прикладного значения данного элемента собирания доказательств (а криминалистика, как известно, — прикладная наука, нацеленная, прежде всего, на решение практических задач, возникающих в ходе выявления, предупреждения, расследования и раскрытия преступлений). Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации уже прошло длинный путь развития, начиная с разработки и систематизации практических рекомендаций по применению технико-криминалистических средств, приёмов и методов фиксации и заканчивая рассмотрением фиксации с точки зрения философии (гносеологии) и теории информации.

Однако в контексте информатизации и цифровизации современного общества появляются новые типы криминалистических объектов и, соответственно, новые средства и способы фиксации, которые не «укладываются» в давно устоявшуюся концепцию. В этой связи возникают проблемные вопросы. Инновации требуют не только разработки соответствующих практических рекомендаций для субъектов противодействия преступности, но и теоретического

осмысления в рамках криминалистического учения о фиксации доказательственной информации.

Обратимся к такому разделу рассматриваемого учения как формы фиксации доказательственной информации. По данному вопросу большинство криминалистов проявляют единодушие. В практически всех учебно-методических и научных изданиях по криминалистике, затрагивающих эту тему, выделяются четыре формы фиксации доказательственной информации: 1) вербальная (словесная); 2) графическая; 3) предметная; 4) наглядно-образная [1; с. 125, 2; с. 58]. К числу методов, реализующих перечисленные формы фиксации, отмечаются: 1) при вербальной форме – протоколирование, звукозапись; 2) при графической форме – изготовление схем, планов, чертежей, рисунков; 3) при предметной форме – изъятие предмета в натуре и его консервация, изготовление материальных моделей (реконструкция), в том числе макетирование, изготовление слепков и оттисков; 4) при наглядно-образной форме – фотографирование (в видимых и невидимых лучах), кино- и видеосъемка [1; с. 125]. Отмечается, что возможны комбинации форм, методов и технических приёмов фиксации доказательственной информации.

Первый взгляд на представленную выше совокупность форм фиксации доказательственной информации приводит к предварительному выводу о том, что в их названиях заключены средства и способы фиксации. При вербальной форме для целей фиксации и в качестве средств фиксации используются слова, точнее, тексты; при графической форме – графические отображения; при предметной форме – предметы, то есть материальные объекты, включая модели; при наглядно-образной форме – фотоизображения и иные наглядные образы.

Но давайте более внимательно рассмотрим первую форму фиксации доказательственной информации – вербальную. Эта форма исторически является самой старой и сравнительно простой, она не требует специальных технико-криминалистических средств, что делает её практически общедоступной [1; с. 137]. Та интерпретация данной формы фиксации, которая представлена в криминалистической литературе, вызывает у нас сомнения, хотя она (интерпретация) является, так сказать, «традиционной».

Р. С. Белкин и множество других учёных связывают с вербальной, то есть словесной формой фиксации различные виды описания (протоколирование, словесный портрет) и звукозапись. Однако, если исходить из приведённого выше постулата, согласно которому сущность и специфика формы фиксации выражается в средствах и способах фиксации, и, соответственно, термин, означающий ту или иную форму, отражает эти средства и способы, то нужно сделать вывод: описание (в частности, протоколирование) и звукозапись не являются и не могут являться примерами одной и той же формы фиксации!

Поясним нашу мысль. Вербальная форма фиксации доказательственной информации означает то, что фиксация осуществляется словами, при помощи слов. Протоколирование и иные способы фиксации при помощи языковых единиц под эту характеристику вполне подпадают. При этом протоколирование может применяться для фиксации как речевой информации (протокол допроса, протокол очной ставки и др.) – в этом случае происходит фиксация слов (уст-

ной речи) с помощью слов (письменной речи), так и для фиксации информации, не выражаемой речью, например, информации, содержащейся в вещной обстановке (протокол осмотра места происшествия, протокол обыска и др.) При протоколировании упомянутых следственных действий, связанных с восприятием визуальной информации (осмотр места происшествия, обыск), объектом вербальной фиксации тоже может быть словесно выраженная информация. Но в данных случаях это будет не устная речь, как, например, при допросе, а письменная речь (например, надписи на каких-либо криминалистических объектах), которая фиксируется при помощи всё той же письменной речи в протоколе. Перекодировка информации не происходит, только осуществляется замена носителя информации. В любом случае эти способы фиксации основаны на использовании языковых средств запечатления. Но звукозапись – нет! – она не относится к фиксации, осуществляемой словесным способом. Как видно из представленных в криминалистической литературе примеров вербальной фиксации и пояснений по её применению, при помощи звукозаписи фиксируются *слова* (речь допрашиваемого и т. п.), но не осуществляется фиксация *словами*, то есть *при помощи слов*.

Звукозапись – это процесс фиксации звуковых сигналов (сигналов звукового частотного диапазона, или аудиосигналов) на носитель (материальный объект для фиксации, хранения и считывания сигналов) с возможностью последующего воспроизведения; результатом звукозаписи является фонограмма [4]. Совокупностью звуковых сигналов может быть, конечно, и устная речь человека (речевой сигнал [4]). Однако речь в данном случае является не средством фиксации, а её объектом. Средствами же фиксации являются технические устройства, обеспечивающие перекодировку акустических сигналов в аналоговые или цифровые сигналы, создание фонограммы с возможностью последующего воспроизведения – считывания с носителя звуковых сигналов и преобразование их в заданный вид (запись аналоговой фонограммы включает в себя преобразование акустических колебаний в аналоговый сигнал и его фиксацию на носитель. Запись цифровой фонограммы включает в себя преобразование акустических колебаний в аналоговый сигнал, аналого-цифровое преобразование сигнала, кодирование сигнала в звуковые данные и их фиксацию на носитель [4]). Следовательно, звукозапись не относится к вербальной форме фиксации, так как фиксация осуществляется не при помощи языковых средств.

В правильности этого хода мыслей убеждаешься ещё больше, когда обращаешь внимание на тот факт, что аудиосигналы, которые фиксируются посредством звукозаписи, могут вообще не являться речевыми сигналами (не содержать звучащую речь); это могут быть и иные звуки (шумы и пр.). И кстати, звуки, не являющиеся устной речью, нередко выступают в качестве объектов криминалистического исследования, например, в ходе инженерно-технических (фоноскопических, автотехнических и др.) экспертиз. В случае фиксации при помощи звукозаписи таких звуков, которые не образуют устную речь человека, слова в принципе не фигурируют – ни в качестве объекта фиксации, ни в качестве её средства. И при чём тут, спрашивается, вербальная фиксация?! Очевидно, не при чём – мы не видим и не слышим ни одного слова.

Полагаем, что звукозапись отнесена к вербальной форме фиксации потому, в большинстве случаев она действительно используется для фиксации слов (устной речи); в ходе предварительного расследования звукозапись чаще всего используется при производстве таких следственных действий как допрос, очная ставка, контроль и запись переговоров (если при проведении допроса и очной ставки звукозапись факультативна (часть 4 статьи 189 УПК РФ), то контроль и запись переговоров – это следственное действие, прямо ориентированное на производство звукозаписи и получение в результате фонограмм (статья 186 УПК РФ). Но, во-первых, как показано ранее, звукозапись может вообще не оперировать словами ни в качестве объекта, ни в качестве средства фиксации – основания для её отнесения к вербальной форме фиксации в таких случаях в принципе отсутствуют. Во-вторых, толкование вербальной формы фиксации как формы, связанной с запечатлением либо слов, либо при помощи слов, представляется некорректным с точки зрения формальной логики: здесь происходит подмена понятий и деление по разным основаниям – типичные логические ошибки.

Итак, звукозапись любых – как речевых, так и неречевых – звуковых сигналов однозначно нельзя отнести к таким формам фиксации как графическая, предметная, наглядно-образная: в этом нет сомнений и по этому поводу нет споров среди криминалистов. В качестве графической формы фиксации можно рассматривать лишь графическое изображение амплитудно-частотно-временных характеристик звука, но это уже – не звукозапись, ибо не создаётся фонограмма. Взятую нами в качестве яркого примера звукозапись неречевых аудиосигналов также невозможно отнести ни к одной из четырёх означенных форм фиксации доказательственной информации. Выше мы объяснили, что такая разновидность звукозаписи не может считаться вербальной формой фиксации: объект фиксации (звук) не является речью и в ходе фиксации не осуществляется вербализация. Наконец, единственный вариант, когда звукозапись связана с языком (звучащей речью), – это вариант звукозаписи устной речи – тоже некорректно относить к вербальной форме фиксации, если деление форм фиксации основывать на признаке применяемых для запечатления средств и методов.

Изложенное подводит к «крамольному» выводу: практически никем не оспариваемый перечень форм фиксации доказательственной информации, включающий четыре формы, является неправильным, поскольку он трактуется как исчерпывающий, но не охватывает некоторые используемые на практике методы фиксации. Распространённую в криминалистических источниках позицию, согласно которой звукозапись представляет собой вербальную форму фиксации, следует признать некорректной с формально-логической точки зрения, ибо наблюдается деление по разным основаниям: формы фиксации выделяются в зависимости от применяемых для запечатления средств и методов, однако для звукозаписи «делается исключение»: она «примыкает» к вербальной форме фиксации по другому основанию, а именно – по признаку отнесения объекта фиксации к словесному материалу (устной речи).

Полагаем, что звукозапись – это пример проявления иной, отличной от четырёх известных форм фиксации доказательственной информации. Как отмечалось, в процессе звукозаписи создаётся фонограмма (от греч. φωνή – «звук» +

урáцца – «запись») – звуковые сигналы, содержащиеся на аналоговом или цифровом носителе, или записанные в определённом файле. В этой связи выносим на обсуждение учёного сообщества вопрос о возможности и целесообразности расширения списка форм фиксации путём включения в него пятой формы – фонографической.

Думается, что предлагаемое нами дополнение снимет противоречия между теорией и практикой, «расставит вещи по своим местам». Звукозаписи будет отведено своё «законное» место. А весьма часто применяемая в правоохранительной деятельности видеозвукозапись, результатом которой является видеофонограмма (записанные на носителе аудио- и видеосигналы) [4], будет рассматриваться как сочетание двух форм фиксации – наглядно-образной и фонографической.

Мы осознаём, что наше предложение, возможно, излишне «смелое». Но ведь для исследователя не должно быть предустановленных догм и непререкаемых авторитетов, не так ли? К любым научным достижениям нужно относиться критично, в том числе (и прежде всего) к своим собственным.

Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации, хоть и достаточно «зрелое», не должно быть в этом плане исключением. Как нам видится, сложились предпосылки к ревизии данной теории. Помимо обозначенной в настоящей статье проблемы, связанной с отсутствием для звукозаписи места в перечне форм фиксации, имеются и иные, не менее актуальные проблемы. Так, аналогичный по существу вопрос можно поставить в отношении такого способа фиксации, как создание цифровой модели материального объекта (вещной обстановки и др.) на основании данных, получаемых, в частности, путём лазерного сканирования местности. Возможность его отнесения к предметной форме фиксации (моделирование, как известно, относят именно к этой форме) вызывает у нас некоторые сомнения, поскольку фиксация осуществляется не «предметно» в «классическом» варианте интерпретации указанной формы. С другой стороны, мы понимаем, что этот вопрос дискуссионный, ведь цифровая информация на том или ином носителе тоже имеет материальную природу [3]. В контексте тотальной цифровизации цифровую модель, представляющую собой компьютерную информацию на том или ином материальном носителе, с определёнными оговорами можно назвать «предметом» и отнести, стало быть, к проявлению предметной формы фиксации доказательственной информации. При таком подходе данная форма, соответственно, будет интерпретироваться более широко, объём понятия «предметная форма фиксации» будет увеличен. Эти вопросы также нуждаются в обсуждении.

Ясно одно: в настоящее время, в условиях стремительного научно-технического прогресса криминалисты сталкиваются с новыми вызовами, но вместе с тем им открываются и новые возможности. В этих условиях некоторые, казавшиеся незыблемыми устои криминалистики требуют переосмысления.

Список литературы

1. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории / Р. С. Белкин. М.: Юристъ, 1997. 464 с.
2. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. 781 с.

3. Россинская, Е. Р. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. Вып. 3. С. 745-759.

4. Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения: Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 58332-2018. Утверждён и введён в Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2018 года № 1158-ст (дата введения: 1 июня 2019 года) // СПС КонсультантПлюс.

УДК 343.102

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Храмов Сергей Михайлович

канд. юрид. наук, доцент

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

г. Брест, Республика Беларусь

email: khramausiarhei@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые особенности производства следственных действий по уголовным делам с участием лиц с ограниченными возможностями. Отмечается, что при инвалидности наблюдаются стойкие расстройства функции организма, что необходимо учитывать в уголовном процессе. Делается вывод о необходимости дополнения УПК статьей, предусматривающей порядок производства следственных действий с участием немых, глухих, слепых, лица, страдающих иным тяжким заболеванием.

Ключевые слова: инвалидность, лица с ограниченными возможностями, уголовный процесс, следственные действия, показания, уголовное судопроизводство, наказание.

FEATURES OF PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN CRIMINAL CASES WITH PARTICIPATION OF PERSONS DISABLED

Khramov Sergey Mikhailovich

candidate of legal sciences, associate professor

Brest state A.S. Pushkin university

email: khramausiarhei@gmail.com

Abstract: The article examines some of the features of the production of investigative actions in criminal cases with the participation of persons with disabilities. It

is noted that with disability, persistent disorders of the body's function are observed, which must be taken into account in the criminal process. It is concluded that it is necessary to supplement the Criminal Procedure Code with an article that provides for the procedure for conducting investigative actions with the participation of the dumb, deaf, blind, persons suffering from another serious illness.

Keywords: *disability, persons with disabilities, criminal procedure, investigative actions, testimony, criminal proceedings, punishment.*

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит единой нормы, которая бы учитывала и закрепляла особенности производства следственных действий с участием лиц с ограниченными возможностями. К таким лицам могут относиться немые, глухие, слепые, слабовидящие. К этой же категории следует отнести лиц, страдающих психическими и иными тяжким заболеванием.

В правоприменительной практике выделяются следующие проблемные направления, связанные с участием в уголовном процессе лиц с ограниченными возможностями. особенности допроса лиц, страдающих физическими недостатками (глухие, немые, слепые, глухонемые, тугоухие, заикающиеся); производство психологических экспертиз по делам лиц, страдающих физическими недостатками; судопроизводство по делам глухих, немых, слепых и глухонемых; участие лиц с физическими недостатками в осмотрах и опознаниях; влияние физических и психических недостатков обвиняемого на его показания и позицию по уголовному делу; назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом.

Большинство из перечисленных проблем были подняты и рассмотрены в многочисленных публикациях на эту тему С.П. Щербы.

Как отметил С.П. Щерба, «суть особенностей судопроизводства по таким делам состоит в создании оптимальных условий и порядка их расследования и рассмотрения, которые бы, с одной стороны, исключали проявления предвзятости, субъективизма, обвинительного уклона и неполноты исследования обстоятельств преступления, а с другой – обеспечивали бы гуманитарные и демократические начала в советском уголовном процессе, усиливали бы охрану прав и законных интересов личности» [6; с. 27].

Из современных ученых необходимо выделить С.М. Курбатову. Как указывает в одной из своих статей автор, «в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) до сих пор отсутствуют нормы, которые бы учитывали специфику участия лиц, имеющих ограниченные возможности» [4; с. 238].

Юридический термин, который можно использовать для лиц с ограниченными возможностями – инвалиды. Понятие инвалидов дано в Декларации о правах инвалидов от 09.12.1975 года. В Декларации указано, что выражение «инвалид» — это «любое лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и/или социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или нет, его или ее физических или умственных способностей» [3].

Инвалидность могут вызвать различные причины. Например, заболевания, последствия травм, различные дефекты. В результате у человека не только нарушается здоровье, но и наблюдаются стойкие расстройства функции организма. Перечисленное вызывает «необходимость его социальной защиты», о чем прямо указано в ст. 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [5].

Перечень следственных действий, в которых могут принимать участие инвалиды, обширен. Например, допросы, очные ставки, следственные эксперименты, опознания. Уголовно-процессуальный статус лиц с ограниченными возможностями также может быть различным. Начиная от свидетелей и потерпевших и заканчивая подозреваемыми и обвиняемыми.

Инвалиды-участники уголовного процесса могут иметь особенности, связанные не только с состоянием их здоровья. Некоторые из них имеют ограниченные либо вовсе утраченные социально полезные связи и навыки. Это может привести к полной или частичной социальной дезадаптации, что также необходимо учитывать. Изложенное свидетельствует о повышенной уязвимости инвалидов в уголовном процессе.

Как правило, подозреваемые не скрывают инвалидности. Иногда это скрыть невозможно. Предоставляя справки о состоянии здоровья, и медицинские документы, подтверждающие инвалидность, обвиняемые небезосновательно рассчитывают на нисхождение при назначении наказания.

Инвалидность сама по себе не является обстоятельством, смягчающим наказание. Вместе с тем, при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой ст. 61 УПК РФ. Данное правило содержится в ч. 2 этой же статьи. Обычно суды принимают во внимание инвалидность обвиняемого.

Положительные характеристики с места жительства инвалида, по месту работы или службы и от общественной организации, а также наличие на иждивении ребенка-инвалида на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ признаются судами обстоятельствами, смягчающими наказание. При наличии совокупности подобных обстоятельств обвиняемый, являющийся инвалидом, вправе рассчитывать на смягчение наказания.

Пример №1. По уголовному делу № 22-5050/2020 Г. был осужден по ч. 5 ст. 264 УК РФ за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух лиц. Г. был приговорен к 1 году 6 месяцам лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами на срок 2 года 6 месяцев, с отбыванием наказания в колонии-поселении.

Не оспаривая квалификацию содеянного, Г. высказал несогласие с приговором, «считая назначенное ему наказание чрезмерно суровым» [2].

Действующий УПК рассчитан, прежде всего, на лиц, не имеющих заболеваний и обусловленных этими заболеваниями ограничений. С целью совершенствования действующего законодательства и учета особенностей участия лиц с ограниченными возможностями в уголовном процессе было бы целесообразным рассмотреть вопрос о разработке и включении в УПК специальной нормы.

Эта норма могла бы регламентировать порядок производства следственных действий с участием немых, глухих, слепых, иных лиц с ограниченными возможностями. Например, для участия в допросах, очных ставках, следственных экспериментах следовало бы предусмотреть специалиста, понимающего знаки указанных лиц и умеющее с ними изъясняться знаками. Об участии такого специалиста в следственном действии можно было бы делать соответствующую пометку в протоколе. Также в ряде случаев целесообразно предусмотреть разрешение на участие больного в следственном действии, которое мог бы давать врач. Этот же врач мог бы присутствовать при производстве самого следственного действия. Перечень таких лиц можно было бы ограничить формулировкой: «при наличии психического или иного тяжкого заболевания».

Возвратимся к примеру №1. В обоснование своей жалобы Г. указал, что «судом не были учтены все смягчающие обстоятельства по делу, а именно наличие у него на иждивении малолетних детей-инвалидов, признание вины и раскаяние, наличие у него самого инвалидности второй группы, статуса ветерана боевых действий, положительной характеристики с места жительства» [2].

В результате в качестве смягчающих наказание обстоятельств судом апелляционной инстанции признаны: наличие малолетнего ребенка З., 2007 года рождения, признание вины, раскаяние в содеянном, наличие инвалидности второй группы, нахождение на иждивении ребенка-инвалида Б., 2002 года рождения, наличие статуса ветерана боевых действий. Суд апелляционной инстанции на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ признал обстоятельствами, смягчающими Г. наказание: положительные характеристики с места жительства, по месту службы и от общественной организации, наличие на иждивении ребенка-инвалида (З., 2007 года рождения), и применил к нему условное осуждение согласно ст. 73 УК РФ.

В ходе расследования уголовного дела необходимо проверять достоверность предоставленных обвиняемым сведений о своей инвалидности.

Имеются случаи, когда изготавливаются и предъявляются справки об инвалидности, содержащую заведомо ложные сведения о признании гражданина инвалидом.

Пример №2. При расследовании уголовного дела № 1-50/2020 в отношении Б. были установлены факты мошенничества при получении выплат путем предоставления заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере. Как указано в приговоре суда, «никаких заболеваний, которые могут повлечь получение инвалидности, у нее не имеется. Инвалидности она не имеет и никогда не имела. С целью получения справки она предоставила неизвестному молодому человеку ... свои паспортные данные и передала этому гражданину за справку о наличии инвалидности денежные средства в сумме 30000 рублей» [1].

Таким образом, имеются значительные особенности производства следственных действий по уголовным делам с участием лиц, страдающих физическими недостатками (глухие, немые, слепые, глухонемые, тугоухие, заикающиеся). При производстве следственных действий необходимо учитывать, что фи-

зические и психические недостатки обвиняемого могут повлиять на его показания и позицию по уголовному делу.

С целью совершенствования уголовно-процессуального законодательства имеется необходимость рассмотрения возможности дополнения УПК РФ статьей, предусматривающей порядок производства следственных действий с участием немых, глухих, слепых, лица, страдающих иным тяжким заболеванием.

Список литературы

1. Архив Павловского районного суда (Краснодарский край) за 2020 г. Приговор № 1-50/2020 от 30 октября 2020 г. по делу № 1-50/2020.

2. Архив Ставропольского краевого суда (Ставропольский край) за 2020 г. Апелляционное постановление № 22-5050/2020 от 15 октября 2020 г. по делу № 1-93/2020.

3. Декларация о правах инвалидов [Электронный ресурс]: Принята 09.12.1975 Резолюцией 3447 (XXX) на 2433-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС Консультант Плюс.

4. Курбатова, С.М О проблемах участия слепых и слабовидящих лиц в производстве по уголовному делу / С.М. Курбатова // Бизнес. образование. Право. 2020. № 2. С. 236-241.

5. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ. В ред. Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 429-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

6. Щерба, С.П. Избранные труды / С.П. Щерба [сост. Н.Э. Кузнецова, П.А. Смирнов; вступит. ст. Ф.М. Кобзарева]. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. 308 с.

УДК 343.953 ББК 67.52

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО СЕКСУАЛЬНЫМ УГОЛОВНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ С УЧАСТИЕМ ПОТЕРПЕВШИХ, ИМЕЮЩИХ ШИЗОТИПИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО ЛИЧНОСТИ

Черкасова Елена Сергеевна

канд. психол. наук, доцент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,

Новосибирский филиал

г. Новосибирск, Россия

cherkasova75@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при раскрытии и расследовании уголовных преступлений с участием лиц, имеющих эксцентрическое расстройство личности кластера «А». Данный кластер расстройств личности содержит расстройства, установление которых в ходе комплексных психолого-психиатрических экс-

пертиз, обуславливает переход потерпевшего в категорию «лица с ограниченными возможностями». Шизотипическое расстройство личности потерпевшего в большинстве уголовных дел, вызывает значительные сложности для следствия в вопросе установления достоверных обстоятельств совершенного в отношении него уголовного деяния по причине вычурности и неоднозначности для следствия личностных и клинических особенностей лица. Запечатление и дальнейшее воспроизведение информации, получаемой от данной категории лиц должно быть объективизировано через призму симптомокомплекса шизотипического расстройства их личности.

Ключевые слова: *расстройство, личность, шизотипическое, сексуальное преступление, обстоятельства, уголовное дело, установление, симптомы, кластер, процесс.*

FEATURES OF ESTABLISHING THE FACTS, THE SPINE ON SEXUAL CRIMES WITH THE PARTICIPATION OF VICTIMS WITH SCHIZOTYPAL DISORDER

Cherkasova Elena Sergeevna

candidate of psychological sciences, associate professor

Moscow academy of the Investigative committee of the Russian Federation,

Novosibirsk branch

Novosibirsk, Russia

email: cherkasova75@mail.ru

Annotation: *The article examines the list of circumstances to be proved in the disclosure and investigation of criminal offenses involving persons with eccentric personality disorder of the "A" cluster. This cluster of personality disorders contains disorders, the establishment of which in the course of complex psychological and psychiatric examinations, conditions the transition of the victim to the category of «persons with disabilities». He schizotypal personality disorder of the victim in most criminal cases causes significant difficulties for the investigation in establishing the reliable circumstances of the criminal act committed against him due to the pretentiousness and ambiguity for the investigation of the personal and clinical characteristics of the person. The imprinting and further reproduction of information received from this category of persons should be objectified through the prism of the symptom complex of the shizotypic disorder of their personality.*

Keywords: *disorder, personality, schizotypal, sexual crime, circumstances, criminal case, establishment, symptoms, cluster, process.*

«Алгоритм установления обстоятельств полового преступления» (авт. АЕССС: The algorithm of establishing the circumstances of the sexual crimes) призван вобрать в себя весь накапливаемый в ходе расследования фактический, объективный, свидетельский материал, который представляется возможность объективизировать в дальнейшем в криминалистический профиль личности

преступника, совершающего преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности» [1].

Проблемы, возникающие при расследовании сексуального преступления, в котором потерпевшим становится лицо, имеющие эксцентрическое расстройство личности кластера «А», связаны прежде всего с тем, что в данный кластер расстройств личности входит, пожалуй, самое эксцентричное расстройство личности – шизотипическое. В ходе комплексных психолого-психиатрических экспертиз данные потерпевшие переходят в категорию «лица с ограниченными возможностями». Симптомокомплекс данного расстройства личности отличается крайним своеобразием и необычностью. Чаще всего, решение о признании данного лица страдающим именно шизотипическим расстройством личности кластера «А» принимается врачебным консилиумом, поскольку разграничение данного расстройства с симптоматикой и протеканием «Шизофрении» (F20) представляет значительные трудности. Основными и явными симптомами данного расстройства личности являются: повышенная подозрительность, социальная отстраненность; эгоцентризм, странности поведения; паранойя; отчужденность, эмоциональная холодность, неадекватность; способ мышления аморфный, детализированный, даже к мелочам отношение чрезмерно обстоятельное; нарушение восприятия, деперсонализация, иллюзии; навязчивые идеи, неспособность им сопротивляться; в редких случаях возможны слуховые галлюцинации, идеи бредового типа.

Как видно из приведенного не исчерпывающего перечня симптомов, большинство из них связано с нарушением восприятия, именно того процесса, который напрямую взаимодействует с возможностью установления АЕСС. Процесс работы с информационными массивами, находящимися в актуальной памяти шизотипического пострадавшего от полового преступления, требует от следователя определенных навыков и знаний из области клинической психологии. Именно в таком случае «объективизация основных криминалистических вопросов, подлежащих доказыванию, может стать успешной» [2].

Актуализация памяти пострадавшего с неоднократным затрагиванием «золотого стандарта» устанавливаемых вопросов: кто, как, почему, что, где, когда, какими средствами, в ходе реализации следственных действий как бы «продирается» через деперсонализацию, иллюзии, навязчивые идеи, а зачастую и галлюцинации. Уравновешенность, спокойствие, эмпатия и сострадание следователя с одновременной твердостью, настойчивостью и упорством, способны преодолеть барьеры патологического состояния. Критерием объективного установления обстоятельств при шизотипическом расстройстве личности являются одноподобные ответы потерпевшего на выше обозначенные вопросы, с полученными в ходе следственных действий подробностями и нюансами, запечатленными в долговременной памяти как раз за счет параноидных тенденций.

В случаях особой подозрительности, мнительности, сочетанном характере нанесенного сексуальным преступлением ущерба и вреда психике потерпевшего, есть необходимость в привлечении к следственным действиям клинических психологов и/или психиатров в качестве консультантов, чье участие в

следственных мероприятиях подлежит своевременному оформлению с точки зрения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Трудности разграничения ряда симптомов шизотипического расстройства личности с галлюцинаторными и бредовыми конструкциями, несомненно лежат в поле профессиональной компетенции соответствующих специалистов, но изначальный качественный сбор материалов и показаний – это зона ответственности следователей. Нельзя исключать ситуаций, в которых вычурность, стилистика, качественные характеристики сообщенных обстоятельств, «преобразуются» через призму видения «условно-здорового» следователя, что приводит к значительному искажению фактического материала, возврат которого в русло объективного может становится невозможным в силу утраты информационного контента в восприятии шизотипического пострадавшего.

Список литературы

1. Черкасова, Е.С. Криминалистический алгоритм установления обстоятельств полового преступления / Е.С. Черкасова // Сборник материалов криминалистических чтений. 2019. № 16. С. 75-77.

2. Черкасова, Е.С. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего девиантные сексуальные преступления / Е.С. Черкасова // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 4 (22). 87-90 с.

УДК 343.1

КРАТКО ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДОПРОСА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Широва (Пашаева) Эльмира Халиковна

канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России,

г. Барнаул, Россия

email: p_elmira@mail.ru

Пашаев Халик Парвизович,

канд. филос. наук, доцент,

Горно-Алтайский государственный университет,

г. Горно-Алтайск, Россия

email: p_khalik@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам осуществления допроса участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями, рассмотрены отдельные нормативно-правовые акты регулирующие особенности осуществления процессуальных действий с лицами, относящимися к кате-

гории немого, глухого, слепого, лица, страдающего иным тяжким заболеванием.

Ключевые слова: допрос, следователь, расследование, участник уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями, немой, глухой, слепой, лицо, страдающее тяжким заболеванием.

BRIEFLY ABOUT THE FEATURES OF INTERROGATION OF PARTICIPANTS CRIMINAL PROCEEDINGS WITH RESTRICTED OPPORTUNITIES

Shirova (Pashayeva) Elmira Khalikovna
cand. jurid. sciences, associate professor
Barnaul law institute the MIA of Russia,
Barnaul, Russia
email: p_elmira@mail.ru

Pashaev Khalik Parvizovich,
cand. of philosophy, associate professor,
Gorno-Altai state university,
Gorno-Altaysk, Russia
email: p_khalik@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to the problems of interrogation of participants in criminal proceedings with disabilities, some normative legal acts regulating the peculiarities of the implementation of procedural actions with persons belonging to the category of dumb, deaf, blind, or a person suffering from another serious illness are considered.*

Keywords: *interrogation, investigator, investigation, participant in criminal proceedings with disabilities, dumb, deaf, blind, a person suffering from a serious illness.*

Допрос нередко определяют как «процесс передачи следователю допрашиваемым информации о расследуемом событии или связанных с ним обстоятельствах и лицах» [5; с.97]. Но так допрос – как получение показаний лица, обладающего интересующими следствие данными – выглядит лишь в информационном плане, а в практической деятельности допрос является одним из самых сложных следственных действий.

Общие правила проведения допроса предусмотрены статьей 189 УПК РФ. Допрос требует от следователя высокого профессионального мастерства. Сложность допроса определяется не только тем, что следователю часто противостоит лицо, не желающее давать показания, но и тем, что в показаниях добросовестного допрашиваемого могут содержаться ошибки и искажения, заблуждения и вымысел, которые необходимо обнаружить и учесть при оценке и использовании показаний [1; с.6].

Ганс Гросс писал: «Свидетель неумелому следователю или ничего не расскажет, или покажет несущественное или совсем неверное, и тот же свидетель

правдиво, точно и подробно покажет тому следователю, который сумеет заглянуть в его душу, понять его и сумеет с ним сойтись» [2; с.45-46].

Процесс формирования показаний от момента восприятия до передачи информации носит психологический характер, сопровождаемый влиянием многочисленных объективных и субъективных факторов, действие которых в той или иной форме сказывается на полноте и объективности показаний.

Для правильной оценки и использования показаний допрашиваемых исключительно важное значение имеет учет условий восприятия интересующих следствие событий. В процессе расследования следователь нередко сталкивается с тем, что различные лица, являющиеся участниками либо очевидцами одного и того же события, по-разному воспроизводят его обстоятельства. Нередко это может объясняться позицией, занимаемой допрашиваемым, кругом его интересов и намерений. В иных случаях это может быть связано с особенностями восприятия, запечатления и воспроизведения полученной информации различными людьми [4; с.102-106, 6; с.4-25].

Чрезвычайно сложным следственным действием является допрос участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями. Изложенное объясняется тем, что допрос немого, глухого, слепого, лица, страдающего иным тяжким заболеванием, с одной стороны, требует знания особых психологических правил и тактических приемов. Особенности допросов лиц указанной категории в основном обусловлены своеобразием психологии лиц, имеющих дефекты зрения, слуха, речи и языка. С другой стороны, обязывает следователя соблюдать все процессуальные гарантии, которые обеспечивают полноту и объективность показаний (участие защитника, переводчика), применение технических средств фиксации допроса.

Уголовно-процессуальное законодательство России не содержит особых исключений для лиц с ограниченными возможностями, разве, что в 3 п. 1 ч. статьи 51 УПК РФ закреплено обязательное участие защитника, если подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту [8].

В пункте 11 Декларации о правах инвалидов обозначено, что инвалиды должны иметь возможность пользоваться квалифицированной юридической помощью, когда подобная помощь является необходимой для защиты их личности и имущества: если они являются объектом судебного преследования, они должны пользоваться обычной процедурой, полностью учитывающей их физическое или умственное состояние [3].

Особенности допроса немого, глухого, слепого, лица, страдающего иным тяжким заболеванием, в качестве свидетеля предусматривает статья 249 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ, где отмечено, что допрос немого или глухого свидетеля осуществляется с участием лица, которое понимает его знаки или умеет изъясняться с ним знаками. Участие этого лица в допросе отражается в протоколе. При наличии психического или иного тяжелого заболевания свидетеля его допрос осуществляется с разрешения врача и в его присутствии [7]. При этом, по нашему мнению, в зависимости от ситуаций должностному лицу, осуществляющему предварительное расследование целесообразно обеспечение перевода необходимых процессуальных актов, документов рельефно-точечным тактильным шрифтом, пред-

назначенным для письма и чтения незрячими и плохо видящим людям по системе шрифта Брайля.

От того, насколько следователь знаком с закономерностями и приемами осуществления рационального общения, зависят складывающийся климат общения, качественность и результативность решения стоящих перед ним задач, расследования и производства отдельных следственных действий, уровень обеспечения и защиты прав в интересах участников расследования. Общение следователя с участником уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями, в процессе расследования, следует рассматривать как обязательный элемент следственной деятельности, содержанием которого является организация и тактика взаимодействия следователя с участниками уголовного процесса.

Получение информации, запечатленной в памяти лица с ограниченными возможностями, имеющего отношение к обстоятельствам расследуемого события, невозможно без общения с ним, которое реализуется, прежде всего, в форме допроса [9; с.64-65].

Таким образом, полагаем, что процессуальные действия в уголовном судопроизводстве с участниками, относящимися к категории с ограниченными возможностями, не достаточно исследованы в правовой науке и малоизвестны практическим работникам, их участие в процессуальных действиях в той, или иной мере, лишает возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, что до сих пор является одной из актуальных проблем уголовного судопроизводства и требует специального комплексного исследования проблематики, обусловленной практической необходимостью.

Список литературы

1. Васильев, А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений / А.Н. Васильев, Л.М. Карнеева. М.: Юрид. лит., 1970. 208 с.
2. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. / пер. с нем. СПб.: Н.К. Мартынов, 1908. 1040 с.
3. Декларация о правах инвалидов (утв. Резолюцией тринадцатой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 3447(XXX) от 9 декабря 1975 г.) // СПС КонсультантПлюс.
4. Коновалова, В.Е. Проблеми логіки і психології слідчій тактиці / В.Е. Коновалова. Х.: Вид – во Харків. Ун – ту, 1965. 140 с.
5. Лившиц, А.М. Тактика следственных действий / А.М. Лившиц, Р.С. Белкин. М.: Издательство «Новый юрист», 1997. 176 с.
6. Митрохина, З.И. Использование данных психологии при производстве допроса: Учебное пособие / З.И. Митрохина. Киев: УМК ВО, 1990. 52 с.
7. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) // СПС КонсультантПлюс.
8. Проблемы в защите лиц, с ограниченными физическими возможностями. [Электронный ресурс]. URL <https://pravorub.ru/cases/21346.html> (дата обращения 20.05.2021).
9. Следственная практика. 1962. Вып. 56. С. 64-65.

**Секция: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ**

УДК 343.1

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ
НА ОХРАНУ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШИХ
И СВИДЕТЕЛЕЙ, ИМЕЮЩИХ ВОЗРАСТНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
И ИНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, В ПРОЦЕССЕ ИХ ДОПРОСА
В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ**

Баянов Александр Иванович

канд. юрид. наук, доцент

Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Россия

email: bayanov1603@yandex.ru

Курбатова Светлана Михайловна

канд. юрид. наук, доцент

Сибирский федеральный университет,

Красноярский государственный аграрный университет

г. Красноярск, Россия

email: sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: В статье, на основе анализа Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) рассматривается необходимость дополнительной защиты прав и законных интересов потерпевших и свидетелей, имеющих возрастные, психические и иные особенности, препятствующие свободе волеизъявления в процессе их допроса в судебном заседании при постановке наводящих вопросов со стороны обвинения, защиты. Предлагается внести дополнения в статьи 278 и 280 УПК РФ, обеспечивающие соблюдение прав и законных интересов указанных допрашиваемых лиц.

Ключевые слова: судебное заседание, допрос потерпевшего, допрос свидетеля, права и законные интересы, наводящие вопросы.

**ADDITIONAL MEASURES AIMED AT PROTECTING THE RIGHTS
AND LEGITIMATE INTERESTS OF VICTIMS AND WITNESSES WITH
AGE, PSYCHOLOGICAL AND OTHER CHARACTERISTICS DURING
THEIR INTERROGATION AT A COURT SESSION**

Bayanov Alexander Ivanovich,

candidate of legal sciences, associate professor

Siberian Federal University,

Krasnoyarsk, Russia

email: bayanov1603@yandex.ru

Kurbatova Svetlana Mikhailovna,
candidate of legal sciences, associate professor
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Krasnoyarsk, Russia
email: sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: *The article, based on the analysis of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), considers the need for additional protection of the rights and legitimate interests of victims and witnesses who have age, mental and other characteristics that hinder freedom of expression during their interrogation at a court session when raising leading questions from the prosecution, defense. It is proposed to make additions to Articles 278 and 280 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, ensuring the observance of the rights and legitimate interests of these interrogated persons.*

Keywords: *court session, questioning of the victim, questioning of the witness, rights and legitimate interests, leading questions.*

Общей целью следственных и судебных допросов, других процессуальных действий, направленных на получение показаний в уголовном судопроизводстве, является получение полных и правдивых показаний, на основе которых достоверно устанавливаются обстоятельства преступного события и принимаются обоснованные правовые решения.

Для получения полных и правдивых показаний решаются промежуточные тактические задачи, а в арсенале уголовно-процессуального закона и криминалистики имеется комплекс процессуальных и криминалистических операций и приемов. Средства получения показаний можно разделить на группы:

- запрещенные законом;
- не допускаемые нормами морали и этики;
- допускаемые только при наличии определенных условий.

Универсальным средством для получения полных и правдивых показаний является вопрос, который следует отнести к процессуальным приемам производства следственных и судебных действий. Вопрос, с учетом его содержания, формы и назначения относится как к запрещенным, так и к рекомендуемым приемам. По назначению вопрос может иметь наводящий характер или не быть таковым. Характер вопроса зависит в основном от его информационного содержания и формы, используемой при постановке (вербальной и невербальной). Несмотря на то обстоятельство, что история законодательного регулирования постановки наводящих вопросов в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве имеет достаточно долгий период, современный УПК РФ не лишен целого ряда проблем, на которые справедливо обращается внимание в юридической литературе [3, 4, 5, 7, 9 и т.д.].

Среди основных проблем, по нашему мнению, необходимо выделить следующие:

а) отсутствие нормативно-правового определения «наводящий вопрос», несмотря на его запрет на стадии досудебного и отчасти судебного производства;

б) различие в подходах к регулированию допустимости постановки наводящих вопросов на отдельных стадиях уголовного судопроизводства и по отношению к отдельным следственным и судебным действиям;

в) отсутствие процессуального механизма, обеспечивающего свободу волеизъявления потерпевших и свидетелей в процессе их допроса в судебном заседании при отсутствии в текстах статей 277 УПК РФ (допрос потерпевшего), 278 УПК РФ (допрос свидетеля), 280 УПК РФ (допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля), 282 УПК РФ (допрос эксперта) запрета на постановку наводящих вопросов.

Решение первой проблемы требует самостоятельного исследования и выходит за рамки настоящей статьи. В юридической литературе имеются достаточно глубокие исследования, посвященные раскрытию сущности наводящего вопроса и обоснованные предложения о необходимости закрепления его определения в нормах УПК РФ [10, 11]. Что касается остальных обозначенных выше проблем, то они связаны между собой и непосредственно влияют на обеспечение прав и законных интересов допрашиваемых лиц.

Прежде всего необходимо отметить, что общие правовые установки, определяющие принципы уголовного судопроизводства, должны быть обеспечены механизмами регулирования более частных аспектов процессуальной деятельности. К важнейшим принципам уголовного судопроизводства, имеющим непосредственное отношение к проблеме наводящих вопросов, следует отнести также и положения статьи 6 УПК РФ, декларирующей защиту прав и законных интересов лиц, и статьи 15 УПК РФ, устанавливающей состязательный характер уголовного судопроизводства.

Указанные основные положения имеют прямое отношение к существующим проблемам, возникающим в следствии особенностей правового регулирования порядка постановки наводящих вопросов в УПК РФ.

Наводящие вопросы при получении показаний могут существенно влиять на сознание допрашиваемых лиц (внушать, навязывать, подсказывать и т.п.) и с учетом особенностей их характера, психического состояния иных личностных данных приводить к даче показаний в форме ответов на поставленные вопросы, не отвечающие их волеизъявлению и соответственно к нарушению их прав и законных интересов, а также постановки под вопрос доказательственного значения полученной информации с точки зрения допустимости [8].

Поэтому наводящие вопросы запрещены к постановке в процессе допроса некоторых субъектов на отдельных стадиях уголовного судопроизводства, так как они склоняют к даче неправильных показаний. С другой стороны, наводящие вопросы являются эффективным средством разоблачения ложных показаний и проверки уверенности допрашиваемого лица в правдивости своих показаний.

Действие наводящих вопросов носит избирательный характер. Для человека, уверенного в правдивости и объективности своих показаний, имеющему

устойчивую психику и обладающему волей, наводящие вопросы не опасны. Он будет придерживаться своей позиции. Для другой категории лиц, характеризующейся противоположными данными, наводящие вопросы представляют опасность. Они могут привести к получению ответов, которые не соответствуют содержанию информации, хранящейся в памяти человека. Таким образом, из-за наводящих вопросов нарушается право на свободу волеизъявления лица.

Наводящий вопрос является средством перекрестного допроса, реализуемого в судебном заседании. В свою очередь, перекрестный допрос относится к важнейшему элементу, обеспечивающему состязательность сторон. Использование наводящего вопроса при допросе потерпевших, свидетелей, экспертов в рамках перекрестного допроса допускается уголовно-процессуальным законодательством ряда стран мира (США, Украина, Эстония и т.д.).

В национальном законодательстве отдельных государств встречаются разные по полноте и детализации нормы, регламентирующие порядок постановки наводящих вопросов в перекрестном допросе.

В этом отношении УПК РФ содержит прямое запрещение (недопущение) наводящих вопросов при проведении всех следственных действий, направленных на получение показаний на стадии досудебного производства (допрос, предъявление для опознания, проверка показаний на месте).

По непонятным причинам из данного списка исключается очная ставка, которая является самостоятельным следственным действием, несмотря на существующее сходство с допросом (ст. 192 УПК РФ).

В стадии судебного разбирательства наводящие вопросы не допускаются в процессе допроса подсудимого (ч.1 ст. 275 УПК РФ) и при проведении предъявления для опознания (ст. 289 УПК РФ). Что касается наводящих вопросов при проведении судебных допросов потерпевших, свидетелей, эксперта, то законодатель прямо не запрещает и не разрешает их постановку. На данное обстоятельство неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [4; с. 29, 9; с. 10-11 и т.д.]. Существующее положение порождает неопределенность и двусмысленность при толковании текстов статей 277, 278, 280, 282 УПК РФ.

Применение в этой ситуации предписания части 2 статьи 189 УПК РФ, запрещающей наводящие вопросы при проведении допроса на стадии досудебного производства следует считать незаконным действием, противоречащим логике построения УПК РФ к формальному толкованию отдельных его статей. Положения статьи 189 УПК РФ распространяются только на следственные действия, которые проводит следователь. Что касается статей 277, 278, 280, 282 УПК РФ, то они регулируют порядок судебных допросов, которые по многим параметрам существенно отличаются от своих следственных аналогов, несмотря на некоторые схожие процедурные моменты. несовершенство законодательства не должно негативно влиять на обеспечение прав и законных интересов лиц, подлежащих судебному допросу.

Особое значение в такой ситуации приобретают правовые гарантии, обеспечивающие защиту прав и законных интересов лиц, имеющих уязвимые для наводящих вопросов характеристики [6]. Следует обратить внимание, что в

уголовно-процессуальном законодательстве отдельных стран, допускающих постановку наводящих вопросов, не только устанавливаются отдельные ограничения, но и определяется группа лиц, постановка наводящих вопросов которым не допускается. Так, например, УПК Эстонии не допускает постановку наводящих вопросов лицам, не достигшим 14-летнего возраста (п. 5 ст. 290 УПК Эстонии) и лицам, психическое и физическое состояние которых не гарантирует свободу волеизъявления (п. 7 ст. 288 УПК Эстонии). Такой подход нам представляется не только оправданным, но и гуманным и полностью соответствующим назначению российского уголовного судопроизводства.

Постоянное или временное состояние отдельных лиц, представляющее их уязвимость для наводящих вопросов, может послужить основанием для исключения подобных средств при проведении судебных допросов. Запрет на их постановку для данной категории лиц должен носить не рекомендательный, а правовой характер.

В связи с изложенным предлагается дополнить текст пункта 3 статьи 278 УПК РФ положением следующего содержания: «Постановка наводящих вопросов не допускается лицам, имеющим уязвимые особенности в силу заболевания и временного состояния, женщинам в состоянии беременности и кормящим матерям, имеющим грудного ребенка в возрасте до 1 года, лицам, достигшим 75 - летнего возраста».

Кроме дополнения статьи 278 УПК РФ внести изменения в содержание статьи 280 УПК РФ, дополнив часть 4 следующим положением: «Наводящие вопросы несовершеннолетним потерпевшим и свидетелям, не достигшим возраста 18 лет, не допускается».

Предлагаемые дополнения будут способствовать расширению правовых гарантий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174 – ФЗ (в ред. от 05.04.2021) // СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии от 12.02. 2003 г. (в ред. от 08.01.2021) // СПС КонсультантПлюс.
3. Александров, А.С. Характеристика вопросов, употребляемых в ходе судебного допроса / А.С. Александров // Юрислингвистика. 2004. № 5. С. 169-180.
4. Александров, А.С. О некоторых процессуальных правилах перекрестного допроса в уголовном суде / А.С. Александров, С.П. Гришин // Уголовное судопроизводство. 2006. № 4. С. 25-30.
5. Бертовский, Л.В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп / Л.В. Бертовский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1100-1121.
6. Бертовский, Л.В. К вопросу о получении вербальной информации от лиц с особенностями когнитивного развития / Л.В. Бертовский // Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом.

Сборник мат-в Всеросс. (с междунар. участием) научно-практич. конф. / Под ред. Х.Л. Пашаева. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт-го ун-та, 2019. С. 125-128.

7. Бертовский, Л.В. Допрос: тактика и технологии / Л.В. Бертовский. М.: «Экзамен», 2015. 303 с.

8. Воскобитова, Л.А. Допустимость доказательств в уголовном процессе: стандарты ЕСПЧ и судебная практика: монография / Л.А. Воскобитова, В.А. Давыдов, В.В. Ершов и др. М.: Право, 2016. 304 с.

9. Рубинштейн, Е.А. Предисловие и комментарий российского редактора / Е.А. Рубинштейн // В кн.: Веллман Ф.Л. Искусство перекрестного допроса. Пер. с англ. К. Адамович. М.: Американская ассоциация юристов. 2011. 294 с.

10. Центров, Е.Е. Наводящие вопросы и оглашение показаний на допросе / Е.Е. Центров // Российская юстиция. 2008. № 4. С. 28-30.

11. Центров, Е.Е. Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе / Е.Е. Центров // Российская юстиция. 2003. № 5. С. 43-45.

УДК 343.1

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

Власов Валерий Александрович

канд. юрид. наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

Сибирский юридический институт МВД России,

г. Красноярск, Россия,

Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,

г. Железногорск, Россия

email: vav.70@mail.ru

Аннотация: *В статье исследуются некоторые актуальные аспекты обеспечения прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями. Делается обоснованный вывод о том, что целесообразно и важно учитывать особенности данных участников уголовного процесса с целью соблюдения их процессуальных гарантий и прав. Автор предлагает с целью соблюдения прав лиц с ограниченными возможностями, по всем уголовным делам с участием слепых граждан вести звукозапись, а по всем уголовным делам с участием глухих вести видеозапись.*

Ключевые слова: *обеспечение прав, уголовное судопроизводство, участники уголовного процесса, защита прав лиц с физическими и психическими недостатками, лица с ограниченными возможностями.*

SEPARATE LEGAL ASPECTS OF ENSURING THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS WITH LIMITED POSSIBILITIES

Vlasov Valery Alexandrovich

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Siberian law institute of the MIA of Russia,

Krasnoyarsk, Russia,

Siberian fire and rescue academy of State fire service of the Ministry of emergency situations of Russia,

Zheleznogorsk, Russia

email: vav.70@mail.ru

Abstract: *The article examines some topical aspects of ensuring the rights of participants in criminal proceedings with disabilities. A well-grounded conclusion is made that it is advisable and important to take into account the peculiarities of these participants in the criminal process in order to comply with procedural guarantees of human rights. The author proposes, in order to respect the rights of persons with disabilities, to keep sound recording in all criminal cases with the participation of blind citizens, and to record video in all criminal cases with the participation of the deaf.*

Keywords: *ensuring rights, criminal proceedings, participants in criminal proceedings, protection of the rights of persons with physical and mental disabilities, persons with disabilities.*

Изучение вопроса об участии лиц с ограниченными возможностями в уголовном судопроизводстве является достаточно актуальным, поскольку с каждым годом можно наблюдать увеличение количества граждан, относящихся к исследуемой социальной группе. Официально по данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2021 года общая численность граждан, входящих в нее, составляла 11 632 958 тыс. человек [1].

В уголовном судопроизводстве лица с ограниченными возможностями могут выступать в различном статусе: обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, переводчика и т.д.

Общеизвестно, что имеются не только в зарубежных странах, но и у нас, в России, отдельные группы преступников, которые совершают противоправные и общественно-опасные деяния в отношении потерпевших граждан, с физическими недостатками или психическими недостатками, с целью завладения недвижимым и движимым имуществом, вкладами в кредитных организациях и т.д.

Следует отметить, тот факт, что в правовой доктрине нет единства мнений среди специалистов на предмет того, что же следует точно и полно понимать под «физическими недостатками граждан» либо под «психическими недостатками граждан», с проецированием данных категорий в уголовно-процессуальное поле.

И здесь чрезвычайно важно системно оценивать рассматриваемых субъектов, так как в ряде случаев, врожденные либо приобретенные в течении жизни человека различные физические недостатки (такие как: потеря слуха, зрения, речи, сильное заикание, обезображенное лицо, утрата ног, утрата рук и т.д.) могут послужить мотивом того или иного преступления. Также следует правильно понимать и адекватно оценивать различного рода психические недостатки граждан (например, дефекты интеллекта, эмоциональной и волевой сферы, проблемы с мышлением и правильным восприятием объективной действительности), к которым следует относит постоянные или временные болезненные нарушения психической деятельности, которые в ряде случаев просто ограничивают их права для личной защиты.

Более того, необходимо выяснять в обязательном порядке при решении вопроса о виновности таких лиц, были ли им созданы условия для нормальной жизни (помещение их в дома инвалидов и лиц пожилого возраста, медицинские лечебные учреждения и т.п.). Соответственно, суд вправе учесть отдельные обстоятельства, в качестве смягчающих уголовную ответственность.

Отдельные, имеющиеся у гражданина физические недостатки либо психические недостатки, а иногда и их совокупность, не лишают его процессуальной дееспособности. Но именно недостатки в большинстве случаев значительно усложняют реализацию им непосредственно своих процессуальных прав на защиту.

Участие лиц с ограниченными возможностями в уголовном судопроизводстве вытекает из личной их заинтересованности. В основе данного постулата могут лежать различные мотивы: восстановление справедливости, наказание виновного лица, удовлетворение различного рода требований и т.д.

Целесообразно, применительно к процессуальной функции в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями вести собственно речь о реализации в отношении них не только публичных, но частных интересов.

Автор поддерживает тех специалистов, которые обращают внимание на то, что следует в значительной степени гораздо больше использовать на практике идеи социального государства, оказывая правовую поддержку субъектам, о которых речь идет в настоящем исследовании и которые в полной мере не способны самостоятельно реализовывать свои права в силу своих когнитивных особенностей [2].

В заключение следует отметить следующее: для соблюдения прав лиц с ограниченными возможностями, необходимо по всем уголовным делам с участием слепых граждан вести звукозапись, а по всем уголовным делам с участием глухих вести видеозапись.

Список литературы

1. Официальный портал Федеральной службы государственной статистики // URL интернет- ресурса: <https://rosstat.gov.ru>
2. Курбатова, С.М. О влиянии концепции социального государства на формирование специального правового статуса участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными когнитивными способностями / С.М. Курбатова // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 196-199.

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА
ПРЕСТАРЕЛЫХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Галимов Олег Хамитович

канд. юрид. наук, доцент

*судья Красноярского краевого суда в почетной отставке,
Сибирский институт бизнеса, управления и психологии,
Сибирский федеральный университет,
Сибирский юридический институт МВД России,
г. Красноярск, Россия
email: galimov_oleg@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности правового статуса престарелых участников уголовного судопроизводства, анализируется действующее законодательство и зарубежный опыт по данной проблеме, предлагаются направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства по обеспечению прав и законных интересов указанной категории субъектов.

Ключевые слова: возраст, участники уголовного судопроизводства, престарелые лица, правовой статус, законные интересы.

**FEATURES OF THE LEGAL STATUS ELDERLY
PERSONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Galimov Oleg Khamitovich

Candidate of legal sciences, associate professor

*judge of the Krasnoyarsk regional court in honorary retirement,
Siberian institute of business, management and psychology,
Siberian federal university,
Siberian law institute of the MIA of Russia,
Krasnoyarsk, Russia
email: galimov_oleg@mail.ru*

Abstract: The article examines the peculiarities of the legal status of elderly participants in criminal proceedings, analyzes the current legislation and foreign experience on this issue, and suggests ways to improve the criminal procedure legislation to ensure the rights and legitimate interests of this category of subjects.

Keywords: age, participants in criminal proceedings, elderly persons, legal status, legitimate interests.

Возраст субъекта правоотношений является важным элементом его правового статуса, обозначая определенную качественную ступень развития индивидуума, обусловленную многими факторами (историческими, социальными, психологическими, физиологическими и др.). Старость, как и несовершеннолетие, характеризует ограниченную способность лица защищать себя, свои права и законные интересы [4, С. 177].

В юридической литературе предпринимались попытки конструирования отраслевого правового статуса личности по возрастному критерию [1]. Однако научный анализ правового положения престарелых лиц в уголовном судопроизводстве не проводился.

Вместе с тем обеспечение прав и законных интересов данной категории лиц в ходе производства по уголовным делам предполагает специфику проведения следственных и иных процессуальных действий с их участием, принятие отдельных процессуальных решений, а также применение к ним мер уголовно-процессуального принуждения.

Это связано не только с особым восприятием пожилыми людьми требований закона, но и с их социально-психологическими особенностями (пониженной способностью к адаптации, повышенной нервной возбудимостью, рассеянностью и др.), а также с состоянием здоровья (подверженность различным заболеваниям), что делает таких лиц особенно уязвимыми по сравнению с людьми более молодого возраста. При этом, в соответствии с классификацией Всемирной организации здравоохранения возрастной период «старческого возраста» начинается с 75 лет [5].

Несмотря на употребление в отдельных отраслевых законах термина «престарелые лица», его содержание в таковых не раскрывается (п. 1 ч. 1 ст. 1127 ГК РФ, ч. 4 ст. 47 ЗК РФ, п. 3 ч. 2 ст. 149 и п. 59 ч. 2 ст. 346.43 НК РФ). Отсутствуют также специальные нормы, ориентированные на указанные возрастные особенности данных лиц как участников уголовного судопроизводства. Кроме того, в отношении мужчин, достигших возраста 65 лет, исключено назначение отдельных уголовных наказаний, таких, как принудительные работы (ч. 7 ст. 53.1 УК РФ), пожизненное лишение свободы (ч. 2 ст. 57 УК РФ) и смертная казнь (ч. 2 ст. 59 УК РФ).

Так, в уголовном законодательстве принято считать престарелый возраст разновидностью беспомощного состояния потерпевшего, являющегося квалифицирующим признаком отдельных преступлений (п. «в» ч. 2 ст. 105, ст. 125, ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132 УК РФ) [2, 3].

Наряду с этим уголовный закон использует свойство «старость» как конструктивный элемент состава преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, выделяя данное понятие наряду с беспомощностью. При этом УПК РФ содержит указание на то, что не подлежат приводу больные, которые по состоянию здоровья не могут оставить место своего пребывания (ч. 7 ст. 113 УПК РФ) и при наличии медицинских показаний продолжительность допроса устанавливается на основании заключения врача (ч. 4 ст. 187 УПК РФ). Согласно ч. 1 ст. 160 и ч. 1 ст. 313 УПК РФ наличие у подозреваемого или обвиняемого (осужденного) престарелых родителей, нуждающихся в постоянном уходе, требует от следователя, дознавателя и суда принятия мер по их передаче на попечение соответствующих лиц или учреждений.

В качестве позитивного подхода к рассматриваемой проблеме следует привести законодательство Республики Беларусь, где наряду с аналогичными положениями УПК РФ (ч. 1 ст. 197 и ч. 1 ст. 368 УПК Республики Беларусь), уголовный закон не только активно использует терминологию «престарелые лица» (п. 11 ч. 1 ст. 73, п. 2 ч. 1 ст. 64, п. 2 ч. 2 ст. 139, п. 1 ч. 2 ст. 147 и ч. 2 ст. 155 УК Республики Беларусь), но и в ч. 9 ст. 4 УК Республики Беларусь дает

разъяснение о том, что под престарелым понимается лицо, которое на день совершения преступления достигло возраста 70 лет.

На наш взгляд, в российском уголовном судопроизводстве, престарелыми следует считать лиц, достигших 75 лет к моменту производства следственных или иных процессуальных действий либо принятия процессуальных решений. Представляется, что вне зависимости от процессуального положения указанной категории участников уголовного судопроизводства (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель) для обеспечения их прав и законных интересов, а также психического и физического здоровья, с учетом приведенных психовозрастных особенностей их личности в УПК РФ необходимо включить следующие нормы:

1. О продолжительности проведения любых следственных действий с участием престарелых лиц без перерыва не более двух часов, а в общей сложности – не более четырех часов в день.

2. Об обеспечении присутствия при производстве следственных действий врача, за исключением случаев, если престарелое лицо против этого возражает.

3. Об обязательном участии защитника, если подозреваемым (обвиняемым) является престарелое лицо.

4. Об участии в производстве по уголовному делу законного представителя престарелого лица, которым по аналогии со ст. 437 УПК РФ, может быть признан его близкий родственник или орган опеки и попечительства.

5. Об уведомлении близких родственников, родственников или близких лиц престарелого о его задержании или вызове для производства следственного действия.

6. О невозможности привлечения престарелых лиц в качестве понятых.

7. О применении к престарелому подозреваемому или обвиняемому заключения под стражу в качестве меры пресечения только если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а в исключительных случаях – преступления средней тяжести.

По нашему мнению, реализация указанных положений будет способствовать более полной и эффективной защите прав и законных интересов престарелых лиц

Список литературы

1. Галимов, О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве / О.Х. Галимов. СПб: Питер, 2001. 224 с.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) // СПС Консультант-Плюс.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС КонсультантПлюс.

4. Хатуев, В.Б. Уголовно-правовое значение особых свойств потерпевшего от преступления как основных или квалифицирующих признаков преступлений / В.Б.Хатуев // Актуальные проблемы Российского права. 2019. С. 177-193.

5. <https://www.who.int/ru/about/who-we-are/privacy-policy>.

УДК 343,1

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ
В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Дутов Юрий Иванович

канд. пед. наук, доцент

**Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I
г. Воронеж, Россия**

Луценко Павел Александрович

канд. юрид. наук, доцент

**Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I
г. Воронеж, Россия**

email: lawyer.vrn@mail.ru

Аннотация: *В статье дается анализ существующей отечественной и процессуальной практики судопроизводства участниками которой являются лица с ограниченными возможностями с целью выявить имеющиеся проблемы, защиты их прав и механизмы государственной защиты, а также самостоятельной защиты данными лицами путем осуществления предоставленных законодательством прав.*

Ключевые слова: *права инвалидов, конституционные права граждан, правоохранительные органы.*

**ENSURING THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL
PROCEEDINGS WITH DISABILITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Dutov Yuri Ivanovich

cand. ped. sciences, associate professor

**Voronezh state agrarian university
named after Emperor Peter the Great
Voronezh, Russia**

Lutsenko Pavel Aleksandrovich

cand. jurid. sciences, associate professor

**Voronezh state agrarian university
named after Emperor Peter the Great
Voronezh, Russia**

email: lawyer.vrn@mail.ru

Abstract: *The article analyzes the existing domestic and procedural practice of legal proceedings involving persons with disabilities in order to identify existing*

problems, protect their rights and mechanisms of state protection, as well as independent protection of these persons by exercising the rights granted by law.

Keywords: *rights of disabled people, constitutional rights of citizens, law enforcement agencies.*

Стоит понять, что защищать нелегко, а лиц с ограниченными возможностями (инвалидов) довольно-таки непросто. Затруднение вызывает уже тот факт, что защищать человека, который не слышит или не имеет возможности говорить, трудно.

У многих адвокатов имеется практика по защите прав инвалидов, и все они сталкивались с особенностями в таких уголовных делах. Особых исключений в российском Уголовном процессуальном законе для инвалидов нет, однако в статье 51 ч.1 п. 3 УПК РФ указано обязательное участие защитника если подозреваемый, обвиняемый в силу своих физических или психологических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту [1].

Резолюция 48/96 Генеральной Ассамблеи ООН выделяет, что граждане с ограниченными возможностями являются полноправными членами общества. ФЗ «О государственной социальной помощи» Законодательство «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации. Трудовой кодекс РФ в рамках статей 95, 98, 128 и пр. [2].

Прокуратура, органы социальной защиты, общества инвалидов, комитет по правам инвалидов не остаются безучастными. При возникновении спорных моментов у лиц с ограниченными возможностями, нарушении прав или ущемление интересов обращение в эти органы необходимо. Это может помочь понять на какие виды помощи они могут рассчитывать.

Если обратиться к данным статистики, то можно сделать вывод, что в нашем государстве (как, впрочем, и в большинстве других странах мира) количество лиц с ограниченными возможностями велико, при том, что, исходя из норм международного права и российского законодательства, на Россию, как на социальное правовое государство (ст. 1, 7 Конституции РФ) такие граждане должны получать защиту во всех сферах жизнедеятельности в полной мере [3].

Однако на практике зачастую права инвалидов не соблюдаются. Это происходит в том числе и потому, что сами они ограничены в возможностях, а неспециализированные органы часто не проявляют внимания к их проблемам. Рассмотрим это на конкретном примере.

Н., действующая в интересах несовершеннолетней дочери М., обратилась в суд с иском к Министерству здравоохранения г Н. о признании права на бесплатное обеспечение лекарственным препаратом «Ф». В обосновании своего требования гражданка Н указала, что дочь М. является ребенком-инвалидом которая страдает редким жизненно угрожающим заболеванием. «Российская детская клиническая больница» и консилиум врачей областной детской больницы нашли выход в индивидуальном применении не зарегистрированный на территории РФ лекарственный препарат «Ф», как единственный вариант лечения с учетом заболевания. Но при рассмотрении дела были допущены ошибки материального права.

В соответствии с частью 1 статьи 41 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Согласно части 15 статьи 37 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» лекарства, не входящие в стандарт мед помощи, могут использоваться в случае наличия индивидуальной переносимости по жизненным показаниям по решению врачебной комиссии. В этом случае препарат был единственным возможным спасением и отказ в его предоставлении нарушает права на жизнь и охрану здоровья, поэтому ребенок все-таки был обеспечен всеми необходимыми лекарственными средствами по решению Верховного суда РФ. Возникает и вопрос об уголовном преследовании в отношении виновных лиц.

Обращаясь к вышеизложенному примеру, считаем, что государству необходимо внести некоторые поправки в законодательстве о защите прав людей с ограниченными возможностями.

Также стоит отметить, что зачастую права инвалидов в уголовном судопроизводстве ущемляются во время производства следственных действий, в результате воздействия авторитарного характера со стороны правоохранительных органов – органы следствия и дознания пытаются получить выгодные расследованию показания, а судьи стараются этого не замечать. Поэтому можно отметить, что:

1. В нашем государстве вопрос об инклюзивном обществе становится актуальнее с каждым годом, данная тема все чаще становится предметом обсуждения на различных научных и научно-практических мероприятиях, освещается СМИ, становится достоянием общественности.

2. Однако есть сферы правового регулирования, в которых этот вопрос не находит своего должного отражения, и в частности, это уголовно-процессуальное законодательство. И хотя действует общее правило, что в зале суда нет различий на обычных граждан и инвалидов, а закон един для всех, тем не менее, для того чтобы обеспечить данное равенство, необходимо создание дополнительных условий, с помощью которых такие участники уголовного судопроизводства могли надлежащим образом реализовывать свои права и исполнять обязанности.

3. С целью совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства необходимо проведение соответствующих исследований в данной сфере, результаты которых использовать в дальнейшем в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Список литературы

1. Андреева, О.А. Право инвалидов на социальное обеспечение в контексте общечеловеческих ценностей и социального государства / О.А. Андреева // Социальное и пенсионное право. 2015. № 4. С. 38-42.

2. Волкова, Г.Н. Конвенция ООН «О правах инвалидов» и эволюция российского законодательства / Г.Н. Волкова // Народонаселение. 2014. № 1. С. 19-30.

3. Электронный ресурс - <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>

УДК 37.013

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ**

Илюхов Алексей Александрович

канд. юрид. наук, доцент

**Смоленский государственный университет,
Саратовская государственная юридическая академия,
Смоленский филиал,
г. Смоленск, Россия
email: alexsmol672019@yandex.ru**

***Аннотация:** В статье подлежат исследованию вопросы, касающиеся формирования коллегии присяжных заседателей и проблем, возникающих в ходе его проведения. Отмечается, что в процессе формирования коллегии присяжных заседателей отказ гражданам от участия в указанной форме отправления правосудия по причине преобладания той или иной этнической или социальной группы, по возрастному и иным критериям, препятствует реализации им этого права. Вместе с тем, если гражданин по каким-либо причинам, в том числе, по причине наличия у него ограниченных физических возможностей, не может участвовать в отправлении правосудия, обязать его отправлять правосудие в качестве присяжного заседателя нельзя. При этом присутствует факт низкой явки кандидатов в присяжные заседатели в суд, что обусловлено слабым уровнем правосознания граждан, а также социально-бытовыми обстоятельствами, препятствующими гражданам выступать в качестве присяжных заседателей. Обеспечить явку в суд кандидатов в присяжные заседатели можно санкционными мерами воздействия, поощряя их в таком участии и проводя разъяснительную работу среди населения о необходимости их участия в указанной форме отправления правосудия, а также мерами материального стимулирования.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, суд присяжных заседателей, формирование коллегии присяжных заседателей, граждане с ограниченными возможностями.*

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF THE FORMATION
OF THE JURY BOARD**

Ilyukhov Alexey Alexandrovich

candidate of legal sciences, associate professor

**Smolensk state university,
Saratov state law academy, Smolensk branch,
Smolensk, Russia
email: alexsmol672019@yandex.ru**

***Abstract:** The article deals with the issues related to the formation of the jury panel and the problems that arise during its conduct. It is noted that in the process of*

forming a jury, the refusal of citizens to participate in this form of administration of justice due to the predominance of a particular ethnic or social group, according to age and other criteria, prevents them from exercising this right. At the same time, if a citizen cannot participate in the administration of justice for any reason, including due to his limited physical capabilities, it is impossible to oblige him to administer justice as a juror. At the same time, there is a fact of low turnout of candidates for jurors in court, which is due to the weak level of legal awareness of citizens, as well as social and domestic circumstances that prevent citizens from acting as jurors. It is possible to ensure the appearance of candidates for jurors in court by sanctioning them, encouraging them to participate in such participation and conducting explanatory work among the population about the need for their participation in this form of administration of justice, as well as by measures of material incentives.

Keywords: *criminal procedure, jury trial, formation of a jury panel, citizens with disabilities.*

В ходе формирования коллегии присяжных заседателей необходимо учитывать социальную, возрастную, гендерную и национальную общность среди присяжных заседателей, иначе однородный состав может отразиться на тенденциозности принятых решений. Тенденциозной выступает коллегия присяжных заседателей, не способная всесторонне и объективно оценивать обстоятельства уголовного дела, вынести справедливый и обоснованный вердикт (вследствие однородности коллегии присяжных заседателей из-за возрастного, полового, профессионального, социального, национального и иных признаков).

Проблема тенденциозности коллегии присяжных заседателей особенно актуально для регионов Северного Кавказа, где исторически сложившаяся культура поведения, традиции и обычаи способны сформировывать особое восприятие о правовых нормах, что создаст определенные сложности в ходе формирования беспристрастной коллегии присяжных заседателей. Поэтому следует взвешенно относиться к преступлениям половой направленности, преступлениям, совершенным на межнациональной или расовой вражде, при выборе суда присяжных заседателей, с чем согласна и О.С. Орлова [5; с. 34, 6; с.81].

Вместе с тем судебная практика неоднозначно относится к указанной ситуации и жалобы обвиняемых, защитников, прокурора или потерпевших в суд второй инстанции о роспуске коллегии присяжных заседателей ввиду неправильно сформированного его состава, что привело к тенденциозности, к примеру, по причине преобладания лиц одного пола, национальности или профессиональной принадлежности, не всегда удовлетворяются [10].

В целом, представляется, что ссылка на тенденциозность коллегии присяжных заседателей, к примеру, из-за преобладания в ее составе одних только женщин, основанием для роспуска коллегии присяжных заседателей может являться по ограниченным категориям уголовных дел. К примеру, к таким преступлениям могут относиться деяния, совершенные в отношении семьи и несовершеннолетних, преступления против половой свободы и половой неприкосновенности. В большинстве случаев такая формулировка мало применима, и,

как правило, судами не удовлетворяется. Причем следует учитывать, что также и запрет гражданам отправлять правосудие в качестве присяжного заседателя из-за преобладания среди присяжных заседателей женщин или мужчин, той или иной этнической или социальной группы или по возрастному критерию, препятствует реализации их права участвовать в отправлении правосудия в качестве присяжного заседателя.

Одновременно и в части 7 ст. 326 УПК РФ достаточно расплывчато сформулировано такое условие для освобождения кандидата от участия в качестве присяжного заседателя, как угроза причинения вреда общественным или государственным интересам и иным лицам, а также иные уважительные причины, перечень которых в законе не конкретизируются. Решение данного вопроса принципиально, так как не все граждане по объективным причинам способны отправлять правосудие в качестве присяжного заседателя. Это, в частности, может быть вызвано ограниченными возможностями кандидата в присяжные заседатели, когда по причине врожденных или приобретенных физических недостатков он не может активно исполнять роль присяжного заседателя, поэтому его самоотвод, как на стадии формирования коллегии присяжных заседателей, так и в ходе судебного следствия вполне обоснован. Однако не следует отказывать ему в реализации своего права участвовать в отправлении правосудия, если он сам желает этого.

Поэтому представляется целесообразным в ч. 7 ст. 326 УПК РФ или в Федеральном законе от 20 августа 2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», уточнить каким общественным и государственным интересам может быть причинен вред и в чем он заключается, а также перечислить уважительные причины исключющие участие гражданина в качестве присяжного заседателя, в том числе и по причине ограниченных физических возможностей.

Это позволит избежать как произвольных случаев отказа от исполнения своих обязанностей, так и включение в списки граждан, не имеющих на то права и попадание в коллегию присяжных заседателей лиц с ограниченными возможностями. В целом же отказ кандидатов в присяжные заседатели от участия в формировании коллегии присяжных заседателей и отправлении правосудия выступает проблемой крупных городов-мегаполисов. Это связано с обеспечением явки кандидатов в присяжные заседатели в суд, когда им не всегда из-за значительных расстояний и значительных материальных затрат удастся попасть туда.

Так, к примеру, в судах Московского региона (Московский городской и Московский областной суды) с целью возможной реализации формирования скамьи присяжных заседателей по каждому уголовному делу рассылается до нескольких десятков тысяч вызовов, а являются не более десяти процентов от заявленных кандидатов [9]. К примеру, в 2016 году явка кандидатов в присяжные заседатели Московского областного суда составила 9,27% или 982 человека из направленных 361 523 приглашений. Такой низкий процент обусловлен, по результатам проведенного А.В. Шигуровым опроса граждан, нежеланием жителей районных центров ехать в города областного значения (78% опрошенных граждан), а также высоким процентом пенсионеров, безработных, домохозяек [8].

Схожие результаты получены и Тарасовым В.Н. (председатель Саратовского областного суда), который отмечает, что в 2016 г. неявка кандидатов для участия в формировании коллегии присяжных заседателей составила, в среднем, 95-97% и свое отсутствие в суде они обосновывают состоянием здоровья, трудовой занятостью, болезнями, опасением за свою жизнь [7].

Однако в последние годы указанная проблема для крупных городов стала изменяться в лучшую сторону, поскольку участвовать в отправлении правосудия в качестве присяжного заседателя стали граждане с высшим образованием, обладающие высокой гражданской позицией. Кроме того, и материальное стимулирование в виде денежных выплат, приравненных к размеру заработной платы по основному месту работы, а для неработающих граждан часть оклада судьи, явилось стимулирующим фактором их явки в суд. Отдельные авторы предлагают увеличить процент явки кандидатов в суд, освободив работодателей присяжных заседателей от уплаты налогов на определенный период, [3; с. 24], что обоснованно, поскольку не всегда работодатель приветствует отсутствие своего сотрудника на работе и компенсировать его отсутствие можно, в том числе, и налоговыми льготами по отношению к работодателю.

В тоже время проблема высокой неявки кандидатов в присяжные в суд сохраняется, и, как полагает К.А. Волков, этому способствуют их нежелание: тратить свое личное время – 18 % опрошенных, брать на себя ответственность за принятый ими вердикт – 36 % респондентов [2; с. 6.]. Кроме перечисленных выше причин, присутствует и другая – низкий уровень правосознания граждан, тогда как до 80% граждан США готовы исполнять свой гражданский долг [4; с. 57;], что связано с годами формировавшейся в обществе гражданской позиции о том, что это выступает почетной обязанностью, вызывающей уважение в обществе.

Добиться высокого уровня правосознания российских граждан возможно разъясняя населению, в том числе и через средства массовой информации, о значимости роли суда присяжных заседателей в общей системе правосудия и искоренением в их сознании отрицательных представлений о судебной системе в целом⁴. До сведения кандидатов в присяжные заседатели следует доводить в том числе и информацию касательно обеспечения их безопасности в суде, раскрывать перечень этих мер, субъектах, уполномоченных ее обеспечивать. Обеспечить безопасность, а также беспристрастность коллегии присяжных заседателей воз-

⁴ Такой вид просветительской деятельности осуществляет Конституционный Суд Республики Северная Осетия – Алания, заключивший договоры с Министерством образования и науки республики и администрацией местного самоуправления г. Владикавказа. На основании представленных договоров представители судейского сообщества выступают перед школьниками, студентами вузов, в учреждениях, организациях с лекциями о почетной обязанности участия в качестве присяжного заседателя. Конституционным Судом Республики ежегодно проводятся региональные научно-практические конференции на тему: «Конституция и конституционная законность», а их материалы распространяются среди граждан. Присутствует и сотрудничество Конституционного Суда со СМИ, которые систематически публикуют его решения, а также освещают профессиональные комментарии сотрудников Конституционного Суда по разным актуальным для граждан вопросам, положительно влияя тем самым на имидж суда в целом. Подготовлена республиканская целевая программа «Правовое просвещение и образование».

можно, также запретив всякое общение сторонних лиц, даже вне рамок судебного разбирательства.

Для чего следует дополнить ст.324 УПК РФ частью 3, следующего содержания: *«ч.3 Прокурору, обвиняемому, потерпевшему и иным участникам уголовного процесса на протяжении всего разбирательства в суде запрещается всякое общение с присяжными заседателями не иначе как в порядке, установленном настоящим Кодексом».*

Также обеспечить явку кандидатов в присяжные в суд можно и мерами санкционного воздействия - штрафы, приводы, что присутствует за рубежом. К примеру, в США в ряде штатов, сумма штрафа за отказ от явки в суд без уважительной причины составляет 300 долларов США [1; с. 131]. Однако подобная форма воздействия должна быть крайней мерой, поскольку принудительное участие гражданина в качестве присяжного заседателя скорее не поможет, а навредит судебному разбирательству. Целесообразней отказаться от такого кандидата и исключить его из списков, если тот злостно уклоняется от явки в суд, что скорее качественно повысит состав присяжных заседателей.

Проведя научный анализ порядка формирования коллегии присяжных заседателей, можно прийти к выводу, что он несовершенен и не гарантирует качественного отбора и формирования коллегии присяжных заседателей, а при внесении предложений по оптимизации этой процедуры следует учитывать российское и зарубежное законодательство, исторический опыт.

Список литературы

1. Валова, В.В., Нагих С.Е. Суд присяжных заседателей в американской системе правосудия / В.В. Валова, С.Е. Нагих // Успехи в химии и химической технологии. 2014. № 7. Т.28. С.131.
2. Волков, К.А. Суд присяжных в социальном измерении / К.А. Волков // Российский судья. 2011. № 10. С. 6.
3. Дроздова, А.А. Суд присяжных: история и современность / А.А. Дроздова // Журнал российского права. 2014. №11. С.24.
4. Нарутто, С.В., Присяжные и арбитражные заседатели. Теория и практика / С.В. Нарутто, В.А. Смирнова. М., 2008. С. 57.
5. Орлова, О.С. Формирование беспристрастной коллегии присяжных заседателей / О.С. Орлова // Законность. 2012. № 10. С. 34
6. Рустамов, Х.У. Проблема отвода в суде присяжных / Х.У. Рустамов // Государство и право. 1997. № 6. С. 72.
7. Тарасов, В.Н. Тенденции и проблемы развития института суда присяжных в России / В.Н. Тарасов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zhurnalsudya.ru/archive/2016/5.2016/?article=2194>.
8. Шигуров, А.В. К вопросу об ответственности за неявку в суд кандидатов в присяжные заседатели / А.В. Шигуров, Р.А. Коньков // Современные научные исследования и инновации. 2019. №4. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/04/80660>.
9. [Электронный ресурс]. RL: <http://www.hse.ru/pressa>, 2002; <http://www.newspaper.moe-onlain.ru>.
10. Судбиблиотека [Электронный ресурс] URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_31514.htm.

УДК 343.1

**ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СУДОМ
ВОПРОСОВ О ПРОДЛЕНИИ, ИЗМЕНЕНИИ ИЛИ ОТМЕНЕ
ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА**

Качалов Виктор Иванович,

докт. юрид. наук, профессор

Российский государственный университет правосудия,

Москва, Россия

email: Okukel@yandex.ru

***Аннотация:** В статье рассматриваются особенности предмета и процесса доказывания при рассмотрении судом вопросов о продлении, изменении или отмене принудительных мер медицинского характера. Делается вывод о двухкомпонентном предмете доказывания, а также о том, что предмет доказывания при отмене принудительных мер медицинского характера шире, чем при их продлении.*

***Ключевые слова:** принудительные меры медицинского характера; лицо, страдающее психическим расстройством, суд, доказывание.*

**FEATURES OF EVIDENCE IN THE COURT'S RESOLUTION
OF QUESTIONS ABOUT THE EXTENSION, MODIFICATION OR
CANCELLATION OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES**

Kachalov Viktor Ivanovich,

doctor of law, professor

Russian state university of justice,

Moscow, Russia

email: Okukel@yandex.ru

***Annotation:** The article deals with the specifics of the subject and the process of proof when the court considers issues of extension, modification or cancellation of compulsory medical measures. The conclusion is made about the two-component subject of proof, as well as that the subject of proof in the cancellation of compulsory medical measures is broader than in their extension.*

***Keywords:** compulsory medical measures; a person suffering from a mental disorder, court, proof.*

Рассматривая вопрос о продлении, изменении либо отмене принудительной меры медицинского характера, суд должен установить совокупность обстоятельств, которые станут основанием для принятия соответствующего решения. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при разрешении вопроса о продлении, изменении либо отмене принудительной меры медицинского характера, можно обозначить в качестве двухкомпонентного предмета доказывания. Первым компонентом будут выступать обстоятельства уголовно-правового харак-

тера, предусмотренные ст. 102 УК РФ [2], вторым — обстоятельства уголовно-процессуального характера, создающие необходимые процессуальные предпосылки для принятия соответствующего решения судом [3; с. 323]. По смыслу ст. 102 УК РФ в качестве уголовно-правового компонента предмета доказывания по таким делам выступает психическое состояние лица, в зависимости от которого делается вывод о том, необходимо ли продлить, изменить либо отменить принудительную меру медицинского характера. Основанием для принятия судом решения о продлении принудительной меры медицинского характера является такое состояние здоровья лица, при котором лицо нуждается в продолжении принудительного лечения, если его психическое расстройство связано с возможностью причинения существенного вреда либо его опасности для себя или других лиц. Изменение принудительной меры медицинского характера осуществляется в тех случаях, когда состояние здоровья данного лица качественно изменяется, при этом динамика возможна как в сторону улучшения его психического состояния и снижения степени его опасности для себя и окружающих, так и в сторону ухудшения.

Основанием для отмены принудительной меры медицинского характера является такое психическое состояние лица, при котором отпала необходимость в применении ранее назначенной меры – лицо выздоровело, либо его психическое состояние изменилось и стабилизировалось таким образом, что психическое расстройство не связано больше с возможностью причинения существенного вреда либо его опасности для себя или других лиц.

Уголовно-процессуальный компонент предмета доказывания заключается в оценке обоснованности ходатайства, поданного в соответствии с ч. 1 ст. 445 УПК РФ [1] (ходатайство администрации медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, либо ходатайство лица, к которому применена принудительная мера медицинского характера, его защитника или законного представителя): подтвержденности медицинским заключением, соответствие его содержания фактическому состоянию здоровья лица, в отношении которого ведется данное производство, и результатам проведенного лечения.

Предмет доказывания в случаях, когда принудительная мера медицинского характера продляется либо изменяется, несколько отличается от предмета доказывания по делам об отмене принудительной меры медицинского характера. В случае с отменой принудительной меры медицинского характера суд, прежде чем принять данное решение, должен дополнительно установить целый ряд иных обстоятельств, не касающихся психического состояния лица: внутреннюю готовность лица к ресоциализации, к продолжению лечения при его назначении врачом, семейное положение, социально-бытовые условия, в которых будет находиться лицо, выходящее из психиатрического стационара (в том числе наличие жилплощади), наличие близких родственников либо близких лиц, которые могут осуществлять заботу и способствовать ресоциализации данного лица, а также их готовность к этому, возможность трудоустройства данного лица и т. д. [3; с. 326-327]

Только в случае установления подобного рода обстоятельств суд сможет определить, где будет находиться лицо в случае отмены принудительной меры медицинского характера (чтобы не отпускать его из психиатрического стационара «в никуда»), кто будет осуществлять неформальный контроль за поведением и состоянием здоровья данного лица. Суд должен понимать, что условия, в которых будет находиться лицо после психиатрического стационара будут условно благоприятными и не будут способствовать ухудшению состояния его здоровья и совершению данным лицом нового общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом.

В соответствии с ч. 4 ст. 102 УК РФ в случае прекращения применения принудительного лечения в психиатрическом стационаре суд может передать необходимые материалы в отношении лица, находившегося на принудительном лечении, органам здравоохранения для решения вопроса о его лечении или направлении в психоневрологическое учреждение социального обеспечения в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о здравоохранении. Такое решение может быть принято судом при установлении отсутствия у лица необходимых социально-бытовых условий и (или) состояния здоровья, требующего продолжения лечения.

Доказывание на данном этапе в соответствии с ч. 5 ст. 445 УПК РФ заключается в исследовании ходатайства, медицинского заключения, заслушивания мнения лиц, участвующих в судебном заседании. Суд по ходатайству лиц, участвующих в судебном заседании, или по собственной инициативе может назначить судебную экспертизу, истребовать дополнительные документы, а также допросить лицо, в отношении которого решается вопрос о прекращении, изменении или продлении применения принудительной меры медицинского характера, если это возможно по его психическому состоянию. Международно-правовые акты, в частности Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи [5], содержат правило о том, что лица с психическими заболеваниями пользуются всеми правами, на которые могут быть наложены лишь ограничения, предусмотренные законом и являющиеся необходимыми для защиты здоровья и безопасности, охраны общественной безопасности, порядка, здоровья или морали или основных прав и свобод других лиц. В соответствии с логикой уголовно-процессуального закона и позициями Пленума Верховного Суда РФ [4] вопрос о продлении, изменении или прекращении применения принудительной меры медицинского характера должен быть разрешен с непосредственным участием лица, в отношении которого данная мера была применена, либо ему должна быть предоставлена возможность изложить свою позицию путем использования систем видео-конференц-связи, если в соответствии с медицинским заключением его психическое состояние позволяет ему участвовать в судебном заседании. Согласно п. 27 данного постановления вышеуказанного постановления рекомендует судам в случае, когда психическое состояние лица, в отношении которого решается вопрос о продлении, изменении или прекращении применения принудительной меры медицинского характера, не позволяет ему лично участвовать в проводимом в помеще-

нии суда судебном заседании, рассматривать соответствующие материалы в психиатрическом стационаре.

Возможность участия такого лица в производстве данного вида связана в первую очередь с возможностью выяснения его позиции по данному уголовному делу. Процессуальной формой отражения позиции лиц, участвующих в производстве по делу, могут быть его объяснения и показания. В данном случае, на наш взгляд, уместно говорить о показаниях данного лица, поскольку он является основным фигурантом данного дела и предоставляемая им информация имеет существенное значение для его разрешения, в том числе и для разрешения вопроса о продлении, изменении либо отмене принудительной меры медицинского характера. Важное значение такая информация приобретает в случаях, когда судом рассматривается вопрос об отмене принудительной меры медицинского характера либо ее замене со стационарного лечения на амбулаторное, поскольку, только допросив данное лицо, суд может убедиться в готовности данного лица включиться в процесс ресоциализации, продолжить лечение (если таковое рекомендуется врачом в амбулаторных условиях) и т. д.

На возможность допроса лица, в отношении которого ведется производство по продлению, изменению либо отмене принудительных мер медицинского характера, указывает и ч. 4 ст. 445 УПК РФ. В ней указывается, что если медицинское заключение вызывает сомнение, то суд может допросить лицо, в отношении которого решается вопрос о прекращении, изменении или продлении применения принудительной меры медицинского характера, если это возможно по его психическому состоянию. Полагаем, что возможность допроса данного лица не ограничивается случаями, когда представленное медицинское заключение вызывает сомнение у суда: суд вправе допросить данное лицо и в любых других случаях.

Для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при продлении, отмене или изменении принудительных мер медицинского характера, суд может осуществлять и иные необходимые судебные действия: допросить законного представителя данного лица, специалиста — представителя медицинского психиатрического учреждения, в котором исполняется принудительная мера медицинского характера, допросить в качестве свидетелей лиц, обладающих необходимой информацией для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, и т. д. [3; с. 318-319]. Закон не требует обязательного участия в судебном заседании представителя медицинского учреждения — психиатрического стационара, где наблюдается лицо, в отношении которого решается вопрос о продлении, изменении или прекращении применения принудительной меры медицинского характера. Однако такое участие становится необходимым в том случае, когда суд должен выяснить результаты проведенного лечения и решить вопрос о необходимости дальнейшего медицинского наблюдения и лечения, а сведений, предоставленных для рассмотрения в судебном заседании, недостаточно. Полагаем, что в случаях, когда рассматривается ходатайство о продлении либо замене принудительной меры медицинского характера в виде стационарного лечения на другую принудительную меру медицинского характера, сопряженную со стационарным лечением, участие представителя меди-

цинского учреждения не является обязательным, находится на усмотрение суда. А в случаях, когда подлежит рассмотрению вопрос об отмене принудительной меры медицинского характера либо ее замене с амбулаторного наблюдения и лечения у врача-психиатра на принудительное лечение в стационарных условиях и наоборот (замена принудительного лечения в стационарных условиях на амбулаторное наблюдение и лечение у врача-психиатра), участие такого представителя должно быть обязательным. В качестве такого представителя в судебном заседании должен присутствовать лечащий врач лица, в отношении которого рассматривается данный вопрос, поскольку именно он обладает наибольшей полнотой информации о психическом состоянии данного лица, его динамике, проведенном лечении и иных обстоятельствах, которые имеют существенное значение для разрешения дела. Закон не устанавливает полномочия данного представителя медицинского учреждения, однако полагаем, что специфика выполняемой им функции позволяет определить его участие в судебном заседании по данному делу в качестве специалиста, а процессуальный статус предоставляемой им информации можно определить как показания специалиста (сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, — ч. 4 ст. 80 УПК РФ).

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. (с изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 17 июня 1996 г. (с изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс.
3. Качалов, В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук / В.И. Качалов. М., 2018. 492 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 года № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Российская газета. 20 апреля 2011 года. № 84.
5. Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи: приняты Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией 46/119 от 17 декабря 1991 года [Электронный ресурс]. URL:<http://www.cenunst.by.ru/humanrights/documents/document/O.71.shtml>

УДК 343.1

**О ВОЗМОЖНОСТИ РАССМОТРЕНИЯ В ОСОБОМ
ПОРЯДКЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ
ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ**

Качалова Оксана Валентиновна

докт. юрид. наук, доцент

**Российский государственный университет правосудия,
Москва, Россия**

email: Oksana_kachalova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о возможности рассмотрения в особом порядке уголовного дела в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями, не исключаяющими вменяемости, а также страдающих алкоголизмом и наркоманией. Данные особенности обвиняемого не позволяют сделать вывод о том, что он в полной мере осознает последствия заявленного им ходатайства об особом порядке. Если в уголовном деле есть данные о психическом заболевании обвиняемого, алкоголизме или наркомании, то даже при наличии экспертного заключения о его состоянии и возможности принимать участие в следственных и иных процессуальных действиях, суд не должен рассматривать дело в особом порядке.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства; лица, страдающие психическими недостатками; лица, страдающие алкоголизмом и наркоманией; судебная защита участников уголовного судопроизводства.

**ABOUT THE POSSIBILITY OF CONSIDERATION
IN A SPECIAL CASE THE PROCEDURE OF CRIMINAL CASES AGAINST
INDIVIDUAL CATEGORIES OF PERSONS**

Kachalova Oksana Valentinovna,

doctor of law, associate professor

Russian state university of justice,

Moscow, Russia

email: Oksana_kachalova@mail.ru

Abstract: The article considers the possibility of considering a special criminal case against persons suffering from mental illnesses that do not exclude sanity, as well as those suffering from alcoholism and drug addiction. These characteristics of the accused do not allow us to conclude that he is fully aware of the consequences of his application for a special procedure. If the criminal case contains information about the mental illness of the accused, alcoholism or drug addiction, then even if there is an expert opinion on his condition and the ability to take part in investigative and other procedural actions, the court should not consider the case in a special order.

Keywords: special procedure of judicial proceedings; persons suffering from mental disabilities; persons suffering from alcoholism and drug addiction; judicial protection of participants in criminal proceedings.

Особый порядок уголовного судопроизводства, предусмотренный главой 40 УПК РФ [1], представляет собой упрощенную процедуру рассмотрения уголовного дела в отношении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, согласившегося с предъявленным обвинением в полном объеме и заявившим ходатайство о применении особого порядка. Уголовно-процессуальный закон не ограничивает круг лиц, в отношении которых уголовное дело может быть рассмотрено в особом порядке, за исключением уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, в силу того что данная категория обвиняемых подлежит особой защите со стороны государства и уголовные дела в отношении них рассматриваются в усложненном порядке с применением дополнительных процессуальных гарантий.

Означает ли такой подход, что уголовные дела в отношении всех остальных категорий обвиняемых подлежат рассмотрению в особом порядке судебного разбирательства без ограничений (при наличии всех остальных условий и оснований для применения данной упрощенной формы)? Речь идет, в первую очередь, о лицах, в отношении которых можно предположить наличие у них некоторых когнитивных ограничений. Эти ограничения касаются возможности адекватно воспринимать процессуальную информацию, которые могут быть вызваны состоянием здоровья и когнитивными особенностями. Отсутствие формального запрета на рассмотрение в особом порядке уголовных дел в отношении подобных категорий обвиняемых не означает возможность формального подхода к данному вопросу.

Возможность адекватно воспринимать процессуальную информацию и оценивать последствия принятых решений является непременным условием самозащиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Применительно к особому порядку судебного разбирательства ключевым условием его применения является добровольное волеизъявление обвиняемого, осознающего специфику особого порядка судебного разбирательства и юридические последствия заявленного им ходатайства. Заявляя ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, обвиняемый должен в полной мере отдавать себе отчет в том, что при условии его удовлетворения виновность не будет исследоваться судом в судебном заседании, а возможности обжаловать приговор ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела не будет. При этом ему не будет назначено максимальное наказание за совершение данного преступления, и с него не будут взысканы процессуальные издержки. В данной ситуации важное значение приобретает психическое состояние здоровья обвиняемого, поскольку оно существенным образом влияет на то, как он воспринимает реальность.

Если обвиняемый страдает психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, алкоголизмом, наркоманией и т. п., возникает вопрос: насколько адекватно он осознает все происходящее с ним, может ли он осознавать последствия осуществляемых им значимых юридических действий? Соответствует ли истинная воля субъекта его волеизъявлению, адекватен ли сам акт волеизъявления? Не возникает ли ситуация, схожая с «пороками воли» в гражданском праве? [2; с. 9].

В этом смысле заслуживает внимания опыт правового регулирования подобного рода ситуаций в Республике Молдова. В соответствии со ст. 506 УПК

Молдовы суд обязан установить, подвергался ли подсудимый в последнее время лечению по поводу душевного расстройства либо наркотической или алкогольной зависимости. Кроме того, суду нужно выяснить, не находится ли обвиняемый сейчас под воздействием наркотических веществ, лекарств или алкогольных напитков. Если хотя бы на один вопрос обвиняемый ответит утвердительно, то суд должен уточнить, способен ли подсудимый высказать и принять свою позицию. Суд также обязан установить, понимает ли подсудимый условия особого порядка; представляет ли соглашение с обвинением полное выражение договоренности между подсудимым и государством; не давал ли ему кто-либо другие обещания или заверения в целях оказания на него влияния в принятии позиции признания вины; не пытался ли кто-либо в любой форме принудить обвиняемого, подсудимого принять позицию о признании вины по соответствующему делу и признает ли подсудимый свою вину по собственному желанию [3].

Российская судебная практика все чаще идет по пути отказа от возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке в отношении такой категории обвиняемых, хотя встречаются случаи, когда уголовные дела рассматриваются в особом порядке и в отношении лиц, страдающих психическими недостатками, состоящими на учете у психиатра, при наличии заключения эксперта о том, что обвиняемый по своему психическому состоянию может отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, а также принимать участие в процессуальных действиях. Полагаем такой подход неверным. Во-первых, возможность принимать участие в процессуальных действиях и возможность в полной мере осознавать отдаленные последствия своих юридически значимых действий – разные вещи. Во-вторых, суд не может достоверно знать о когнитивных особенностях обвиняемого и исключить его самооговор, какое-либо воздействие на него со стороны третьих лиц. В-третьих, состояние здоровья обвиняемого с момента проведения экспертизы могло измениться, и какое оно на момент заявления ходатайства об особом порядке и рассмотрения уголовного дела в суде – доподлинно не известно.

Таким образом, если в уголовном деле есть данные о психическом заболевании обвиняемого, алкоголизме или наркомании, то даже при наличии экспертного заключения о его состоянии и возможности принимать участие в следственных и иных процессуальных действиях, суд не должен рассматривать дело в особом порядке, даже при наличии всех остальных оснований и условий для применения данной формы судебного разбирательства. В такой ситуации суд должен рассмотреть уголовное дело в общем порядке, тщательно установив все обстоятельства дела, исследовав все доказательства, и установить виновность подсудимого с применением всех гарантий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: по состоянию на 12 янв. 2021 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

2. Качалова, О. В. Может ли состояние здоровья обвиняемого повлиять на возможность рассмотрения дела в особом порядке / О.В. Качалова // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 9.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.02.2021 г.)

УДК 343.123

К ВОПРОСУ О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Коваленко Вероника Александровна
помощник судьи Красноярского краевого суда, аспирант
Красноярский государственный аграрный университет,
г. Красноярск, Россия
e-mail: kovver92@mail.ru

Научный руководитель:
Бертовский Лев Владимирович
докт. юрид. наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
bertovskiy_lv@pfur.ru

Аннотация: В настоящей статье проанализировано состояние преступности несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних за 2020 год. Рассмотрены варианты представительства несовершеннолетнего в уголовном процессе, в том числе и при рассмотрении гражданского иска. На основании проведенного исследования выявлен существенный пробел Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), предложено внесение изменений в п. 47 ст. 5 УПК РФ, с целью установления равенств сторон и несовершеннолетних в уголовном процессе.

Ключевые слова: несовершеннолетний; гражданский иск; представитель; законный представитель; гражданский истец; гражданский ответчик.

ON THE ISSUE OF REPRESENTATION OF A MINOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kovalenko Veronika Alexandrovna
assistant judge of the Krasnoyarsk regional court,
postgraduate student
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
e-mail: kovver92@mail.ru

Scientific supervisor: Bertovsky Lev Vladimirovich

doctor of law, professor

Lomonosov Moscow state university,

Moscow, Russia

bertovskiy_lv@pfur.ru

Abstract: *This article analyzes the state of juvenile delinquency and juvenile delinquency in 2020. The variants of representation of a minor in criminal proceedings, including in the consideration of a civil claim, are considered. Based on the conducted research, a significant gap in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) was identified, and amendments were proposed to paragraph 47 of Article 5 of the Code of Criminal Procedure in order to establish equality between the parties and minors in criminal proceedings.*

Keywords: *minor; civil action; representative; legal representative; civil plaintiff; civil defendant.*

В 2020 году в суды поступило 22 946 уголовных дела, связанных с совершением преступления несовершеннолетними лицами, из них 12 463 [4] рассмотрено по существу с вынесением приговора, при этом осуждено (по всем составам Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)) 14 703 несовершеннолетних, из них на момент совершения преступления 4 627 лицам было 14-15 лет, а 10 076 лицам – 16-17 лет. Большинство из таких детей воспитывались в неполной семье (6 728 человек) или вовсе вне семьи (1 276), совершали преступление в группе (7 479). Однако, большинство из осужденных являлись учащимися или студентами (9 736). Современные подростки, отличаются особой жестокостью, так по итогам 2020 года несовершеннолетними было совершено 7 298 тяжких преступлений, 4 638 преступлений средней тяжести и остальная доля приходится на особо тяжкие преступления и преступления небольшой тяжести [5].

При этом, как отмечает Генеральная прокуратура РФ в докладе «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года», в течении 5 лет последовательно снижается подростковая преступность. С 2015 года она сократилась на 39 % (61,8 тыс. до 37,8 тыс.) [10].

Статистика посягательства в отношении несовершеннолетних оставляет желать лучшего, несмотря на ежегодное снижение (в 2020 году на 12%), поскольку темпы спада отстают от общей динамики сокращения преступности, а также далеко не в лучшую сторону меняется структура регистрируемых преступлений против детей [3].

Как отмечено в Докладе Генерального прокурора РФ «О состоянии законности и правопорядка в 2020 году и о проделанной работе по их укреплению», «если раньше несовершеннолетние чаще становились потерпевшими от корыстных преступлений, то теперь стало больше преступлений против их половой неприкосновенности. За последние 10 лет количество несовершеннолетних, пострадавших от таких деяний, выросло на 63%» [3]. Всего от криминальных посягательств пострадал 94 881 ребенок. На 3,2% сократилось количество

несовершеннолетних, погибших в результате преступлений (до 2 254), в том числе ставших жертвами убийств - на 5,2 % (до 423) [8].

Несовершеннолетние лица, будучи участниками уголовного процесса, в силу своих возрастных и иных специфических особенностей (психоэмоционального, физиологического и т.п. состояния), наделены особыми правами и гарантиями их реализации. В частности, иметь представителя и (или) законного представителя.

Рассмотрим более подробно право несовершеннолетних на возможность привлечения в уголовный процесс представителя и (или) законного представителя, на примере гражданского иска.

Итак, УПК РФ предусматривает тот факт, что потерпевшим - гражданским истцом может быть несовершеннолетний, более того, предусматривает обязательное участие в уголовном деле законных представителей или представителей (ч. 2, ч. 2.2 ст. 45 УПК РФ), а также адвоката (ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ), прокурора (ч. 3 ст. 44 УПК РФ) [11].

В статьях, посвящённых гражданскому ответчику и его представителю (ст. 54-55 УПК РФ) отсутствуют ссылки на несовершеннолетнего участника процесса. Однако, ст. 48 УПК РФ закрепляет обязательное участие законных представителей по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Кроме того, п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ предусматривает обязательное участие защитника в деле если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним. Может ли быть признан несовершеннолетний гражданским ответчиком? УПК РФ в ч. 1 ст. 54 в качестве гражданского ответчика определяет физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) несет ответственность за вред, причиненный преступлением. В свою очередь, ГК РФ содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними (ст. 1073-1076) [2]. В частности, нас интересует возраст 14-16 (14-18) лет. Согласно ч. 1 ст. 1074 ГК РФ несовершеннолетние в этом возрасте несут «ответственность за причиненный вред на общих основаниях», при этом, в случае отсутствия доходов или имущества, необходимого для возмещения вреда у несовершеннолетнего, обязанность по возмещению возлагается на родителей, попечителей, организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ч. 2. ст. 1074 ГК РФ) [2]. Исходя из этого несовершеннолетний может быть признан гражданским ответчиком и иметь в соответствии с ч. 1 ст. 55 УПК РФ в качестве представителя адвоката, одного из близких родственников или иное лицо, о допуске которого гражданский ответчик вправе ходатайствовать.

Как мы видим, для гражданского истца и для гражданского ответчика предусмотрены разные варианты представительства.

Теперь разберемся в терминологии некоторых понятий. В частности, кто такой представитель, адвокат (защитник), законный представитель, близкий родственник, иное лицо, которое упоминается в ч. 1 ст. 55 УПК РФ.

В УПК РФ из интересующих нас категорий содержится определение понятия «защитник» (ч. 1 ст. 49 УПК РФ), п. 4 ст. 5 УПК РФ перечисляет близких

родственников - супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки; п. 12 ч. 5 УПК РФ перечисляет законных представителей, относя к ним родителей, усыновителей, опекунов или попечителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства.

При этом УПК РФ отделяет институт законного представительства от представительства (например, ст. 22 УПК РФ). Исходя из толкования ст. 45 и ст. 55 УПК РФ представитель в самом общем виде – это адвокат.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» содержатся некоторые разъяснения по поводу участия «иного лица» в качестве представителя. Так, п. 11. разъясняет, что судам следует, при разрешении ходатайства обвиняемого в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ (о допуске одного из близких родственников или иного лица в качестве защитника), не только проверять отсутствие обстоятельств, указанных в ст. 72 УПК РФ, но и учитывать характер, особенности обвинения, а также согласие и возможность данного лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу [7].

Вернемся в уголовный процесс с участием несовершеннолетних с заявленным гражданским иском. В соответствии со ст. 5 УПК РФ, гражданский истец и гражданский ответчик приобретают характерные для уголовного процесса статусы участников со стороны защиты (гражданский ответчик, его законный представитель и представитель) и обвинения (гражданский истец и его представитель). Мы не зря перечислили определённых законодателем участников гражданского иска со стороны обвинения и защиты, поскольку гражданский иск может быть предъявлен не только представителем истца, но и его законным представителем (ч. 3 ст. 44, ч. 2 ст. 45 УПК РФ). Для несовершеннолетнего гражданского истца, возможность участия законного представителя в уголовном деле является крайне важным (опять же в силу возрастных, психологических, физиологических изменений).

В судебной практике довольно часто встречаются ситуации, связанные с представительством несовершеннолетнего в уголовном процессе (не назначением законного представителя или же назначением неправомерного законного представителя). Так, например, Апелляционным постановлением Сахалинского областного суда № 22-759/2020 от 29 июня 2020 г. по делу № 1-77/2020 обжаловалось постановление Поронайского городского суда Сахалинской области от 30 апреля 2020 года о возвращении прокурору уголовного дела поскольку на предварительном следствии в качестве законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого Гасимова Р.Г. оглы было допущено не надлежащее лицо – его бабушка Тимофеева А.Н., суд пришел к выводу о нарушении органом

предварительного следствия права несовершеннолетнего обвиняемого на защиту. Сославшись на ст. 48, п. 12 ст. 5 УПК РФ и п.11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» суд апелляционной инстанции оставил обжалуемое постановление без изменения, жалобу без удовлетворения [1].

Другой пример свидетельствует о допущении судебной ошибки, связанной с рассмотрением уголовного дела, обвиняемым по которому был несовершеннолетний (17 лет, 8 месяцев). Так, Постановлением Воронежского областного суда № 44У-23/2019 4У-94/2019 от 8 мая 2019 г. по делу № 44У-23/2019 было установлено, что уголовное дело рассмотрено без участия законного представителя и защитника, что повлекло нарушение права несовершеннолетнего на защиту. Следствием явилась отмена приговора и.о. мирового судьи судебного участка № в Бобровском судебном районе, дело отправлено на новое судебное рассмотрение [6].

Практика по гражданским искам в уголовном процессе свидетельствует о том, что гражданский иск в защиту несовершеннолетних может быть заявлен их законным представителем. Так, приговором Павловского районного суда № 1-128/2020 от 17 сентября 2020 г. по делу № 1-128/2020 суд оставил гражданский иск Потерпевшей №1 (бабушка несовершеннолетней К.) в части взыскания с подсудимого Манылова Д.В. компенсации морального вреда в размере 1 500 000 рублей в пользу несовершеннолетней К., которая является дочерью умершего, без рассмотрения [9].

В силу изложенного, а также с целью закрепления процессуального равенства прав гражданского истца и гражданского ответчика, в том числе несовершеннолетнего, в возможности иметь как представителя, так и законного представителя в уголовном процессе при разрешении требований гражданского иска, видится разумным внести в п. 47 ст. 5 УПК РФ соответствующие изменения и изложить его в следующей редакции: «сторона обвинения - прокурор, а также следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец, его законный представитель и представитель».

Список литературы

1. Апелляционное постановление Сахалинского областного суда № 22-759/2020 от 29 июня 2020 г. по делу № 1-77/2020 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/VD6NAcphIpY4/> (дата обращения 20.05.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) [Электронный ресурс] // URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения 20.05.2021).

3. Доклад Генерального прокурора РФ о состоянии законности и правопорядка в 2020 году и о проделанной работе по их укреплению, подготовленный для Совета Федерации Федерального собрания РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=61267146> (дата обращения 20.05.2021).

4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2020 год [Электронный ресурс] // URL: <http://files.sudrf.ru/1522/user/content/documents/sudstat/S06s-Y-2019.pdf> (дата обращения 28.03.2021).

5. Отчет об осужденных, совершивших преступления за 2020 год (форма № 12) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdpr.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения 20.05.2021).

6. Постановление Воронежского областного суда № 44У-23/2019 4У-94/2019 от 8 мая 2019 г. по делу № 44У-23/2019 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ohyLpedQXQ1X/> (дата обращения 20.05.2021).

7. Постановление Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» содержать некоторые разъяснения по поводу участия «иного лица» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения 20.05.2021).

8. Почти 95 тыс. детей пострадали от рук преступников в 2020 году в России. ТАСС [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/11231613> (дата обращения 20.05.2021).

9. Приговор Павловского районного суда № 1-128/2020 от 17 сентября 2020 г. по делу № 1-128/2020 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/0p9NQPRqUpWT/> (дата обращения 20.05.2021).

10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. Генеральная прокуратура РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения 20.05.2021).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 20.05.2021).

УДК 343.1

**КОМПЕНСАТОРНЫЙ МЕХАНИЗМ КАК СРЕДСТВО
РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА ИЗ ЧИСЛА ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ
С ИХ СТОРОНЫ**

Курбатова Светлана Михайловна

канд. юрид. наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: sveta_kurbatova@mail.ru

Русаков Алексей Геннадьевич

руководитель научно-методологического лектория Юридического института

Красноярского ГАУ, ст. преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: rusalger@mail.ru,

Аннотация: В статье рассматривается комплекс проблем, возникающих при реализации процессуальных механизмов компенсаторного характера, призванных обеспечить правовой статус участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями. Констатируется необходимость разрешения вопросов процессуального неравенства таких участников уголовного судопроизводства и проявления злоупотреблений с их стороны. Предлагаются варианты решения данных проблем посредством использования процессуального компенсаторного механизма.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, участники уголовного судопроизводства, процессуальные права и обязанности, ограниченные возможности, пресечение злоупотреблений, оправдание и смягчение наказания, назначение уголовного судопроизводства.

**COMPENSATOR MECHANISM AS A MEANS OF IMPLEMENTING THE
LEGAL STATUS OF THE PARTICIPANTS IN THE CRIMINAL PROCEED-
INGS FROM THE NUMBER OF PERSONS WITH LIMITED COGNITIVE
ABILITIES AND PREVENTING ABUSE WITH THEM**

Kurbatova S. M.

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: sveta_kurbatova@mail.ru

Rusakov Alexey Gennadyevich
head of the scientific and methodological lecture hall, senior lecturer
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: rusalger@mail.ru,

Abstract: *The article deals with a set of problems that arise in the implementation of compensatory procedural mechanisms designed to ensure the legal status of participants in criminal proceedings from among persons with cognitive disabilities. It is stated that it is necessary to resolve the issues of procedural inequality of such participants in criminal proceedings and the manifestation of abuse on their part. Options for solving these problems through the use of a procedural compensatory mechanism are proposed.*

Keywords: *criminal proceedings, participants in criminal proceedings, procedural rights and obligations, limited cognitive capabilities, suppression of abuse, acquittal and mitigation of punishment, appointment of criminal proceedings.*

В настоящее время сложилась общемировая тенденция совершенствования международного и национального законодательства, которая направлена на усиление защиты социально уязвимых категорий лиц, что особенно значимо, учитывая количество лиц, имеющих те или иные ограниченные возможности в силу разных причин (физических, когнитивных, физиологических, возрастных и т.д.).

Исходя из того, что в сфере уголовного судопроизводства объективно существуют основания считать, что такие лица могут быть (и есть) участниками уголовно-процессуальных отношений, полагаем, что законодательные органы правового государства, и России в том числе, обязаны в ходе своей законотворческой деятельности обеспечить создание эффективного правового механизма реализации процессуальных прав данной категории лиц для обеспечения законного и справедливого правосудия, а правоприменитель, в свою очередь, должен добросовестно исполнить свои служебные обязанности и требования процессуального закона.

Во многих современных правовых государствах создан и эффективно функционирует соответствующий компенсаторный механизм, позволяющий компенсировать ограничения участников уголовного судопроизводства, создающий им условия для самостоятельной (наравне с другими участниками) реализации своих процессуальных прав и обязанностей, а также включающий средства их защиты. Назрела необходимость разработки, апробации и законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации подобного компенсаторного механизма. При разработке данного механизма следует обратить внимание на его комплексный междисциплинарный характер и принимать во внимание объективно существующие проблемы, препятствующие достижению поставленной задачи. Надлежит учитывать следующие аспекты.

Первый: Многосубъектный состав лиц данной категории. Указанные субъекты участвуют в уголовном судопроизводстве как на стороне обвинения (потерпевший, гражданский истец, их представители), так и на стороне защиты (подозреваемый, обвиняемый, в т.ч. подсудимый), а также в качестве иных участников, которые могут выступать как на стороне обвинения, так и на стороне защиты (свидетель, эксперт, специалист, переводчик) или привлекаться для совершения отдельных процессуальных действий (понятые, педагоги, психологи и др.). При этом следует учитывать различный правовой статус указанных лиц в процессе и то, что они преследуют различные цели и задачи. Поэтому действующее уголовно-процессуальное законодательство закрепило различные механизмы их реализации.

Второй: Существует многообразие форм, видов, степеней выраженности ограничений способностей указанных участников уголовного судопроизводства. Возможны два варианта выравнивания ситуации: с помощью привлечения специалистов и использования технических средств нивелировать процессуальное неравенство лиц из числа данной категории или осуществить необходимость «замены» путем привлечения в процесс их законных представителей.

Третий: Потерпевший находится на «втором плане». На практике на досудебной стадии процесса редко кому потерпевшему реально обеспечена возможность компенсации морального вреда и возмещение убытков, причиненных преступлением. В рамках судебной стадии уголовного дела потерпевший практически не влияет на результат рассмотрения дела. При этом в действующем российском Уголовно-процессуальном кодексе отсутствует реальное равенство потерпевшего по отношению к противоположной для него стороной процесса. Это становится особенно актуальным, когда в качестве потерпевшего участвует лицо с ограниченными возможностями.

Четвертый: Нередки случаи проявления злоупотреблений своими ограничениями со стороны рассматриваемой группы лиц. Например, потерпевший и его законный представитель в основном ведут себя пассивно (своевременно не заявляют ходатайств, надлежащим образом не оформляют гражданские иски, не проявляют инициативы в представлении доказательств и т.п.) в реализации своих процессуальных возможностей и интересов, полагая, что за них это обязаны сделать сотрудники органов дознания, следствия и суд. Однако это противоречит существующим уголовно-процессуальным механизмам.

Свидетели с ограниченными возможностями предпочитают избегать участия в совершении следственных действий и судебных заседаний, т.к. никак не заинтересованы, и указанное участие в силу различных их ограничений может носить для них затруднительный характер. По сути дела, свидетели предоставлены «сами себе», и вопросы их доставки в суд и по месту жительства решаются в каждом конкретном случае правоприменителями по-разному, в том числе и за собственный счет. Переводчик, убедившись, что не может быть «защитником земляка», иногда предпочитает демонстрировать непонимание юридических терминов в целях добиться отвода в виду непрофессионализма.

Пятый: Подсудимый, наоборот, по собственной инициативе (или иногда по совету защитника) бравировает, демонстрируя свои когнитивные ограничения,

«бьет на жалость», «выпрашивает поблажки» в надежде на смягчение наказания или даже на оправдание. Российская судебная практика знает примеры, когда коллегия присяжных выносила оправдательный вердикт по мотивам жалости к подсудимому с ограниченными возможностями.

Шестой: Периодически возникает проблема легитимации доказательств, полученных при производстве процессуальных действий с участием лиц данной категории на досудебной и судебной стадиях уголовного судопроизводства в случаях, когда подсудимый (а также и другие участники процесса) по различным причинам и мотивам скрывают наличие у них когнитивных ограничений или в силу наличия последних не отдают себе отчет степени и глубине их выражения.

Седьмой: Правоприменители в силу загруженности, неопытности или недостаточной профессиональной подготовки своевременно не выявляют признаки когнитивных ограничений, так как слабо владеют навыками установления личного контакта с данной категорией лиц, не имеют в своем распоряжении грамотно составленных анкет, опросников и методических рекомендации по данным актуальным вопросам.

Восьмой: Недостаточно проработан судебный механизм исправления допущенных в ходе предварительного расследования ошибок, позволяющий «легитимизировать» доказательства, полученные в ходе следственных действий с участием лиц с ограниченными возможностями или добыть их повторно с соблюдением всех процессуальных требований при рассмотрении судом уголовного дела по существу. На практике суд и прокурор предпочитают, особенно в случае с «когнитивным» подсудимым, установленный факт нарушений его права на защиту (т.е. совершение процессуальных действий без учета когнитивных ограничений) расценивать как основание к возвращению уголовного дела для производства дополнительного расследования вместо того, чтобы устранить выявленные недостатки в ходе его судебного разбирательства.

Это отрицательно влияет на сроки рассмотрения и разрешения уголовных дел судами и содержания лиц под стражей, лишает участников процесса права на рассмотрение уголовного дела в разумные сроки, порождает волокиту, обесценивает престиж закона, противоречит задачам правосудия и порождает неверие в его справедливость.

В связи с изложенным, полагаем необходимым предложить исследовать, разработать, апробировать и законодательно закрепить следующие элементы процессуального механизма для обеспечения реализации прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями. Данный механизм должен включать в себя следующие обязательные элементы.

1. Четкий терминологический аппарат в исследуемой сфере, который получит закрепление в ст. 5 УПК РФ.

2. Методические рекомендации для правоприменителей по выявлению у участников уголовного судопроизводства признаков когнитивных ограничений, установлению личного контакта с ними для принятия решения о возможности и

характере компенсаторного механизма, максимально адаптированные к конкретной следственной или судебной ситуации.

3. Правоприменители должны иметь доступ к банку данных, содержащих сведения о необходимых специалистах (переводчиков, педагогов, психологов, психиатров, геронтологов, представителей органов опеки и попечительства и т.п.) и обеспечить возможность их оперативного привлечения к участию в процессуальных действиях.

4. В должностных обязанностях правоприменителей и в нормах УПК РФ должна быть закреплена обязанность проводить исследование личности участников уголовного судопроизводства с участием специалиста с представлением им письменного заключения по вопросам: форма, вид, степень выраженности ограничений (в отношении как потерпевшего, так и подозреваемого, обвиняемого) с рекомендацией о способе и форме компенсаторности или необходимости «замены» данного лица путем привлечения в процесс его законного представителя и адвоката-представителя (защитника по назначению). Данная процедура должна быть обязательной при задержании и (или) помещении лица под стражу.

5. Проводить обязательное психолого-психиатрическое освидетельствование лиц указанной категории с участием профильного специалиста.

6. Установить уголовную ответственность специалистов за дачу заведомо ложных заключений по указанным вопросам для пресечения злоупотреблений или их сговора с правоприменителями в целях нарушения процессуальных прав исследуемой категории лиц.

7. Закрепить в Общей части УПК РФ обязательное требование: при совершении процессуальных действий (на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса) отмечать в протоколе процессуальных действий результат проверки состояния указанных лиц и их возможности самостоятельно или с помощью привлеченных специалистов, законных представителей, адвокатов по назначению участвовать в юридических процедурах.

8. Законодательно закрепить привлечение к участию в процессе адвоката по назначению (в т.ч. в отношении потерпевшего) для реализации компенсаторного подхода к обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с когнитивными ограничениями.

9. Закрепить право следователя, дознавателя, судьи в рамках уголовного судопроизводства выносить промежуточные процессуальные решения, направленные с одной стороны на обеспечение реализации процессуальных прав и обязанностей указанной категории лиц, а также – с другой стороны - на пресечение с их стороны симуляции, противодействия следователю, дознавателю или суду и других злоупотреблений своими процессуальными правами, а именно: проводить процессуальное действие без участия указанных лиц, ограничивать сроки совершения процессуальных действий, в необходимых случаях принудительно доставлять к месту совершения процессуальных действий и т.п.

10. Рассматривать уголовные дела с участием подсудимого или потерпевшего с когнитивными ограничениями в общем порядке, исключив из уголовно-процессуального законодательства возможность применения в данном

случае глав 40 и 40.1 УПК РФ для того, чтобы в судебном заседании суд полноценно исследовал и оценил собранные доказательства и вынес законное, обоснованное и справедливое решение по делу.

11. Разработать образовательную программу и комплекс методических материалов по переподготовки должностных лиц правоохранительных органов и суда, чтобы привить им навыки выявления признаков когнитивных нарушений у участников уголовного судопроизводства, установлению с ними контакта и принятия решения о возможности и характере компенсаторных мер.

12. Сформировать соответствующие профессиональные компетенции и включить их в образовательные программы направлений подготовки и специальностей, реализующим учебные дисциплины криминального цикла, а также включать отдельные темы (модули, разделы) в структуру этих курсов, в которых раскрывать содержание компенсаторного механизма, мер и средств обеспечения прав лиц с ограниченными возможностями.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г., с изм. от 13.05.2021 г.) // КонсультантПлюс.

2. Бертовский, Л.В. Защита прав и законных интересов участников судопроизводства как элемент уголовной политики государства / Л.В. Бертовский // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2020. № 4 (6). С. 81-84.

3. Курбатова, С.М. Об отражении когнитивного подхода в нормах Модельного УПК СНГ и УПК РФ: сравнительная характеристика / С.М. Курбатова // Право и государства: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 189-191.

4. Курбатова, С.М. Формирование когнитивного подхода к пониманию личности с ограниченными возможностями на международно-правовом уровне и его влияние на национальное право (на примере российского уголовно-процессуального законодательства) / С.М. Курбатова // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 8-1. С. 134-143.

5. Николюк, В.В. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего / В.В. Николюк, В.А. Виноградова, В.А. Антонова // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 39-52.

6. Шаталов, А.С. Нормы международного права в судебной практике по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних / А.С. Шаталов // Цели и средства уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних. Сб. мат-в Междунар. научно-практич. конф. Федеральная служба исполнения наказаний. Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2010. С. 46-52.

УДК 343.1

**О СОБЛЮДЕНИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

Луценко Павел Александрович

канд. юрид. наук, доцент

Ковшова Елена Сергеевна

Воронежский государственный аграрный университет

Имени императора Петра I

г. Воронеж, Россия

email: lawyer.vrn@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые особенности соблюдения прав лиц с ограниченными возможностями в судебном заседании по уголовным делам, оценили оснащенность зданий суда необходимыми для лиц с ограниченными возможностями условиями.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, зал судебного заседания, инклюзивное общество, лица с ограниченными возможностями.

**ON OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL
PROCEEDINGS WITH RESTRICTED OPPORTUNITIES**

Lutsenko Pavel Aleksandrovich

candidate of legal sciences, associate professor

Kovshova Elena Sergeevna

Voronezh state agrarian university named after Emperor Peter the Great

Voronezh, Russia

email: lawyer.vrn@mail.ru

Abstract: The article considers some features of the observance of the rights of persons with disabilities in the court session in criminal cases, assessed the equipment of court buildings with the necessary conditions for persons with disabilities.

Keywords: criminal proceedings, courtroom, inclusive society, persons with disabilities.

На сегодняшний день наша страна стремится актуализировать и модернизировать проблему инклюзивного общества: позволить людям с ограниченными способностями чувствовать себя комфортно в обществе. Тем не менее, следует принимать тот факт, что количество лиц с ограниченными возможностями велико [1], а значит, позволяет сделать вывод о высокой доли вероятности вовлечения в сферу уголовного судопроизводства его участников из числа данной группы населения.

Одним из вопросов, требующих внимания со стороны государства, является оснащенность зданий судов необходимыми условиями для лиц с ограниченными возможностями, которые бы обеспечивали им фактический доступ к

правосудию. Для этих целей разрабатываются Паспорта доступности объекта для инвалидов, Планы мероприятий по поэтапному повышению значений показателей доступности объекта, Рекомендации по организации сопровождения инвалидов и др. В частности, предусматривается, что:

1. О посещении зала суда необходимо сообщать заранее, чтобы было возможно сопроводить в здание суда на автотранспорте и непосредственно в зал суда.

2. В случае явки без предварительного согласования, лицам с инвалидностью необходимо нажать на кнопку вызова сотрудника для сопровождения в зал суда.

3. Инвалидам выделяют специальное парковочное место, максимально приближенное ко входу в здание.

Однако в самих залах судебного заседания их обстановка не всегда отвечает инклюзивным требованиям. Рассмотрим оснащенность зала суда для лиц с инвалидностью, для чего ниже, на рис. 2, представлено изображение типового зала судебного заседания.

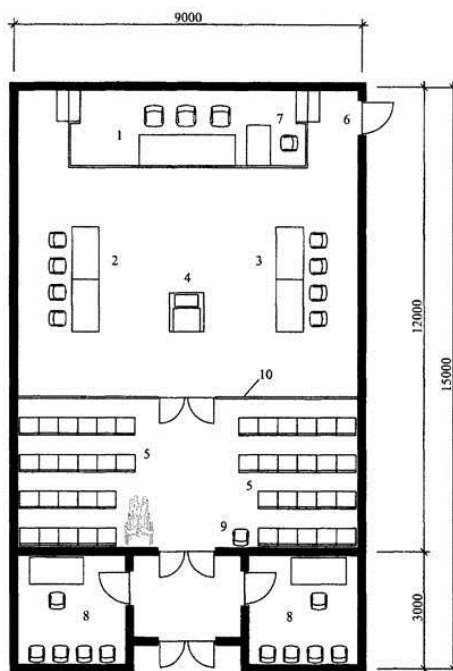

Рисунок 1 – Схема зала суда

1 - места для судей; 2 - места для адвокатов; 3 - места для прокуроров; 4 - кафедр свидетелей; 5 - места для посетителей; 6 - вход для суда; 7 - место секретаря; 8 - комната свидетелей; 9 - место судебного пристава; 10 - перильное ограждение [2]

Анализируя рисунок, мы можем сделать вывод, что классическая схема расстановки зала не создает условий для движения лиц с инвалидностью. Необходимо включить дополнительные перила по периметру зала, добавить больше пространства для лиц, передвигающихся в инвалидном кресле.

Согласно своду правил СП 35-103-2001 «Общественные здания и сооружения, доступные маломобильным посетителям», разработанному на основе

Федерального Закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ, существуют критерии к зданиям и сооружениям для доступности инвалидов:

1. Размещение помещений для приема маломобильных граждан на уровне входа.
2. Обязательное наличие справочно-информационной службы.
3. Размещение конференц-залов не выше второго этажа.
4. Наличие сопровождения для граждан с инвалидностью.
5. Наличие указателей по периметру здания суда.

Действующим законодательством реализуется закон о предоставлении детям-инвалидам всех необходимых медикаментозных средств, оказание первой помощи и медицинских консультаций в залах суда.

На сайте «<https://perspektiva-inva.ru/protect-rights/trial>» существует региональная общественная организация «Перспектива», где представлена помощь как людей с ограниченными способностями в городе Москва, Балашиха. В разделе «Опыт защиты прав инвалидов» рассказано много историй из зала суда о судебной практике, ущемлении прав инвалидов в суде и предложена помощь оказавшимся в аналогичной ситуации клиентам. Такого рода просвещение лиц с ограниченными возможностями считаем, должно только развиваться, т.к., хотя, права инвалидов могут и должны защищаться на высоком уровне, тем не менее следует использовать и все иные возможности для обеспечения их прав, в том числе, права на информацию, для чего использовать и медийное пространство.

Таким образом, учитывая значимость реализации права на доступ к правосудию, а также принимая во внимание физические особенности лиц с ограниченными возможностями из числа инвалидов, считаем, что необходимо уделить большее внимание вопросам создания условий для обеспечения им возможности находиться в зале судебного заседания и направить необходимые организационные, финансовые и др. ресурсы для решения данной проблемы.

Список литературы

1. Россия в цифрах. 2020: крат. стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М.: Росстат, 2020.
2. Нормы оформления зданий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meganorm.ru/Data2/1/4293780/4293780213.html> (дата обращения: 01.06.2021).

**КОМПЕНСАЦИЯ ОГРАНИЧЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ
ДЛЯ УЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Марковичева Елена Викторовна

д-р юрид. наук, доцент,

Российский государственный университет правосудия,

г. Москва, Россия,

e-mail: markovicheva@yandex.ru

***Аннотация.** В статье анализируются современные подходы к участию несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в современном уголовном судопроизводстве. Автор рассматривает специфику обеспечения прав несовершеннолетних в контексте дружественного детям правосудия. Действующее российское законодательство недостаточно эффективно регулирует права несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. В статье формулируется вывод о необходимости изучения опыта других государств в решении подобных проблем.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, несовершеннолетний, дружественное детям правосудие, допрос, оглашение показаний.*

**COMPENSATION FOR DISABILITIES FOR A MINOR VICTIM
AND WITNESS TO PARTICIPATE IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Markovicheva Elena Viktorovna

doctor of legal sciences, associate professor,

Russian state university of justice,

Moscow, Russia

e-mail: markovicheva@yandex.ru

***Abstract:** The article analyzes modern approaches to the participation of juvenile victims and witnesses in modern criminal proceedings. The author examines the specifics of ensuring the rights of minors in the context of child-friendly justice. The current Russian legislation does not effectively regulate the rights of juvenile victims and witnesses. The article concludes that it is necessary to study the experience of other states in solving similar problems.*

***Keywords:** criminal procedure, minor, child-friendly justice, interrogation, read out testimony.*

В XXI в. уголовно-процессуальная политика предъявляет особые требования к уголовному судопроизводству, нацеливая его при расследовании и разрешении уголовных дел на решение сложной задачи, связанной с учетом личностных особенностей участников процессе. Это позволяет, с одной стороны, обеспечить равные возможности в реализации своих прав и обязанностей раз-

личными субъектами, с другой, – делает уголовный процесс более гибким и адаптированным под особые потребности отдельных лиц, снижая тем самым неизбежное психотравмирующее воздействие на них всей уголовно-процессуальной деятельности. Такой группой «спецсубъектов» в уголовном процессе являются несовершеннолетние.

Эволюционно в уголовном процессе многих современных государств оформились специальные подходы к участию отдельных категорий несовершеннолетних. Долгое время внимание правоприменительных органов и институтов гражданского общества было направлено на несовершеннолетних правонарушителей, что позволило выработать более или менее удачные ювенальные технологии, определить специфику доказывания и разумные альтернативы уголовной ответственности и уголовному наказанию. В рамках такой концепции эволюционировал и российский уголовный процесс. Хотя сами категории ювенальной юстиции стали предметом научно-практической дискуссии не раньше 90-х годов XX в., уже в советский период производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних оформилось как полноценное усложненное производство, требующее учета возрастных и личностных особенностей уголовно преследуемого подростка при осуществлении всей процессуальной деятельности. К сожалению, долгое время правовой статус иных несовершеннолетних участников процесса специально практически не регулировался, то есть преобладал общий подход в обеспечении прав и законных интересов потерпевших и свидетелей, независимо от их возраста. Хотя, справедливости ради отметим, что небольшие оговорки и исключения отечественным законодателем были сделаны для регламентации производства процессуальных действий с участием несовершеннолетних потерпевших или свидетелей. Учет повышенной утомляемости детей, сложностей, связанных с длительной концентрацией, ограниченных волевых возможностей привели к ограничению времени их допроса, стремление обеспечить наилучшую защиту их прав к привлечению дополнительных субъектов и некотором ограничении возможного негативного влияния уголовного процесса на ребенка жертву или свидетеля преступления. Однако недостатком уголовно-процессуальных норм, определяющих правовое положение несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в российском уголовном процессе, всегда была (и остается по сей день) недостаточная системность в регулировании специфики производства следственных и судебных действий с их участием.

Современный уголовный процесс многих государств в настоящее время активно реализует по отношению ко всем несовершеннолетним участникам уголовного процесса особый подход, концептуально оформившийся как «child-friendly justice» в Рекомендациях Комитета Министров Совета Европы по правосудию, дружественному ребенку в 2010 г. [1]. Европейское сообщество предприняло попытку определить ряд базовых универсальных гарантий обеспечения участия несовершеннолетнего, независимо от его процессуального статуса, в судопроизводстве.

В России в рамках реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг. [2] и в связи с ратификацией ряда международных

конвенций в 2013 г. была предпринята попытка закрепить ряд дополнительных гарантий прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3]. В целом позитивно оценивая трансформацию действующего уголовно-процессуального закона в данном направлении, отметим, что ряд проблем, связанных с участием указанных участников оказался нерешенным.

Преимущественно дополнительные гарантии действующее законодательство распространяет на одну категорию лиц – несовершеннолетних потерпевших и свидетелей по преступлениям против половой неприкосновенности. Данная категория участников, несомненно, нуждается в дополнительной охране. И уязвимость таких несовершеннолетних очевидна. Но совершенно недостаточно задекларировать в нормах закона дополнительные гарантии обеспечения прав столь уязвимых участников процесса без создания механизма их обеспечения. Отсутствие специальных помещений для допроса несовершеннолетних, адаптированных под их возрастные особенности, невозможность проведения дистанционного допроса, в том числе его сложной формы – очной ставки, исключающей непосредственную коммуникацию с обвиняемым, существенно ограничивают возможности защиты несовершеннолетних. Ситуация усугубляется отсутствием не только следственной, а нередко и судебной специализации, но и соответствующей подготовки у правоприменителя, поскольку «получение надежных и полных сведений от несовершеннолетнего, а в особенности, малолетнего потерпевшего – непростая задача, требующая от следователя знания детской психологии, опыта и такта» [4; с. 24]. Согласимся с теми исследователями, которые указывают, что оптимизация российского уголовно-процессуального закона не всегда продуктивна, и практика сталкивается с проблемами, преимущественно связанными именно с допросом несовершеннолетнего и оглашением его показаний [5]. Неэффективным оказался и предложенный в УПК РФ механизм сокращения числа допросов несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля с использованием видеозаписи допроса на стадии предварительного расследования. Судебная практика показывает, что интересы следователя, а иногда и законного представителя вступают в противоречие с интересами допрашиваемого, и предложенный механизм не работает: подавляющее большинство уголовных дел данной категории поступает в суды без видеозаписи с отказом законного представителя от нее [6]. При этом закон никак не разрешает вопрос о конфликте мнений законного представителя и несовершеннолетнего, которого быть как бы и не должно. Если несовершеннолетний в состоянии выразить свою позицию, если он понимает суть происходящего, его мнение должно быть учтено как необходимое условие реализации права ребенка быть заслушанным, предусмотренного современными стандартами правосудия.

Непродуктивной, на наш взгляд, является и определенная автономность и даже изолированность норм, регулирующих участие в уголовном процессе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей с одной стороны, и несовершеннолетних обвиняемых, – с другой. Полагаем, что перспективным направлением для научной дискуссии и законодательных инициатив являются вопросы выработки общих подходов к обеспечению прав всех несовершеннолетних в российском уголовном процессе, а не формирование двух (а возможно и трех) отдельных правовых институтов. Результатом такой работы могла бы стать обновленная глава 50 УПК РФ, которая объединила бы специальные нормы, применимые при производстве по уголовным делам именно с участием несовершеннолетних. Это позволило бы устранить определенный дисбаланс прав различных категорий несовершеннолетних в уголовном процессе и создать непротиворечивую нормативную основу для правоприменительной практики.

Список литературы

1. Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child-friendly justice: adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 17 November 2010 and explanatory memorandum. from: <https://rm.coe.int/16804b2cf3>.

2. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» // СПС Консультант Плюс.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2021 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021) // СПС Консультант Плюс.

4. Дозорцева, Е.Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике / Е.Г. Дозорцева, А.Г. Красавина // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 23-31.

5. Синкевич, В.В. О несовершенстве уголовно-процессуального законодательства об участии несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля в отдельных следственных действиях / В.В. Синкевич // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2014. № 4. С. 121-126.

6. Марковичева, Е.В. Проблемы, связанные с участием несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля в судебном разбирательстве / Е.В. Марковичева // Российское правосудие. 2019. № 3. С. 77-83.

УДК 343.1

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СРОКОВ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ
МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Муравьев Кирилл Владимирович

доктор юрид. наук, доцент

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

г. Орел, Россия

e-mail: murki@list.ru

Замуруева Елизавета Юрьевна

адъюнкт

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

г. Орел, Россия

e-mail: kibalina1456@yandex.ru

Аннотация: Законодательная регламентация сроков содержания под стражей лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, помещения их в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа и центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей не в полной мере соответствует международным правовым стандартам, требованию соразмерности уголовно-процессуального воздействия предстоящему наказанию, а также имеет пробелы, поэтому нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: несовершеннолетний, меры воздействия, сроки содержания под стражей, специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, зачет сроков.

**PROBLEMATIC ASPECTS OF THE REGULATION OF THE TERMS
OF CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINAL LAW MEASURES
OF INFLUENCE AGAINST JUVENILES**

Muravyov Kirill Vladimirovich

doctor of legal sciences, associate professor

Lukyanov Orel law institute of the MIA of Russia,

Orel, Russia

e-mail: murki@list.ru

Zamuruyeva Elizaveta Yuryevna

Lukyanov Orel law institute of the MIA of Russia,

Orel, Russia

e-mail: kibalina1456@yandex.ru

Abstract: The legislative regulation of the terms of detention of persons under the age of eighteen, their placement in special closed educational institutions and

temporary detention centers for juvenile offenders does not fully comply with international legal standards, the requirement of proportionality of the criminal procedural impact of the upcoming punishment, and also has gaps, so it needs to be improved.

Keywords: *juvenile, measures of influence, terms of detention, special educational institutions of a closed type, a temporary detention center for juvenile offenders, time offsetting.*

В международных правовых актах, устанавливающих общие стандарты реализации уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, отмечается, что система правосудия должна быть направлена на обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних были всегда соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами правонарушения. Содержание под стражей данных лиц до суда требуется применять лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени, с обеспечением содержания несовершеннолетних отдельно от взрослых, желательно в специальном учреждении. При разрешении дела компетентному органу власти следует стараться избегать их заключения в исправительные учреждения, выбирать меру воздействия, которая будет соизмерима с обстоятельствами и тяжестью правонарушения. Ограничение личной свободы лица, не достигшего взрослого возраста, надлежит, по возможности, свести до минимума (например, ст.ст. 5, 13, 17, 18 Пекинских правил) [1].

Следуя в русле международных стандартов, УПК РФ устанавливает особые материально-правовые условия применения меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2020 году судами было удовлетворено 751 ходатайство об избрании заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, что составляет менее 1 % от всех лиц, к которым применялась самая строгая мера уголовно-процессуального воздействия. Вместе с тем удовлетворено 1 689 ходатайств о продлении «стражного» срока. При этом нормативное регулирование данных сроков по отношению к лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, и взрослым подозреваемым, обвиняемым не дифференцируется.

В соответствии с ч. 9 ст. 109 УПК РФ сроки содержания под стражей в период досудебного производства включают время ареста на предварительном расследовании и соответствующий срок в период рассмотрения уголовного дела прокурором до принятия им решения, связанного с утверждением обвинительного заключения (акта, постановления) или постановления о направлении дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера.

Согласно ч. 1 ст. 109 УПК РФ при расследовании преступлений обычный «стражный» срок не может превышать 2 месяцев. Он может быть продлен до 6 месяцев (при невозможности закончить расследование и отсутствии оснований для изменения или отмены самой строгой меры пресечения). Дальнейшее продление срока допускается в случае особой сложности дела в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений – до 12 меся-

цев, а в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, – до 18 месяцев. Части 5–8 ст. 109 УПК РФ предусматривают исключение. По окончании расследования в целях обеспечения права обвиняемого и его защитника на ознакомление с материалами дела без ограничения во времени, а также для недопущения случаев злоупотребления этим правом предельный срок содержания под стражей может быть продлен на такое время, которое необходимо для окончания ознакомления. Также при направлении уголовного дела прокурору для изучения материалов производства и утверждения итогового решения срок содержания под стражей может быть продлен на время, необходимое для обеспечения принятия соответствующего решения прокурором, а также и судом в стадии назначения и подготовки к судебному разбирательству (ч. 8.1 ст. 109 УПК РФ). Период выполнения соответствующих процедур зависит от формы предварительного расследования и характеристик уголовного производства (ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226.8 и ч. 3 ст. 227 УПК РФ).

В соответствии с чч. 2 и 3 ст. 255 УПК РФ срок содержания подсудимого под стражей в судебном производстве исчисляется со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора. Он не должен превышать 6 месяцев. По делам о тяжких и особо тяжких преступлениях возможно продление данного срока, но каждый раз не более чем на 3 месяца. Кроме того, при постановлении приговора суд решает вопрос о мере пресечения в отношении подсудимого до вступления приговора в законную силу (п. 17 ч. 1 ст. 299, п. 10 ч. 9 ст. 308 УПК РФ).

Полагаем, что «нормативное равенство» сроков содержания под стражей несовершеннолетних и взрослых правонарушителей не в полной мере соответствует правовому стандарту, в соответствии с которым содержание под стражу должно применяться к подросткам «в течение кратчайшего периода времени». Следует также учитывать, что исходя из закрепленного в ст. 49 Конституции РФ принципа презумпции невиновности до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его [3]. Как известно, в чч. 6 и 6.1 ст. 88 УК РФ установлены особые правила назначения наказания для осужденных, не достигших восемнадцатилетия, предполагающие уменьшение верхнего и нижнего пределов лишения свободы. На наш взгляд, последовательным шагом законодателя может стать и установление в УПК РФ уменьшенных предельных сроков содержания под стражей в отношении несовершеннолетних на предварительном расследовании и в судебном производстве. Это в большей степени соответствовало бы требованию о соразмерности уголовно-процессуального воздействия предстоящему наказанию.

В соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы по деяниям средней тяжести и по тяжким преступлениям, может быть освобожден от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУЗТ). В 2020 году данная мера воспитательного воздействия применялась в отношении 240 подростков,

нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода, т.е. около 9,7 % случаев осуждения несовершеннолетних к реальному лишению свободы. Срок пребывания в СУВУЗТ формально не зависит от назначенного судом срока лишения свободы и категории преступления. Правонарушитель может быть помещен в указанное учреждение до достижения им возраста восемнадцати лет, но не более чем на три года. Предусмотрены правила прекращения пребывания несовершеннолетнего в учреждении до истечения срока, определенного судом, восстановления срока, пропущенного в результате уклонения, и его продления по истечении установленного срока (ч.ч. 2–4 ст. 92 УК РФ).

Законодательная регламентация периодов пребывания в СУВУЗТ имеет различное толкование. По мнению Ю. Пудовочкина, предусмотрен только один вариант срока – до наступления совершеннолетия, и имеется исключение – если до наступления взрослого возраста требуется период больший, чем три года, то суд должен ограничить в своем решении период пребывания в СУВУЗТ сроком в 3 года. При этом фактически срок зависит от результатов воспитательной и коррекционной работы с несовершеннолетним в данном учреждении, поэтому в законе установлены правила досрочного прекращения применения данной меры воздействия, но не ранее 6 месяцев со дня поступления подростка в СУВУЗТ. Что касается продления срока, то оно допускается только по ходатайству самого несовершеннолетнего для завершения им общеобразовательной или профессиональной подготовки, при этом общее время пребывания в данном учреждении не может превышать 3 лет [6; с. 30]. Полагаем, что замыслу законодателя в большей степени соответствует иной подход, который встречается в судебной практике: срок помещения в СУВУЗТ, как правило, соответствует назначенному несовершеннолетнему наказанию в виде лишения свободы. При этом продление времени пребывания в учреждении осуществляется в рамках предельного 3-годового срока в тех случаях, когда судом признается, что несовершеннолетний нуждается в дальнейшем применении рассматриваемой меры воздействия.

Трудности толкования нормы возникают и при решении судом вопроса о зачете времени содержания несовершеннолетнего под стражей при постановлении в отношении него обвинительного приговора с применением воспитательной меры, предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ. В литературе обращается внимание, что практика решений судов в этом вопросе не отличается единообразием: в одних случаях время содержания под стражей до судебного разбирательства засчитывается в срок пребывания в СУВУЗТ, в других – нет [5; с. 56-58]. При этом на основании ст. 72 УК РФ период нахождения подростка под стражей может засчитываться только в срок назначенного лишения свободы, но не пребывания в СУВУЗТ, поскольку последнее не является наказанием [6; с. 28].

Вместе с тем в соответствии с п. 2 ч. 2 и ч. 6 ст. 22 Федерального закона № 120-ФЗ до направления в СУВУЗТ подросток может быть помещен на минимально необходимое для его устройства время (не более чем на 30 суток, с возможностью продления до 15 суток) в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) [2]. В соответствии с пози-

цией Конституционного Суда РФ применение данной меры принуждения в конституционно-правовом смысле представляет собой, по сути, лишение свободы [4]. При этом суд обязан указать в приговоре на зачет в срок содержания в СУВУЗТ время нахождения в ЦВСНП, в котором в отношении правонарушителя начинается вестись профилактическая работа, оказываются соответствующие образовательные услуги.

Таким образом, несмотря на то, что по своим целям и правовой природе помещение в СУВУЗТ и водворение в ЦВСНП не являются ни мерами наказания, ни мерами уголовно-процессуального принуждения, считаем, что в большей степени интересам несовершеннолетних соответствовало бы такое нормативное регулирование, которое будет предполагать зачет сроков содержания под стражей и названных выше мер воздействия. Следует также учитывать, что ч. 6 ст. 28 Федерального закона № 120-ФЗ предусматривает зачет срока задержания, содержания под стражей и нахождения в ЦВСНП в срок содержания в СУВУЗТ для несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности. В настоящий момент правоприменителям приходится вынуждено применять аналогию закона, что неверно. В этой связи полагаем, что рассматриваемая норма требует соответствующей корректировки.

Список литературы:

1. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29.11.1985 г. // СПС Консультант Плюс.
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 г.) // СПС Консультант Плюс.
3. По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина: Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 г. № 27-П // СПС Консультант Плюс.
4. По делу о проверке конституционности положений ст. 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2019 г. № 38-П // СПС Консультант Плюс.
5. Николюк, В.В. Обзор практики освобождения судами несовершеннолетних осужденных от наказания с направлением их в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа / В.В. Николюк, Е.В. Марковичева, Н.А. Николаева // Российское правосудие. 2020. № 5. С. 50-59.
6. Пудовочкин, Ю. Освобождение несовершеннолетнего от уголовного наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа / Ю. Пудовочкин // Уголовное право. 2021. № 3. С. 17-33.

УДК 343.1

**ПОЗИЦИЯ ПРОКУРОРА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СУДОМ СТАТЬИ 25
УПК РФ В СЛУЧАЯХ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
О ПОЛОВОМ СНОШЕНИИ С ЛИЦОМ, НЕ ДОСТИГНУТЫМ
ВОЗРАСТА ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ**

Пелисова Ирина Павловна
аспирант 1 курса обучения

Научный руководитель: Бертровский Лев Владимирович
докт. юрид. наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет,
г. Красноярск, Россия
email: pelisova_irina@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию позиции прокурора при рассмотрении уголовных дел по вопросам соразмерности причиненного вреда при совершении преступления, предусмотренного статьёй 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста). Предложены основные критерии, которые подлежат учету при освобождении подсудимого от уголовной ответственности на основании ст. 25 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, позиция прокурора, заключение прокурора, несовершеннолетние, прекращение уголовного дела, примирение сторон, возмещение вреда.

**POSITION OF THE PROSECUTOR ON THE APPLICATION
OF ARTICLE 25 CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN CASES OF CONSIDERATION OF A CRIMINAL CASE
ON SEXUAL INTERACTION WITH A PERSON NOT REACHED
AGE SIXTEEN YEARS**

Pelisova Irina Pavlovna
1st year postgraduate student

Scientific adviser: Bertovsky Lev Vladimirovich
doctor of law, professor
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: pelisova_irina@mail.ru

Abstract: This article is devoted to the study of the position of the prosecutor when considering criminal cases on the proportionality of harm caused when committing a crime under Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation (sexual intercourse and other sexual acts with a person under the age of sixteen). The

main criteria are proposed that must be taken into account when the defendant is released from criminal liability on the basis of Art. 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: *criminal proceedings, the position of the prosecutor, the conclusion of the prosecutor, minors, termination of the criminal case, reconciliation of the parties, compensation for harm.*

Согласно ст. 15 Конституции Российской Федерации, признаваемые нормы и принципы международного права входят в систему законодательства России, в частности в уголовно-процессуальное законодательство [1].

Слияние национального законодательства Российской Федерации с международным как один из обязательных факторов интеграции нашей страны в мировое сообщество представляется невозможным без приведения его в соответствие с международными стандартами, закрепляющими основные права и свободы личности [2].

Учеными-правоведами подчеркивается, что в качестве наиболее оптимального способа имплементации международных стандартов в национальное законодательство должно выступать создание действующей и реально функционирующей целостной системы ювенальной юстиции.

К сожалению, на сегодняшний день не редки случаи, когда несовершеннолетние лица становятся жертвами преступлений, в частности запрещенных уголовным законом половых сношений с лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста. Очень часто преступникам удается избежать уголовной ответственности и наказания на основании того, что они «примирились с потерпевшим и загладили причинённый вред». В связи с этим возникают актуальные вопросы: на сколько реально действующая система ювенальной юстиции в случаях освобождения лиц данной категории от уголовной ответственности? Как же социальная справедливость и цели уголовного наказания?

Очевидно, что каждое общественно-опасное деяние противоправно, имеет разную степень причинённого вреда, при назначении наказания и освобождении от уголовной ответственности, должны учитываться различные обстоятельства, причины их совершения, их вид, размер ущерба, причиненного в результате преступления, его тяжесть и т.д.

Когда речь заходит о правах и свободах несовершеннолетних, то здесь не возникают сомнения, что данной категории дел должно быть уделено особое внимание, так как эти лица не могут в полной мере защитить свои права, их могут легко запугать, оказать давление.

Немаловажную роль при рассмотрении уголовных дел играет позиция прокурора, который наделен статусом государственного обвинителя, его участие является обязательным. Правовое положение обвинителя подробно регламентировано ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно ч. 5 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу

обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания [3].

При рассмотрении судом уголовных дел, по обвинению в совершении полового сношения с несовершеннолетними (ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), прокурору очень важно тщательно исследовать все доказательства, не допустить, чтобы были нарушены законные права и интересы несовершеннолетнего [4].

Согласно ст. 25 УПК РФ, суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

При ходатайстве несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон и заглаживанием подсудимым причиненного ущерба, государственному обвинителю необходимо разобраться, - на сколько освобождение подсудимого от уголовной ответственности и наказания будет законным и обоснованным, какую позицию ему необходимо занять.

Во-первых, очень важно разобраться, добровольным ли является решение потерпевшей стороны примириться с подсудимым. Для этого государственному обвинителю необходимо опросить потерпевшую, иных участников уголовного дела по данному обстоятельству, не было оказано ли на нее давление, убедить, что в случае, если было оказано давление, то нужно не бояться и сказать об этом суду в целях предотвращения совершения подсудимым подобных преступлений вновь.

Во-вторых, государственному обвинителю необходимо выяснить в каком размере и в какой форме подсудимый загладил причинный вред. Ведь половое сношение — это не кража, где можно возместить стоимость похищенного предмета или же вернуть его в натуре. По каким критериям будет определяться причинный вред.

В-третьих, государственному обвинителю необходимо оценить, будет ли справедливым, если он поддержит ходатайство о прекращении уголовного дела, ведь речь касается по сути своей ребенка, который в силу возраста не мог воспринимать все происходящее с ним должным образом [5].

Так, согласно ст.1 Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989, ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее [6].

Отсюда возникает еще вопрос: почему в ст. 134 УК РФ установлен возраст потерпевшего до 16 лет? Думается, что правильным было бы поднять возраст до 18 лет, так как и в Конвенции о правах ребенка, и в ст. 21 Гражданского

кодекса Российской Федерации указано, что наступает дееспособность с 18 лет [7].

Кроме того, из статьи 13 Семейного кодекса Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что «половая жизнь» допускается с лицом (по его согласию) с восемнадцати лет. Как исключение, допускается заключение брака с шестнадцати лет (а иногда и с четырнадцати), но это уже другая тема научного исследования [8].

В связи с вышеизложенным полагаем, что ст. 25 УПК РФ применима лишь в крайних случаях при рассмотрении уголовного дела по ст. 134 УК РФ по следующим причинам. Виновное лицо, достигвшее возраста восемнадцати лет, в силу своего возраста должно понимать, что половое сношение с лицом, не достигшем шестнадцатилетнего возраста, является уголовно-наказуемым деянием, за которое предусмотрено наказание. Сложно определить, как можно загладить причинённый данным видом преступления вред, как оценить размер возмещения, стоит ли полагаться на заявление потерпевшей стороны о том, что она согласна с размером возмещения. Освобождение от уголовной ответственности и наказания может означать, что права несовершеннолетнего не были защищены, хотя согласно ст. 38 Конституции РФ, детство находится под особой защитой государства.

Полагаем, что прокурору необходимо выражать полное несогласие с освобождением лиц от уголовной ответственности в связи с примирением сторон. Исключением может быть следующие случаи: беременность несовершеннолетней, а также подтвержденное намерение заключить брак; если у несовершеннолетней имеется ребенок; если при исследовании всех обстоятельств по делу будет установлено, что со стороны потерпевшей были выполнены те или иные действия, способствовавшие совершению подсудимым данного вида преступления.

На основании вышеизложенного, считаем необходимым дополнить ст. 134 УК РФ Примечанием № 2, в котором будет отражено следующее: «Не допускается освобождение виновного лица от уголовной ответственности и наказания в порядке ст. 25 УПК РФ, если отсутствуют доказательства наличия одного или нескольких следующих оснований:

1. Потерпевшая, которая не достигла возраста шестнадцати лет, находится в состоянии беременности и имеются доказательства о том, что стороны намерены вступить в зарегистрированный брак;
2. Потерпевшая примерилась с подсудимым и у нее имеется ребенок;
3. Половое сношение произошло по инициативе потерпевшей. Вместе с тем, законные представители не возражают против прекращения уголовного дела».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями от 01.07.2020 г.) // СПС КонсультантПлюс.

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу в СССР 15.09.1990 г.) // СПС КонсультантПлюс.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021 г.) // СПС КонсультантПлюс.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021 г., с изм. от 02.03.2021 г.) // СПС КонсультантПлюс.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021 г., с изм. от 08.04.2021 г.) // СПС КонсультантПлюс.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г., с изм. от 13.05.2021 г.) // СПС КонсультантПлюс.

7. Бертовский, Л.В. Международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних и их реализация в современном российском уголовном процессе / Л.В. Бертовский, В.Н. Билян // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 10. С. 12.

8. Курбатова, С.М. Уголовно-процессуальная дееспособность: юридические и фактические аспекты проявления когнитивных особенностей личности / С.М. Курбатова // Право и законность: вопросы теории и практики: сб. мат-в IX Всеросс. научно-практич. конф. Абакан: Изд-во ХГУ, 2019. С. 28-29.

УДК 343.1

ОТРАСЛЕВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ СУБЪЕКТАМИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Пупышева Любовь Андреевна

канд. юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

г. Омск, Россия

email: lyuba-shabalina@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об отраслевой принадлежности норм, регулирующих производство о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, не являющихся субъектами уголовной ответственности, описан авторский подход к его разрешению, основанный на результатах анализа действующего законодательства, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: несовершеннолетние, принудительные меры воспитательного воздействия, специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

BRANCH AFFILIATION OF THE NORMS REGULATING THE PROCEEDINGS ON THE APPLICATION OF COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE IN RELATION TO MINORS WHO ARE NOT SUBJECTS OF CRIMINAL LIABILITY

Pupysheva Lyubov Andreevna

candidate of legal sciences, associate professor

Omsk academy of the MIA of Russia

Omsk, Russia

email: lyuba-shabalina@yandex.ru

Abstract: *The article considers the issue of the branch affiliation of the norms regulating the proceedings on the application of compulsory measures of educational influence in relation to minors who are not subjects of criminal responsibility, describes the author's approach to its resolution, based on the results of the analysis of the current legislation, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation.*

Keywords: *minors, compulsory measures of educational influence, special educational institutions of closed type.*

В уголовно-процессуальной теории активизировались научные исследования проблем дифференциации процессуальной формы производства по уголовным делам и современного состояния структуры уголовного процесса с выделением в нем основных, дополнительных и особых производств. На этой научной «волне» реанимирована идея включения в предмет уголовно-процессуального регулирования отношений, возникающих по поводу совершения общественно опасного деяния лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность (далее – лицо, не являющееся субъектом уголовной ответственности), и осуществления в отношении него производства о применении принудительных мер воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее – СУВУЗТ)⁵. Интерес к ней в настоящее время вызван, как минимум, следующими обстоятельствами.

Во-первых, в России ежегодно регистрируется и ставится на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел стабильно

⁵ Более 20 лет назад О.Х. Галимов предпринял попытку аргументировать вывод о целесообразности регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве применения к лицу, совершившему общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, принудительных мер воспитательного воздействия. Несколько позднее этот же автор смоделировал нормы, рекомендованные им для включения в УПК РФ в виде самостоятельных статей «Производство по делам о запрещенных уголовным законом деяниях, совершенных лицами до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность» и «Порядок применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении лиц, совершивших запрещенное уголовным законом деяние до достижения возраста, с которого наступает УГОЛОВНАЯ ответственность».

большое (в сравнении с преступлениями несовершеннолетних) число случаев совершения общественно опасных деяний лицами, не являющимися субъектами уголовной ответственности (в 2018 г. – 19546; 2019 г. – 18828; 2020 г. – 16084).

Во-вторых, указанная категория несовершеннолетних правонарушителей наиболее уязвима в плане правовой защиты своих прав, поскольку они живут, как правило, в неблагополучных семьях, подвергаются домашнему насилию, систематически пропускают занятия в школе, фактически безнадзорны. В связи с этим помещение их в СУВУЗТ за совершенные общественно опасные деяния предполагает процедуру с максимальным объемом процессуальных гарантий судебной защиты прав несовершеннолетних.

В-третьих, производство о помещении в СУВУЗТ несовершеннолетних, не являющихся субъектами уголовной ответственности, регламентируется комплексным, в большей степени имеющим административную правовую природу Законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». При этом не «прописываются» все стадии процесса таких дел, не определяется порядок и принципы судопроизводства.

Принятие судом решения об освобождении от наказания и помещении в СУВУЗТ несовершеннолетнего, осужденного за совершение преступления средней тяжести или тяжкое преступление, осуществляется по правилам УПК РФ (ч. 2–8 ст. 432). В системном единстве нормативное регулирование в УПК РФ производства о помещении несовершеннолетнего в СУВУЗТ является многоуровневым и предусматривает: а) общий порядок, установленный частями второй и третьей УПК РФ; б) особый порядок, предусмотренный нормами УПК РФ; в) специальный порядок, предусмотренный п. 16 ст. 397, п. 6 ч. 1 ст. 399, ч. 3 и 4 ст. 421, ч. 1 ст. 430, ч. 2–8 ст. 432 УПК РФ для уголовных дел о преступлении средней тяжести или тяжком преступлении, совершенном несовершеннолетним. Специфика данного вида производства по уголовному делу существенна, определяет его законодательную конструкцию, однако недостаточна для отнесения его к особым уголовно-процессуальным производствам в системе уголовного процесса [2; с. 13].

В-четвертых, в контексте разработки теории особых производств в уголовном процесс⁶ административную по сути деятельность о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, не являющихся субъектами уголовной ответственности, предлагается рассматривать как новое особое производство в уголовном процессе. При этом исследователей несколько не смущает тот факт, что в УПК РФ, в отличие, например, от ГПК РФ, особые производства структурно не выделены.

В-пятых, в противовес позиции об уголовно-процессуальном характере деятельности о помещении в СУВУЗТ несовершеннолетних, не являющихся субъектами уголовной ответственности, аргументируется принципиально иная

⁶ В отличие от доктрины особых производств в гражданском процессе научные представления об особых уголовно-процессуальных производствах еще окончательно не сформировались.

точка зрения: данный вид деятельности представляет административно-процессуальный порядок применения административной профилактической меры предупреждения совершения правонарушений несовершеннолетним [1, 3].

Аналогичный подход реализован Верховным Судом РФ, внесшим в Государственную Думу Российской Федерации проект закона о дополнении Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) главой 31.3 «Производство по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа», в соответствии с которой указанные вопросы предполагается разрешать в порядке административного судопроизводства [4].

Таким образом, судебные процедуры направления несовершеннолетних правонарушителей в СУВУЗТ дифференцированы в зависимости от того, подлежит или не подлежит несовершеннолетний уголовной ответственности. Соответственно действует уголовно-процессуальный (расследование и судебное разбирательство уголовного дела в полном объеме) либо административно-правовой порядок помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ.

Изменение баланса в использовании процессуальных форм реагирования на факты совершения общественно опасных деяний лицами, достигшими либо не достигшими возраста уголовной ответственности, должно быть обусловлено рядом веских причин.

Взяв в этих вопросах курс на дальнейшее развитие административно-процессуальной формы, Верховный Суд РФ учитывает в первую очередь позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в определении от 14 мая 2013 г. № 690-О и заключающуюся в том, что дела о пребывании несовершеннолетнего в СУВУЗТ возникают из административных и иных публичных правоотношений. Кроме того, соответствующий комплекс норм административного права размещен в специализированном законе о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних от 24 июня 1999 г. Поэтому логично, считает Верховный Суд РФ, системное правовое регулирование рассмотрения судами дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в СУВУЗТ, в рамках административного судопроизводства позволит обеспечить соблюдение конституционных прав и свобод несовершеннолетних.

Сторонники уголовно-процессуального регулирования производства о помещении в СУВУЗТ несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности (М.С. Белоковыльский, О.Х. Галимов, М.В. Ожиганова, И.Н. Померанцева, Л.В. Ченцова и др.), предлагают конкретизировать и развивать в УПК РФ нормы главы третьей Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. В результате в УПК РФ, полагают они, оформится самостоятельное норматив-

ное образование, по своему содержанию сходное с разделом УПК РФ о производстве по применению принудительных мер медицинского характера.

Подобные законодательные преобразования были бы оправданы, если бы производство о помещении в СУВУЗТ несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, но не являющегося субъектом уголовной ответственности, имело уголовно-процессуальную природу, являлось продолжением деятельности по уголовному делу.

Однако процессуальные акты органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (за отсутствием в деянии состава преступления), исключают какую-либо уголовно-процессуальную деятельность в отношении несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, но не являющегося субъектом уголовной ответственности.

Список литературы

1. Каплунов, А.И. Меры административного принуждения, применяемые в отношении несовершеннолетних, совершивших уголовно наказуемые деяния и не подлежащих уголовной ответственности / А.И. Каплунов, Л.С. Буторина // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2(85). С. 59-64.

2. Николаева, Н.А. Производство о применении к несовершеннолетнему меры уголовно-правового воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Николаева. Краснодар, 2021. 21 с.

3. Помогалова, Ю.В. Направление несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа органов образования: процессуальный и профилактический аспекты / Ю.В. Помогалова // Административное право и процесс. 2007. № 6. С. 17–23.

4. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних”»: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25 дек. 2018 г. № 51. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.05.2021). В настоящее время законопроект принят в первом чтении.

УДК 343.1

**К ВОПРОСУ О СОТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ «ДЕЕСПОСОБНОСТЬ»,
«ВМЕНЯЕМОСТЬ» И «УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ
ДЕЕСПОСОБНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ИЗ ЧИСЛА ЛИЦ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

Русаков Алексей Геннадьевич

*руководитель научно-методологического лектория Юридического института
Красноярского ГАУ, ст. преподаватель*

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: rusalger@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается содержание правовых категорий «гражданско-правовая дееспособность», «гражданская процессуальная дееспособность», «уголовно-процессуальная дееспособность», «вменяемость-невменяемость», их соотношение и взаимосвязь. Обоснована необходимость разработки институтов «процессуальной дееспособности» и «уголовно-процессуальной дееспособности». Актуальные вопросы поднятой темы раскрываются в контексте обеспечения реализации прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства с ограниченными когнитивными возможностями.

Ключевые слова: судопроизводство, лица с когнитивными ограничениями, гражданско-правовая дееспособность, гражданская процессуальная дееспособность, вменяемость-невменяемость, уголовно-процессуальная дееспособность, участники уголовного судопроизводства.

**ON THE QUESTION OF THE RELATION OF THE CATEGORIES «LEGAL
CAPACITY», «SANITY» AND «CRIMINAL PROCEDURAL CAPACITY»
IN THE CONTEXT OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL
PROCEEDINGS FROM AMONG PERSONS WITH DISABILITIES**

Rusakov Alexey Gennadyevich

*head of the scientific and methodological lecture hall of the law institute,
senior lecturer*

Krasnoyarsk state agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: rusalger@mail.ru

Abstract: The article considers the content of the legal categories «civil legal capacity», «civil procedural capacity», «criminal procedural capacity», «sanity-insanity», their relationship and interrelation. The necessity of developing the institutions of «procedural capacity» and «criminal procedural capacity» is justified. Topical issues of the raised topic are revealed in the context of ensuring the implementa-

tion of the rights and obligations of participants in criminal proceedings with limited cognitive abilities.

Keywords: *legal proceedings, persons with cognitive disabilities, civil legal capacity, civil procedural capacity, sanity-insanity, criminal procedural capacity, participants in criminal proceedings.*

Лица с ограниченными когнитивными возможностями проживают рядом с нами, самостоятельно или с помощью законных представителей участвуют в гражданском обороте, приобретают и реализуют свои права и обязанности в сфере семейных, жилищных, трудовых, избирательных, образовательных и иных правоотношений, совершают различные правонарушения, в том числе административно- и уголовно-наказуемые, участвуют в различном статусе в административном, гражданском, арбитражном и уголовном судопроизводстве.

Правоприменители давно осознали, что действующих процедурно-процессуальных механизмов явно недостаточно для обеспечения реализации прав и законных интересов указанной категории лиц. В действующем российском уголовно-процессуальном законодательстве присутствуют начала и элементы таких механизмов, но они «размыты» в нормах УПК РФ и носят фрагментарный характер.

Одна из причин данного состояния - отсутствие детальной проработки необходимого терминологического аппарата, позволяющего раскрыть содержание таких важнейших категорий, как «процессуальная дееспособность» и «уголовно-процессуальная дееспособность». По мнению автора отсутствует четкое понимание правовой связи между категориями «гражданско-правовая дееспособность», «уголовно-процессуальная дееспособность», «вменяемость» и др. В науке российского уголовного процесса тематика дееспособности поднималась и ранее [15], но в последние годы исследуются отдельные аспекты [14, 19, 21, 23, 26] или частные вопросы объема и способов реализации уголовно-процессуальной дееспособности, причем выделяются психиатрический и процессуальный аспекты [10, 11, 12, 20, 22, 25].

Институты дееспособности в гражданско-правовом и гражданском процессуальном смысле изучены, разработаны и апробированы на практике, эффективно функционируют и развиваются. Правовая трансформация материально-правового института гражданской дееспособности вызвана сложившимися социальными практиками, в свою очередь, вызвала развитие реализации института в гражданской процессуальной форме. В настоящий момент при разрешении судом общей юрисдикции заявления заинтересованных лиц возможны четыре варианта: 1) лицо признается решением суда общей юрисдикции полностью недееспособным; 2) при отсутствии оснований для признания гражданина недееспособным физическое лицо признается судом ограниченно дееспособным; 3) лицо, признанное решением суда ограниченно дееспособным, в случае ухудшения его психического состояния может быть признано полностью недееспособным; 4) недееспособное лицо в случае улучшения его психического состояния может быть признано решением суда ограниченно дееспособным, т.е. его гражданско-правовой статус будет улучшен.

Правовыми последствиями признания лица ограниченно дееспособным являются: назначение ему попечителя, который призван одобрять или не одобрять его действия, и лишение следующих прав - самостоятельно получать доходы и распоряжаться ими и совершать сделки (кроме мелких бытовых) без согласия попечителя. При этом данное физическое лицо не поражается в семейных, жилищных, трудовых, избирательных и других правах и даже может выступать в гражданском процессе в качестве законного представителя своих несовершеннолетних детей.

Правовыми последствиями признания физического лица решением общего суда недееспособным (полностью) являются негативно влияющие на гражданско-правовой статус лица: лишение его возможности самостоятельно совершать юридически значимые действия, приобретать, осуществлять свои материально-правовые и процессуально-правовые права, исполнять обязанности, нести юридическую ответственность. Вся юридическая ответственность за действия недееспособного лица возлагается на его опекуна, который также решает за опекаемого все вопросы его жизнедеятельности и защиты его прав, в т.ч. процессуальных. Лицо, признанное ограниченно дееспособным, не освобождается от гражданско-правовой и других видов юридической ответственности.

В уголовно-процессуальном праве Российской Федерации институт дееспособности отсутствует вообще, функционирующий правовой институт вменяемости по своему содержанию, задачам, основаниям применения, процедуре реализации и правовым последствиями не совпадает с институтом дееспособности в гражданско-правовом смысле и никоим образом его не подменяет.

Гражданско-правовая дееспособность, гражданская процессуальная дееспособность наступают по общему правилу с 18 лет. дееспособностью (деликтоспособность) граждане обладают, начиная с 14 лет. До этого возраста гражданско-правовую ответственность за них несут законные представители, воспитательные и лечебные учреждения и т.д. Уголовная ответственность по российскому уголовному праву по общему правилу предусмотрена с 16 лет, за совершение ряда тяжких и особо тяжких преступлений - с 14 лет, в отдельных случаях (должностные и воинские преступления)-с 18 лет.

Если институт дееспособности в гражданско-правовом смысле направлен на установление гражданско-правового статуса физического лица и реализуется в гражданско-процессуальной форме и влечет указанные выше правовые последствия для правового статуса лица (возможность реализовать и самостоятельно защищать свои права и законные интересы, сделкоспособность и деликтоспособность, исполнять обязанности), то задачей института вменяемости в уголовно-правовом смысле является установить: подлежит ли физическое лицо уголовной ответственности за содеянное с учетом его психического состояния и других особенностей психики. Реализуется данный институт в рамках уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной форме. Нередко в рамках уголовного судопроизводства проводятся судебно-психиатрические экспертизы потерпевших и свидетелей для определения способны ли они осознавать характер совершаемых с ними действий или событий, очевидцами которых они

явились, способны ли указанные субъекты давать показания об этих обстоятельствах.

Если при решении вопроса о гражданско-правовой дееспособности лица выясняется его психическое состояние на момент вынесения судебного решения, то в уголовном судопроизводстве выясняется момент возникновения нарушения психики правонарушителя, влияющий на его вменяемость: до совершения преступного деяния; в процессе его совершения; после его совершения.

Указанные различия также находят свое отражение в перечне вопросов, которые ставятся перед экспертами. Поскольку при расследовании и разрешении уголовного дела в первую очередь интересует психический статус обвиняемого или подсудимого, его отношение к содеянному (элемент субъективной стороны состава преступления), при назначении судебной психиатрической экспертизы следователь или суд перед экспертом (экспертами) ставятся следующие вопросы: осознавал ли обвиняемый общественно-опасный характер своих действий, мог ли руководить ими, другие вопросы.

Разрешая в рамках Особого производства вопрос дееспособности физического лица, суд общей юрисдикции выясняет психический статус лица в части возможности испытуемого понимать характер своих действий (в смысле реализации общегражданских прав) и руководить ими, нуждается ли он в установлении над ним опеки и ставит перед экспертом-психиатром указанные и другие вопросы.

Кроме того, гражданско-правовая дееспособность и уголовно-правовая вменяемость существуют параллельно. Невменяемое лицо не освобождается от гражданско-правовой ответственности, если к моменту противоправного деяния решением не было признано недееспособным.

Автору статьи (в прошлом имевшему честь служить адвокатом) на практике пришлось столкнуться со следующими случаями, которые он адаптировал и смоделировал применительно к рассматриваемой теме.

Первый случай. Гражданин в состоянии алкогольного опьянения по дороге домой, проходя мимо автостоянки, бросился «спасать автомобили» от «железных птиц, которые клевали им крыши». В результате его «спасательных действий» автомобилям был причинен ряд повреждений. Он привлекался к уголовной ответственности за квалифицированное хулиганство. На момент правонарушения гражданин решением суда не был признан недееспособным. В ходе предварительного расследования гражданин был признан невменяемым и от уголовной ответственности - освобожден. Однако это не освобождало его от гражданско-правовой ответственности в виде возмещения причиненного убытков по регрессному иску владельца автостоянки.

В приведенном случае исследуемые категории взаимодействуют. А указанное лицо надлежит рассматривать в качестве лица с ограниченными когнитивными возможностями. Другой случай подчеркивает различия в содержании и правовой характеристике гражданско-правовой дееспособности и уголовно-правовой вменяемости.

Второй случай. Подсудимый (признанный ограниченно дееспособным к моменту рассматриваемых событий) привлекался к уголовной ответственности за совершение тайного хищения чужого имущества (кража чемодана на вокзале) и за совершение в группе лиц вооруженного нападения (с демонстраций огнестрельного оружия) и хищением икон в деревенском доме. На основании заключения судебно-психиатрической экспертизы обвиняемый в отношении первого эпизода (кражи) был признан невменяемым и от уголовной ответственности освобожден. На основании этого же заключения судебно-психиатрической экспертизы он был признан вменяемым в отношении второго эпизода и осужден за разбойное нападение.

Как правило, решение о гражданско-правовой дееспособности суд общей юрисдикции выносит единожды, т.е. «раз и навсегда» (за редкими исключениями, допускаемыми по закону, но автору статьи неизвестными). Вопрос о вменяемости обвиняемого органы дознания, предварительного расследования и суд поднимают всякий раз, когда лицо привлекается к уголовной ответственности, независимо от того, что ранее при привлечении к уголовной ответственности за совершение аналогичных преступлений оно признавалось вменяемым.

В ряде отраслей российского процессуального законодательства нормативно закреплена категория процессуальной дееспособности, содержание которой составляют возможность физического лица самостоятельно приобретать, осуществлять свои процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности, а также нести юридическую ответственность за допущенные нарушения закона. Дискуссия на тему содержания и элементов, видов процессуальной дееспособности продолжается [9; с.41-42, 18; с.126]. По настоящее время окончательно не решены вопросы момента возникновения и прекращения процессуальной дееспособности [7; с.33, 9; с.42], ее объема [26; с.10], видов нарушений [22; с.16], видов и оснований уменьшения и ограничения [9; с.43, 12, 17, 18, с.128] и другим вопросам [6; с.31, 7; с.30, 18; с.126-128].

В науке российского уголовно-процессуального права данная категория и ее содержание в полной мере не исследованы, взаимосвязь с другими вышеперечисленными категориями не детализирована. Полагаем, что применительно к лицам с когнитивными ограничениями данный подинститут может уголовно-процессуального права быть применен в следующих случаях: 1) лицо физически здорово, но присутствуют когнитивные ограничения, возникшие в следствии нарушений умственных способностей; 2) ситуация обратно противоположная; 3) имеются ограничения как физических, так и умственных возможностей; 4) смешанные варианты.

Следует исходить из того, что правоприменитель, добросовестно относящийся к исполнению своих процессуальных обязанностей, заинтересован в обеспечении соблюдения прав когнитивно ограниченных лиц и соблюдении требований уголовно-процессуального закона при совершении процессуальных действий с их участием. От этого зависят вопросы признания судом доказательств (добытых на досудебной стадии процесса) допустимыми и достоверными, реализация целей и задач головного судопроизводства.

При этом следует учитывать, что, если, например, больные шизофренией, обладают повышенными способностями к манипуляциям и умением обманывать других людей. Суд должен при необходимости рассматривать вопрос о рассмотрении дела в отсутствие участника с когнитивными ограничениями и выносить необходимое промежуточное процессуальное решение.

Нарушение прав лиц с ограниченными когнитивными способностями в процессе дознания и предварительного расследования — это серьезная досудебная ошибка, которая может повлечь аннулирование, признание недостоверными, недопустимыми полученными от них показания, доказательства, полученные в ходе совершения процессуальных действий.

Возможно перечислить основные ошибки и причины их совершения: правоприменители в силу недостаточной профессиональной подготовки не владеют в полной мере навыками своевременного выявления когнитивных нарушений у всех участников процесса, адвокат по назначению потерпевшему с ограниченными возможностями «не положен» по закону, вопрос об оказании ему квалифицированной правовой помощи является проблемой потерпевшего; защитник по назначению зачастую не заинтересован в том, чтобы проявлять инициативу; прокурор лишен права напрямую отменять незаконное постановление следователя по уголовному делу. Кроме того, отсутствует четкий алгоритм противодействия злоупотреблениям со стороны когнитивно ограниченных участников уголовного процесса – с одной стороны и с другой стороны – пресечения нарушений правоприменителями гарантированных процессуальным законом прав указанных лиц.

Автор полагает, что процессуальный механизм по выявлению подобного рода злоупотреблений и нарушений должен быть создан. Частью такого механизма является обязанность правоприменителей по установлению обстоятельств, характеризующих личность подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и других участников процесса (в т.ч. потерпевшего) в части выявления у них признаков когнитивных ограничений для возможной последующей компенсации. В первую очередь это касается несовершеннолетних, пожилых и престарелых лиц, граждан, ограниченных в дееспособности и признанных недееспособными [13]. Для этих целей в распоряжении правоприменителей должен быть создан защищенный от внешнего проникновения банк электронных данных недееспособных и ограниченных в дееспособности лиц.

Также следует предложить в числе его других элементов, например, проведение опроса при производстве задержания подозреваемого, обвиняемого; также следует опрашивать обвиняемых при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключение под стражу (а если ранее оно было задержано, то копия того опроса должна приобщаться к соответствующему ходатайству об избрании этой меры).

В юридической науке, полагаем, назрела потребность для комплексного изучения института процессуальной дееспособности физических лиц для всех отраслей процессуального права [8], с учетом их специфики, проработка составляющих его элементов, разработки четкого терминологического аппарата института уголовно-процессуальной дееспособности, выявления соотношения и взаимосвязей между содержанием терминов «гражданско-правовая дееспособность», «гражданская процессуальная дееспособность», «вменяемость»

невменяемость», «уголовно-процессуальная дееспособность», необходимы четкие критерии экспертной оценки уголовно-процессуальной дееспособности [6; с.9] и др. Задача ученого, законодателя и правоприменителя, по нашему мнению, состоит в том, чтобы не заблудиться в этих «трех соснах» и избежать юридических ошибок.

Полагаем, что перечисленные рекомендации повысят эффективность уголовно-процессуального механизма обеспечения реализации процессуальных прав и обязанностей лиц с когнитивными ограничениями для достижения целей уголовного судопроизводства и постановлению судами законных, обоснованных и справедливых решений по уголовным делам.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СПС Консультант Плюс.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021 г.) // СПС Консультант Плюс.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) // СПС Консультант Плюс (дата обращения 03.06.2021 г.).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021 г., с изм. от 08.04.2021 г.) // СПС Консультант Плюс.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г., с изм. от 13.05.2021 г.) // СПС Консультант Плюс.
6. Бадмаева, В.Д. К проблеме оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых / В.Д. Бадмаева, Е.Г. Дозорцева, Е.Н. Макушкин // Российский психиатрический журнал. 2015. № 4. С. 4-10.
7. Зеленина, О.А. Соотношений категорий правоспособности и дееспособности в процессуальном статусе участника уголовного судопроизводства / О.А. Зеленина // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 6. С. 30-34.
8. Козина, Е. О процессуальной недееспособности / Е.Козина [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/6/28/o_processualnoj_deesposobnostinedeesposobnosti.
9. Козубенко, Ю.В. Процессуальная правосубъектов субъекта преступления / Ю.В. Козубенко // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3. С. 41-46.
10. Кокорев, П.Д. Участники правосудия по уголовному делу / П.Д. Кокорев. Воронеж, 1971, 999 с.
11. Корнуков, В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. М.: Норма, 1971. 580 с.
12. Круглова, Д.В. Эмансипация и уголовный процесс: порядок производства по уголовным делам в отношении и (или) с участием эмансипированного / Д.В. Круглова // Государство и право в изменяющемся мире: Материалы НПК. Н. Новгород, 2015. часть 1-3 // URL: <http://arbir.ru/miscellany/U18S857E55664-Эмансипация-и-уголовный-процесс-порядок-производства-по-уголовному-делу-в-отношении-и-или-с-участием-эмансипированного> (дата обращения 03.06.2021).

13. Курбатова, С.М. О проблематике участия лиц с ограниченными возможностями в производстве по уголовному делу / С.М. Курбатова // Современный ученый. 2020. № 3. С. 305-309.
14. Песковая, Ю.В. Уголовно-процессуальная правосубъектность лица, страдающего психическим расстройством / Ю.В. Песковая : автореф. Дисс. на соискание степени канд. юрид. наук. Москва, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovno-protsessualnaya-pravosubektnost-litsa-stradayushchego-psikhicheskim-rasstroistvom> (дата обращения 03.06.2021).
15. Полосков, П.В. Правоспособность и дееспособность в советском уголовном процессе / П.В. Полосков : автореф. на соискание степени канд. юрид. наук. М., 1985. 24с.
16. Рахунов, Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности / Р.Д. Рахунов. М., 1961. 420 с.
17. Солонникова, Н.В. К вопросу о дееспособности несовершеннолетних: гражданский и уголовно-процессуальный аспекты / Н.В. Солонникова [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15486220> (дата обращения 03.06.2021).
18. Татьяна, Л.Г. Уголовно-процессуальная дееспособность в структуре личности участника уголовного судопроизводства / Л.Г. Татьяна // Вестник Удмуртского университета. Правоведение. 2005. № 6 (2). С. 124-130.
19. Солонникова, Н.В. Проблемы процессуальной дееспособности несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве (досудебное производство): дисс.на соискание степени канд. юрид. наук. / Н.В. Солонникова. Краснодар, 2008.
20. Татьяна, Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки: вопросы теории и практики: автореф. дисс. на соискание степени доктора юрид. наук / Л.Г. Татьяна. Ижевск. 2004.
21. Терегулова, А.И., Ежова, Е.В. Уголовно-процессуальная дееспособность несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых / А.И. Терегулова, Е.В. Ежова // Юридические науки и политология. 2019. № 3. С. 34-36.
22. Ткаченко, А.А. Психолого-психиатрические аспекты оценки уголовно-процессуальной дееспособности / А.А. Ткаченко, М.В. Морозова, О.Ф. Савина // Российский психиатрический журнал. 2014. № 2. С. 12-17.
23. Ткаченко, А.А. Судебно-психиатрическая оценка уголовно-процессуальной дееспособности больных с расстройствами шизофренического спектра / А.А. Ткаченко, Д.В. Самылкин // Социальная и клиническая психиатрия. 2015. Т.2. № 3. С. 17-24.
24. Усюкина, М.В. Ограниченная уголовно-процессуальная дееспособность у обвиняемых, страдающих эпилепсией / М.В. Усюкина, Е.Ю. Харитonenкова // Социальная и клиническая психиатрия. 2015. Т. 25. № 4. С. 38-44.
25. Холодковская, Е.М. К вопросу о соотношении вменяемости и дееспособности / Е.М. Холодковская // Судебно-медицинская экспертиза. 1958. № 8. С. 45-48.
26. Шишков, С.Н. Участие лиц с психическими расстройствами в уголовном процессе / С.Н. Шишков // Российский психиатрический журнал. 2012. № 4. С. 4-12.

УДК 343.953

**ЛИЦА СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП, ИМЕЮЩИЕ
КОГНИТИВНЫЕ ДИСФУНКЦИИ КАК УЧАСТНИКИ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

Черкасова Елена Сергеевна

канд. психол. наук, доцент

**Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Новосибирский филиал
г. Новосибирск, Россия
*cherkasova75@mail.ru***

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы, относящиеся к когнитивным дисфункциям лиц пожилого возраста, которые необходимо учитывать в уголовном праве и уголовном процессе с позиции практической реализации подходов. Умеренное когнитивное расстройство лица пожилого возраста предопределяет его отнесение к категории «лиц с ограниченными возможностями», достоверность, объективность и полнота сообщаемых сведений которых требует определенного профессионального подхода следователя.

Ключевые слова: расстройство, когниции, право, возраст, лицо, подход, ограниченные возможности.

**OLDER PEOPLE WITH COGNITIVE DYSFUNCTIONS AS PARTICIPANTS
IN CRIMINAL PROCEEDINGS WITH DISABILITIES**

Cherkasova Elena Sergeevna

candidate of psychological sciences, associate professor

**Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, No-
vosibirsk branch
Novosibirsk, Russia
*email: cherkasova75@mail.ru***

Annotation: The article examines cognitive dysfunctions of elderly people, which must be taken into account in criminal law and criminal procedure from the standpoint of the practical implementation of approaches. Moderate cognitive impairment of an elderly person predetermines his attribution to the category of "persons with disabilities", the reliability, objectivity and completeness of the information provided requires a certain professional approach of the investigator.

Keywords: disorder, cognition, right, age, person, approach, disabilities.

В настоящее время во всем мире, включая Российскую Федерацию фиксируется рост продолжительности жизни населения. Доля пожилых людей в популяции, а также усложнение техногенных процессов, связанных с развитием цивилизации в целом и информатизации пространства в частности, свидетельствуют о назревших проблемах когнитивной сохранности у вышеназванной ка-

тегории людей. Важно понимать, что процесс социальной значимости когнитивных способностей неуклонно растет, а категория основной массы населения, подпадающая под возрастные границы пожилого возраста, не соответствует данным когнитивным характеристикам. Когнитивные дисфункции подпадают под обобщенное понятие и в неврологии, и в психиатрии. Процесс их учета в уголовном праве имеет место в практической реализации, но имеет определенные затруднения в научном обосновании на стыке научных знаний: уголовного права, процесса, криминалистики, клинической психологии и психиатрии. Зачастую, становясь участниками уголовного процесса пожилые люди в силу когнитивно-отрицательных процессов не могут давать объективные показания в силу имеющихся когнитивных нарушений, а с другой стороны, следовательно не обладает ни теоретической подготовкой, ни практическими способами подкрепления своих знаний в плане подтверждения гипотезы о наличии дисфункционального состояния участника уголовного расследования пожилого возраста.

«В последние годы пристальное внимание привлекает промежуточная стадия развития когнитивных нарушений, когда они еще не достигают степени деменции, но выходят из границ возрастной нормы» [1; с.573—576]. Концепция «мягкого когнитивного нарушения» («mild cognitive impairment»), переведенная корректно на русский язык как «умеренное когнитивное расстройство» (далее - УКР) [5; p.240-246]. УКР выявляется у 15—25% пожилых лиц — в 3—4 раза чаще, чем деменция [4, p.115—121.]. С учетом того, что «алгоритм установления обстоятельств» строится на накапливаемом в ходе расследования фактическом, объективном, свидетельском материале, учет наличия УКР является приоритетным при планировании и реализации расследования [2, С. 626-628]. Категориальное определение лица пожилого возраста с УКР в категорию «ограниченных возможностей» представляется реально возможным только после реализации в отношении него комплексной психолого-психиатрической экспертизы, которая определит степень когнитивного нарушения, опишет возможность объективной дачи показаний и определит перспективы участия данного лица в ходе расследования и установления всей совокупности доказательств по уголовному делу.

В настоящее время загруженность экспертных медицинских учреждений такова, что к моменту получения соответствующей вышеобозначенной экспертизы, лицо с УКР неоднократно даст показания по устанавливаемым обстоятельствам, примет участие в следственном эксперименте или очной ставке. Следствие к моменту получения сведений о когнитивной сохранности пожилого лица проведет масштабную работу, объективность которой при получении медицинского заключения значительно снижается.

Перспектива разработки соответствующих следственно-диагностических критериев, способных на ранних этапах расследования приостановить или исключить участие вышеописанной категории пожилых людей из списка, так называемых «надежных» участников и определение, пусть и гипотетическое (без наличия экспертного заключения) их в категорию «лиц с ограниченными возможностями», способно избавить следователя от массы работы, которая с высокой степенью вероятности, может посчитаться не соответствующей принципам всесторонности, объективности и допустимости.

Процесс работы с информационными массивами, находящимися в актуальной памяти пожилого человека с УКР, требует от следователя определенных навыков и знаний из области клинической психологии. Именно в таком случае «объективизация основных криминалистических вопросов, подлежащих доказыванию, может стать успешной» [3; С. 71-74].

У медиков есть определенные принципы работы с пожилыми людьми, страдающими УКР: «...для снижения нагрузки на ослабленную рабочую память целесообразно обучать пациентов приемам разбивки сложных задач на ряд элементарных этапов, прибегать к вербальной регуляции своих действий» [6; р. 81-96]. Данный принцип может быть взят на вооружение и при расследовании уголовного дела, когда следователь, работая с возрастной категорией граждан и понимая, что с высокой степенью вероятности, он имеет дело с лицами страдающими УКР, должен прилагать определенные усилия для облегчения предоставления ему информационных массивов по устанавливаемому событию, разбивая вопросы, данные, сведения на ряд элементарных, которые не вызовут «перегрев» когнитивных функций пожилого человека. данные следственные действия выполняются при максимально-грамотном использовании ассоциативных, вербальных, перцептивных характеристик пожилого человека. в данном вопросе необходимо придерживаться как экологичности, так и сохранения баланса между информационными единицами, полученными от пожилого человека с УКР и их детализацией, которая в долговременной памяти сохранена, а в кратковременной памяти имеет свои сбои в следствии с развивающимся патологическим процессом.

Список литературы

3. Захаров, В.В. Синдром умеренных когнитивных расстройств в пожилом возрасте: диагностика и лечение / В.В. Захаров, Н.Н. Яхно // Русский медицинский журнал. 2004. № 10. 573—576.
4. Черкасова, Е.С. Алгоритм установления обстоятельств полового преступления // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17 октября 2019 года) М., 2019. 707 с.
5. Черкасова, Е.С. Актуальные возможности психологических экспертиз по верификации показаний участников уголовного процесса / Е.С. Черкасова, К.А. Черкасов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Материалы 18 Международной научно-практической конференции (Барнаул, 7-8 февраля 2020 года) Барнаул.: Ал. гос. ун-т, 2020. 222 с.
6. Ganguli M., Dodge H.H., Shen C. et al. Mild cognitive impairment, amnesic type. An epidemiologic study. *Neurology* 2004. p.115—121.
7. Winblad B., Palmer K., Kivipelto M. et al. Mild cognitive impairment - beyond controversies, towards a consensus: report of the International workins group on mild cognitive impairment. *J Intern Med* 2004; p.240-246.
8. Van der Linden M., Juillerat A.-C., Delbeuck X. Cognitive rehabilitation in mild cognitive impairment and prodromal Alzheimer's disease. *Alzheimer's Dis Rel Dis Ann* 2004. p. 81-96.

УДК 343.1

**О НЕОБХОДИМОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ В ОБОСОБЛЕННУЮ ГРУППУ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Шаталов Александр Семенович

докт. юрид. наук, профессор

Московская академия Следственного комитета РФ

г. Москва, Россия

e-mail: asshatalov@rambler.ru

***Аннотация:** В статье описаны отдельные нюансы и ключевые проблемы, с которыми могут столкнуться граждане с ограниченными возможностями, относящиеся к той или иной нозологической группе, пребывая в статусе участника уголовного судопроизводства. Автор предлагает возможные варианты решения этих проблем в т. ч. с помощью специализированных вспомогательных устройств и современных информационных технологий, позволяющих полноценно участвовать в досудебном и судебном производстве по уголовным делам.*

***Ключевые слова:** инвалид; инвалидность; когнитивные свойства человека; компенсаторный подход; лица с ограниченными возможностями; уголовный процесс; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная дееспособность; права и законные интересы участников уголовного судопроизводства*

**ON THE NEED TO SEPARATE PERSONS WITH DISABILITIES INTO
A SEPARATE GROUP OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Shatalov Alexander

doctor of law, professor

Moscow academy of the Investigative committee of the Russian Federation

Moscow, Russia

e-mail: asshatalov@rambler.ru

***Abstract:** The article describes some nuances and key problems that citizens with disabilities who belong to a particular nosological group may face while being a participant in criminal proceedings. The author offers possible solutions to these problems, including with the help of specialized auxiliary devices and modern information technologies that allow full participation in pre-trial and judicial proceedings in criminal cases.*

***Keywords:** disabled person; disability; cognitive properties of a person; compensatory approach; persons with disabilities; criminal process; criminal proceedings; criminal procedural capacity; rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings*

В нормативных правовых актах и юридической литературе понятием инвалидность (от лат. *invalidus* — «немогущий, слабый»), принято обозначать раз-

личные нарушения, возникающие в функциях или структурах организма, ограничения активности, т. е. трудности, испытываемые человеком в выполнении каких-либо действий и разного рода проблемы, возникающие при его вовлечении в реальные жизненные ситуации [4, 12, 13]. По разным оценкам, в России проживает от 10 до 15 млн инвалидов (т. е. от 5 до 10% населения). В официальных и неофициальных источниках их численность существенно различается потому, что на официальном уровне обычно фигурирует число инвалидов, имеющих действующее (т. е. надлежащим образом оформленное и непросроченное) свидетельство об инвалидности, в то время как к этой группе можно относить и многих других людей, безоговорочно подпадающих в эту категорию, в т. ч. не осведомленных об этом или по каким-либо причинам юридически не оформивших соответствующий статус. Но, как бы то ни было, общее количество инвалидов в нашей стране было и остается весьма внушительным, а учитывать их права и законные интересы в отраслевых законах, все больше становится правилом, а не исключением. Активно разрабатываются и внедряются современные информационные технологии, специально ориентированные на лиц, имеющих те или иные ограниченные возможности или способные адаптироваться к их нуждам [5, 6, 7, 10].

Такие процессы можно считать вполне закономерными, поскольку в своем Основном законе Российская Федерация провозглашена социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, оказание государственной поддержки некоторым категориям граждан, в т. ч. инвалидам (ст. 7 Конституции РФ). Целью такой политики является обеспечение им равных с другими людьми возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Возникает вопрос: какие именно категории граждан с ограниченными возможностями наиболее остро нуждаются в создании дополнительных условий для полноценного участия в производстве по уголовным делам, вне зависимости от процессуального статуса, которым они могут быть наделены? Полагаем, что в их число должны непременно включаться следующие лица:

- передвигающиеся на кресле-коляске;
- слабовидящие и незрячие;
- тотально глухие и слабослышащие;
- страдающие заболеваниями опорно-двигательной системы;
- имеющие ментальные нарушения, не препятствующие участию в уголовном судопроизводстве.

Лиц, передвигающихся на креслах-колясках, в России насчитывается около 350 тыс. человек. Заболевания, ограничивающие их подвижность весьма и весьма разнообразны. В их числе: ампутации нижних конечностей, атеросклероз сосудов последних стадий, параличи различного типа, мышечные атрофии, кифозы, сколиозы тяжелой степени, черепно-мозговые травмы и др.

Частичная или полная потеря подвижности нередко является следствием полученных травм, генетических сбоев, наследственных и возрастных нарушений.

Значительно большее количество россиян страдает от полной или частичной потери зрительной функции. С каждым годом их становится все больше и больше. На это влияют наследственные заболевания и увеличение числа генетических нарушений зрения. Точных статистических данных о таких лицах невозможно найти, поскольку далеко не все слепые люди состоят в специально созданных для них общественных организациях, обязанных осуществлять сбор такой информации.

Об общем количестве россиян, страдающих ментальными нарушениями, не препятствующими участию в уголовном судопроизводстве и заболеваниями опорно-двигательной системы, точные сведения также отсутствуют. Но судя по тому, что в нашей стране фиксируется огромное количество заболеваний, ограничивающих подвижность человека (в т. ч. черепно-мозговые травмы, инсульты, параличи различного типа, двигательные расстройства, патологический атеросклероз сосудов, частичные мышечные атрофии и т. д.), их численность вполне может достигать одного миллиона человек, а страдающих различными психическими расстройствами, еще больше. На состоявшемся в мае 2021 года XVII съезде психиатров России, например, в докладах озвучивалась цифра в 5–6 млн. человек [8].

Тотально глухих граждан в Российской Федерации насчитывается порядка 300 тыс., а людей, испытывающих проблемы со слухом, более 13 млн. В действительности их гораздо больше, а подавляющее большинство в этой группе, пожилые люди, у которых имеются заболевания, влекущие постепенную потерю слуха (в т. ч. аутоиммунные заболевания, опухоли, травмы, инфекции среднего и внутреннего уха, сахарный диабет и др.). Тотальная потеря слуха обычно связана с генетической предрасположенностью или с осложнениями после перенесенного заболевания.

Важно отметить, что коммуникация при производстве по уголовным делам с представителями каждой из названных нозологических групп имеет свои тактические особенности, знание и учитывание которых дознавателем, следователем и судом, будет несомненно способствовать принятию ими законных, обоснованных и мотивированных процессуальных решений. Подтверждений этому довольно много и контекст данной статьи делает оправданным описание некоторых из них.

Так, *люди с ментальными нарушениями*, например, плохо воспринимают сложные фразы, очень медленно и не всегда понятно произносят слова, замыкаются, когда им не дают выговориться или требуют от них развернутых, а не односложных ответов на поставленные вопросы. *Люди с нарушением слуха*, хорошо понимают лишь простые предложения, четко и ровно артикуляционно озвученные. Они воспринимают их не только и не столько на слух, сколько по мимике лица и движениям губ говорящего человека. Если с ними возникли трудности при устном общении, то можно его продолжить в письменной форме или воспользоваться специальным онлайн переводчиком для людей с нарушением слуха. Общаясь с неслышащими людьми через сурдопереводчика, всегда

следует обращаться непосредственно к собеседнику, а не к сопровождающему, в противном случае разговора может не получиться. *Люди, передвигающиеся на кресле-коляске*, воспринимают ее как личное пространство. Оказывать им какую-либо помощь без их согласия нельзя и ненужно. Общаться с ними следует только на равных. Во время общения лучше расположиться так, чтобы лица были на одном уровне, с тем чтобы избежать положения, при котором собеседнику приходится запрокидывать голову.

Люди, частично или полностью лишенные зрения, более чем многие иные лица с ограниченными возможностями нуждаются в компенсаторной помощи. Процессуалисты правильно указывают своих работах, что восприятие ими информации, так или иначе связанной с производством по уголовному делу на слух, путем оглашения того или иного текста не может обеспечить им полноценную реализацию своих прав и обязанностей [11]. Многие из них при производстве процессуальных действий нуждаются в двунаправленном переводе, когда с помощью специального программного обеспечения, обыкновенный шрифт переводится на язык Брайля и обратно. К этому можно добавить, что нельзя, например, трогать или играть с собаками-проводниками, поскольку это не обычное домашнее животное, а основной помощник незрячего человека. Каждого из них необходимо предупреждать заранее и вслух о тех действиях, которые планируется совершить с их участием. Считаем, что все это в совокупности однозначно свидетельствует о назревшей необходимости выделения лиц, имеющих ограниченные возможности, в обособленную категорию участников уголовного судопроизводства, с предоставлением им дополнительных процессуальных гарантий.

Современные тенденции законодательного регулирования таковы, что во многих странах мира в различных сферах правоотношений инвалидам, как лицам, возможности которых в силу разных жизненных обстоятельств ограничены, придается особый статус. Досудебное и судебное производство по уголовным делам в этом плане исключением не является. Система отправления правосудия с непосредственным участием инвалидов предусматривает обусловленные состоянием их здоровья дополнительные процессуальные гарантии, призванные обеспечивать им необходимую государственную поддержку на всех стадиях уголовного процесса. Как следствие, регулирование уголовно-процессуальных отношений с участием инвалидов в рамках соответствующих кодифицированных правовых актов предполагает имплементацию норм об особенностях производства по уголовным делам, в которых они вынуждены принимать участие, в общую систему уголовно-процессуальных норм, ориентированных, прежде всего, на защиту прав потерпевших от преступлений. Российское уголовно-процессуальное законодательство особенности такого рода пока не учитывает. Расцениваем данное обстоятельство в качестве одного из наиболее существенных его недостатков, подлежащих скорейшему устранению.

Наряду с особенностями производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ), лиц, страдающих психическими расстройствами (гл. 51 УПК РФ) и специальных субъектов, занимающихся публичной деятельностью (гл. 52 УПК РФ), в его содержание должны быть импле-

ментированы нормы, учитывающие требования, подлежащие применению по уголовным делам в отношении лиц, с ограниченными возможностями, как отдельной категории граждан, остро нуждающихся в повышенной правовой и социальной защите. Постараемся это обосновать с позиций Основного закона нашей страны и общепризнанных норм международного права, с помощью которых обеспечивается комплексный подход в отношении инвалидов как участников разнообразных правоотношений.

Во Всеобщей декларации прав человека провозглашено, что люди обладают всеми предусмотренными в ней правами и свободами без какого бы то ни было различия [1]. Данное положение в том или ином виде продублировано в многочисленных международных пактах о правах, одним из которых является Конвенция о правах инвалидов [2]. В ст.13 этого правового акта говорится о том, что подписавшие его государства «...обеспечивают инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы, облегчающие выполнение теми своей эффективной роли прямых и косвенных участников, в том числе свидетелей, во всех стадиях юридического процесса, включая стадию расследования и другие стадии предварительного производства». В рамках оказания содействия инвалидам в доступе к правосудию, государства - участники данной Конвенции, обязаны способствовать надлежащему обучению лиц, работающих в сфере отправления правосудия. Сама же юридическая процедура должна допускать участие широкого круга сторон и быть в максимальной степени транспарентной. В целях обеспечения равенства граждан перед законом и судом, деятельность по обеспечению участия инвалидов в отпращивании правосудия должна включать в себя:

- предоставление информации в понятной и доступной форме;
- признание и использование различных форм общения;
- обеспечение физической доступности на всех этапах процесса;
- оказание финансовой поддержки в случае возникновения потребности в предоставлении юридической помощи при соблюдении нормативных критериев оценки материальных возможностей истца и обоснованности иска [3].

Таким образом, общепризнанные пути решения этой проблемы реализуемые с той или иной степенью успешности в разных национальных юрисдикциях позволяют утверждать, что в большинстве государств правозащитный подход к инвалидности основан не столько на сострадании, сколько на безоговорочном уважении человеческого достоинства и обеспечении социальной свободы. Сами инвалиды являются обладателями всех гражданских прав, а необходимость их уважения признается на государственном уровне. Следовательно все иные субъекты права обязаны считаться с данным обстоятельством. Любые искусственные барьеры при этом должны рассматриваться как проявления дискриминации, и подлежат безусловному устранению.

Возьмем в качестве примера сферу уголовного судопроизводства. Человек, который является слепым или глухим, в случае признания его потерпевшим, согласно ч.2 ст. 42 УПК РФ имеет право: знать о предъявленном обвиняемому обвинении; давать показания; представлять доказательства; заявлять хо-

датайства и отводы; давать показания на родном языке или языке, которым он владеет; пользоваться помощью переводчика бесплатно; иметь представителя и т.д. Однако, если те или иные участники уголовного судопроизводства и материалы уголовного дела предварительно не подготовлены дознавателем, следователем, аппаратом суда для реализации им этих прав в доступном формате (например, документы на азбуке Брайля, вебсайты, позволяющие отображать текстовую информацию для чтения на дисплеях для слабовидящих, сурдоперевод на следствии, в зале суда и т.д.), и если данное лицо не может участвовать в производстве процессуальных действий вместе со своим доверенным лицом (опекуном, попечителем, проводником), то практическая реализация таких прав становится проблематичной.

В соответствии с правозащитным подходом к инвалидности, непонимание и неуважительное отношение к людям с ограниченными возможностями, отсутствие адаптированных для восприятия ими материалов уголовного дела, невозможность получить необходимую помощь во время процессуальных действий, призванную устранять объективно существующие барьеры для осознанной коммуникации с инвалидами, должны рассматриваться как проявления дискриминации, а ответственность за их устранение должно нести государство, в лице своих правоохранительных органов. Следовательно поиск путей обеспечения подлинного равноправия участников уголовного судопроизводства, уважения чести и достоинства личности путем создания условий, способствующих беспрепятственному участию инвалидов в производстве по уголовным делам, является одной из актуальных задач российского уголовного процесса, нуждающейся в скорейшем решении. Для этого не требуется какого-то специального правового регулирования в отношении принимающих в нем участие инвалидов. Вместе с тем, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве для них непременно должны быть предусмотрены адресные процессуальные гарантии, призванные обеспечивать их полноценное участие в досудебном и судебном производстве по уголовным делам, по аналогии с несовершеннолетними, психически больными и лицами, обладающими особым должностным статусом [9]. Одним из первых шагов к этому, могло бы стать, например, имплементированное в соответствующую норму УПК РФ положение, предусматривающее возможность оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи инвалидам первой и второй групп, участвующим в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевших и свидетелей. С учетом того, что практически повсеместно имеется техническая возможность изготовления протоколов следственных действий производимых с участием слабовидящих и незрячих лиц, с использованием специального текстового редактора, действующее уголовно-процессуальное законодательство уже сейчас вполне может быть дополнено нормативным положением, обязывающим дознавателя, следователя и секретаря судебного заседания изготавливать и распечатывать любые процессуальные документы на шрифте Брайля, в самых разнообразных кодировках для непосредственного ознакомления с их содержанием незрячих людей, с последующим приобщением этой распечатки к письменному протоколу следственного действия в качестве приложения. Благодаря таким целенаправленным и после-

довательным изменениям и дополнениям, уровень процессуальной поддержки лиц с ограниченными возможностями будет возрастать, а у российских инвалидов появится надежда, что рано или поздно он окажется достаточно высоким.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Документ опубликован по адресу: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-universal-declaration-of-human-rights-full-version->(Дата обращения: 31 мая 2021 г.)

2. Конвенция о правах инвалидов. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года. Вступила в силу 3 мая 2008 года. Одновременно с Конвенцией принят и вступил в силу Факультативный протокол к ней. По состоянию на конец 2019 года 181 государство (в т.ч. Российская Федерация) и Евросоюз участвуют в Конвенции, 96 государств - в Факультативном протоколе // https://ru.wikipedia.org/wiki/Конвенция_о_правах_инвалидов (Дата обращения: 31 мая 2021 г.)

3. Замечания общего порядка № 6 (2018) по вопросу равенства и недискриминации. Пункт 52 // Принято Комитетом по правам инвалидов. Размещено 26 апреля 2018 г. CRPD/C/GC/6 // Документ опубликован по адресу: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiCAqhKb7yhsnbHatvuFkZ%2Bt93Y3D%2Baa2qtJucAYDOCLUtyUf%2BfriOZspwnyqzZ6vM98ktKuCPOyUXPuMu4I%2Fg%2F1o3Qyt98oGoW6fAXiVCKzlvX12PIlzP>

4. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

5. Бертовский, Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства / Л.В. Бертовский // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–230.

6. Воскобитова, Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л.А. Воскобитова // Lex russica (Русский закон). 2019. № 5. С. 91–104.

7. Григорьев, В. Н. Цифровые информационные платформы как предмет нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства / В.Н. Григорьев // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6. С. 873–883.

8. Иванов, А. Названо число россиян с психическими расстройствами / А. Иванов [Электронный ресурс]. https://360tv.ru/news/zdorove/nazvano-chislo-rossijan-s-psihicheskimi-rasstrojstvami/?utm_referrer=https%253A%252F%252Fyandex.ru%252F%253Ffrom%253Dalice

9. Курбатова, С. М. О проблемах участия слепых и слабовидящих лиц в производстве по уголовному делу / С.М. Курбатова // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 2 (51). С. 236–241.

10. Курбатова, С.М. О проблематике участия лиц с ограниченными возможностями в производстве по уголовному делу / С.М. Курбатова // Современный ученый. 2020. № 2. С. 305–309.

11. Курбатова, С. М. Современные технологии как средство реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, имеющих ограниченные возможности // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы. Мат-лы II Междунар. межвуз. научно-практич. конф. (26 февраля 2021 года, Москва, Красноярск) / Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»; Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск: Красноярский ГАУ, 2021. С.182 – 186.
12. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения // <https://www.who.int/topics/disabilities/ru/>
13. Cooper, Rory A; Hisaichi Ohnabe; Douglas A. Hobson. An Introduction to Rehabilitation Engineering. — CRC Press, 2006. — 470 p.

УДК 343.1

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЦ,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО
О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО
ХАРАКТЕРА, НА ЛИЧНОЕ УЧАСТИЕ В СУДЕБНОМ
РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ**

*Шатрова Анна Вячеславовна,
аспирант*

**Российский государственный университет правосудия
г. Москва, Россия**
*судья Норильского городского суда Красноярского края
г. Норильск, Россия*
e-mail: anna9135891004@gmail.com

*Научный руководитель: Марковичева Елена Викторовна,
докт. юрид. наук, доцент,*
**Российский государственный университет правосудия,
г. Москва, Россия**
e-mail: markovicheva@yandex.ru

Аннотация: В статье затронуты изменения в уголовно-процессуальном законодательстве РФ, предоставившие лицам, страдающим психическими расстройствами, право быть выслушанным в суде, с приведением примеров из судебной практики. Положительно оценивая указанные изменения, автор подчеркивает важность разрешения вопросов, касающихся процессуального имени такого лица, его процессуальных прав.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принудительные меры медицинского характера, процессуальные права.

**JUDICIAL PRACTICE IN THE SPHERE OF ENSURING THE RIGHTS
OF PERSONS IN RESPECT OF WHOM THE PROCEEDINGS ON THE USE
OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES FOR PERSONAL
PARTICIPATION IN LEGAL PROCEEDINGS**

Shatrova Anna Vyacheslavovna,

postgraduate student

Russian state university of justice

Moscow, Russia

judge of the Norilsk city court of the Krasnoyarsk territory

Norilsk, Russia

email: anna9135891004@gmail.com

Scientific adviser: Markovicheva Elena Viktorovna

doctor of law, associate professor

Russian state university of justice

Moscow, Russia

e-mail: markovicheva@yandex.ru

Abstract: *The article contains the arguments that took place in the criminal procedural legislation of the Russian Federation, which allowed persons suffering from mental disorders to be heard in court, citing examples from judicial practice. While positively assessing the change, the author emphasizes the preservation of unresolved issues regarding the procedural name of such a person, his procedural rights.*

Keywords: *criminal proceedings, compulsory medical measures, procedural rights.*

Процессуальные права лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность в связи с совершением ими общественно-опасного деяния, подпадающего под признаки уголовно-наказуемого деяния, или с выявлением у них посткриминального психического расстройства, требуют особой защиты, дополнительных гарантий обеспечения их прав. Психическое состояние таких лиц может быть нестабильным и ограничивать возможности их самостоятельной реализации процессуальных прав.

В последние годы Конституционным Судом РФ были приняты важные решения, разъясняющие механизм обеспечения судом права лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, на личное участие в судебном заседании.

Указанное право было признано за лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, наряду с правом на обязательное участие защитника и законного представителя, после разрешения Конституционным Судом РФ жалоб С.Г. Абламовского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеевой [3].

Соответствующие нормативные изменения были внесены в положения ст. 437 и 441 УПК РФ Федеральным законом РФ от 29.11.2010 № 323-ФЗ [4], согласно которым, легализовалось право лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично осуществлять принадлежащие ему процессуальные права, наравне с подозреваемым, обвиняемым, но с оговоркой: если его психическое состояние позволяет ему их осуществлять.

Отметим, что до внесения таких изменений в закон судебная практика знала достаточно случаев рассмотрения дела в отсутствие лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. При этом судом не ставился на обсуждение вопрос о возможности лица лично участвовать в судебном заседании, в соответствии с его психическим состоянием [6]. Считаем, что такая практика существенно ограничивала право таких лиц на защиту, поскольку как бы сразу психическое расстройство у лица приравнивалось к его процессуальной недееспособности.

Конституционный Суд РФ в данном случае указал на необходимость соблюдения международных стандартов обеспечения прав таких лиц, которые не исключают возможности их активного участия в уголовном процессе.

В настоящее время судебная практика исходит из того, что рассмотрение дела без лица, страдающего психическим расстройством, при отсутствии должных для этого оснований является нарушением прав такого лица и влечет отмену судебного решения. Как указала Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 9 октября 2018 г., суд необоснованно, без вызова Ч. в судебное заседание для решения вопроса о возможности его участия в судебном разбирательстве, принял решение о рассмотрении дела в его отсутствие. В своем решении судебная коллегия особо подчеркнула необходимость суда лично убедиться в том, что лицо не может самостоятельно участвовать в судебном заседании: «Согласно заключению психолого-психиатрической экспертизы от 22 февраля 2018 года Ч. страдал в период, относящийся ко времени совершения инкриминируемых ему деяний, и на момент составления данного заключения психическим расстройством, лишаящим его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, а на момент составления заключения был лишен возможности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, а также не способен правильно понимать характер и значение своего процессуального положения и самостоятельно осуществлять свои процессуальные права и выполнять процессуальные обязанности. В соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона судебной проверке подлежит каждое из представленных сторонами доказательств, а согласно ч.2 ст.17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. С учетом этих требований суду следовало проверить невозможность личного участия Ч. в судебном разбирательстве путем его вызова в судебное заседание и исследования всех данных о состоянии его психического здоровья на момент рассмотрения дела, и лишь непосредственно убедившись в том, что по своему психическому состоянию он не может участвовать в рассмотрении дела, суд мог при-

нять решение о проведении судебного разбирательства в его отсутствие» [5, с.30-31].

Противоположным примером является уголовное дело №2-13/2012, рассмотренное Красноярским краевым судом в 2008 году в отношении Т., который освобожден от уголовной ответственности за совершение запрещенного уголовным законом деяния, предусмотренного ч.2 ст.33, п. «з» ч.2 ст.105 УК РФ до выхода из болезненного состояния [7]. Из материалов дела следует, что Т. предъявлено обвинение в организации убийства своей дочери из корыстных побуждений, однако в ходе предварительного следствия у него наступило психическое расстройство, которое не позволяет экспертам дать заключение о его психическом состоянии в момент инкриминируемого деяния. Приведем выдержку из протокола судебного заседания: *«Судом исследуется ответ из СИЗО на запрос суда: Т. не может участвовать в судебном заседании в силу психических расстройств, что может привести к непредсказуемым последствиям»*. В виду этого суд постановил: *«Отложить рассмотрение дела по существу для обеспечения прав Т. в соответствии с Постановлением Конституционного Суда от 20.11.2017»*. Поэтому же уголовному делу на следующее судебное заседание лицо было вызвано судом. Суд лично удостоверился о том, что Т. не может принимать участие в судебном заседании и предстать перед судом. Как следует из протокола судебного заседания, *«Т. предложено председательствующим назвать свои данные. Т. сидит в одной позе, смотрит в одну точку, не встает, не совершает никаких других движений, у него лишь мелко дрожат руки. На вопросы председательствующего Т. не реагирует, ничего не отвечает и не говорит. По сообщению конвоя, аналогичное поведение и вне судебного заседания»*. Суд освободил Т. от участия в судебном заседании, как следует из протокола судебного заседания, мотивировав свое решение: *«Ходатайство адвоката удовлетворить. Поскольку состояние психического здоровья Т. лишает его возможности участвовать в судебном заседании и реализовывать свои процессуальные права, а также с учетом того, что психотравмирующая ситуация судебного разбирательства способна усугубить имеющиеся у Т. расстройство, суд считает необходимым освободить Т. от дальнейшего участия в судебном заседании и продолжить судебное разбирательство по настоящему делу в его отсутствие»*.

По нашему мнению, подобный подход в полной мере соответствует положениям о правах лица, в отношении которого ведется производство и применении принудительных мер медицинского характера, указанных в Постановлении Конституционного Суда № 13-П от 20 ноября 2007 г., а также международным стандартам защиты прав психически больных лиц.

Таким образом, можно сделать вывод об изменении судебной практики под влиянием правовой позиции Конституционного Суда РФ, позволившей внести изменения в УПК РФ, гарантирующие лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, право лично участвовать в судебном заседании, довести до суда собственную позицию по рассматриваемому вопросу, быть выслушанным судом.

Вместе с тем, несмотря на позитивные изменения в уголовно-процессуальном законе, предоставившие лицу право лично осуществлять процессуальные права при рассмотрении дела в суде, обжаловать принятые в отношении него процессуальные решения, до настоящего времени остается неразрешенным вопрос о самостоятельном процессуальном статусе такого лица, наделения его процессуальными правами.

Исследователи справедливо отмечают, что уголовно-процессуальный закон не содержит норм, определяющих, с какого момента начинается производство о применении принудительных мер медицинского характера, и обвиняемый (подозреваемый) становится лицом, в отношении которого ведется такое производство [1; с. 22]. Следует поддержать такую критическую оценку действующих норм.

Также стоит согласиться с мнениями ученых, критикующих отсутствие в главе 2 УПК РФ наравне с другими участниками уголовного судопроизводства закрепления самостоятельного процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, закрепления его процессуальных прав, которые отличаются от процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого [2; с. 50].

В заключении отметим, что судебные решения о применении в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, принудительных мер медицинского характера, формируют судебную практику, которая объективно следует изменениям в уголовно-процессуальном законе и формируется под их влиянием.

Список литературы

1. Бажукова, Ж.А. О неразрешенных вопросах досудебного производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера / Ж.А. Бажукова // Администратор суда. 2017. № 1. С. 21-24.
2. Рябинина, Т.К. Производство о применении принудительных мер медицинского характера / Т.К. Рябинина // Законность. 2008. № 8. С. 48-51.
3. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева: Постановление Конституционного Суда от 20 ноября 2007г. №13-П // Собр. законодательства РФ. 2007. № 48. Ст. 6030.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29.11.2010 № 323-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2010. № 49. Ст.6419.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. №11. С. 30-31. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного суда РФ от 09.10.2018 № 204-АПУ18-2.
6. Архив Красноярского краевого суда. Дело № 2-13/2005.
7. Архив Красноярского краевого суда. Дело № 2-13/2012.

**Секция: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА**

**Секция: МЕЖДУНАРОДНЫЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

УДК 330.101.8; 343.3

**КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА:
КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Айснер Лариса Юрьевна

канд. культурологии, доцент

**Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск,
Россия**

e-mail: larisa-ajsner@yandex.ru

Наумов Олег Дмитриевич

канд. философских наук

**Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск,
Россия**

e-mail: stud.ui@kgau.ru

Аннотация: Осуществляется категориальный анализ основополагающих когнитивных способностей человека. Рассматриваются механизмы их работы, а также структура. Выявляется роль в деятельности сознания. Отмечается роль и значение наличия знаний о когнитивных способностях в реализации сотрудниками правоохранительных органов и судьями своих должностных обязанностей при осуществлении производства по уголовному делу.

Ключевые слова: когнитивистика, когнитивные способности, сознание, восприятие, память, познание.

HUMAN COGNITIVE ABILITIES: CATEGORIAL ANALYSIS

Aisner Larisa Yurievna

candidate of cultural studies, associate professor

**Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia**

e-mail: larisa-ajsner@yandex.ru

Naumov Oleg Dmitrievich

phd in philosophy

**Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia**

e-mail: stud.ui@kgau.ru

Annotation: A categorical analysis of the fundamental cognitive abilities of a person is carried out. The mechanisms of their work are considered, as well as the

structure. The role in the activity of consciousness is revealed. The role and importance of having knowledge about cognitive abilities in the implementation of law enforcement officers and judges of their official duties in the implementation of criminal proceedings is noted.

Keywords: *cognitive science, cognitive abilities, consciousness, perception, memory, cognition.*

Когнитивные способности – совокупность мозговых процессов, участвующих в познании окружающего мира. С помощью них мы воспринимаем, обрабатываем, сортируем, запоминаем, храним и воспроизводим информацию [1; с.79]. К когнитивным способностям относятся: восприятие, внимание, память, мышление, речь, воображение.

Это те психические процессы, которые помогают эффективно взаимодействовать с информацией, поступающей от органов чувств. Все они тесно взаимосвязаны между собой и дополняют друг друга. Если какой-то процесс дает сбой, то его функцию частично берут на себя другие. Таким образом, воплощается принцип гибкости и компенсаторности психики [2; с.32].

Наследственность и врожденные особенности влияют на качество когнитивных функций. Но в гораздо меньшей степени, чем было принято считать раньше. Первостепенную роль играет целенаправленная работа человека по их развитию.

Это значит, что человек, который обладает средними врожденными способностями, но при этом регулярно тренирует свои когнитивные функции, вскоре обгонит того, кто от природы одарен, но никак не развивает свои задатки [1; с.80].

В таблице 1 представлены когнитивные способности [3; с.13]:

Таблица 1.

КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ	ОПРЕДЕЛЕНИЕ
Восприятие	это совокупность психических процессов, которые отвечают за отражение в сознании образов предметов, непосредственно воздействующих на органы чувств.
Внимание	это функция психики, отвечающая за избирательность восприятия информации. Внимание позволяет из миллиардов внутренних и внешних стимулов вычленять значимые и концентрироваться на них.
Память	это совокупность психических процессов по закреплению, хранению и воспроизведению полученной информации.
Мышление	это высшая ступень человеческого познания. На этом уровне происходит формирование связей между объектами, их классификация, систематизация, выделение свойств. С помощью мышления

	человек получает знания, которые невозможно получить при помощи органов чувств.
Речь	это сложный психический процесс, свойственный лишь человеку. Помимо коммуникативной, он выполняет еще целый ряд других функций, в том числе и познавательную.
Воображение	это способность сознания генерировать новые образы, идеи, представления на основе усвоенных ранее знаний.

Восприятие не стоит путать с ощущениями, ведь это более сложный процесс. В отличие от ощущений, которые отражают отдельные свойства предметов (холодный, горький, светлый), восприятие формирует целостный образ. Восприятие по большей части процесс рефлекторный, а значит, происходит без участия сознания. Поэтому его принято считать самой простой когнитивной функцией. Но это ничуть не умаляет его важности. Именно восприятие добывает «пищу» для более сложных когнитивных функций. Дефекты восприятия накладывают серьезный отпечаток на работу всей психики и дееспособность человека.

Есть несколько условий, от которых зависит уровень развития восприятия:

Активное движение. Для формирования пространственного восприятия необходима двигательная активность.

Обратная связь. Для своевременной коррекции ошибок у человека должна быть возможность сравнить образ воспринимаемого предмета с самим предметом.

Достаточное количество стимулов, поступающих извне. Сенсорный голод ведет к нарушениям восприятия.

Во взрослом возрасте восприятие можно развивать с помощью тренировки органов чувств. Применяются упражнения как для тренировки каждого анализатора в отдельности, так и для всех в комплексе.

Важность такой когнитивной способности как *внимание* сложно переоценить. Она является основой для эффективной работы всех остальных функций. Мы не сможем запомнить и воспроизвести информацию, если она будет не в фокусе нашего внимания. Соответственно, и никаких логических операций мы с ней произвести не сможем.

Чем лучше развито внимание, тем дольше человек способен удерживать в сознании какой-то объект, не отвлекаясь на посторонние раздражители.

Существует два вида внимания:

Непроизвольное внимание активизируется без участия воли. Например, в ответ на сильный раздражитель: громкий звук, яркую вспышку света. Мы рефлекторно направляем внимание на объект, оцениваемый нами как опасный. Также внимание само течет в сторону потенциального удовольствия. Нам не нужно специально фокусироваться на том, что нам приятно. Это происходит само собой.

Произвольное внимание – сознательный процесс. Человек активизирует его усилием воли. Говоря о тренировке внимания, имеют в виду именно произвольное внимание. Чем дольше вы можете сознательно сосредотачиваться на каком-то объекте или действии, тем выше качество вашего внимания.

Для тренировки внимания используются таблицы Шульте, клиновидные таблицы, различные картинки, на которых нужно искать спрятанные предметы или отличия.

Память играет огромную роль в познании и преобразовании мира. Именно благодаря ей человек может учиться, получать новые знания и вырабатывать новые навыки.

Каков психофизиологический механизм работы памяти? В процессе взаимодействия с информацией в отдельных участках мозга возникают очаги возбуждения. Нейроны (клетки мозга) обмениваются электрическими импульсами и образуют друг с другом синаптические связи. Электрический сигнал передается от нейрона к нейрону, и весь его путь запечатлевается в мозге в виде нейронных цепей. Впоследствии мозг способен воспроизвести этот путь при определенных условиях.

Существует несколько основных классификаций памяти. По характеру психической активности память делится на: двигательную, образную, словесно-логическую, эмоциональную.

По продолжительности закрепления информации память разделяют на: оперативную, кратковременную, долговременную.

По характеру целей деятельности память делится на: произвольную и непроизвольную.

Мышление – сложный психический процесс. На его формирование уходят годы. Выделяют несколько стадий развития мышления:

Наглядно-действенное мышление характерно для детей до 3 лет. Оно работает непосредственно во время взаимодействия с предметами: ребенок учится собирать пирамидку, сортировать игрушки по форме и т. п.

Наглядно-образное мышление преобладает в возрасте от 3 до 7 лет. В этот период ребенок способен оперировать образами предметов для решения задач без непосредственного контакта с самими предметами. Например, представить, что будет делать изображенный на картине человек.

Словесно-логическое (абстрактное) мышление – высшая ступень развития мышления. Оно функционирует на базе языка и отвечает за использование абстрактных понятий и логических конструкций, т. е. того, для чего не существует материального выражения.

Примечательно то, что процесс развития мышления у каждого отдельного человека повторяет процесс эволюции мышления у человечества в целом. У первобытных людей сначала зародилось наглядно-действенное мышление, затем оно эволюционировало в наглядно-образное и уже после оформилось в абстрактное.

Мышление требует от человека постоянного развития. Если этого не происходит, то оно начинает деградировать. Для тренировки мышления можно ис-

пользовать логические и математические задачи, кроссворды, специальные упражнения и тренажеры.

Представление о мире у человека формируется в процессе освоения им родного языка. С помощью речи человек способен получать знания о предметах и явлениях, не имея с ними непосредственного контакта. Это существенно расширяет границы познания и дарит нам поистине уникальные возможности.

Речь тесно связана со всеми остальными когнитивными функциями. Она оказывает влияние даже на такую базовую когнитивную способность, как восприятие. Например, ученые выяснили, что люди неспособны различать цвета, для которых у них в языке нет определения.

Развивать речь нужно сразу в нескольких направлениях: пополнять словарный запас, работать над дикцией и артикуляцией, совершенствовать выражение мыслей в устной и письменной форме.

Воображение играет ключевую роль в таких процессах, как моделирование, планирование, творчество. Мир, в котором мы живем сейчас, – это результат работы воображения наших предков.

Специфика воображения как когнитивной функции заключается в переработке и осмыслении усвоенного ранее опыта. В этом плане воображение схоже с мышлением. Результатом обоих процессов является опережающее отражение. Но только с той разницей, что мышление оперирует понятиями и категориями, а воображение – образами.

Психологи выделяют 5 основных приемов воображения:

Агглютинация. Или, говоря простыми словами, склеивание. Новый образ создается путем соединения двух или более существующих объектов. Например, кентавр – результат агглютинации человека и лошади.

Гипербола, литота. Первое означает преувеличение, второе – уменьшение. Пример гиперболы – великан. Пример литоты – Мальчик-с-пальчик.

Акцентуирование. Этот прием используется для выделения какой-то конкретной характеристики. Например, длинный нос у Буратино.

Олицетворение. Суть приема в том, чтобы наделить неодушевленные предметы признаками живых существ. Без этого приема не обходится практически ни одна сказка.

Типизация. Наделение образа признаками, типичными для целой группы схожих предметов или явлений.

Знание основ когнитивной науки поможет правоприменителям при расследовании уголовных дел и при их рассмотрении и разрешении в суде.

Учитывая количество лиц с ограниченными возможностями в общей доле населения Российской Федерации, а также пропорциональную вероятность участия таких лиц в сфере действия норм уголовного права и уголовного судопроизводства [2], считаем необходимым вводить соответствующие курсы повышения квалификации для должностных лиц правоохранительных органов и судей. При этом особое внимание должно быть уделено именно судьям, исходя из того, что именно на них возложена обязанность вершить правосудие, и это значит, что на они несут особую ответственность за лиц с ограниченными возможностями, с тем, чтобы в ходе судебного разбирательства, и в его заверше-

ние, в процессе постановления и вынесения приговора, не допустить нарушения их прав.

Кроме того, считаем возможным поднять вопрос о пересмотре ряда положений Уголовного кодекса РФ на предмет расширения его правовых норм, закрепляющих охрану прав и защиту интересов лиц, пострадавших от преступления в части увеличения количества оснований по разным составам преступлений, когда потерпевшим будет лицо, имеющее когнитивные ограничения: оно в силу этого является особо уязвимым, а значит, находится в заведомо неравном для оказания какого-либо отпора причинителю преступного вреда.

Список литературы

1. Айснер, Л.Ю. Сознание-код: феномен сознания в контексте нейрофизиологических и аналитических подходов исследования / Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Сознание как феномен бытия человека и общества: сборник научных трудов VII Всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием. Ульяновск, 2020. С.78-83.

2. Курбатова, С.М. О некоторых когнитивных аспектах в институтах уголовного и уголовно-процессуального права / С.М. Курбатова // Современные проблемы противодействия коррупционным преступлениям. Мат-лы нац. научно-практич. конф. Красноярск: Красноярский ГАУ, 2020. С. 93-97.

3. Фаликман, М.В. Когнитивная наука: основоположения и перспективы / М.В. Фаликман// Логос. №1 (97). 2014. С.1-18.

УДК 343.126

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИН, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ И ИМЕЮЩИХ ПРИ СЕБЕ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО 3-Х ЛЕТ

Андреева Юлия Васильевна

канд. юрид. наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: sibupnis@mail.ru

Аннотация: В статье поднимаются следующие вопросы: 1) о сроках временной передачи детей, оставшихся без попечения родителей, родственникам или иным лицам либо в детское учреждение; 2) об оказании медицинской помощи ребенку в период его нахождения вместе с матерью в следственном изоляторе; 3) о месте нахождения ребенка при участии его матери в следственных действиях и общении с адвокатами и родственниками; 4) об увеличении количества прогулок в следственном изоляторе для матери и ребенка в день.

Ключевые слова: женщина, преступление, подозреваемая, обвиняемая, ребенок, малолетний ребенок, следственный изолятор, содержание в следственном изоляторе.

LEGAL STATUS OF WOMEN IN INVESTIGATIVE ISOLATORS AND HAVING CHILDREN UNDER 3 YEARS OLD

Andreeva Yulia Vasilievna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university

Krasnoyarsk, Russia

email: sibupnis@mail.ru

Abstract: *The article raises the following questions: 1) on the timing of the temporary transfer of children left without parental care, relatives or other persons, or to a children's institution; 2) on the provision of medical assistance to a child during his stay with his mother in a pre-trial detention center; 3) about the location of the child with the participation of his mother in investigative actions and communication with lawyers and relatives; 4) on increasing the number of walks in the detention facility for mother and child per day.*

Keywords: *woman, crime, suspect, accused, child, young child, pre-trial detention center, detention in a pre-trial detention center.*

Права и свободы лиц, содержащихся в следственных изоляторах (далее – СИЗО), защищаются государством так же, как и права других граждан. При этом права женщин, имеющих при себе детей в возрасте до 3-х лет, реализуются со значительными ограничениями в связи с отсутствием детального законодательного регулирования их правового статуса.

В связи с этим представляется целесообразным более подробно рассмотреть особенности реализации прав данной категории граждан.

Согласно ч. 1 ст. 100 УИК РФ [3] в исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, могут организовываться дома ребенка.

Стоит отметить, что в СИЗО не предусмотрено создание аналогичных учреждений, что на практике порождает множество проблем содержания женщин, имеющих при себе детей в возрасте до 3-х лет.

В соответствии со ст. 30 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ [1] (далее – ФЗ № 103-ФЗ) в местах содержания под стражей для женщин, имеющих при себе детей, создаются улучшенные материально-бытовые условия, организуется оказание медицинской помощи соответствующего вида и устанавливаются повышенные нормы питания и вещевого обеспечения, определяемые Правительством РФ.

Помимо этого, в ст. 30 ФЗ № 103-ФЗ уточняется, что в случае необходимости администрация места содержания под стражей может возбуждать в уста-

новленном законом порядке ходатайство о временной передаче ребенка родственникам или иным лицам либо в детское учреждение.

Добавим, что в ст. 1 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ [2] под детьми, оставшимися без попечения родителей, понимаются лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи отбыванием родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Более того, в п. 4 постановления Правительства РФ «О временной передаче детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации» от 19 мая 2009 г. № 432 [8] указано, что срок временного пребывания ребенка (детей) в семье гражданина не может превышать 3 месяцев. При наличии документально подтвержденных исключительных обстоятельств непрерывный срок временного пребывания ребенка (детей) в семье гражданина не может превышать 6 месяцев. Стоит обратить внимание, что согласно ч. 2 ст. 109 УПК РФ [4] срок содержания под стражей может продляться и решение вопроса о месте нахождения ребенка станет опять актуальным.

Хотелось бы отметить, что в СИЗО отсутствует штатный педиатр и при необходимости оказания медицинской помощи детям в возрасте до 3-х лет сотрудники СИЗО будут вызывать бригаду скорой медицинской помощи, в том числе для их госпитализации в «гражданские» медицинские организации.

В ч. 3 ст. 51 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ [5] указано, что *одному из родителей, иному члену семьи или иному законному представителю предоставляется право на бесплатное совместное нахождение с ребенком в медицинской организации при оказании ему медицинской помощи в стационарных условиях в течение всего периода лечения независимо от возраста ребенка.*

Однако в п. 42 приказа Минюста России «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» от 28 декабря 2017 г. № 285 [7] регламентирован порядок перемещения по медицинским показаниям в отношении осужденных женщин, имеющих при себе детей до 3-х лет, но не подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления. Представляется, что в случае болезни ребенка подозреваемая (обвиняемая) в преступлении женщина должна будет дать письменное согласие о госпитализации ребенка в медицинскую организацию без нее.

Следующий вопрос связан с содержанием ребенка в период, когда его матери необходимо уехать на следственные действия. В указанных выше нормативных правовых актах не дается вариантов решения данного вопроса. Может возникнуть ситуация, когда женщине нужно участвовать в следственных действиях за пределами СИЗО, продолжительность которых составляет несколько

часов. В результате ребенок лишается полноценного распорядка приема пищи, сна и внимания со стороны матери.

Встает вопрос о месте нахождения ребенка и при встречах матери с адвокатом, родственниками. В нормативных правовых актах отсутствуют указания на то, с кем остается малолетний ребенок, когда женщина уходит на встречу. Логично предположить, что мама берет его с собой, так как никаких отдельных комнат для ребенка в СИЗО не предусмотрено.

Полагаем целесообразным регламентировать порядок работы комнаты ребенка и обеспечивать в данных случаях пребывание в ней ребенка в возрасте до 3-х лет. Комнаты ребенка должны быть структурными подразделениями медицинских учреждений УИС.

Далее, в п. 22 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных Приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 [6] (далее – ПВР СИЗО), регламентируется, что женщины, имеющие при себе детей, размещаются в специально оборудованных камерах, расположенных в отдельных режимных корпусах или изолированных отсеках режимных корпусов, отдельно от остальных подозреваемых и обвиняемых.

В ст. 30 ФЗ № 103-ФЗ и приложении № 4 к ПВР СИЗО дополнительно устанавливается, что не допускается ограничение продолжительности ежедневных прогулок женщинам, имеющим при себе детей. Тем не менее все зависит от распорядка дня, погоды, наполнения учреждения и других обстоятельств. Целесообразно рассматривать женщин с малолетними детьми в качестве отдельной группы и сделать для них отдельное от других категорий время прогулок, количество которых не будет ограничено одним выходом в день. Полагаем, что лучше увеличить количество прогулок, а не продолжительность одной прогулки.

Таким образом, правовой статус женщин, содержащихся в следственных изоляторах и имеющих при себе детей в возрасте до 3-х лет, требует четкой детальной регламентации, с учетом нормативных правовых актов других отраслей законодательства.

Список литературы

1. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон РФ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (в ред. от 26 мая 2021 г.) // СПС Консультант Плюс.

2. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон РФ от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ (в ред. от 17 февраля 2021 г.) // СПС Консультант Плюс.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 05 апреля 2021 г.) // СПС Консультант Плюс.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) // СПС Консультант Плюс.

5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 26 мая 2021 г.) // СПС Консультант Плюс.

6. Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 (в ред. от 29 января 2021 г.) // СПС Консультант Плюс.

7. Об утверждении порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы: приказ Минюста России от 28 декабря 2017 г. № 285 (в ред. от 31 января 2020 г.) // СПС Консультант Плюс.

8. О временной передаче детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшиеся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19 мая 2009 г. № 432 (в ред. от 19 декабря 2018 г.) // СПС Консультант Плюс.

УДК 343.13

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННОГО КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Галицкая Елизавета Евгеньевна,

помощник судьи Железнодорожного районного суда г. Красноярск, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: ques13@yandex.ru

Научный руководитель: Бертовский Лев Владимирович

докт. юрид. наук, профессор

Московский государственный университет,

г. Москва, Россия

email: bgl1980@yandex.ru

Аннотация: Целью данной статьи является исследование содержания и правового значения характеристики осужденного на стадии исполнения приговора при разрешении судом вопросов, предусмотренных пунктами 3, 4, 5 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Результатом исследования явился вывод о важном доказательственном значении указанного документа на стадии исполнения приговора. Исходя из положений Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, дано определение понятия «характеристика осужденного».

Ключевые слова: исполнение приговора, характеристика осужденного, администрация исправительного учреждения, суд.

CHARACTERISTIC OF THE CONVICT AS A SUBJECT OF PROOF AT THE STAGE OF THE PERFORMANCE OF THE JUDGMENT

Galitskaya Elizaveta Evgenievna,
assistant judge of the Zheleznodorozhny district court of Krasnoyarsk,
post-graduate student
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: ques13@yandex.ru

Scientific adviser: Bertovsky Lev Vladimirovich
doctor of law, professor
Moscow state university,
Moscow, Russia
email: bgl1980@yandex.ru

Abstract: *The purpose of this article is to study the content and legal significance of the characteristics of the convict at the stage of execution of the sentence when the court resolves the issues provided for in paragraphs 3, 4, 5 of article 397 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The result of the study was the conclusion about the important evidentiary value of the specified document at the stage of execution of the sentence. Based on the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Executive Code of the Russian Federation, a definition of the concept of "characterization of a convict" is given.*

Keywords: *execution of the sentence, characterization of the convicted person, administration of the correctional institution, court.*

Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора, регламентированы статьей 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, их разрешение в одних случаях ухудшает положение осужденного, а в других – улучшает [7]. Так, например, в соответствии со статьей 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в зависимости от поведения и отношения к труду в течение всего периода отбывания наказания осужденным к лишению свободы может быть изменен вид исправительного учреждения [5]. Статья 79 Уголовного кодекса Российской Федерации указывает на то, что лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда [8]. В силу статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации лицу, отбывающему содержание в дисциплинарной воинской

части, принудительные работы или лишение свободы, возместившему вред (полностью или частично), причиненный преступлением, суд с учетом его поведения в течение всего периода отбывания наказания может заменить оставшуюся не отбытой часть наказания более мягким видом наказания.

При разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, суд учитывает данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, об отношении осужденного к совершенному деянию и о том, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления (часть 2.2 статьи 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, часть 4.1 статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации, часть 4 статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Вышеприведенные сведения суду представляет администрация исправительного учреждения, в котором осужденный отбывает наказание, все они оформляются в единый документ под названием «характеристика осужденного». В своей работе Г.Б. Магомедов указывает на то, что характеристикой осужденного является «оценка его отношения к выполнению возложенных на него обязанностей, обусловленных обязательностью соблюдения в период отбывания наказания режимных требований» [2]. Вместе с тем, закон содержит предъявляемые к данному документу требования по его содержанию, и оценка отношения осужденного к выполнению режимных требований не является единственной, поэтому можно говорить о том, что характеристикой осужденного является совокупность данных о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе об имеющихся поощрениях и взысканиях, об отношении осужденного к совершенному деянию и о том, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления.

Говоря об отношении осужденного к труду, не стоит забывать о категории осужденных, которые в силу своих заболеваний, медицинских противопоказаний не могут быть привлечены к труду в исправительном учреждении. В таком случае предполагается, что суд при принятии решения не примет во внимание факт отсутствия трудоустройства как отрицательно характеризующий такого осужденного.

Отметим, что на стадию исполнения приговора не распространяют свое действие положения статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая регламентирует обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу. Вместе с тем, в главе 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, посвященной рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, отсутствует регулирование обстоятельств, подлежащих доказыванию [6]. Фактически перечень обстоятельств, которые должен установить суд при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, содержится в вышеприведенных положениях Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-

исполнительного кодекса Российской Федерации. Причем, как точно отмечает доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России А.П. Скиба, это порождает сложности в правоприменительной деятельности и приводит к противоречивой практике, когда при одних и тех же данных суды принимают противоположные решения, в том числе при оценке достаточности самих доказательств в каждом конкретном случае [3].

Законодательное регламентирование части 7 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяет некоторым авторам делать вывод о том, что производство по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется на основе доказательств с ограниченной допустимостью (объяснений и документов) [1], или о том, что в стадии исполнения приговора доказывание вовсе отсутствует, а имеет место лишь установление фактов [4]. Однако кандидат юридических наук, судья Верховного Суда Российской Федерации А.С. Червоткин утверждает, что развитие законодательства и судебной практики идет по пути расширения средств доказывания на этой стадии уголовного процесса, приближая их к тем, которые используются при рассмотрении дела по существу [9].

Таким образом, суд при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, основывает свое решение на исследованных в судебном заседании доказательствах, в том числе на характеризующем материале на осужденного, предоставляемом администрацией исправительного учреждения.

В таком случае приходится говорить о тождественности понимания различных понятийных категорий судьями, разрешающими вопросы, связанные с исполнением приговора. Так, нередко в Уголовном кодексе Российской Федерации и Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации можно встретить понятие «положительно характеризующиеся осужденные». Именно эта категория осужденных претендует на различные послабления при отбывании наказания, например, им может быть разрешено передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения (статья 96 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Что касается вопросов, связанных с исполнением приговора, то именно признание осужденного положительно характеризующимся является основанием для удовлетворения его ходатайства об изменении вида исправительного учреждения, об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Оценочное отношение к указанным в законе критериям носит очень условный характер, а формализация обстоятельств, подлежащих доказыванию, обеспечит единообразное применение закона.

Таким образом, при рассмотрении судом вопросов, предусмотренных пунктами 3, 4, 5 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, характеристика осужденного является основным доказательством, на основании которого суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве на стадии исполнения приговора.

Список литературы:

1. Белоковылский, М.С. Стадия исполнения приговора: неадекватность средств доказывания цели / М.С. Белоковылский // Адвокат. 2013. № 7. С. 25-32.
2. Магомедов, Г.Б. Характеристика осужденного в период отбывания наказания в виде лишения свободы / Г.Б. Магомедов // Правовая культура. 2011. №. 2. С. 154-158.
3. Скиба, А.П. Проблемы межотраслевого регулирования и классификация обстоятельств, подлежащих доказыванию, при решении вопросов в стадии исполнения приговора / А.П. Скиба // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1. С. 101-105.
4. Тулянский, Д.В. Имеет ли место доказывание в стадии исполнения приговора? / Д.В. Тулянский // Законность. 2001. № 10. С. 44.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 года № 1-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
6. Уголовно-процессуальное право: Учебник / под ред. Л. В. Бертовского, В. Н. Махова. Москва: Проспект, 2020. С. 519-520.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
9. Червоткин, А.С. Процессуальные особенности рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 23-27.

УДК 343.13

ПОЛНОМОЧИЯ СУДЬИ ПО ПОСТУПИВШЕМУ В СУД ХОДАТАЙСТВУ ИЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЮ, СВЯЗАННОМУ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА

Галицкая Елизавета Евгеньевна,

помощник судьи Железнодорожного районного суда г. Красноярск, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: ques13@yandex.ru

Научный руководитель: Бертовский Лев Владимирович

докт. юрид. наук, профессор

Московский государственный университет,

г. Москва, Россия

email: bgl1980@yandex.ru

Аннотация: Целью данной статьи является исследование проблемы, выраженной в отсутствии законодательной регламентации полномочий судьи

по поступившему в суд ходатайству или представлению, связанному с исполнением приговора. Результатом исследования явился вывод о необходимости дополнения главы 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации по аналогии со статьей 227 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации статьей, регламентирующей полномочия судьи по поступившему в суд ходатайству или представлению, связанному с исполнением приговора.

Ключевые слова: *исполнение приговора, суд, полномочия судьи, принятие к производству, возвращение, отказ в принятии.*

AUTHORITY OF A JUDGE ON APPLICATION OR REPRESENTATION RELATED TO THE ENFORCEMENT OF A JUDGE

Galitskaya Elizaveta Evgenievna,
assistant judge of the Zheleznodorozhny district court of Krasnoyarsk,
post-graduate student
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: ques13@yandex.ru

Scientific adviser: Bertovsky Lev Vladimirovich
doctor of law, professor
Moscow state university,
Moscow, Russia
email: bgl1980@yandex.ru

Abstract: *The purpose of this article is to study the problem expressed in the absence of legislative regulation of the powers of a judge on a petition or submission received by the court related to the execution of a sentence. The result of the study was the conclusion that it is necessary to supplement Chapter 47 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by analogy with Article 227 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, an article regulating the powers of a judge on a petition or submission received by the court related to the execution of a sentence.*

Keywords: *execution of a sentence, court, powers of a judge, acceptance for proceedings, return, refusal to accept.*

Законодателем стадия исполнения приговора помещена в часть под названием «Судебное производство» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что позволяет сделать вывод о том, что исполнение приговора является отдельной, а равно самостоятельной стадией уголовного судопроизводства [1]. Вместе с тем, законом регламентирован лишь порядок проведения судебного заседания при рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора. В своей работе В.И. Качалов верно отмечает, что «в ст. 397 УПК РФ не урегулированы процедуры назначения и подготовки к судебному заседанию, что позволило бы обеспечить эффективность и

своевременность решения вопросов, предусмотренных ст. 397 УПК РФ, создать условия для реализации уголовно-процессуальных гарантий участникам судебного разбирательства» [2].

По мнению В.В. Николюка и Л.А. Пупышевой, «в УПК РФ не отражены полномочия судьи по поступившим в суд материалам, совокупность обстоятельств, подлежащих выяснению по ним, порядок назначения и вызова в судебное заседание заинтересованных лиц, сроки его проведения» [3].

Судья при поступлении к нему в производство ходатайства или представления в порядке исполнения приговора проверяет, подлежит ли оно рассмотрению в данном суде, подано ли оно надлежащим лицом, приложены ли к нему документы, необходимые для разрешения вопроса по существу, и копии соответствующих судебных решений.

Пункт 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» регламентирует последствия такой проверки [4]. В частности, если в поступивших материалах не содержится достаточных данных для рассмотрения ходатайства или представления и в судебном заседании восполнить их невозможно, суд в ходе подготовки к его рассмотрению возвращает эти материалы для соответствующего оформления. В этом случае судья выносит постановление, которое направляется или вручается заявителю вместе с поданным ходатайством или представлением с приложенными к нему документами.

В отличие от гражданского процессуального законодательства, в частности статей 134, 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство не отличает отказ в принятии ходатайства или представления и возвращение ходатайства или представления. В этой связи на практике по одному и тому же основанию судья в резолютивной части постановления может указать как на возвращение ходатайства или представления (суд постановил вернуть ходатайство...), так и на отказ в его принятии (суд постановил отказать в принятии ходатайства...). При любой из этих формулировок суды вместе с постановлением направляет заявителю поданное ходатайство или представление с приложенными документами.

Закономерно возникает вопрос, тождественны ли понятия «отказ в принятии ходатайства» и «возвращение ходатайства» в уголовно-процессуальном праве. Если обратиться к гражданскому процессуальному праву, то можно отметить разницу последствий отказа в принятии искового заявления и возвращения искового заявления, которая заключается в том, что при возвращении искового заявления заявитель не лишается права повторного обращения в суд после устранения указанных судом недостатков, а отказ в принятии искового заявления препятствует повторному обращению заявителя в суд с иском к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям. По нашему мнению, уголовно-процессуальному закону не хватает четкой границы между вышеприведенными понятиями, и логичным было бы их разделение по наступающим последствиям. Вместе с тем, специфика уголовно-процессуальных отношений, складывающихся на стадии исполнения приговора, заключающаяся в безогово-

рочном праве повторного обращения с аналогичным требованием по истечении установленного законом срока или в случае возникновения определенных законом обстоятельств, в настоящее время в отсутствие законодательно закрепленного перечня оснований для отказа в принятии ходатайства или представления, не позволяет в качестве последствия такого отказа указать запрет на повторное обращение в суд с ходатайством или представлением по тому же вопросу, связанному с исполнением приговора. Поэтому такой запрет может быть установлен только в случае императивного закрепления оснований для отказа в принятии ходатайства или представления, связанного с исполнением приговора, которые не повлекут нарушение прав осужденных на данной стадии.

Так, на наш взгляд, главу 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следует по аналогии со статьей 227 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дополнить статьей, регламентирующей полномочия судьи по поступившему в суд ходатайству или представлению, связанному с исполнением приговора: при поступлении в суд ходатайства или представления в порядке главы 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации судья должен принять одно из следующих решений: 1) при выявлении нарушения правил подсудности, установленных статьей 396 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, направить поступивший материал по подсудности; 2) при обнаружении неустранимых недостатков вернуть поступивший материал заявителю для надлежащего оформления; 3) при отсутствии законных оснований для рассмотрения и разрешения поступившего ходатайства или представления отказать в его принятии; 4) в случае отсутствия препятствий к рассмотрению ходатайства или представления по существу принять его к производству и назначить судебное заседание.

Полагаем, что в уголовно-процессуальном праве судья должен отказать в принятии ходатайства или представления в тех случаях, когда законные основания для рассмотрения и разрешения указанных в нем вопросов отсутствуют вовсе и не позволяют заявителю вновь обратиться в суд с аналогичным ходатайством или представлением. По нашему мнению, судья в ходе проверки поступившего ходатайства или представления отказывает в его принятии в случае, если: 1) ходатайство или представление не подлежит рассмотрению и разрешению судом в порядке исполнения приговора; 2) ходатайство или представление подано органом государственной власти, иным государственным органом, должностным лицом, гражданином, которым настоящим Кодексом или другими федеральными законами не предоставлено такое право; 3) осужденным повторно подано ходатайство об освобождении от наказания или о смягчении наказания на основании пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, когда по ходатайству, заявленному ранее по тем же основаниям, судом уже вынесено постановление об отказе в его удовлетворении.

В случае, когда судья в ходе проверки поступившего материала (ходатайства или представления с приложенными документами) выявляет неустранимые в судебном заседании недостатки, вследствие чего ходатайство или представление не могут быть рассмотрены по существу, он в своем постановлении

указывает на допущенные заявителем недостатки и возвращает поданное ходатайство или представление заявителю, одновременно разъясняя право повторного обращения в суд в случае их устранения. Таким образом, судья в ходе проверки поступившего ходатайства или представления возвращает его заявителю в случае, если: 1) ходатайство или представление не подписано или ходатайство или представление подписано и подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание и предъявление в суд; 2) ходатайство или представление нечитаемо, в частности: отсутствует связный текст, из представленных документов невозможно установить суть заявленных требований; 3) в поступивших материалах не содержится достаточных данных для рассмотрения ходатайства или представления и в судебном заседании восполнить их невозможно; 4) заявителем не соблюдены иные требования, установленные федеральным законом.

Отметим также, что одновременно с принятием ходатайства или представления к производству судья назначает дату и время судебного заседания, в котором, в силу пункта 2 и пункта 3 части 1 статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, должен принимать участие и защитник осужденного, если осужденный является несовершеннолетним или если осужденный в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту. В таком случае в постановлении, выносимом судьей на этапе принятия ходатайства или представления к производству, судья указывает на необходимость назначения и обеспечения участия в судебном заседании защитника осужденного в лице адвоката, то есть лица, получившего в установленном законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность (часть 4 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Качалов, В.И. Особенности процессуального порядка разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора / В.И. Качалов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 99.
3. Николюк, В.В. Подготовка и назначение судебного заседания в связи с рассмотрением вопросов исполнения приговора / В.В. Николюк, Л.А. Пупышева // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 37-42.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // СПС КонсультантПлюс.

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ
В ОТНОШЕНИИ ИНВАЛИДОВ**

Голубовский Владимир Юрьевич

докт. юрид. наук, профессор

Российский государственный социальный университет,

г. Москва, Россия

email: 63wladimir@mail.ru

***Аннотация:** В данной статье рассматривается специфика и последствия преступлений, совершаемых в отношении инвалидов. Человек с ограниченной трудоспособностью зачастую не может полноценно работать и обеспечивать себя, в полной мере реализовывать имеющиеся у него права. Есть целый комплекс мер, гарантированных законом. Поэтому, для того чтобы разобраться в тонкостях и понять, на что можно рассчитывать, инвалид в случае совершения в отношении него преступления, необходима помощь в адаптации к жизни, это главная возможность, которую дает закон.*

***Ключевые слова:** преступление, инвалиды, субъект преступления, потерпевши, права гражданина*

FEATURES OF CRIMES COMMITTED AGAINST THE DISABLED

Golubovsky Vladimir Yurievich

doctor of law sciences, professor

Russian state social university,

Moscow, Russia

email: 63wladimir@mail.ru

***Annotation:** This article examines the specifics and consequences of crimes committed against persons with disabilities. A person with limited working capacity often cannot fully work and provide for himself, to fully exercise his rights. There is a whole range of measures guaranteed by law. Therefore, in order to understand the intricacies and understand what can be counted on, a disabled person in the event of a crime committed against him, you need help in adapting to life, this is the main opportunity that the law provides.*

***Keywords:** crime, disabled people, the subject of the crime, the victim, the rights of the citizen.*

Инвалиды могут воспользоваться предоставленными им законодательством медицинскими услугами, протезированием, санаторно-курортным лечением и улучшить свое состояние. Программа разрабатывается индивидуально с учетом проблем со здоровьем. Технические средства реабилитации выдаются, чтобы появилась возможность повысить качество жизни. Для помощи в трудоустройстве специально выделяются рабочие места, проводятся бесплатные обу-

чающие курсы, тренинги. Постепенно создается мир, доступный лицам с ограниченными возможностями. Городские объекты оснащаются приспособлениями, которые помогают инвалидам передвигаться, ориентироваться в пространстве и скорее привыкнуть жить самостоятельно. И вместе с такими предоставляемыми благами, регистрируется значительное число преступлений различной направленности в отношении инвалидов.

Защита прав инвалидов в суде происходит на каждом этапе разбирательства. Адвокат берет на себя сбор доказательств, подготовку различных документов. Иногда органы прокуратуры самостоятельно обращаются в суд для защиты интересов человека. Права прокурора поддерживать исковое заявление закреплено в ст. 27 ФЗ РФ № 2202-1[1]. Подать заявление в прокуратуру от инвалида и оказать ему помощь могут в ситуациях, когда: субъект по состоянию здоровья или другим причинам не может отстаивать свои интересы; нарушение приобрело общественное значение; произошло нарушение прав и свобод значительного количества граждан.

Так, кировские полицейские задержали пнувшего инвалида мужчину. В отношении него возбуждено уголовное дело по ст. 116 УК РФ (Побои). Преступление совершено в одном из магазинов г. Кирова. Дедушка-инвалид заходил в магазин, спускаясь по ступенькам, когда туда же следом решили зайти мужчина и женщина. Пенсионер, не заметив пару, случайно отрезал женщине путь, и ее спутник с силой пнул инвалида ногой в спину. Инвалид от удара упал, а озлобленный человек и женщина как будто ничего не совершили ни в чем ни бывало зашли в магазин. Пострадавшему помогли сотрудники магазина. По словам очевидцев, беспомощный человек заплакал, но вскоре сумел подняться и уйти. Кадры этого жуткого происшествия попали в социальную сеть. Пользователи нашли страницу агрессора, его родственников, узнали место работы мужчины. Расследование уголовного дела продолжается [2].

Если в данной ситуации очевиден умысел на совершение преступления в отношении инвалида, то в следующей преступлении неоднозначную позицию занимают, как и представители правоохранительных органов, так и общественности.

Так, кондуктор из Ханты-Мансийска после ажиотажа в социальных сетях и обширной дискуссии не справилась со стрессом и решила свести счеты с жизнью. Сейчас кондуктор госпитализирована, за ее жизнь сейчас борются врачи. Представители средств массовой информации кондуктора ранее публично раскритиковала журналист. Инвалид, заявила в социальных сетях, что кондуктор высадила ее с автобуса на мороз из-за отсутствия проездного билета. По словам журналиста, кондуктор посчитал ее бессрочное инвалидное удостоверение недостаточным основанием для бесплатного проезда. Далее инвалид заявила, что под давлением она вынуждена была покинуть рейсовый автобус и передвигаться на костылях по морозу на улице. После этого претензию инвалида растиражировали в средствах массовой информации, в том числе, федеральные. Как выяснилось далее, правота журналистки не так однозначна.

Перед попыткой суицида, ночью, кондуктор предупредила о своих намерениях своих читателей в социальной сети «ВКонтакте», где выражала всем

спасибо за поддержку и в смерти просила обвинить журналистку. Нервы кондуктора были на пределе. Правоохранительные органы изучают ситуацию на предмет наличия в ней признаков состава преступления по ст. 110 УК РФ (Доведение до самоубийства).

Женщина-инвалид использовала площадки в социальных сетях для массового распространения своей версии. Ее пост увидела пресса, и растиражировала на федеральных изданиях. Но на самом деле, у нее действительно не было социального проездного. Кондуктор действовал по инструкции. Собственное разбирательство проводит Следственный комитет Российской Федерации. Власти Ханты-Мансийска организовали проверку в автотранспортном предприятии, где работает кондуктор. Руководство автотранспортного предприятия поддержало в данной ситуации своего сотрудника, заявив, что никаких нарушений допущено не было. Большое количество ханты-мансийцев поддержало кондуктора в социальных сетях, посчитав, что та все делала по инструкции. Югорчане утверждают, что кондуктор не пытался высадить инвалида из автобуса, она предпочла сделать это сама. К тому же, пассажиры предлагали решить конфликт миром, заплатив 23 руб. за проезд инвалида.

Несмотря на аргументы различных сторон, инвалид продолжает настаивать на своей правоте. Инвалид считает, что кондуктор давила на нее и всячески вынуждала покинуть автобус. Также собеседница агентства утверждает, что слышала о попытке самоубийства кондуктора. По поводу попытки суицида инвалид заявила, что нормальный человек с чистой совестью так не сделает. Глава департамента здравоохранения региона отказался комментировать ситуацию о состоянии здоровья кондуктора, сославшись на врачебную тайну. Также ход развития событий официально не комментируют в силовых структурах [3].

Данная ситуация указывает на сложность и неоднозначность с правовой позиции сложившейся ситуации. И рассмотренный случай еще раз указывает на социальное, физиологическое здоровье, как самих инвалидов, так и предполагаемых и реальных субъектов преступлений.

Список литературы

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (последняя редакция)//СПС Консультант Плюс
2. Пользователи Сети встали на защиту избитого инвалида из Кирова — обидчика нашли и задержали [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2021/02/24/1889155.html> (дата обращения: 19.05.2021 г.).
3. Разборки инвалида и кондуктора на все СМИ страны закончились трагедией [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/articles/1036273658> (дата обращения: 19.05.2021 г.)

УДК 343.1

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА УЯЗВИМЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Далгалы Татьяна Александровна

канд. юрид. наук

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: tanya.rodionova@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрен ряд аспектов международного характера, связанных с понятием уязвимых групп населения. Анализируется система международно-правовых норм и принципов защиты указанной категории населения. Отмечается необходимость использования компенсаторного подхода к обеспечению реализации прав, свобод и законных интересов уязвимых групп населения.

Ключевые слова: когнитивные функции, специальные знания, правовой статус, уязвимые группы населения, международное право, компенсаторный подход.

INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF VULNERABLE POPULATIONS

Dalgaly Tatyana Aleksandrovna

candidate of legal sciences

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: tanya.rodionova@gmail.com

Abstract: The article examines a number of international aspects related to the concept of vulnerable groups of the population. The system of international legal norms and principles of protection of the specified category of the population is analyzed. The need to use a compensatory approach to ensure the implementation of the rights, freedoms and legitimate interests of vulnerable groups of the population is noted.

Keywords: cognitive functions, special knowledge, legal status, vulnerable groups of the population, international law, compensatory approach.

Защита прав, свобод и законных интересов уязвимых групп населения является одной из самых актуальных и острых проблем как на мировом, так и на общероссийском уровне. Как справедливо отмечает Президент РФ Владимир Путин, «отношение к людям с ограничениями по здоровью - показатель зрелости общества и государства, критерий «человечности» социальной политики, устройства всех сфер жизни» [5].

Однако, следует отметить, что понятие «инвалидность» отнюдь не исчерпывает все аспекты и характеристики уязвимых групп населения, которые включают в себя и женщин, и детей, и нетрудоспособных родителей и т.д. Именно поэтому систематизация международно-правовых норм в области обеспечения правовой защиты уязвимых групп населения является не только показателем уровня и эффективности защиты, но и необходимым ориентиром для всех государств и их контролирующих органов.

В исторической ретроспективе защита уязвимых групп населения осуществляется отдельно по группам в рамках международного права в области прав человека. Систему норм международного права универсального характера составляют Устав Организации Объединенных Наций [6], Всеобщая декларация прав человека [2] и Международные пакты о правах человека [4]. При этом одной из особенностей начального этапа зарождения международно-правовой защиты уязвимых групп населения является их различная степень защиты в зависимости от группы.

Следующим основным этапом является 1981 год, когда он был объявлен международным годом инвалидов, что в итоге привело к созданию Всемирной программы действий в отношении инвалидов [1] и определило вектор развития международно-правовой защиты уязвимых групп населения. Так, например, стали все активнее организовываться различного рода конференции, симпозиумы, научные исследования; определяются основные принципы и стандартные правила в отношении обеспечения равных прав инвалидов. Впервые на законодательном уровне были четко разделены понятия «дефекты», «нетрудоспособность», «инвалидность» [1].

Далее, мировое сообщество признает эволюцию понятия «инвалидность», развивает ее всестороннюю правовую защиту и в 2006 году принимает Конвенцию ООН о правах инвалидов [3], которая является на данный момент основополагающим международно-правовым актом в области обеспечения правовой защиты инвалидов. Вместе с тем, следует отметить, что само по себе существование указанного акта не гарантирует защиту, а только лишь определяет ее основные механизмы. Так, несмотря на принятие данной конвенции, до сих пор иногда существует практика принудительного аборта у женщин-инвалидов в установленных патологиями развития. Хотя ст. 12 и 23 Конвенции о правах инвалидов прямо закрепляет право на сексуальное и репродуктивное здоровье инвалидов и запрет на любые проявления принуждения [3].

В целом анализ международно-правовых актов показал, что нормы в области обеспечения прав, свобод и законных интересов уязвимых групп населения проработаны на достаточном уровне. Вместе с тем необходимо и в дальнейшем принимать государствам все усилия для реализации прав незащищенных, уязвимых групп населения, тем самым обеспечивая стабильное устойчивое развитие общества и государства.

Список литературы

1. Всемирная программа действий в отношении инвалидов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://un.org>

2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://un.org>
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о правах инвалидов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://un.org>
4. Международные пакты и права человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://un.org>
5. Открыть все двери // Российская газета, 2020, №274 (8328).
6. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://un.org>

УДК 343.9

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК УЯЗВИМОЙ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Далгалы Татьяна Александровна

канд. юрид. наук

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: tanya.rodionova@gmail.com

***Аннотация:** В статье рассмотрен ряд аспектов, связанных с реализацией правовой защиты несовершеннолетних как одной из уязвимых групп населения. Анализируются нормы и принципы защиты указанной категории населения в киберпространстве. Отмечается необходимость использования компенсаторного подхода к обеспечению реализации прав, свобод и законных интересов указанной категории уязвимых групп населения.*

***Ключевые слова:** киберпространство, несовершеннолетние, правовой статус, уязвимые группы населения, компенсаторный подход.*

LEGAL PROTECTION OF MINORS AS A VULNERABLE POPULATION IN CYBERSPACE

Dalgaly Tatyana Aleksandrovna

candidate of legal sciences

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: tanya.rodionova@gmail.com

***Abstract:** The article examines a number of aspects related to the implementation of legal protection of minors as one of the vulnerable groups of the population. The norms and principles of protection of the specified category of the population in cyberspace are analyzed. The need to use a compensatory approach to ensure the implementation of the rights, freedoms and legitimate interests of this category of vulnerable groups of the population is noted.*

Keywords: cyber space, minors, legal status, vulnerable groups of the population, compensatory approach.

Защита прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних как одной из уязвимой группы населения является одной из самых актуальных и острых проблем как на мировом, так и на общероссийском уровне. Особенно это актуально в настоящее время в киберпространстве. Несмотря на все усилия государств и соответствующих правоохранительных органов ежегодно растет количество киберпреступлений. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2020 год в России количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, составило 510396 преступлений, что на 73,4% выше предыдущего 2019 года [1].

При этом главной опасностью является беспрецедентный доступ несовершеннолетних к сети Интернет, социальным медиа и т.д. при отсутствии должного родительского контроля и их осведомленности о кибербезопасности. По мнению многих международных экспертов, все активнее происходит цифровизация преступлений против несовершеннолетних, в ходе которой реальная и виртуальная сферы сближаются. Прежде всего речь идет не только о хищениях, но и об онлайн сексуальной эксплуатации детей, которые не всегда достаточно полно представляют себе все риски, которые несут в себе медиа и сеть Интернет, угрожая как их физическому, так и психологическому здоровью.

Комитет Организации Объединенных Наций по правам ребенка 2 марта 2021 года опубликовал «Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой» [2]. В документе достаточно полно отражается необходимость реализации прав детей на беспрепятственный доступ к цифровой среде, в том числе «право детей на самовыражение, которое включает свободу искать, получать и распространять информацию любого рода, используя любые средства по своему выбору» (п. 58). Однако здесь настораживает пункт 78, который содержит требование обеспечить детям любые консультации по цифровым вопросам в обход согласия родителей: «поставщики профилактических или консультативных услуг для детей в цифровой среде должны быть освобождены от требования о получении ребенком согласия его родителей для доступа к таким услугам. Такие услуги должны соответствовать высоким стандартам конфиденциальности и защиты детей» [2].

Еще больше вопросов появляется к пункту 118, который открывает новые возможности для злоумышленников: «не должно устанавливаться уголовной ответственности за материалы сексуального характера, созданные самими детьми, которыми они владеют и/или которые они распространяют со своего согласия и исключительно для собственного частного пользования. Следует создать учитывающие интересы детей каналы, позволяющие им безопасно обращаться за советом и помощью в тех случаях, когда речь идет о самосоздаваемом откровенном сексуальном контенте». Здесь закономерным будет вопрос о

тех лицах, которые будут давать «советы» детям в данной области. Несомненно, указанные положения создают благоприятную почву для преступников.

Также в мае 2021 года ЮНИСЕФ (Детский фонд Организации Объединенных Наций) опубликовал отчет «Инструменты обеспечения цифрового возраста и права детей в Интернете по всему миру» [3]. Раздел 5.2 содержит информацию о порнографии, где эксперты отмечают, что любые попытки заблокировать доступ детей к порнографии в интернете могут нарушить их права человека. Кроме того, в отчете указывается, что запрос на подтверждение возраста для доступа к этому онлайн-контенту может помешать детям получить доступ к «основному половому воспитанию».

Исходя из анализа теории и практики обеспечения реализации правовой защиты несовершеннолетних как одной из уязвимых групп населения в киберпространстве, следует сделать вывод о том, что цифровой мир — это наше будущее. Однако только от нас зависит будет ли он безопасным для нас и наших детей. Недопустимо игнорировать все риски, которые несет в себе киберпространство, и более осознанно подходить к реализации механизмов правовой защиты уязвимых групп населения.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen
2. Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой. Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC/C/GC/25&Lang=en
3. Digital Age Assurance Tools and Children's Rights Online across the Globe. Режим доступа: <http://c-fam.org/wp-content/uploads/Digital-Age-Assurance-Tools-and-Childrens-Rights-Online-across-the-Globe.pdf>

УДК 341.01;343;008

COGNITIVE LAW AND COGNITIVE RIGHTS: АНАЛИЗ КОГНИТИВНОЙ МЕТОДОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Колмаков Владимир Юрьевич

канд. филос. наук, доцент

Красноярский медицинский университет им. проф.

В.Ф. Войно-Ясенецкого

г. Красноярск, Россия

email: vu-kolmakov@yandex.ru

Аннотация: В статье поднимается проблема когнитивности как в контексте когнитивной теории права, так и когнитивных аспектов правосудия и правоприменения. Рассматриваются понятийные различия в терминологии

между «*cognitive law and cognitive rights*». Отмечен когнитивный аспект в системе норм международного права.

Ключевые слова: когнитивный подход, «*cognitive law*», «*cognitive rights*», междисциплинарный подход, международное право, правосудие.

COGNITIVE LAW AND COGNITIVE RIGHTS: ANALYSIS OF COGNITIVE METHODOLOGY IN THE SYSTEM OF LEGAL SCIENCES

Kolmakov Vladimir Yuryevich

candidate of philos. phd, associate professor

V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk medical university

Krasnoyarsk, Russia

email: vu-kolmakov@yandex.ru

Abstract: *The article raises the problem of cognitiveness both in the context of the cognitive theory of law and the cognitive aspects of justice and law enforcement. The article considers the conceptual differences in terminology between «cognitive law and cognitive rights». The cognitive aspect in the system of norms of international law is noted.*

Keywords: *cognitive approach, «cognitive law», «cognitive rights», interdisciplinary approach, international law, justice.*

Можно отметить общую закономерность: проблемы когнитивного права становятся актуальными в силу того, что современная правовая, правоприменительная деятельность содержит когнитивные аспекты. И это не просто малозначимые случаи, это закономерность развития права как теории, так и практики в XXI веке. Говоря о проблеме когнитивности, можно заметить, что пока в основном поднимаются важные философские и лингвистические проблемы, но данный вопрос весьма актуален и в юридическом смысле. Это вопрос не только о когнитивных аспектах юридической деятельности, которые, по существу, есть и в любой другой сфере деятельности, но это вопрос об особенных аспектах, присущих только юридической деятельности и правосудия. И здесь нет пока единого подхода, и сама тема является также неоднозначной. Очевидно, что когнитивные проблемы были всегда важными в системе оперативно-розыскной деятельности и судебного процесса, такие проблемы были с времен царя Соломона, сегодня этот процесс, применим такой термин, когнитивизации права отчётливо заметен. На этом основании хотелось бы поставить проблему различия между *cognitive law and cognitive rights*.

Общая, но достаточно важная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что современная теория права и правоприменительная деятельность с необходимостью должна включать в своё содержание проблему когнитивности, что, по существу, означает необходимость учёта всех конкретных важных, в том числе, когнитивно-гносеологических проблем, которые выражают характер современного права. Например, очевидно, что современный юрист не может

охватить все области правового знания. Является ли это проблемой объективной ограниченности индивидуального правосознания? А, может быть, это уже показатель неполноценной профессиональной полноты знания, тем самым, это показатель когнитивной неспособности видеть и понимать реальную правовую картину современного общества.

Можно полагать, что проблема когнитивности пришла в систему юридического мышления достаточно сложным и неоднозначным путём, в основном это произошло в силу развития когнитивной психологии, которая, в свою очередь это получила из философии и логики. Когнитивная или, может быть, точнее говоря, декартовская философия впервые обратила внимание на проблему когнитивности как сущности в первую очередь сущности индивидуального порядка. Идея философии скептицизма *Cogito ergo sum*, как идея несомненного, правильного, фундаментального, исходного положения познавательной деятельности, претерпела множественные изменения, что особенно заметно в области психологии. Например, можно встретить такое выражение «мыслительная когнитивность», что, по сути дела, означает «масло масляное» или что-то подобное тому, например, экономика должна быть экономной, а гуманизм гуманистическим, тем более, правосудие должно быть правосудным.

Говоря о когнитивно-психологических аспектах юридической деятельности, можно обратить внимание на такой подход, который обозначен в статье Е.В. Скурко «Юридическое мышление в конструктах современной когнитивной психологии». Такая постановка проблемы предполагает использование уже сложившегося методологического подхода, взятого из современной психологии и применённого к проблемам юридического мышления [2].

Говоря о сложной взаимосвязи когнитивных и правовых реальностей, можно использовать такое определение: «Когнитивно-правовые отношения возникают не в форме самих прав и обязанностей, а в форме знаний о наличных правах и обязанностях (реальных или мнимых) социальных субъектов (информационная коммуникация)» [5].

Например, объектом внимания может быть англоязычная докторская диссертация на тему «Современная английская юридическая терминология: лингвистические и когнитивные аспекты», где исследуются современные юридические идиомы с точки зрения когнитивной лингвистики, в результате чего дана карта особенностей английской юридической терминологии и разработаны принципы систематизации в рамках теории концептуальных метафор. Это означает: 1) определение основных понятий, метафорически используемых в английском юридическом языке, и 2) установление основных междоменных сопоставлений и корреляций между отдельными элементами внутри конкретные домены [6].

Безусловно, важным моментом будут являться когнитивные стереотипы в правовой сфере жизнедеятельности, естественно, любая система деятельности построена на специфических стереотипах. Правосознание в таком подходе может быть рассмотрено, как система достаточно устойчивых когнитивных стереотипов, каждый из которых будет иметь свою социокультурную генетику и обусловленность [3].

В целом данная проблема когнитивности характерна для всего современного комплекса знания, при этом, в особенности, можно отметить достаточно высокую сложность проблемы когнитивной теории права и когнитивных аспектов правосудия, правоприменения, всей правовой реальности. Поэтому разработка данной проблемы требует междисциплинарного подхода и достаточно широкого понимания ментальных процессов, происходящих в современном обществе. К тому же проблема когнитивности связана с проблемой семантики права. Семантика менталитета конкретного общества включает в себя проблему того, как и каким образом и в конкретных законах и законах федерального, а также законах конституционного уровня отражаются реальные смысловые константы и правовые парадигмы. Эта тема была нами поставлена ещё до событий, связанных с «цветными революциями», и эта проблема остаётся актуальной и по настоящее время в силу того, что продолжают аналогичные социальные процессы, которые так или иначе должны получить свою адекватно-когнитивную оценку в законах, ориентированных на регуляцию социально-политических правоотношениях [1].

Особо хотелось бы отметить проблему, обозначенную в заголовке статьи, то есть, в чём различие между *Cognitive law and cognitive rights*? Особым важным аспектом здесь является формирование международного интернационального права. Понятно, что множество существующих правовых систем имеют когнитивно-ментальные различия, и эти различия часто становятся серьёзным препятствием для адекватного правового взаимопонимания. Не решив эти проблемы когнитивной корреляции, будем постоянно сталкиваться проблемами практического порядка. Если когнитивные права есть часть тех прав, которые гарантируются системой, будем условно называть, системой когнитивного права, то, с другой стороны, реально возникающие проблемы прав когнитивного характера могут оказывать влияние на формирование законов соответствующего когнитивного характера.

Сегодня, действительно, ученые рассматривают новые подходы, в этом отношении можно заметить появление интересных идей, которые могут рассматриваться как вполне рабочие и применимые как идеи методологического порядка. Например, высказывается идея о том, что будущее международного прав это когнитивное международное право. И в этом отношении должны развиваться как отрасли современного правового знания и когнитивная социология, и когнитивная прагматика, лексика.

Когнитивная правовая наука в настоящее время получает позитивные импульсы развития, появляются новые статьи, но на сегодняшний день пока нет солидных монографических исследований, очевидно, что со временем они появятся. На сегодняшний день хотелось бы отметить статью Бенедикт Пиркер и Дженнифер Смолка «Будущее международного права—Когнитивное-Международное право, Когнитивная социология и Когнитивная прагматика» (*The Future of International Law is Cognitive—International Law, Cognitive Sociology and Cognitive Pragmatics*). В этой статье высказывается идея о необходимости перехода от социологии международного права к когнитивной социологии международного права. Отмечается, что: «В качестве своего основного подхода когнитивная социология признает, что люди разделяют когнитив-

ные общности и что отдельные мыслители не обладают исключительной уникальностью» [7].

Очевидно, что такой когнитивный аспект в системе норм международного права, действительно, имеет важную практическую составляющую, так например, наряду с традиционными категориями населения, давно пользующихся особым вниманием со стороны международного сообщества, например, несовершеннолетние [4], существует много вопросов относительно урегулирования правового статуса таких лиц, как престарелые или же морские пленники формирование международных норм о правовом регулировании положения которых сегодня особенно актуальна.

Итак, процессы формирования новых поколений прав дополняют общую картину развития юридической мысли, по-видимому, с учётом становления цифровой системы правовой реальности данные процессы будут приобретать дополнительные особенности. В этом отношении можно отметить, что на сегодняшний день уже сложилась социальная категория людей, которые когнитивно адекватны этой новой технологической реальности и те, кто оказался в силу различных причин не способным понять и принять эту «цифрово-технологическую» правовую реальность. Таким образом необходимо дальнейшее исследование закономерностей когнитивно-правового порядка и, возможно, проведение специальных конференций, посвященных данной проблеме.

Список литературы

1. Колмаков В.Ю. Семантика менталитета // Современная этнопсихология. Хрестоматия. Издательство: Харвест. Серия: Библиотека практической психологии. 2003.
2. Скурко, Е.В. Юридическое мышление в конструктах современной когнитивной психологии / Е.В. Скурко // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (25). С. 19-57.
3. Сплавская Н.В. Когнитивные стереотипы в правовой сфере жизнедеятельности субъекта / Н.В. Сплавская // Гуманизация образования. 2010. № 8. С. 18-31.
4. Трашкова, С.М. Международно-правовое регулирование как гарантия реализации правового статуса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в уголовном процессе / С.М. Трашкова // Казанская наука. 2015. № 5. С. 125-127.
5. [Электронный ресурс]. [https://sibruc.ru/accounting/chto-vklyuchaet-v-sebya-soderzhanie-pravootnosheniya-pravovoye-otnosheniya/#:~:text=Когнитивно-правовые%20отношения%20возникают%20не%20в,мнимых\)%20социальных%20субъектов%20\(информационная%20коммуникация\)](https://sibruc.ru/accounting/chto-vklyuchaet-v-sebya-soderzhanie-pravootnosheniya-pravovoye-otnosheniya/#:~:text=Когнитивно-правовые%20отношения%20возникают%20не%20в,мнимых)%20социальных%20субъектов%20(информационная%20коммуникация)
6. [Электронный ресурс]. <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01124133/document>
7. [Электронный ресурс]. <https://www.cambridge.org/core/journals/german-law-journal/article/future-of-international-law-is-cognitiveinternational-law-cognitive-sociology-and-cognitive-pragmatics/033700CC369F996D9760A23EB37DF18F>

Колмаков Владимир Юрьевич

канд. филос. наук, доцент

Красноярский медицинский университет им. проф.

В.Ф. Войно-Ясенецкого

г. Красноярск, Россия

email: vu-kolmakov@yandex.ru

***Аннотация:** В статье рассмотрен ряд аспектов, касающихся когнитивно-ментальных факторов, их сущностное понимание, а также проявление в сфере международного, уголовного и информационного права. При этом автор используется когнитивно-семантическая концепция права, отражающая авторское видение сущности когнитивного метода и его применения в правовой среде.*

***Ключевые слова:** когнитивная ментальность, когнитивно-семантическая концепция права, междисциплинарный подход, международное право, правосудие.*

COGNITIVE-SEMANTIC CONCEPT OF LAW

Kolmakov Vladimir Yuryevich

candidate of philos. phd, associate professor

V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk medical university

Krasnoyarsk, Russia

email: vu-kolmakov@yandex.ru

***Abstract:** The article considers a number of aspects related to cognitive-mental factors, their essential understanding, as well as their manifestation in the field of international, criminal and information law. The author uses the cognitive-semantic concept of law, reflecting the author's vision of the essence of the cognitive method and its application in the legal environment.*

***Keywords:** когнитивная ментальность, когнитивно-семантическая концепция права, междисциплинарный подход, международное право, правосудие*

Право в его реальном социально-практическом бытии, то есть в плоскости правоприменительного существования зависимо в максимальной степени от реальных когнитивно-ментальных, смысловых факторов. Когнитивный метод и когнитивная методология получили в последние годы активное развитие, как в англоязычной, так и отечественной юридической науки, в частности хотелось бы отметить работы С.М. Курбатовой [2, 3].

Надо отметить, что различные социальные общности в целом, и профессионально-юридические группы в особенности обладают дифференцированными интеллектуально-логическими характеристиками в понимании сущности

права и реальных правовых норм в отдельности. Все современные цивилизованные государства вынуждены признавать, что кроме административной составляющей сущности права и, соответственно, конкретного кодифицированного свода административного, в широком смысле этого слова, права, существует область правовых обстоятельств, которые не контролируются и, фактически, не могут контролироваться государством. Это весь большой и сложный комплекс социокультурных и индивидуальных факторов. Современное европейское государство, если рассмотреть его в аспекте некой усреднённой характерной модели, тому яркое свидетельство, культурные инновации, особенно в области гендерной культуры, меняют правовой ландшафт. Надо признать, что существуют различные социальные субъекты, различные социальные факторы, которые могут являться генераторами правовых инноваций. Действительно, современное общество как сложная система субъектов различного уровня и правовой функциональности, является источником, причиной, которая может порождать различные новые возможные правовые модели, отличающиеся от ранее известных.

Особенно активно это происходит в области информационного права, где, надо заметить, что в УК РФ 28 глава и три статьи, находящиеся в ней никак не изменились с 1996 года. Тогда как, в европейском праве за этот период времени появились сотни новых специальных объектов состава информационных правонарушений и преступлений. Замедленность принятия новых правовых норм в этом направлении позволяет безнаказанно совершать правонарушения, да и в целом, является показателем когнитивной неадекватности законодательного органа.

Креативное правотворческое государство одновременно является феноменом креативного лидерства как в положительном, так и отрицательном аспектах. И в этом отношении весьма интересно отметить такие важные аспекты инновационного правового мышления, под которым будем понимать способность опережающего правотворческого мышления, понимание реальности и способность, умение раньше других стран видеть и адекватно ставить правовую новую возможную проблему. Это, как правило, проблемы более высокого когнитивного порядка, и, таким образом, более сложные проблемы. Для примера, можно привести такой конкретный случай из личной практики, в начале двухтысячных автору пришлось читать годовой курс информационного права для магистрантов факультета автоматизации и информационных технологий, в это время доминировала концепция понимания сущности интернета как информационного пространства нового свободного независимого пространства от какого-либо конкретного государства. Казалось, такая ситуация не может измениться и многие тогда, в начале двухтысячных, считали, что возникло независимое информационное пространство. Государство в этот период времени оказалось, по существу, не готовым технически и юридически понять и что-либо существенное предпринять, была ситуация практического бездействия, правонарушителей поймать было почти невозможно. Но было понятно, контроль за этой новой сферой деятельности для государства будет обеспечен, это просто дело времени. Пусть медленно, но неуклонно, не всегда правильно, но каким-то об-

разом принимались различные законы, которые не только поставили в итоге под контроль все возможные информационные трафики, но и создали жёстко контролируемую информационную сферу. А теперь мы имеем очередные правовые проблемы в системе информационного права, которое, возможно необходимо рассматривать как проблемы цифрового права и защиты персональных цифровых данных.

Здесь можно обратить внимание на концептуально-семантическое понимание сущности информационного права, если на данном этапе рассмотрения этой проблемы, мы всё-таки принимаем. Исходя из названия 28 главы УК РФ, где ключевым термином обозначено необходимость защиты ЭВМ, то такая объектная сторона всех возможных правонарушений по своей сути является тем, что, соответственно, можно назвать, условно говоря, «эвээмным» правом. К счастью такой термин не устоялся, но, опять-таки, в этой главе ни одним словом не сказано, что информационное право как таковое в принципе существует. Итак, это вопрос семантики и правовой герменевтики. Это вопрос концептуально системного порядка, связанный с проблемой понимая объекта правовой регуляции. На уровне девяностых годов проблема технической и правовой защиты ЭВМ, может быть, была не совсем правильно рассмотрена и понята. Постановка проблемы и итог интерпретации этой проблемы оказались семантически взаимосвязанными, неправильно поставленная проблема, даже в результате очень активного осмысления, может породить неправильные терминологические семантические концепты, может породить искажения.

Обозначение объекта правовой защиты ЭВМ очень быстро к концу девяностых годов сменились тем, что получило другое название персональных компьютеров. И, если при правовой защите акцент больше обозначался как защита именно материальной стороны, то тут, нельзя сказать, что неожиданно, возникает проблема защиты персональных данных. Неопределённость термина ЭВМ даёт возможность по ст.272 УК РФ привлекать к уголовной ответственности людей, которые получили данные с простого калькулятора, так калькулятор тоже является видом электронно-вычислительного устройства. Такие абсурдные моменты, безусловно, можно каким-то образом обходить в системе судебного процесса, если есть понимание разницы «цены вопроса» и того, какой реальный ущерб был нанесён несанкционированным доступом к компьютерной информации. В целом, данную отрасль права более правильно было бы называть, соответственно, компьютерным правом. Но тут приходят интернет-технологии, и, в первую очередь, возникают проблемы защиты авторских прав, право доступа к определённым информационным ресурсам. Является ли такой аспект продолжением компьютерного права, ведь без компьютера невозможно получить доступ в интернет-пространство. Возникает проблем правомерного доступа и нарушения такого права, на этом этапе, чаще всего модемного доступа, когда интернет-трафик стоил достаточно дорого, это, опять-таки была проблема нанесения материального ущерба и, в принципе, эту правовую проблему можно было решать в системе гражданско-правового возмещения нанесённого ущерба. Но как же быть с проблемой информации как таковой? До 2008 года 128 статья ГК РФ обозначало информацию как объект правовой защиты, но с

принятием четвёртой части Гражданского кодекса, с появлением статьи 1225, в которой были обозначены права на результаты интеллектуальной деятельности и, в которую, по идеи, должна бы была переключаться информация как объект, этого почему-то не произошло.

К тому же, термин «информационное право» может трактоваться и вне компьютерных технологий, ведь сфера информации в обществе, фактически, затрагивает всю социальную сферу. Очевидно, что в принципе невозможны никакие социальные коммуникации вне обмена информацией. И, таким образом, здесь можно разделить две сферы, во-первых, это информационно-технологическое право и, во-вторых, это информационное право в широком, социокультурном аспекте. То есть, можно отдельно обозначить к тому же коммуникативное право, и это действительно важный аспект, так появляются разные мессенджеры и способы коммуникации, новые технологии коммуникаций открывают и новые виды опасностей для открытых и закрытых источников персональной информации. И с этой точки зрения все виды информации, в конечном, счёте важны в аспекте защиты персональных данных, которые в своём массиве настоящее время являются важным элементом при формировании больших баз данных, которые, в свою очередь, обладают своей ценностью, как с материальной, финансовой точки зрения, так и с точки зрения современных возможностей применения технологий искусственного интеллекта, так как такие массивы данных становятся основой для анализа и принятия стратегически важных управленческих решений. Таким образом, то, что первоначально казалось проблемой защиты дорогостоящих ЭВМ, по своей сути, оказалось в итоге проблемой нейросетей и искусственного интеллекта. Нейросети отличаются от того, с чем приходилось иметь дело ранее. Нейросеть, по существу это вид искусственного интеллекта, который может самообучаться в процессе поиска поставленной перед ним проблемы. Таким образом, здесь есть проблема нейросетевого права как вида интеллектуально-технологического права. Но рано или, наоборот, поздно говорить о проблеме права на применение искусственного интеллекта как технологии, позволяющей получать стратегические преимущества в современных финансовых, экономических и других войнах? Тот, кто первым получит глобальное доминирование в области мощного и эффективного искусственного интеллекта, будет победителем в глобальной гонке цивилизаций.

Так же, например, возьмём несколько иную область современной науки и технологии, рассмотрим в общем плане правовое инновационное мышление в системе медицинского права должно быть направлено как регулятор на новые медицинские, генетические технологии, Такое правотворческое мышление требует постоянного изменения и дополнения существующих норм в соответствии с открытиями в области биомедицинской науки.

Итак, современное правовое знание, юридическая наука в целом проявляет свои актуальные характеристики как область, по сути дела, управленческого искусства. Система социального управления при помощи конкретных узконаправленных ситуация может выстраиваться по логике того, что для каждого конкретного случая можно создать свою соответствующую правовую норму,

правовой регулятор. Многовековая и многотысячелетняя практика показывает, как можно дифференцировать наказания за убийство или воровство. Но, когда ситуация меняется быстро и возникают случаи, которые ранее не встречались, возникает проблема их когнитивно-семантической идентификации и квалификации. И, думается, что правая наука должна соответствующим образом принять этот вызов.

Нам хотелось поставить проблему в целом, обратить на неё научное внимание, так как, думается, что данная проблема является достаточно сложной и требующей более внимательного и углублённого отношения к ней. Частично в методологическом плане эта тема была отражена в монографии.

Список литературы

1. Колмаков, В.Ю. Homo semanticus – начала дифференциальной семантики человека: монография / В.Ю. Колмаков. Красноярск: тип. КрасГМУ, 2017. 192 с.

2. Курбатова, С.М. Об отражении когнитивного подхода в нормах Модельного УПК СНГ и УПК РФ: сравнительная характеристика / С.М. Курбатова // Право и государства: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 189-191.

3. Курбатова, С.М. Формирование когнитивного подхода к пониманию личности с ограниченными возможностями на международно-правовом уровне и его влияние на национальное право (на примере российского уголовно-процессуального законодательства) / С.М. Курбатова // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 8-1. С. 134-143.

УДК 343.3/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПОТЕРПЕВШИХ – ИНВАЛИДОВ

Куниц Елена Владимировна

д-р юрид. наук, профессор

Научно исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,

г. Москва, Россия

email: 73kuntc@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой охраны потерпевших - инвалидов. Право на защиту начинается у каждого человека с осознания нарушения своих прав. Конституция России гарантирует каждому гражданину право на жизнь, безопасность, поддержку. Несмотря на ежегодное снижение количества преступлений, значительное число наших граждан встречаются с посягательствами на их права. Особенно уязвимым в этой категории являются инвалиды. Восстановить свои права, погрязшие преступниками, найти путь выхода из сложившейся ситуации, помочь отправлению правосудия основная задача государственных органов. Нет ничего более ценного, чем жизнь. Она не должна измениться, если человек стал потерпевшим от преступления. Помощь потерпевшему - первоочередная

задача общества и окружающих. Сложно предотвратить преступление, предсказать его. Но эффективно помочь потерпевшему обязанность правоохранительных органов.

Ключевые слова: потерпевшие, инвалиды, уголовно-правовая охрана, преступление, наказание

CRIMINAL PROTECTION OF VICTIMS - DISABLED

Elena Kunz

doctor of law sciences, professor

**Research institute of the federal penitentiary service of Russia,
Moscow, Russia**

email: 73kuntc@mail.ru

Annotation: *This article examines the issues of criminal law protection of disabled victims. The right to defense begins for every person with the awareness of the violation of their rights. The Russian Constitution guarantees every citizen the right to life, security and support. Despite the annual decrease in the number of crimes, a significant number of our citizens are faced with infringements on their rights. People with disabilities are especially vulnerable in this category. To restore their rights, violated by the criminals, to find a way out of this situation, to help the administration of justice are the main tasks of state bodies. There is nothing more valuable than life. It should not change if a person becomes a victim of a crime. Helping the victim is the primary task of society and others. It is difficult to prevent a crime, to predict it. But it is the duty of law enforcement agencies to effectively help the victim.*

Keywords: *victims, disabled people, criminal law protection, crime, punishment*

Многообразие задач уголовного судопроизводства предопределяет и многообразие процессуальных гарантий их достижения. Процессуальные гарантии достижения задач уголовного судопроизводства, как наиболее широкое понятие, включает в себя процессуальные гарантии правосудия, а также объективной истины. Выделение такого объекта обеспечения как задачи уголовного судопроизводства ни в коей мере не означает ослабления внимания к охране прав и законных интересов личности в уголовном процессе. Гарантии в уголовном процессе по своему содержанию, структуре явление сложное, комплексное и его невозможно охватить одним термином. Нельзя разделить позицию с упрощением сущности данной процессуальной категории, что у ряда ученых-процессуалистов проявляется в недооценке гарантирующего значения уголовно-процессуальной деятельности в достижении задач уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальные гарантии достижения задач уголовного судопроизводства следует рассматривать как правовой механизм, выражающийся в совокупности предусмотренных законом средств (как нормативной основы) и определяемых на их основе способов как действий по реализации последних, в

единстве обеспечивающих реальное достижение задач уголовного судопроизводства, предупреждение возможных нарушений, а также своевременное их выявление и устранение. Поэтому говоря о уголовно-правовой охране потерпевших – инвалидов, речь должна идти о междисциплинарном изучении вопроса.

Результаты анализа обзора уголовных дел, где в качестве потерпевших выступают инвалиды, достаточно широк, это касается как в части возраста потерпевших, так и относительно объекта посягательства и специального субъекта совершения преступления.

Так, в качестве примера посягательства на жизнь 20-летнего инвалида можно привести обвинение по делу четырех подростков, обвиняемых в убийстве инвалида в г. Березовском, которое утверждено прокуратурой. Подростки из Березовского обвиняются в совершении преступления, предусмотренного п.п. «д, ж, и» ч. 2 ст. 105 УК РФ (Убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, из хулиганских побуждений, с особой жестокостью). Обвиняемые подростки ранее не были знакомы с пострадавшим 20-летним инвалидом. Школьники обратились к молодому человеку с просьбой купить сигареты, и пошли в магазин через гаражный комплекс. Здесь они, согласно ранее достигнутой договоренности, с особой жестокостью избили инвалида. Между членами компании состоялся сговор, направленный на причинение потерпевшему смерти. Уголовное дело направлено для рассмотрения в Березовский городской суд Свердловской области. Санкция указанной статьи предусматривает наказание для несовершеннолетних, с учетом требований ст. 88 УК РФ, — до 10 лет лишения свободы [3].

Относительно специального субъекта совершения преступления, можно привести пример главы поселка Белый Яр (Сургутский район) в отношении которой возбуждено уголовное дело по ч.1 293 УК РФ — «Халатность». Поводом стала ситуация с расселением дома. Он был признан непригодным для проживания в 2006 г., в настоящее время находится в еще более непригодном состоянии. К главе поселка неоднократно приходили жители дома, в том числе лица - инвалиды, которые просили их расселить. У муниципалитета в собственности там находятся две квартиры. Но никаких мер для признания дома аварийным не предпринималось до 2019 г., когда была проведена экспертиза, которая показала, что степень износа здания составляет 71%. Но и эти факты не были приняты к сведению главой поселка. Прокуратурой ХМАО подтверждено возбуждение уголовного дела и подтверждено, что оно появилось после того, как надзорное ведомство через суды и дополнительную экспертизу понудила главу поселка признать дом аварийным. В результате неправомερных действий главы муниципального образования были существенно нарушены конституционные права и законные интересы жильцов вышеуказанного дома, создана реальная угроза для их жизни и здоровья [2].

В отношении детей – инвалидов достаточно часто стали совершаться преступления сотрудниками профильных учреждений. Так, по материалам прокурорской проверки возбуждено уголовное дело по факту ненадлежащего воспитания детей-инвалидов в профильном пансионате. Уголовное дело возбуждено

по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 156 УК РФ (Ненадлежащее воспитание несовершеннолетних, соединенное с жестоким обращением). Во время выезда в пансионат были зафиксированы нарушения законодательства о несовершеннолетних. По данным депутата Госдумы Александра Хинштейна, в пансионате детей «привязывали к кроватям и одевали их в обноски». Ход и результаты расследования уголовного дела контролируются прокуратурой области [1].

В Смоленской области трое подростков несколько дней насильовали 14-летнюю школьницу-инвалида по «заказу» подруги, которая приревновала девочку к своему молодому человеку. О произошедшем стало известно лишь после того, как девочка проходила ежегодное плановое обследование у своего психолога после автомобильной аварии, в которую она попала несколько лет назад. Девочку запугали, что если об издевательствах кто-то узнает, то видео изнасилования, автором которого и стала инициатор, попадет в интернет. Прочувить 14-летнюю девушку 15-летняя ревнивица решила при помощи друзей: двоих 15-летних парней и 13-летнего подростка. Они заманили ее в квартиру во время отпуска родителей одного из парней, запирали в туалете, заставляли пить мочу, привязывали к стулу, насильовали, засовывали расческу и все, что «подходило по размеру». Все это «заказчица изнасилования» снимала на камеру.

«Никто из ребят ничего страшного в происходящем не видел. Они просто пошутили. Для них — это смешно». Расследование уголовного дела пока продолжается [4].

В заключении следует отметить, что уголовно-правовая защита прав потерпевших – инвалидов является комплексной. Необходимо учитывать возраст инвалидов, физиологические и психолого-педагогические особенности, только учет в совокупности вышеперечисленных особенностей может обеспечить эффективную защиту потерпевших – инвалидов.

Список литературы

1. В Самаре возбудили дело из-за жестокого обращения с детьми с инвалидностью в пансионате URL: https://tass.ru/proisshestviya/11305505?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 15.05.2021)
2. Мэр из ХМАО отказала инвалиду в помощи. На нее завели третье уголовное дело URL: <https://amp.ura.news/news/1052468765> (дата обращения: 18.05.2021)
3. Уголовное дело уральских подростков, которых обвиняют в жестокое убийстве инвалида, передано в суд URL: <https://m.ura.news/news/1052371373> (дата обращения: 18.05.2021)
4. Школьница «заказала» групповое изнасилование подруги-инвалида. «Для них — это смешно» <https://amp.ura.news/news/1052350360> (дата обращения: 19.05.2021)

УДК 343.1

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОКАЗАНИЯ АДВОКАТАМИ БЕСПЛАТНОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Курбатова Светлана Михайловна

канд. юрид. наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: sveta_kurbatova@mail.ru

Федорова Дарья Анатольевна

адвокат

Первая Красноярская коллегия адвокатов Красноярского края

г. Красноярск, Россия

email: feddarya80@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрен ряд аспектов, касающихся оказания бесплатной юридической помощи в контексте уголовно-процессуального законодательства, применительно к обеспечению права социально-уязвимым лицам на получение бесплатной юридической помощи

Ключевые слова: адвокат, бесплатная юридическая помощь, социально-уязвимые лица, уголовное судопроизводство

SOME ASPECTS OF PROVIDING LAWYERS WITH FREE LEGAL ASSISTANCE IN THE FIELD OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Kurbatova Svetlana Mikhailovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: sveta_kurbatova@mail.ru

Fedorova Darya Anatolyevna

lawyer

the first Krasnoyarsk bar association of the Krasnoyarsk territory

Krasnoyarsk, Russia

email: feddarya80@mail.ru

Abstract: The article considers a number of aspects related to the provision of free legal aid in the context of criminal procedure legislation, in relation to ensuring the right of socially vulnerable persons to receive free legal aid

Keywords: lawyer, free legal aid, socially vulnerable persons, criminal proceedings

Жертвами преступлений, согласно официальной статистике, ежегодно становятся более полутора миллионов человек, хотя фактически, с учетом высокой латентности преступности, эта цифра намного выше. При этом даже в случае обращения в государственные органы далеко не всегда жертве преступления удастся получить доступ к правосудию и добиться восстановления социальной справедливости. Одной из проблем, связанных с этим, является правовая неурегулированность вопросов, касающихся возможности защиты ими своих интересов в уголовном судопроизводстве посредством получения квалифицированной юридической помощи, право на которую закрепляет статья 48 Конституции РФ, обуславливая тем самым «обязанность государства (позитивное обязательство) создать полноценный механизм реализации права на судебную защиту, предоставить достаточные гарантии ее оказания, ... включая финансирование деятельности адвокатов и иных представителей» [5].

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ [1] содержит положения, согласно которым:

- подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя (ч. 1 ст. 16 УПК РФ);

- данное право, в соответствии п. 3 ч. 3 ст. 46 УПК РФ, предоставляется подозреваемому с момента, предусмотренного п.п. 2 - 3.1 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, а именно: с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица; с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях, предусмотренных статьями 91 и 92 УПК РФ и при применении к нему в соответствии со ст. 100 УПК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу; с момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ;

- в случаях, предусмотренных УПК РФ и иными федеральными законами, подозреваемый и обвиняемый могут пользоваться помощью защитника бесплатно (ч. 4 ст. 16, п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Что касается потерпевшего, то, к сожалению, процессуальные нормы аналогичного характера в Уголовно-процессуальном кодексе РФ отсутствуют. Потерпевший имеет право пользоваться услугами адвоката как своего представителя (п. 8 ч. 2 ст. 42, ст. 45 УПК РФ).

Тем самым нарушается принцип равноправия сторон в уголовном судопроизводстве, так как:

- во-первых, у подозреваемого (обвиняемого) имеется право воспользоваться услугами адвоката-защитника на более ранних процессуальных этапах производства по уголовному делу, чем у потерпевшего, который как участник уголовного судопроизводства появляется после принятия решения следователем, дознавателем (в некоторых случаях – судом) о признании его таковым посредством вынесения соответствующего постановления, чему должен предшествовать факт возбуждения данного уголовного дела (аналогично можно говорить про свидетеля, гражданского истца и ответчика);

- во-вторых, у подозреваемого, обвиняемого есть право воспользоваться услугами адвоката-защитника по назначению и пользоваться тем самым помо-

шью защитника бесплатно (ст.ст. 16, 46 и др. УПК РФ). У потерпевшего (свидетеля, гражданского истца и ответчика) такого права нет. Действующей в настоящее время нормы ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ о том, что «По ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета» недостаточно для выравнивания возможностей потерпевшего на реализацию своего конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи по отношению к такому противоположному для него участнику, как подозреваемый, обвиняемый.

- в-третьих, ч. 3 ст. 42 гласит, что: «Потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям статьи 131 настоящего Кодекса». Таким образом, оплата юридических услуг потерпевшим своему представителю-адвокату относится к категории «процессуальные издержки», порядок и размеры возмещения которых регулируются Положением «О возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований конституционного суда Российской Федерации», утвержденным Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240.

Однако, как справедливо обращает внимание Конституционный Суд РФ в своем постановлении № 18-П «По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 131 и ст. 132 УПК РФ, а также п. 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований КС РФ, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240» [4]:

* Положение до сих пор не определяет порядок и размеры возмещения потерпевшему расходов на выплату вознаграждения представителю. При этом нормы Положения не могут применяться к оплате услуг представителя потерпевшего по аналогии, так как услуги адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению, нельзя признать аналогичными услугам, оказываемым потерпевшему его представителем по соглашению.

* разъяснения Верховного Суда в Постановлении от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» не обеспечивают реализацию права потерпевшего на возмещение процессуальных издержек в ситуации, когда вопрос о возмещении процессуальных издержек потерпевшего разрешается следователем в связи с прекращением уголовного дела.

* расходы, связанные с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего (п. 11 ч. 2 ст. 131 УПК РФ), возмещаются как вынужденно понесенные убытки согласно п. 1 ст. 15 ГК РФ. При этом размер таких расходов фактически зависит от должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры или суда, осуществляющих процессуальные действия и принимавших процессуальные решения, признанные впоследствии неправомерными. Объем, интенсивность, сложность, продолжительность юридической помощи, а потому и размер выплат за ее оказание в немалой степени зависят от действий (бездействия) и решений вышеуказанных должностных лиц.

Тем самым, заключил Суд, потерпевший несет вынужденные расходы, связанные не только с участием в следственных действиях, но и с обжалованием действий (бездействия) и решений следствия [6].

В связи с этим хотелось бы обратить внимание и на то, что факт возмещения процессуальных издержек зачастую имеет достаточно длительную временную протяженность с момента начала процессуальных затрат, которые несет потерпевший на оплату услуг представителя-адвоката, до их окончания и получения их возмещения. Иногда проходят годы, в течение которых потерпевший несет данное финансовое бремя, тогда как подозреваемый (обвиняемый) все это время пользуется своим правом иметь защитника по назначению. Например, Решением Верховного Суда РФ от 23 сентября 2010 г. по делу № ГКПИ10-862 было признано нарушающим принцип разумного срока производство по уголовному делу, общая продолжительность которого составила более 11 лет и 5 месяцев [7].

Данная ситуация особенно неоднозначна, когда в качестве потерпевших выступают социально-незащищенные лица. Ведь именно исходя из понимания особенностей таких категорий граждан по их материальным, когнитивным и прочим характеристикам, Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 26.07.2019 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [2] в статье 20 закрепляет категории граждан, имеющих право на ее получение в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, а также случаи оказания такой помощи. Основная идея данной статьи – защитить лиц, которые в силу возраста, состояния здоровья, материального и социального положения, а также иных случаев зачастую не имеют возможности для получения юридических услуг на платной основе. К ним отнесены, например:

- граждане, среднедушевой доход семей которых ниже величины прожиточного минимума либо одиноко проживающие граждане, доходы которых ниже величины прожиточного минимума;

- инвалиды I и II группы;

- ветераны Великой Отечественной войны, Герои Российской Федерации, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, Герои Труда Российской Федерации;

- дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также их законные представители и представители, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких детей

- граждане пожилого возраста и инвалиды, проживающие в организациях социального обслуживания, предоставляющих социальные услуги в стационарной форме;

- несовершеннолетние, содержащиеся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, и несовершеннолетние, отбывающие наказание в местах лишения свободы, а также их законные представители и представители, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких несовершеннолетних (за исключением вопросов, связанных с оказанием юридической помощи в уголовном судопроизводстве); и др.

При этом предусмотрено, что законодательством на уровне субъектов Российской Федерации данный перечень может быть дополнен. Так, в Красноярском крае действует Закон «О бесплатной юридической помощи в Красноярском крае» от 19 декабря 2013 г. № 5-1990 [3], который предусматривает дополнительные по отношению к аналогичному федеральному закону категории лиц, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи; например, это:

- лица, относящиеся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, проживающие в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Красноярского края, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы;

- женщины, воспитывающие (воспитавшие) семь и более детей и награжденные Почетным или нагрудным знаком Красноярского края «Материнская слава» и др.

Статья 18 данного Закона предусматривает, что адвокаты участвуют в функционировании государственной системы бесплатной юридической помощи, оказывая гражданам бесплатную юридическую помощь в случаях, предусмотренных законодательно, руководствуясь при этом наряду с вышеуказанным Федеральным законом также и Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Организация участия адвокатов в деятельности государственной системы бесплатной юридической помощи в субъекте Российской Федерации осуществляется адвокатской палатой субъекта Российской Федерации. Например, Адвокатская палата Красноярского края имеет на своем сайте раздел «Бесплатная юридическая помощь», где размещена основная информация, в удобной для обращающихся к ней граждан форме, содержит, в том числе сведения об адвокатах, оказывающих данную помощь в рамках государственной системы оказания бесплатной юридической помощи, категории граждан, имеющих право на нее, случаи оказания бесплатной юридической помощи (категории дел) нормативную правовую базу по данному направлению деятельности и др. [8]

Согласно статьи 6 Федерального «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» «бесплатная юридическая помощь оказывается в виде:

1) правового консультирования в устной и письменной форме;

2) составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера;

3) представления интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации» а также «в иных не запрещенных законодательством Российской Федерации видах».

Однако ситуация, складывающаяся в результате ненадлежащего урегулирования вопросов, касающихся права на доступ к квалифицированной юридической помощи в сфере уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что содержание действующего российского уголовно-процессуального законодательства практически не отражает обязанности Российской Федерации обеспечивать на своей территории реализацию таких общеправовых принципов, как: равенство всех перед законом, равноправие, социальная справедливость, запрет дискриминации и др., а также задачи России как социального государства проявлять внимание и заботу о социально-уязвимых категориях населения во всех сферах правового регулирования, не ограничиваясь областями «узкой» социальной направленности, как, например, медицина или социальное обеспечение.

В связи с этим, считаем, что вопрос, касающийся возможности реализации права граждан на бесплатную юридическую помощь, должен быть урегулирован в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ. Необходимо распространить право пользоваться услугами адвокатов-представителей по назначению для участников уголовного судопроизводства, которые относятся к категориям лиц, имеющим право на нее.

Отсутствие соответствующих правовых норм в Уголовно-процессуальном кодексе РФ в настоящее время, с одной стороны, затрудняет возможность адвокатами исполнять те обязанности, которые возлагаются на них федеральным законодательством по осуществлению юридической помощи социально-незащищенным категориям лиц, с другой стороны, ограничивает и самим таким лицам возможности по реализации и защите своих прав, если они участвуют в производстве по уголовному делу, а у них нет финансовой возможности самостоятельно для себя решить этот вопрос.

Необходимо законодательное закрепление тех взаимосвязей, которые несут в себе задачи социального государства как одного из объединяющих разные отрасли права звена. Стремление к выравниванию процессуальных возможностей участников уголовного судопроизводства из числа разных категорий лиц, в том числе и социально-уязвимых, является одним из ожидаемых результатов по реализации этих задач. И к этому нужно стремиться.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021) // СПС Консультант Плюс.

2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 26.07.2019 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

3. Закон Красноярского края «О бесплатной юридической помощи в Красноярском крае» от 19 декабря 2013 г. № 5-1990 // СПС Консультант Плюс.

4. Постановление Конституционного Суда РФ № 18-П «По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 131 и ст. 132 УПК РФ, а также п. 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований КС РФ, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240» // СПС Консультант Плюс.

5. Арутюнян, О. КС о праве потерпевших на возмещение расходов на представителя / О. Арутюнян [Электронный ресурс] https://zakon.ru/blog/2021/05/25/ks_o_prave_poterpевshih_na_vozmeschenie_rashodov_na_predstavatelya

6. КС защитил право потерпевших на возмещение расходов на адвокатов [Электронный ресурс] <https://www.krasadvpalata.ru/novosti/1066.html>

7. Решение Верховного Суда РФ от 23 сентября 2010 г. по делу № ГКПИ10-862 // СПС Гарант.

8. https://www.krasadvpalata.ru/besplatnaya_uridicheskaya_pomosh221/be-splatnaya_uridicheskaya_pomosh/

УДК 343.1

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Луценко Павел Александрович

кандидат юридических наук, доцент

Комина Мария Алексеевна

Воронежский государственный аграрный университет

имени императора Петра I

г. Воронеж, Россия

email: lawyer.vrn@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается то, как осуществляется контроль за соблюдением прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями, на равных условиях или же иначе.

Ключевые слова: Участники уголовного судопроизводства, уголовное право, суд, ограниченные возможности, судебный контроль, правосудие.

JUDICIAL REVIEW OF COMPLIANCE WITH THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS WITH DISABILITIES

Lutsenko Pavel Aleksandrovich

candidate of legal sciences, associate professor

Komina Maria Alekseevna

Voronezh state agrarian university named after Emperor Peter the Great
Voronezh, Russia
email: lawyer.vrn@mail.ru

Abstract: *The article considers how the rights of participants in criminal proceedings with disabilities are monitored, on equal terms or otherwise.*

Keywords: *Participants in criminal proceedings, criminal law, court, limited possibilities, judicial control, justice.*

Современное внутреннее законодательство гарантирует каждому гражданину защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). Это право вытекает из конституционной концептуальной идеи, согласно которой защита прав и свобод человека и гражданина является высшей ценностью, и из принципа защиты достоинства личности. В связи с этим государство должно предоставить каждому возможность отстаивать свои права в споре с любым уполномоченным должностным лицом и компетентным органом, в том числе с теми, кто ведет предварительное расследование уголовных дел.

Равенство перед законом — это справедливое применение положений, закрепленных в законодательстве, включая уголовное судопроизводство, ко всем государственным и негосударственным организациям, должностным лицам, гражданам и другим лицам, которые в том или ином качестве участвуют в уголовном процессе. Это означает не только присвоение прав, их исполнение, но также наделение функций, возможность применения и эффективное применение обязанностей в соответствии с положениями законодательных актов, регулирующих уголовное судопроизводство.

Каждый из участников уголовного процесса имеет равные возможности для представления доказательств и участия в собственном исследовании, из которого можно сделать вывод, что участники уголовного процесса с ограниченными возможностями имеют те же права, что и лица без каких-либо ограничений, и, следовательно, судебный контроль над их соблюдением осуществляется в общем порядке.

Число людей с ограниченными возможностями в нашей стране в 2020 году достигло 11 875 496 человек, что составляет 8,1% от общей численности населения. В целом, следует отметить, что наше государство уделяет этим людям внимание. В том числе и в сфере судебной системе. Например, Судебный департамент Верховного суда РФ издал постановление, устанавливающее условия для доступа лиц с ограниченными возможностями к судебной системе.

Это положение дает возможность людям с ограниченными возможностями получить доступ к различным судам. Это достигается за счет:

- беспрепятственный доступ на объекты в соответствии с системой контроля доступа;
- самостоятельно или с помощью сопровождающих лиц перемещаться по территории, на которой расположен объект, входить и покидать объект;

- соответствующее расположение оборудования и средств для отображения информации, необходимой инвалидам для получения требуемой информации или для достижения пункта назначения с учетом инвалидности;
- дублирование аудио- и визуальной информации, необходимой для людей с ограниченными возможностями, а также надписей, символов и другой текстовой и графической информации с символами, написанными пунктирным шрифтом Брайля, разрешение переводчика языка жестов и типографского переводчика языка жестов;
- допуск к помещению собаки-поводыря при наличии документа, подтверждающего ее специальную подготовку;
- объяснения в доступной для людей с ограниченными возможностями форме процедуры посещения (исследования, использования) и выполнения других необходимых действий в соответствии с целями посещения объекта;
- давать указания ответственным лицам по вопросам, связанным с обеспечением доступности помещений для людей с ограниченными возможностями, с учетом их стойких нарушений функций организма и инвалидности;
- внедрение на электронных средствах (информационном киоске) для отображения информации в режиме для слабовидящих пользователей.

Таким образом, данный приказ судебного ведомства уравнивает возможности граждан с ограниченными возможностями с остальными, что позволяет в равной степени уважать права участников уголовного процесса и многое другое.

Но, несмотря на это, сам уголовно-процессуальный закон не предусматривает исключений для людей с ограниченными возможностями, единственное, что закон может предложить в отношении участников уголовного процесса в отношении инвалидов, — это обязательное участие защитника, если подозреваемый, обвиняемый в связи с физическим или психическим недугом не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту.

Кроме того, ознакомившись с решением Президиума Верховного суда Удмуртской Республики, мы видим, что различные физические ограничения участника процесса не являются проблемой для следователя, прокурора или суда. Эту проблему может решить только сторона защиты, она только поможет вам реализовать свои права в полной мере.

В этой ситуации решение будет продолжаться обычным образом, при этом защита будет отвечать за устранение трудностей, связанных с любыми ограничениями клиента.

Проблема судебного контроля за соблюдением прав участников уголовного судопроизводства с инвалидностью является дискуссионной. Это связано с тем, что все участники уголовного процесса равны в своих правах, но, с другой стороны, государство поддерживает граждан с ограниченными возможностями, чтобы уравнивать их в способах реализации своих прав с другими участниками процесса. Однако существует и судебная практика, которая показывает нам, что не все суды могут создать условия для уравнивания участников судебного разбирательства с разного рода особенностями с другими участниками, чтобы в полной мере реализовать свои права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс.
3. Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: Приказ Судебного департамента при Верховном суде РФ от 31.12.2015 № 406 (с изм.) // СПС КонсультантПлюс.
4. Галиуллин, Ш.Р. Судебный контроль за законностью и обоснованностью уголовного преследования, реализуемого в отношении специальных субъектов уголовного судопроизводства России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ш.Р. Галиуллин. Москва, 2008. 30 с.
5. Демидов, И.Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса / И.Ф. Демидов // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы: материалы конф. М.: Тюмень, 1995. С. 24-25.
6. Свиридов, М.К. Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск: Томс. гос. ун-т. 2001. Вып. 7. С. 3-6.

УДК 341;343

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С НАРУШЕНИЯМИ ФУНКЦИИ СЛУХА ИЛИ РЕЧИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ И ФРГ

Плошкина Яна Михайловна

канд. юрид. наук, доцент

Сибирский федеральный университет,

г. Красноярск, Россия

email: ploshkina_yana@mail.ru

Назаров Александр Дмитриевич

докт. юрид. наук, профессор

Сибирский федеральный университет,

г. Красноярск, Россия

email: ploshkina_yana@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена правовая регламентация участников уголовного судопроизводства с нарушениями функции слуха, речи по законодательству РФ и ФРГ. Отмечается недостаточная правовая регламента-

ция в УПК РФ специфики данных участников процесса. С учетом опыта ФРГ сформулированы предложения в части эффективного доступа к правосудию лиц с нарушениями функций слуха и речи.

Ключевые слова: лица с нарушениями функции слуха и речи, лицо, с навыками сурдоперевода, уголовное судопроизводство.

LEGAL REGULATION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS WITH HEARING OR SPEECH IMPAIRMENTS UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND GERMANY

Ploshkina Yana Mikhailovna

candidate of legal sciences, associate professor

Siberian federal university,

Krasnoyarsk, Russia

email: ploshkina_yana@mail.ru

Nazarov Alexander Dmitrievich

doctor of law, professor

Siberian federal university,

Krasnoyarsk, Russia

email: ploshkina_yana@mail.ru

Abstract: *The article considers the legal regulation of participants in criminal proceedings with hearing and speech impairments under the legislation of the Russian Federation and Germany. There is insufficient legal regulation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of the specifics of these participants in the process. Taking into account the experience of the Federal Republic of Germany, proposals are formulated in terms of effective access to justice for persons with hearing and speech impairments.*

Keywords: *persons with hearing and speech impairments, persons with sign language translation skills, criminal proceedings.*

В современном мире многие государства проводят политику, направленную на защиту и обеспечение полного и равного осуществления инвалидами всех прав человека и основных свобод. Для осуществления данной цели 13 декабря 2006 года была заключена Конвенция ООН о правах инвалидов (далее – Конвенция), которую ратифицировали многие государства в мире, в том числе Германия, а также Россия.

Согласно ст. 1 данной Конвенции к инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими. Схожим образом трактуется понятие «инвалид» и в ст. 1 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ». Таким образом, лица, страдающие различными функциональными нарушениями органов

слуха и речи, - глухонемые, глухие, слабослышащие люди являются инвалидами.

В силу п. 1 ст. 5, п. 1 ст. 12 и ст. 13 Конвенции государства-участники гарантируют равенство всех перед законом, в том числе каждому инвалиду право на равную правовую защиту, а также обеспечивают инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы, облегчающие выполнение теми своей эффективной роли прямых и косвенных участников, в том числе свидетелей, во всех стадиях юридического процесса, включая стадию расследования и другие стадии предварительного производства.

Исходя из закрепленного в ст. 7 Конституции РФ принципа социального государства, следует, что при организации предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам с участием лиц с нарушениями функций слуха, речи должны быть учтены основополагающие принципы уголовного судопроизводства – принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ) и принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ). В связи с этим предлагаем выяснить, насколько данные принципы реализованы в действующем российском уголовном судопроизводстве применительно к лицам с нарушением функций слуха и речи, и что можно предложить в части совершенствования с учетом зарубежного опыта, в частности ФРГ.

На наш взгляд, в настоящее время российский уголовный процесс находится только на пути предоставления инвалидам эффективного доступа к правосудию. Прежде всего, следует обратить на правовую регламентацию данных участников уголовного судопроизводства. К сожалению, в УПК РФ лишь косвенным образом и недостаточно отражена специфика подобных участников. Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника обязательно, если подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту. Однако только в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» дано разъяснение, кого следует отнести к данной категории лиц: «тех, у кого имеется психическое расстройство, не исключающее вменяемости, а также лиц, страдающих существенным дефектом речи, слуха, зрения или другим недугом, ограничивающим их способность пользоваться процессуальными правами. В целях создания необходимых условий для реализации такими лицами процессуальных прав и при наличии оснований суду следует обсуждать вопрос о необходимости привлечения к участию в деле соответствующих специалистов (владеющих навыками сурдоперевода, применения системы Брайля и т.д.)». Следующее упоминание – ч. 6 ст. 59 УПК РФ, которая гласит, что правила данной статьи о переводчике распространяются на лицо, владеющее навыками сурдоперевода и приглашенное для участия в производстве по уголовному делу. В отличие от требования свободного владения языком для переводчика, в отношении лиц, понимающих жесты глухих и (или) немых,

данная норма предусматривает лишь владение навыками сурдоперевода [5; с. 150].

В отличие от УПК РФ в германских основных законах, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность, предусмотрены специальные нормы, посвященные участникам уголовного судопроизводства с нарушениями функции слуха или речи, что свидетельствует о признании германским законодателем специфики правового статуса подобных участников правоотношений, а кроме того, облегчает данным участникам возможность ознакомления со своими правами с учетом их специфики. Так, § 66 УПК ФРГ содержит особенности принесения присяги лицом с нарушением функции слуха или речи. В соответствии с данной нормой УПК ФРГ лицо с нарушениями функции слуха или речи приносит присягу по своему выбору либо посредством повторения формулы присяги, либо в письменной форме и, подписывая ее текст, либо с помощью привлеченного судом сурдопереводчика путем жестов. При этом суд обязан предоставить необходимые технические средства, а лицо с нарушениями функции слуха или речи должно указать на свой выбор принесения присяги. В случае, когда данное лицо не воспользовалось своим правом выбора принесения присяги, или не может принести ее посредством указанных в законе форм, или принесение присяги связано с непропорциональными усилиями с его стороны, то суд может потребовать ее принесения в письменной форме или назначить привлеченного им сурдопереводчика для принесения присяги посредством жестов.

Особая норма, посвященная рассматриваемой категории лиц, содержится § 114b УПК ФРГ, регламентирующим разъяснение прав задержанного обвиняемого. В частности, согласно п. 2 § 114b УПК ФРГ обвиняемому, недостаточно владеющему немецким языком или имеющему нарушения функции слуха или речи, необходимо на понятном ему языке разъяснить его право на бесплатное привлечение переводчика на протяжении всего процесса в соответствии с абз. 1-3 § 187 Закона о судеустройстве [2, 3; S. 1305]. Согласно абз. 1 § 187 Закона о судеустройстве суд привлекает для обвиняемого или осужденного, не владеющего немецким языком, переводчика в той мере, в какой это необходимо для осуществления его уголовно-процессуальных прав. При этом суд на понятном для обвиняемого или осужденного языке разъясняет его право на безвозмездное привлечение переводчика в течение всего уголовного процесса. В силу абз. 2 § 187 Закона о судеустройстве для успешного осуществления уголовно-процессуальных прав обвиняемого, не владеющего немецким языком, как правило, требуется письменный перевод постановления об избрании меры, связанной с лишением свободы, обвинительного акта, уголовного приказа, не вступивших силу решений суда (приговора). Допустим и частичный письменный перевод в случае, если он обеспечивает уголовно-процессуальные права обвиняемого. Письменный перевод должен быть незамедлительно предоставлен обвиняемому. Вместо письменного перевода данная норма § 187 Закона о судеустройстве допускает и устный перевод документов или устное резюме содержания документов в случае, если это позволяет обеспечить уголовно-процессуальные права обвиняемого. Это как правило, возможно, когда у обви-

няемого имеется защитник. Согласно абз. 3 § 187 Закона о судоустройстве обвиняемый может отказаться от письменного перевода только в том случае, если он ранее был проинформирован о своем праве на письменный перевод документов в соответствии с абз. 1 и 2 рассматриваемой нормы и о последствиях данного отказа. При этом разъяснение об этом и отказ обвиняемого необходимо задокументировать [1]. Следующее упоминание лиц с нарушением функции слуха, речи или зрения - § 140 УПК ФРГ «Обязательное участие защитника». Согласно № 11 п. 1 § 140 УПК ФРГ участие защитника обязательно, если лицо с нарушением функции слуха, зрения или речи заявляет ходатайство об этом. Согласно п. 1 § 259 УПК ФРГ («Переводчик») подсудимому, не владеющему языком, на котором ведется судопроизводство, при помощи переводчика должны быть известны из прений сторон, по крайней мере, речи государственного обвинителя и защитника. Пункт 2 § 259 УПК ФРГ предусматривает аналогичное требование к подсудимому с нарушением функции слуха или речи в соответствии с § 186 Закона о судоустройстве. Согласно п. 1 § 186 Закона о судоустройстве общение с лицом с нарушением функции слуха или речи осуществляется по его выбору устно, письменно или при помощи привлеченного судом сурдопереводчика. Для устного или письменного общения суд обязан предоставить подходящие технические средства. Лицу с нарушением слуха или речи должно быть указано на его право выбора [2, 3; S. 1607]. На основании п. 2 § 186 Закона о судоустройстве суд вправе потребовать письменного общения или назначить переводчика в случае, когда лицо с нарушением функции слуха или речи не воспользовалось своим правом выбора в соответствии с п. 1 данного параграфа, или удовлетворительное общение в предусмотренных в п. 1 данной нормы формах невозможно или связано с непропорциональными усилиями с его стороны [1].

Кроме того, рассматриваемую категорию лиц германский законодатель упоминает в § 464с УПК ФРГ, регулируя возмещение издержек переводчику. В случае привлечения переводчика или сурдопереводчика для подсудимого, не владеющего немецким языком, или имеющего нарушения функции слуха или речи, вызванные этим расходы должны быть возмещены подсудимому за исключением умышленного уклонения подсудимым от его услуг. Это требуется непосредственно указать в решении суда кроме случаев, предусмотренных в § 467 абз 2 УПК ФРГ. Абз. 2 § 467 УПК ФРГ предусматривает, что возмещение издержек производства, возникших из-за виновного поведения подсудимого, осуществляется подсудимым, и государственная казна такие расходы не возмещает [2, 3; S. 1876].

Таким образом, с целью эффективного доступа к правосудию лиц с нарушением функции слуха или речи и с учетом опыта германского законодателя полагаем возможным предусмотреть в УПК РФ нормы, непосредственно адресованные к инвалидам, чтобы они с учетом своих особенностей знали и понимали возможности реализации своих процессуальных прав. Прежде всего, следует учитывать специфику коммуникации между людьми с нарушениями функций речи, слуха, воспринимающими мир по-разному, в отличие от функционально полноценных людей, хотя и говорящих на разных языках. Так, среди

лиц с нарушениями функции слуха используется комбинация двух систем общения: жестомимическая речь, когда каждый жест рук и лица говорящего представляет собой образ-символ, олицетворяющий какой-либо предмет, явление или процесс, а также дактильная речь, когда каждый жест руки человека обозначает соответствующую букву русского алфавита. При этом глухие и глухонемые для обозначения людей используют в своей среде жесты-образы, а не имена и фамилии [4; с. 85, 90]. В связи с этим осуществление сурдоперевода в уголовном судопроизводстве требует от лица, его осуществляющего, особых эмоциональных, интеллектуальных и физических усилий, что приводит к сильнейшему переутомлению, соответственно, к возможности искажения передаваемой или получаемой информации. Неслучайно синхронные переводчики через каждые два часа меняются. Поэтому предлагаем в ст. 187 УПК РФ предусмотреть, что допрос с участием лица, владеющего навыками сурдоперевода, не может длиться более двух часов непрерывно.

Кроме того, указанная специфика общения влечет за собой вопрос об аутентичности и уровне сурдоперевода, существенный для процесса доказывания в рамках разбирательства по уголовному делу. Учитывая также нехватку лиц, владеющих на надлежащем уровне навыками сурдоперевода, для обеспечения аутентичности и надлежащего уровня сурдоперевода предлагаем ввести, например, при судебном департаменте, единый реестр лиц, обладающих навыками сурдоперевода, из которого привлекать лиц к осуществлению данной деятельности на основании обширнейшего опыта и наработок Всероссийского общества глухих.

Список литературы

1. Gerichtsverfassungsgesetz vom 9.05.1975 (zuletzt geändert durch Gesetz vom 9.03.2021 [Электронный ресурс]. <https://dejure.org/gesetze/GVG>. Дата обращения 3.06.2021.
2. Strafprozessordnung vom 1.02.1877 in der Fassung der Bekanntmachung vom 7-04-1987 (zuletzt geändert durch Gesetz vom 30.03.2021 [Электронный ресурс]. <https://dejure.org/gesetze/StPO>. Дата обращения 3.06.2021.
3. Meyer-Gossner, K. Schmitt, B. Strafprozessordnung: StPO. 62. Auflage. 2019. S. 2003.
4. Кузнецов, О.Ю. Сурдопереводчик в системе российского процессуального права: особенности судопроизводства по делам с участием лиц с нарушением функции слуха / О.Ю. Кузнецов // Вестник Международного юридического института. 2009. № 3. С. 81-108.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Главы 1 - 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Е.К. Антонович, Е.А. Артамонова, Д.П. Великий и др.; отв. ред. Л.А. Воскобитова. М., 2015. Вып. III - IV. 912 с.

УДК 343.85

**ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ
И ОСУЖДЕННЫХ, СТРАДАЮЩИХ АЛКОГОЛИЗМОМ
И НАРКОМАНИЕЙ**

Рахматулин Закир Равильевич

канд. юрид. наук

Ачинский филиал

Красноярского государственного аграрного университета

г. Ачинск, Россия

Сибирский юридический институт МВД России

г. Красноярск, Россия

email: zakir101@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются вопросы правового регулирования наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении инвалидов и лиц, страдающих от алкогольной и наркотической зависимости. Посредством анализа зарубежного законодательства, в работе предложены новеллы законодательного характера, позволяющие оптимизировать применение штрафа, ограничения свободы, обязательных и исправительных работ к данным категориям осужденных.

Ключевые слова: осужденный, зависимость, лечение, инвалид, правоприменитель, судья.

**ISSUES RELATING TO THE EXECUTION OF NON-CUSTODIAL
SENTENCES FOR PERSONS WITH DISABILITIES AND CONVICTED
PERSONS SUFFERING FROM ALCOHOLISM OR DRUG ADDICTION**

Rakhmatulin R. Zakir

candidate of legal sciences

Achinsky branch

Krasnoyarsk state agrarian university

Achinsk, Russia

Siberian law institute of the MIA of Russia

Krasnoyarsk, Russia

email: zakir101@mail.ru

Abstract: The article examines issues of legal regulation of non-custodial penalties for persons with disabilities and persons suffering from alcohol and drug addiction. Through the analysis of foreign legislation in terms of these aspects, the work proposes short stories of a legislative nature that allow optimizing the application of fines, restrictions on freedom, compulsory and correctional labor.

Keywords: convict, addiction, treatment, disabled person, law enforcement officer, judge.

В соответствии с Конвенцией о правах инвалидов [1] государства-участники обязуются обеспечивать и поощрять полную реализацию всех прав человека и основных свобод всеми инвалидами без какой бы то ни было дискриминации по признаку инвалидности. Кроме того, они обязаны принимать все надлежащие меры для изменения или отмены существующих законов, постановлений, обычаев и устоев, которые являются по отношению к инвалидам дискриминационными.

Исходя из этого, в Российской Федерации должен перманентно осуществляться мониторинг реализации норм действующего законодательства в сфере защиты прав и свобод лиц с ограниченными возможностями. В этой связи проанализируем некоторые особенности применения норм действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, которые затрагивают права и свободы инвалидов. Кроме этого, заострим внимание и на особенностях реализации к осужденным мер лечения от наркомании и алкоголизма.

Представляется, что в этой связи целесообразно обратиться к нормам права некоторых зарубежных стран с целью возможного заимствования некоторых правовых предписаний.

Отметим, что в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Беларусь, к примеру исправительные работы не применяются в отношении осужденных, признанных инвалидами I и II группы, а также лицам, больным открытой формой туберкулеза, не имеющим постоянного места работы. Если данные обстоятельства наступают в период отбывания наказания, то представление в суд об освобождении осужденного от дальнейшего его отбывания или замене неотбытой части наказания более мягким вносит уголовно-исполнительная инспекция [5; с.119-120]. Кроме этого, в Беларуси, Армении, Казахстане, Кыргызстане обязательные работы не назначаются инвалидам I и II группы, а также лицам, больным открытой формой туберкулеза. В случае если такие обстоятельства наступают в период отбывания наказания, представление в суд об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания вносят должностные лица органа, исполняющего наказание [5; с. 119-120].

Представляется, что некоторые правила, закрепленные в этих нормативных актах, должны быть заимствованы и их целесообразно внедрить в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации. А именно, следует в УИК РФ прописать, что исправительные и обязательные работы не применяются к инвалидам I и II группы. Поскольку инвалиды II группы также серьезно ограничены в ежедневной реализации собственных потребностей. Кроме этого, закрепить, что если данные обстоятельства, связанные со здоровьем лица, наступают в период отбывания наказания, то представление в суд об освобождении осужденного от отбывания наказания вносит также уголовно-исполнительная инспекция, в случае, если такое ходатайство не поступило от осужденного, в соответствии с ч. 3 ст. 26, ч. 4 ст. 42 УИК РФ.

Также данные вопросы целесообразно рассмотреть применительно к наказанию в виде ограничения свободы. Отметим, что в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ оно не назначается военнослужащим, иностранным гражданам, лицам

без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории РФ.

Однако в данном перечне отсутствуют лица с ограниченными возможностями. На наш взгляд, их также стоит включить в данную норму, поскольку применяемые к осужденным ограничения могут препятствовать прохождению ими курса лечения или реабилитации. Более того, к отдельным виновным не рекомендуется применять средства электронного мониторинга подконтрольных лиц, например ввиду того, что на их теле установлены кардиостимуляторы или им требуются перманентные медицинские процедуры, применение которых будет затруднено в связи с установленными средствами контроля. Кроме этого, порядок обращения с электронными устройствами также не прост и требует ежедневного соблюдения правил эксплуатации приборов. Очень часто с таким порядком не справляются и иные категории осужденных. В судебной практике достаточно много подобных решений. Заметим, что об этом уже велась речь в юридической литературе [2, 3].

Также обратим внимание и на вопросы, связанные с применением лечения к лицам, страдающим от алкогольной и наркотической зависимости. Отметим, что процесс исполнения наказания в отношении таких осужденных тесно перекликается с медицинскими мерами, применяемыми к виновному.

В рамках настоящей статьи также акцентируем внимание на вопросах борьбы с наркозависимостью при исполнении отдельных наказаний без изоляции от общества. Так, согласно ст. 72¹ УК РФ суд может возложить на осужденных без лишения свободы обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

Следовательно, актуально то, какому количеству осужденных назначено лечение от алкоголизма и наркомании. Заметим, что таких преступников немного. Так, в 2019 г. определено лечение от наркомании 2213 лиц, от алкоголизма – 1663, что составляет 0,4 % и 0,4 % от общего количества подучетных соответственно [4].

Наиболее уязвима с этой точки зрения и малоизученна, на наш взгляд, мера, применяемая при исполнении уголовного наказания в виде штрафа.

Так, в 15 Приказа Министерства юстиции РФ, Министерства здравоохранения РФ от 3 февраля 2020 г. № 7/59 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за исполнением осужденными, признанными больными наркоманией, обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию» закреплены виды нарушений, которые может допускать виновный. Их совершение должно рассматриваться во взаимосвязи с фактом того, что осужденный обязан уплатить штраф. Следовательно, уважительными причинами нарушения обязанностей и запретов следует признавать только случаи, когда осужденный не выполняет предписания в связи с тем, что он работает, а накопленные средства идут в счет уплаты назначенного судом наказания. Отметим, что осужденного следует признавать нарушителем режима штрафа и УИИ в этом случае должна выносить предупреждение в случае неисполнения подучетным определенных правил:

а) отказался от прохождения лечения от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации;

б) не приступил к лечению от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации в течение срока свыше 30 календарных дней после составления подписки;

в) не выполняет требования лечащего врача, без уважительных причин;

г) употребляет наркотические средства и психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные вещества, а также систематически употребляет спиртные напитки.

Если после вынесения предупреждения лицо повторно совершает вышеуказанные нарушения, то оно должно признаваться злостным нарушителем режима штрафа.

Вместе с тем следует отдельно предусмотреть, что за невыполнение режимных требований, которые в Приказе предусмотрены в п. «б» и «в», лицо будет признаваться нарушителем в случае отсутствия уважительных причин. Думается, что данное правило подчеркивает то, что в первую очередь виновный должен исполнить обременения по уплате штрафа. Если будет установлено, что он нарушал требования ввиду того, что осуществлял трудовую деятельность и предпринял все меры для исполнения судебного предписания, но ввиду объективных причин ему это не удалось, то ответственность наступать не должна. К примеру, у осужденного не гибкий рабочий график и оставить производство он не может. В этом случае инспекция вправе отправить запрос по месту работы лица и обратиться с ходатайством к руководству организации за содействием по реализации обязанностей, установленных судом.

Следовательно, правила об уклонении от прохождения медицинской и (или) социальной реабилитации, сформулированные в тексте выше, следует изложить в специально вводимой норме – ч. 1¹ ст. 32 УИК РФ.

Более того, применение к виновным средств обеспечения режима мер, закрепленных в ст. 72.1 УК РФ, должно быть предусмотрено и в нормах, регулирующих порядок исполнения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы.

Таким образом, изучение норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства применительно к лицам с ограниченными возможностями и страдающими алкогольной или наркотической зависимостью позволяет скептически отнестись к правилам их реализации и дает пищу для определенных размышлений. Предложенные новеллы, по нашему мнению, позволят в большей степени защитить права инвалидов, а также повысят стимулирующий потенциал рассмотренных наказаний и иных мер воздействия, применяемых к отдельным категориям осужденных.

Список литературы

1. Конвенция о правах инвалидов: принята 13.12.2006 г. резолюцией 61/106 Генеральной ассамблеи ООН // СПС КонсультантПлюс.

2. Рахматулин З.Р. Отдельные аспекты злостного уклонения от отбывания некоторых наказаний без лишения свободы и условного осуждения/ З.Р. Рахматулин, П.В. Сорокун// В сборнике: Наука и образование: опыт, проблемы и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. ответственные за выпуск: В.Л. Бопп, Сорокатыя Е.И., Красноярск, 2020. С. 573-575.

3. Рахматулин З.Р. Система электронного мониторинга подконтрольных лиц: вопросы применения и оптимизации. Высокотехнологичное право: генезис и перспективы [Электронный ресурс]: материалы II Международной межвузовской научно-практической конференции (26 февраля 2021 года, Москва, Красноярск) / Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»; Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2021. С. 279-284;

4. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (Дата обращения: 10.05.2021).

5. Харитонович, Е.Д. Исполнение обязательных и исправительных работ в отношении лиц, страдающих различными видами заболеваний: отечественное и зарубежное законодательство (страны СНГ) / Е.Д. Харитонович //Вестник Кузбасского института ФСИН России. № 3. (36).2008. С. 117-122.

УДК 341.4

ИЗБРАНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ

Терешкова Валентина Владимировна

канд. юрид. наук, доцент

Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Россия

e-mail:tereshkova@list.ru

Аннотация: В статье анализируются Пекинские правила, иные международные документы и правовые позиции ЕСПЧ, устанавливающие специальные гарантии для несовершеннолетних при избрании меры пресечения. Автор аргументирует вывод о необходимости применения национальными правоохранительными органами международных стандартов обращения с несовершеннолетними заключенными, чтобы избежать нарушений своих международных обязательств.

Ключевые слова: ЕСПЧ, лишение свободы, мера пресечения, несовершеннолетние правонарушители, наилучшие интересы ребенка, Пекинские правила, позитивные обязательства.

PRE-RTRAIL DETENTION FOR JUVENILE OFFENDERS IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL STANDARDS

Tereshkova Valentina Vladimirovna
candidate of legal sciences, associate professor
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia
e-mail: tereshkova@list.ru

Abstract: *The article analyzes the Beijing rules, other international documents and ECtHR's judgment, which provide special guarantees for minors in a pre-trial detention centre. The author argues that national law enforcement agencies and courts should apply international standards for the treatment of juvenile prisoners in order to avoid violations of state positive obligations.*

Keywords: *best interests of the child, ECtHR, juvenile detention, juvenile offenders, imprisonment, positive obligation, the Beijing rules.*

Количество несовершеннолетних заключенных в мире, несмотря на тенденцию снижения, остается достаточно высоким. В мире количество лиц, кому избрана мера пресечения, связанная с лишением свободы, с 2000 года возросло более чем на 30 %. Если из списка убрать две страны Россию и Руанду, где наблюдается обратная тенденция, то рост составит 49% [24]. Лидером по числу заключенных является США, где законодательство всех 50 штатов разрешает избрание меры пресечения несовершеннолетним в виде заключения под стражу. В 2019 году в США 482 100 человек содержались под стражей до суда [24], среди них около 17тысячи несовершеннолетних [25].

Согласно ежегодному Отчету Совета Европы [13] о заполняемости тюрем, в европейских странах также распространена практика лишения свободы, в том числе до суда. Представленные выборочные из Отчета данные (табл. 1) подтверждают, что мера пресечения в виде содержания под стражей избирается и в отношении несовершеннолетних.

Таблица 1. Количество заключенных в европейских странах в 2020 г

№	Страна	Общее количество заключенных, включая СИЗО	Количество заключенных мужчин		
			общее количество	еще не по приговору суда	несовершеннолетних
1	Англия и Уэльс	82861	79165	9140	508
2	Германия	63399	61963	12831	691
3	Нидерланды	10179	9660	4212	0
4	Россия	519618	481594	10161	1060
5	Турция	297019	285433	44078	2418
6	Франция	70651	68119	20109	783

Возглавляет список Турция, Россия занимает в списке 3 место, после Польши, где общее количество несовершеннолетних заключенных 1199 человек. Количество заключенных девушек ничтожно мало, поэтому не было включено в статистику. Список стран, где вообще нет несовершеннолетних заключенных, небольшой: Андорра, Исландия, Ирландия, Лихтенштейн, Монако, Нидерланды, Испания.

Несмотря на распространенность меры пресечения, связанной с лишением свободы, в доктрине не уделяется должного внимания материальным и процедурным гарантиям прав несовершеннолетних при избрании меры пресечения. При избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетних следует учитывать международные стандарты, закрепленные в международных актах о защите прав человека общего [1, 3, 5] и специального характера [6, 9] и национальном законодательстве.

Международный Пакт о гражданских и политических правах обязывает государства обеспечить право на справедливое судебное разбирательство, акцентируя внимание, что «процесс в отношении несовершеннолетних должен учитывать их возраст и желательность содействия их перевоспитанию» [5; с.14]. Конвенция о правах ребенка [3] закрепляет обширный перечень прав ребенка и обязательства государства гарантировать его права без какой-либо дискриминации. Конвенция возлагает на государство обязательство, при решении любого вопроса руководствоваться принципом наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Практическое значение для национальных судов имеют акты мягкого права («soft law»). Не вдаваясь подробно в дискуссию о юридической силе таких актов, отметим, что они «нередко становятся весьма действенным регулятором» [7; с.100], а для развития международных стандартов прав человека «имеют тот же юридический эффект, что и международное право» [12; с.78-79]. Оставаясь по характеру рекомендательными, эти акты оказывают эффективное воздействие на регулирование отношений субъектов международного процесса по сравнению с императивными нормами [4].

Так, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Пекинские правила) [6] дополняют и расширяют гарантии отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Пекинские Правила закрепляют общий для всех правовых систем перечень обязательных стандартов обращения с несовершеннолетними. На необходимость разработки методов обеспечения более эффективного применения Пекинских правил указала Генеральная Ассамблея ООН [8].

Способы содействия норм мягкого права правовому регулированию представлены в доктрине [7, 12]. Отметим лишь некоторые из них. При толковании правовых понятий нормы «soft law» восполняют пробелы правового регулирования, дополняют правовую аргументацию судебного решения, «информируют о существующих международных стандартах и необходимости их соблюдения» [12; с.79].

В большинстве региональных конвенций о правах человека закреплены нормы, регламентирующие избрание меры пресечения, распространяющиеся и

на несовершеннолетних. Мы остановимся лишь на Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [1], нарушения которой неоднократно становились предметом разбирательства в Европейском Суде в делах об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетних.

Избрание меры пресечения. В соответствии с международными актами содержание под стражей в отношении несовершеннолетнего как мера пресечения должна применяться в качестве исключительной и на максимально короткий срок [6, ст. 13.1; 11, пункт 19; 3, ст. 37]. Аналогичная формулировка в ст. 37 Конвенции о правах ребенка дополнена положением, что ни один ребенок не должен быть лишен свободы «незаконным или произвольным образом».

Правила ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы дополняют эту норму рекомендацией «стремиться к применению альтернативных мер» пресечения [9, пункт 17].

Международные документы исходят из того, участие ребенка в системе ювенальной юстиции само по себе несет негативные последствия, и эта система должна учитывать детское чувство времени.

Конвенция о правах ребенка дополняет ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, закрепляющего право каждого при предъявлении ему уголовного обвинения «быть судимым без неоправданной задержки», и гарантирует детям, обвиняемым в нарушении уголовного законодательства, «безотлагательное принятие решения по рассматриваемому вопросу» (ст. 40).

Однако в международных актах не установлены четкие временные рамки содержания детей под стражей до суда. Комитет ООН по правам ребенка дал толкование предусмотренным Конвенцией о правах ребенка мерам защиты прав детей, находящихся в конфликте с законом.

В Замечании общего порядка № 10 [2] государствам рекомендовано ограничить законом продолжительность предварительного заключения и осуществлять регулярный (каждые две недели) пересмотр этой меры. Комитет высказал позицию, что ребенок не должен содержаться под стражей более 30 дней до предъявления официального обвинения (§83) и настоятельно призвал государства обеспечить вынесение окончательного решения не позднее чем через 6 месяцев после предъявления обвинения.

Европейский Суд неоднократно высказывался в пользу досудебного освобождения несовершеннолетних и необходимости избрания предварительного заключения только на разумный срок. Суд не сформулировал четких ограничений относительно длительности пребывания ребенка под стражей, но в деле *Assenov and Others v. Bulgaria* подчеркнул обязательность регулярного пересмотра решения о предварительном заключении несовершеннолетнего [14].

В решении о продлении срока содержания несовершеннолетнего под стражей на любой период времени, каким бы коротким он ни был, национальные суды должны продемонстрировать достаточные доказательства, оправдывающие лишение свободы. В деле *Shishkov v Bulgaria* Суд отметил, что власти полагались «исключительно на установленную законом презумпцию, основанную на тяжести обвинений», перекладывая на обвиняемого «бремя доказывания отсутствия даже гипотетической опасности побега, повторного совершения

преступления или сговора» [22, §64]. Суд согласился с государством, что 7 месяцев и три недели относительно короткий период содержания под стражей. Однако указал, что ст. 5.3 Конвенции не может рассматриваться как разрешающая безоговорочно предварительное заключение.

Наличие доказательств вины лица, по мнению Суда, может быть значимым фактором для избрания меры пресечения, но не может само по себе служить оправданием продолжительности содержания под стражей [20, § 56]. Суд сформулировал правило, что продление срока содержания под стражей будет законным только при наличии конкретных фактов, свидетельствующих об общественном интересе, который, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивает правило уважения свободы личности.

В деле *Selçuk v Turkey* [21] Суд признал нарушение п. 3 ст. 5 ЕКПЧ, когда срок предварительного заключения был всего около 4-х месяцев. Правительство утверждало, что шестнадцатилетний подросток, арестованный по обвинению в ограблении школы, может оказать влияние на свидетелей и уничтожить доказательства. По мнению властей, существовал реальный общественный интерес в его содержании под стражей.

ЕСПЧ с сожалением отметил, что национальные суды, продлевая срок содержания под стражей, использовали идентичные стереотипные формулировки (предотвратить риск побега и совершение преступления). Суд неоднократно указывал, что опасность побега не может быть оценена исключительно на основании суровости приговора [21, §34], национальным судам следует проанализировать иные основания, которые могут либо подтвердить существование такой опасности или сделать ее настолько незначительной, что она не может служить оправданием длительного содержания под стражей до суда [19, §43].

Суд указал, что власти не представили факты, подтверждающие опасность, что Вехби Сельчук скроется; никогда не ссылались на его судимости, которые могли бы стать основанием для разумных опасений, что он может совершить новое преступление в случае освобождения.

Суд подчеркнул, что адвокат заявителя неоднократно ходатайствовал о его освобождении, поскольку тот был несовершеннолетним, ссылаясь на ст. 37 (б) Конвенции ООН о правах ребенка. Но власти никогда не принимали во внимание возраст заявителя при решении вопроса о продлении задержания. ЕСПЧ пришел к выводу о незаконном помещении под стражу на столь продолжительный для несовершеннолетнего срок.

Для сравнения обратимся к делу *Toth v. Austria* [23]. Суд согласился с Правительством Австрии, что существовал реальный риск совершения новых преступлений, поскольку заявитель ранее был судим за аналогичные преступления. Однако, признав основания для избрания меры пресечения достаточными, Суд, тем не менее, пришел к выводу о нарушении ст. 5.3. Конвенции, поскольку в расследовании имелись длительные перерывы бездействия властей, что нарушило право заявителя, содержащегося под стражей, на рассмотрение его дела с особой оперативностью.

Лишение свободы несовершеннолетнего должно осуществляться в соответствии с законом и целями ограничений, допустимыми в соответствии со ст. 5.1. Закон должен отвечать выработанным ЕСПЧ критериям «качеств закона».

В деле *Grabowski v. Poland* [17] подросток содержался под стражей в течение трех месяцев во время предварительного расследования, затем еще пять месяцев в ожидании суда после того, как его ходатайство об освобождении было отклонено, а впоследствии был приговорен к двум годам условно-досрочного освобождения и помещен под надзор судебного опекуна в течение испытательного срока. Такая практика сложилась в связи с отсутствием четких положений в Законе о несовершеннолетних, согласно которому разрешалось продлять пребывание в приюте для несовершеннолетних без судебного решения.

Европейский Суд признал заключение под стражу незаконным и обязал Польшу (в соответствии со ст. 46 Конвенции) прекратить практику помещения подлежащих исправлению несовершеннолетних в приют для несовершеннолетних, без того, чтобы такое размещение было основано на конкретном правовом положении или на судебном решении. Такая практика сама по себе противоречит принципу правовой определенности, который подразумевается в Конвенции составляет один из основных элементов верховенства закона.

Государство обязано обеспечить пребывание несовершеннолетнего отдельно от взрослых [6]. Отсутствие такого разделения приводит к более высокому уровню насилия, последствия которого дети ощущают всю оставшуюся жизнь. Необходимость отдельного содержания обусловлена также разными потребностями взрослых и детей.

Однако не всегда государство выполняет данное обязательство. В деле *Güveç v. Turkey* [18] несовершеннолетний, которого обвинили в поджоге автомобиля и членстве в незаконной организации, содержался в тюрьме для взрослых в течение 4 лет 6 месяцев. Кроме того, несмотря на то что он страдал сильным депрессивным расстройством, развившимся у него в период содержания под стражей, ему не была оказана надлежащая медицинская помощь. Периодические обострения психологических проблем привели к тому, что подросток неоднократно совершал попытки суицида. По мнению ЕСПЧ, имело место нарушение не только ст. 5, но и ст. 3 ЕКПЧ. Европейский Суд признал, что заявитель подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, принимая во внимание его возраст, продолжительность содержания в тюрьме вместе со взрослыми, неспособность властей обеспечить адекватную медицинскую помощь, а также неспособность принять меры с целью предотвратить его неоднократные попытки самоубийства (§ 98).

В случае применения этой исключительной меры, несовершеннолетнему должны быть обеспечены соответствующие условия пребывания под стражей. Согласно ст. 37 Конвенции о правах ребенка подростку «должно быть обеспечено гуманное отношение и уважение его личности с учетом соблюдения необходимых ему потребностей».

Дети страдают от отсутствия физического, интеллектуального и социального развития, когда помещаются в специальные учреждения. Отсутствие эмоциональной поддержки в сочетании со стрессом, связанным с заключением,

имеет необратимые последствия для психологического развития детей. В Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы государством, рекомендуется вовлекать несовершеннолетних, находящихся под стражей, в социальную жизнь общества. Выполнение этого обязательства должно обеспечиваться путем регулярных инспекций специально созданными органами (к таковым не относится администрация учреждений, где содержатся несовершеннолетние) [9, пункт 14].

Должно быть сведено к минимуму ограничение личной свободы, при этом тип исправительного учреждения должен быть образовательный, а не тюремный. В деле *Voamat v. Belgium* [16] Суд признал девять постановлений о заключении под стражу за период 291 дней на 119 дней в совокупности не соответствующие законодательству Бельгии, которое предусматривало предварительное заключение с целью воспитательного надзора. Суд признал, что содержание подростка, имеющего психологические проблемы, и демонстрирующего бунтарское поведение, в следственном изоляторе в отсутствие персонала, имеющего образовательную подготовку, не может рассматриваться как направленное на достижение образовательной или воспитательной цели.

В перечне гарантий прав несовершеннолетнего в период его пребывания под стражей обязанность государства обеспечить необходимую медицинскую, психологическую или социальную помощь, если того требует ситуация. Ст. 3 Европейской Конвенции возлагает на государства обязательство по защите физического благополучия лиц, находящихся в местах лишения свободы, включая оказание медицинской помощи. Отсутствие адекватной медицинской помощи неоднократно признавалось Судом как бесчеловечное обращение. Чтобы определить, является ли обращение противоречащим ст. 3 Конвенции, учитывается общая продолжительность пребывания под стражей, психические и физические последствия, пол, возраст и состояние здоровья заключенного.

В деле *Блохин против России* [15] несовершеннолетний был помещен в изолятор временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей. Его диагнозы (синдром дефицита внимания, невроз, гиперактивность, психопатическое поведение, энурез) были подтверждены медицинскими документами, однако необходимой медицинской помощи ему не предоставили. Заболевания не требовали неотложной медицинской помощи, но тридцатидневное пребывание подростка в изоляторе повлекло обострение заболеваний и срочную госпитализацию в психиатрическую клинику после освобождения. Европейский Суд признал условия его содержания под стражей бесчеловечными, констатировав нарушение ст. 3 Европейской Конвенции.

При избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего, суды должны запросить медицинское заключение о состоянии здоровья ребенка, чтобы определить, можно ли его поместить в изолятор временного содержания.

Государствам предоставляется свобода усмотрения при определении уровня медицинского обслуживания лиц, находящихся под стражей. Однако стандарты медицинской помощи должны быть совместимы «с человеческим достоинством» заключенного, учитывать «практические требования режима

лишения свободы» [15 § 138] и соответствовать международным медицинскими стандартам [10, правило 73, 3; п. 3 ст. 3].

В соответствии с Пекинскими правилами [6, п.7.1] и Правилами ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы [9; п.18] несовершеннолетние, находящиеся под арестом или в ожидании суда, имеют право на бесплатную юридическую помощь, включая регулярное общение с адвокатом. Международные акты закрепляют иные процессуальные гарантии, включая презумпцию невиновности, право быть уведомленным об обвинениях, право хранить молчание, право допрос свидетелей и право на обжалование. Перечень гарантий не исчерпывающий.

Выводы. Чтобы избежать нарушения позитивных обязательств, национальные суды и правоохранительные органы должны применять международные стандарты обращения с несовершеннолетними заключенными, закрепленные в международных актах, решениях Европейского суда по правам человека или международных квази-судебных органов. Содержание несовершеннолетнего под стражей рассматривается в международной практике в качестве исключительной меры, применяемой на максимально короткий период времени. ЕСПЧ неоднократно высказывался в пользу освобождения несовершеннолетнего до суда. Государства обязаны применять альтернативные меры пресечения.

В международных актах и судебной практике не установлены четкие временные рамки досудебного содержания детей под стражей, но закреплено право на регулярный пересмотр законности избрания и продления меры пресечения. Лишение свободы несовершеннолетнего должно осуществляться в соответствии с законом и целями ограничений, допустимыми в соответствии со ст. 5.1 ЕКПЧ. Европейский суд оценивает национальный закон с точки зрения соответствия его «качествам закона».

При избрании меры пресечения суды должны учитывать состояние физического и психологического здоровья несовершеннолетнего, руководствоваться принципом соразмерности мер воздействия и тяжести совершенного деяния.

Обоснованность любого срока содержания под стражей, независимо от его краткости, должна быть убедительно продемонстрирована властями. В судебном решении должны быть представлены основания для избрания меры пресечения в виде лишения свободы. Использование национальными судами стандартных стереотипных формулировок (а нередко простое цитирование норм УПК) не рассматривается ЕСПЧ как основания.

Государство обязано обеспечить пребывание несовершеннолетнего отдельно от взрослых, гуманное отношение и уважение его личности, надлежащую медицинскую, психологическую и социальную помощь. Риск насилия или отсутствие адекватной медицинской помощи может привести к выводу о бесчеловечных или унижающих достоинство условиях содержания. Государству предоставляется свобода усмотрения в определении объема и уровня медицинской помощи, но она должна соответствовать минимальным международным медицинским стандартам.

Ограничение личной свободы должно быть сведено к минимуму. Помещение несовершеннолетнего, даже находящегося в конфликте с законом, долж-

но преследовать воспитательную или образовательную цели. Следовательно, в учреждениях должны быть созданы соответствующие условия и квалифицированные кадры, и эти центры не должны быть похожими на изоляторы временного содержания.

Международные акты закрепляют широкий, но неисчерпывающий перечень процессуальных гарантий, включая право на эффективную помощь защитника. Акты международного мягкого права расширяют перечень гарантий прав несовершеннолетнего. Акты *soft law* не только информируют государства об этих гарантиях, но и могут быть использованы национальными судами при толковании с целью устранить противоречия или восполнить пробелы правового регулирования, усилить правовую аргументацию решения.

Список литературы

1. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-002.htm>.
2. Комитет ООН по правам ребенка. Замечание общего порядка № 10 (2007): Права детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. 25.04.2007. CRC/C/GC/10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/category,LEGAL,CRC,,4ffd3c082,0.html>
3. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 ГА ООН от 20 ноября 1989г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
4. Международное право: учебник/ отв. ред. Г.В.Игнатенко и О.И.Тиунов, – 6-е издан. переаб., и доп. –НОРМА ИНФРА-М, 2021. – 752 с
5. Международный пакт о гражданских и политических правахПринят резолюцией 2200 А (XXI) ГА ООН от 16 декабря1966 г [Электронный ресурс].Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
6. Минимальные стандартные правила организации объединенных наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml
7. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998.- 272с
8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №40/146 от 13.12.1985 года [Электронный ресурс]. Режим доступа:<https://undocs.org/ru/A/RES/40/146>
9. Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы. Резолюция 45/113 Генеральной Ассамблеи, принятая 14 декабря 1990 года, приложение. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf
10. Рекомендация CM/Rec (2008) 11 Комитета Министров государствам-членам Совета Европы о Европейских правилах в отношении несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-

правового характера. Принята КМ 5 ноября 2008 г. на 1040-м заседании заместителей министров. <https://rm.coe.int/16806ffc98>

11. Руководящие принципы Комитета министров СЕ в отношении правосудия, доброжелательного к ребенку приняты Комитетом министров 17 ноября 2010 г. на 1098-ой Встрече Заместителей Министров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70390732/>

12. Халафян, Р.М. Нормы международного «мягкого права» в правовой системе Российской Федерации. Развитие механизма национально-правовой имплементации международных норм / Р.М. Халафян. М. НОРМА, 2021, 256 с.

13. Aebi, M. F., and Tiago, M. M. SPACE I - 2020 – Council of Europe Annual Penal Statistics: Prison populations. Strasbourg: Council of Europe and University of Lausanne, 2021[Electronic recourse] https://wp.unil.ch/space/files/2021/04/210330_FinalReport_SPACE_I_2020.pdf

14. Assenov and Others v. Bulgaria. ECHR. Judgment 23.10.1998. [Electronic recourse]. Available at <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-58261>

15. Blokhin v Russia. ECHR. Judgment 23.03.2016. [Electronic recourse]. Available at <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-161822>

16. Bouamar v. Belgium. ECHR. Judgment 29.02.1988. [Electronic recourse]. Available at <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57445>

17. Grabowski v. Poland. ECHR. Judgment 30.09.2015. [Electronic recourse]. Available at <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-155716>

18. Güveç v. Turkey. ECHR. Judgment 20.01.2009. [Electronic recourse]. Available at <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-90700>

19. Letellier v. France. ECHR. Judgment 26.06.1991.[Electronic recourse]. Available at <http://hudoc.echr.coe.int/tur?i=001-57678>

20. Mansur v Turkey Judgment 23.05.1995. [Electronic recourse]. Available at <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57932>

21. Selçuk v Turkey. ECHR. Judgment 10.01.2006. [Electronic recourse]. Available at <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-71944>

22. Shishkov v Bulgaria. ECHR. Judgment 09.04.2003. [Electronic recourse]. Available at <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-60879>

23. Toth v. Austria. ECHR. Judgment 12.11.1991.[Electronic recourse]. Available at <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57710>

24. World Pre-trial/Remand Imprisonment List (fourth edition) 02.04.2020 [Electronic recourse]. Available at https://www.prisonstudies.org/sites/default/files/resources/downloads/world_pre-trial_list_4th_edn_final.pdf

25. Youth Confinement: The Whole Pie 2019 by Wendy Sawyer [Electronic recourse]. Available at: <https://www.prisonpolicy.org/reports/youth2019.html>

УДК 341

**УЧАСТИЕ ПЕРЕВОДЧИКА КАК КОМПЕНСАТОРНАЯ ГАРАНТИЯ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА, НЕ ВЛАДЕЮЩИХ ЯЗЫКОМ,
НА КОТОРОМ ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО**

Шилина Анастасия Вячеславовна

магистрант

Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Россия

email: *asya_strit@mail.ru*

Научный руководитель: Гармаев Юрий Петрович

докт. юрид. наук, профессор

Сибирский федеральный университет,

г. Красноярск, Россия

email: *garmaeff1@mail.ru*

***Аннотация:** Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов, касающихся участия переводчика в уголовном судопроизводстве, поскольку в уголовно-процессуальном законодательстве понятие «переводчик» имеет обобщенный вид и требует конкретизации, а также отсутствуют определенные квалификационные требования, предъявляемые к переводчику. В связи с этим в статье рассмотрены подходы к понятию переводчика, предложенные в доктрине, а также исследованы ненормативные источники профессиональной правосубъектности переводчика, позволяющие определить требования, предъявляемые к переводчику.*

***Ключевые слова:** переводчик, квалификационные требования, предъявляемые к переводчику, уголовное судопроизводство, участие переводчика в уголовном судопроизводстве.*

**THE PARTICIPATION OF THE INTERPRETER AS A COMPENSATORY
GUARANTEE OF THE REALIZATION OF THE RIGHTS OF PARTICI-
PANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS WHO DO NOT SPEAK THE LAN-
GUAGE IN WHICH THE PROCEEDINGS ARE CONDUCTED**

Shilina Anastasia Vyacheslavovna

master's student,

Siberian federal university

Krasnoyarsk, Russia

email: *asya_strit@mail.ru*

Garmaev Yury Petrovich
doctor of law, professor
Siberian federal university
Krasnoyarsk, Russia
email: *garmaeff1@mail.ru*

Abstract: *The article deals with problematic issues related to the participation of the interpreter in criminal proceedings, since in criminal procedure legislation the concept of «interpreter» is generalized and requires specificity, as well as there are no certain qualification requirements for the interpreter. In this regard, the article considers the approaches to the concept of an interpreter proposed in the doctrine, as well as studies the profanity of the professional legal personality of the interpreter, which make it possible to determine the requirements for the interpreter.*

Keywords: *translator, qualification requirements for translator, criminal proceedings, participation of translator in criminal proceedings.*

Как известно, уголовное судопроизводство в Российской Федерации ведется на русском языке, а также на государственных языках, входящих в Российскую Федерацию республик. При таких обстоятельствах, особо важное место в рамках компенсаторного средства занимают как необходимые квалификационные требования к представителям переводческой профессии, так и нормативное закрепление понятия переводчика. В связи с этим, у иностранных граждан отсутствует возможность надлежащим образом в нем участвовать. Поэтому необходимо точное закрепление компенсаторного средства, которое обеспечило бы иностранным лицам необходимые возможности для участия в уголовном процессе.

Так, например, в рамках обеспечения перевода в производстве по уголовному делу в решении Европейского Суда по правам человека по делу «Камасинский против Австрии» («Kamasinsky v Austria»), суд отмечает, что помощь переводчика должна быть предоставлена так, чтобы у защищаемого была возможность знать содержание возбужденного против него дела для того, чтобы иметь возможность представить суду свою версию событий и самостоятельно защищаться [4]. Также в решении Европейского Суда по правам человека по делу «Лагерблом против Швеции» («Lagerblom v Sweden»), суд определяет правовую позицию по вопросу взаимодействия лица, не владеющего языком судопроизводства с назначенным для него адвокатом, который не владеет языком обвиняемого. Так, в § 32 этого решения суд указал, что «не существует права на пользование услугами адвоката, говорящего на родном языке подозреваемого», а сама «проблема языка может быть разрешена путем назначения переводчика, чьи услуги оплачиваются государством» [6].

На первый взгляд переводчик – является одной из наименее проблемных с точки зрения законодательного регулирования фигур в уголовном процессе. Однако с данным участником, на практике возникают спорные ситуации, вызванные несовершенством норм УПК.

В статье 59 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации переводчик, определяется как лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Это предопределяет задачу данного участника производства по уголовному делу и закладывает общие требования к нему: обладать надлежащим уровнем владения языком, перевод с которого и на который он должен осуществлять. Соответственно, основная задача его участия заключается в осуществлении правильного и полного перевода, максимально отражающего суть и ход процессуальных действий, содержание процессуальных решений.

В то же время законодатель относит переводчика, вместе со специалистом, экспертом, понятым и свидетелем, к числу «иных участников уголовного судопроизводства» (гл. 8 УПК РФ), участие которых в разбирательстве по определенному делу не обязательно [8].

Вышеуказанное позволяет сделать вывод, что понятие, которое предложено в ст. 59 УПК РФ имеет обобщенный вид и требует последующей его конкретизации.

Ввиду неполноты понятия «переводчик», значительное число специалистов предлагают различные его трактовки.

Большое количество авторов отмечают, что переводчик в уголовном судопроизводстве, это не просто лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода – это лицо, которое получает статус субъекта уголовного процесса после того, как следователь в соответствии с ч. 5 ст.164 и ст.169 УПК РФ разъясняет права, обязанности, ответственность в ходе уголовного процесса, убеждается в его компетентности, а также предупреждает его об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за заведомо неправильный перевод, а также по ст. 310 за разглашение информации [2]. Я.М. Ишмухаметов определяет переводчика как лицо, не заинтересованное в исходе дела, знающее язык, необходимый для перевода, с легкостью владеющее письменной и устной речью, либо навыками сурдоперевода, вовлекаемое на любой стадии уголовного судопроизводства для обеспечения гарантии лица пользоваться родным языком, либо языком, которым оно владеет [3].

На сегодняшний день ни в законодательстве, ни в доктрине не существует специального механизма, который позволял бы определять компетентность переводчика, а также отсутствует и какая-либо система, содержащая информацию о переводчиках.

И.Л. Петрухин, например, выдвигает следующее требование к переводчику: недопустимость слияния функций переводчика с выполнением иных процессуальных обязанностей по уголовному делу [4]. Р.Д. Рахунов, в качестве важного требования считает отсутствие судимости [6]. В своей монографии Кузнецов О. Ю. обращает внимание на отсутствие критериев оценки уровня профессиональной подготовки и лингвистической компетентности переводчика [5].

Что касается законодательства, то в нем отсутствует обязательность участия переводчика в уголовном процессе в случае, если один из участников не владеет языком, на котором осуществляется судопроизводство, либо не желает

пользоваться им: так как, ни в отечественном законодательстве, ни в международных актах отсутствует указание на какие-либо характеристики профессионального статуса переводчика, которые поспособствовали бы ему при приобретении соответствующего положения, приобретения процессуальных прав и обязанностей. И единственное требование, на которое косвенно указывают решения Европейского Суда по правам человека, заключается в том, что в судебном заседании должен принимать участие переводчик-синхронист, обеспечивающий вербальную коммуникацию в рамках судебного заседания.

Так, поскольку ни в международных, ни в отечественных нормативно-правовых актах не закрепляются обязательные требования, предъявляемые к переводчику, представляется целесообразным опереться на опыт стран Западной Европы, в которых для определения таких требований используются ненормативные источники профессиональной правосубъектности переводчика. При исследовании основных источников профессиональной правосубъектности переводчика, в первую очередь следует выделить Рекомендацию ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах по улучшению положения переводчиков, принятую 22 ноября 1976 г. на XIX Генеральной конференции ЮНЕСКО в г. Найроби (Кения) [1]. Данный документ включает в себя качественные характеристики международно-правового статуса переводчика как субъекта имущественных, административных и иных правоотношений, непосредственно не связанные с судопроизводством (в т.ч. с уголовным), но которые могут оказать важное влияние на его участие в рамках процессуальной деятельности (например, в вопросе выплаты компенсации процессуальных издержек, связанных с участием переводчика в следственных и судебных действиях) [1].

Также, большим значением в определении роли и степени участия переводчика в процедурах уголовного судопроизводства, обладают документы Международной Федерации переводчиков (FIT, International Federation of Translators), являющейся ассоциированным членом ЮНЕСКО. Стоит выделить Хартию переводчиков, одобренную 30.09.1963 г. Конгрессом Международной Федерации переводчиков в г. Дубровник (Югославия), а также Кодекс поведения судебных переводчиков и Практикум по судебному переводу, одобренные 24.08.1999 г. Конгрессом FIT в г. Монц (Бельгия). Несмотря на то, что указанные документы не обладают нормативным характером, они могут оказать существенное влияние на внутреннюю составляющую деятельности переводчиков при осуществлении ими своей деятельности в рамках производства по уголовным делам. Как отмечает И.И. Бунова, корпоративные документы Международной Федерации переводчиков, как и Рекомендация ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах по улучшению положения переводчиков, никак не влияют (и не могут влиять) на содержание уголовного судопроизводства [1].

Несмотря на то, что указанные локальные акты Международной Федерации переводчиков, не обладают нормативным характером, практическая значимость их очень важна, так же в контексте обеспечения перевода в производстве по уголовным делам. Если законоположения императивно определяют, что

необходимо делать переводчику, участвуя в процессуальной деятельности, то локальные акты ФІТ указывают на то, как и посредством каких действий необходимо исполнять предписания закона. В связи с этим, они могут учитываться в качестве источников правового статуса переводчика в уголовном судопроизводстве в том числе и потому, что на сегодняшний день отсутствуют иные предписания, регулирующие содержание участия переводчика в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, в законодательстве имеется ряд упущений, связанных с деятельностью переводчика, которые требуют их последующего закрепления. Целесообразно ввести уточнение в УПК РФ по поводу квалификационных требований, предъявляемых к переводчику. Ввиду неполноты понятия «переводчик», необходимо конкретизировать его определение, закрепленное в уголовно-процессуальном законодательстве. В целом, следует отметить, что от данной фигуры в уголовном процессе во многом зависит исход дела: неправильный или искаженный перевод может стоить обвиненному его свободой.

Список литературы

1. Бунова, И.И. Использование специальных знаний переводчиком в уголовном судопроизводстве / И.И. Бунова // Российский следователь. 2010. № 16. С. 4 – 6.
2. Имамутдинова, Г. Я. Актуальные вопросы участия переводчика в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук / Г.Я. Имамутдинова. Челябинск, 2011. 273 с.
3. Ишмухаметов, Я.М. «Язык судопроизводства» как принцип российского уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук / Я.М. Ишмухаметов. Ижевск, 2006. 204 с.
4. *Kamasinski v. Austria* (Камасинский против Австрии, жалоба № 9783/82): Пост. ЕСПЧ от 19.12.1989 // Бюллетень Европейского суда по правам человека.
5. Кузнецов, О. Ю. Источники и содержание принципа языка уголовного судопроизводства (*Окончание*) / О. Ю. Кузнецов // Современное право. 2006. № 8. С. 56-61.
6. *Lagerblom v. Sweden* (Лагерблом против Швеции, жалоба № 26891/95): Пост. ЕСПЧ от 14.01.2003 // Бюллетень Европейского суда по правам человека.
7. Рахунов, Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р.Д. Рахунов. М.: Госюриздат, 1961. 167 с.

УДК 364.6

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ИНВАЛИДОВ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Широких Светлана Викторовна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет,

Красноярск, Россия

email: diritto@mail.ru

Аннотация: В статье автор характеризует особенности социальной защиты инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы, анализирует проблемы реализации прав инвалидов на социальное обеспечение, медико-социальную помощь, социальную адаптацию.

Ключевые слова: социальное государство, социальная защита инвалидов, пособия, пенсии, исполнение наказания, социальная адаптация инвалидов, реабилитация, абилитация инвалидов.

SOCIAL PROTECTION OF PERSONS WITH DISABILITIES SENTENCED TO IMPRISONMENT

Shirokikh Svetlana Viktorovna

senior teacher

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: diritto@mail.ru

Abstract: In the article, the author characterizes the features of social protection of persons with disabilities serving a sentence of imprisonment, analyzes the problems of realizing the rights of persons with disabilities to social security, medical and social assistance, and social adaptation.

Key words: social state, social protection of disabled people, benefits, pensions, execution of punishment, social adaptation of disabled people, rehabilitation, habilitation of disabled people.

Российская Федерация в соответствии с Конституцией РФ является социальным государством, которое обеспечивает равенство прав, свобод и законных интересов граждан, в том числе лиц, осужденных к лишению свободы. Среди общей численности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, которая по состоянию на 1 мая 2021 года составила 478 182 человек [5], примерно 3% лиц с ограниченными возможностями здоровья. Права, обязанности, гарантии и льготы, предоставляемые инвалидам, осужденным к лишению свободы, предусмотрены ФЗ РФ «О социальной защите инвалидов в РФ», уголовно-исполнительным законодательством и иными нормативно-правовыми актами.

Ст.8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ устанавливает принципы уголовно-исполнительного законодательства, среди которых принцип равенства осужденных перед законом, а также принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний. Статус инвалида является основанием для применения второго принципа. Среди особенностей исполнения наказания в отношении данной категории лиц (инвалидов I и II группы) можно отметить следующие:

- бесплатное предоставление материально-бытового обеспечения;
- создание улучшенных жилищно-бытовых условий;
- установление повышенных норм питания;
- возможность приобретать за счет собственных средств продукты питания и предметы первой необходимости без ограничений;
- привлечение к труду по желанию;
- зачисление на лицевой счет не менее 50% начисленной пенсии независимо от всех удержаний;
- удлиненная продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска;
- запрет на помещение инвалидов первой группы в штрафной изолятор, помещения камерного типа и др.

Правила внутреннего трудового распорядка исправительных учреждений в Главе XXVIII [3] также устанавливают особенности содержания лиц, являющихся инвалидами. Например, осуществление проверки наличия осужденного по месту его нахождения; предоставление времени для реализации индивидуальной программы реабилитации и др. Кроме этого, тяжелая болезнь и инвалидность являются основанием освобождения от отбывания наказания.

Говоря же о реализации принципа равенства осужденных перед законом, можно отметить следующие его проявления:

- право на пенсионное обеспечение;
- право на профессиональное обучение, на получение среднего профессионального образования и др.

Следует отметить, что в целях обеспечения безбарьерной среды для инвалидов, осужденных к лишению свободы, Приказом Минюста от 22.09.2015 № 221 была утверждена Программа прохождения подготовки сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы в целях обеспечения соблюдения прав, свобод и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, являющихся инвалидами [4].

В исправительных учреждениях функционируют отделы социальной защиты, одним из направлений работы которых является оказание помощи инвалидам в реализации их прав на социальное обеспечение, медико-санитарное обеспечение. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, зачастую инвалиды испытывают сложности, например, с области пенсионного обеспечения. В рамках работы Общественной наблюдательной комиссии по осуществлению общественного контроля за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам в местах принудительного содержания по Красноярскому краю преподавателями и студентами Юридического института ФГБОУ ВО «Красноярский ГАУ» осуществлялось бесплатное правовое кон-

консультирование заключенных. Одними из частных вопросов, с которыми обращались осужденные, были вопросы пенсионного обеспечения. Например, вопросы, связанные с исчислением и подтверждением страхового стажа, длительность и условия формирования которого влияют на размер страховой пенсии, в том числе, страховой пенсии по инвалидности. Также встречаются случаи прекращения выплаты пенсий инвалидам. При осуществлении консультирования в таких ситуациях чаще всего выясняется, что заболевание (травма), являвшееся основанием для назначения пенсии по инвалидности, были исключены из Перечня заболеваний, дефектов, дающих права на получение статуса инвалида. Например, за правовой консультацией обратился заключенный – инвалид III группы, имеющий врожденный дефект кисти руки, которому перестала начисляться пенсия. При анализе ситуации выяснилось, что данное основание было исключено из Перечня, как следствие, право на пенсию по инвалидности было утрачено. Однако, заключенный не был проинформирован об изменениях законодательства администрацией исправительного учреждения.

Зачастую лицо, осужденное к лишению свободы, отбывает наказание в учреждениях, находящихся в иных субъектах РФ, не по месту жительства. По этой причине возникают сложности при взаимодействии с территориальными отделениями Пенсионного фонда РФ. В силу того, что инвалид сильно ограничен в возможности реализации своих пенсионных прав, работу по установлению фактов, имеющих значение для пенсионного обеспечения, ведут отделы социальной защиты, и, к сожалению, не всегда эффективно.

В целом же следует отметить, что на законодательном уровне существует разработанная система норм, направленных на создание инвалидам, находящимся в местах лишения свободы, безбарьерной среды и возможностей соблюдения и реализации своих законных прав, свобод и интересов, которые претворяются в жизнь учреждениями уголовно-исполнительной системы РФ.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 г. (ред. от 26.05.2021) // СПС «Консультант Плюс»
2. ФЗ РФ «О социальной защите инвалидов в РФ» // СПС «Консультант Плюс»
3. Приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // СПС «Консультант Плюс»
4. Приказ Министерства юстиции РФ от 22.09.2015 № 221 «Об утверждении Программы прохождения подготовки сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы в целях обеспечения соблюдения прав, свобод и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, являющихся инвалидами // СПС «Консультант Плюс»
5. [Электронный ресурс]
<https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 05.06.2021)

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРОТИВ ЛИЦ,
НАХОДЯЩИХСЯ В УЯЗВИМОМ СОСТОЯНИИ**

Штефан Алёна Владимировна

канд. юрид. наук

Челябинский государственный университет,

г. Челябинск, Россия

email: al.schtefan2011@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрен ряд аспектов, касающихся мер предупреждения преступлений, совершаемых против лиц, находящихся в уязвимом состоянии. Отмечаются меры общесоциального предупреждения преступлений, совершаемых против лиц, находящихся в уязвимом состоянии, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства, направленные на профилактику противоправных деяний против лиц, находящихся в уязвимом состоянии.

Ключевые слова: преступления против лиц с ограниченными возможностями и инвалидов; пожилые люди, несовершеннолетние и женщины как жертвы преступлений.

**ON THE PROBLEMS OF PREVENTING CRIMES COMMITTED
AGAINST PERSONS IN A VULNERABLE STATE**

Stefan Alyona Vladimirovna

candidate of legal sciences

Chelyabinsk state university,

Chelyabinsk, Russia

email: al.schtefan2011@yandex.ru

Abstract: The article considers a number of aspects related to measures to prevent crimes committed against persons in a vulnerable state. Measures of general social prevention of crimes committed against persons in a vulnerable state, both at the federal and regional levels, are noted. Measures are proposed to improve the legislation aimed at preventing illegal acts against persons in a vulnerable state.

Keywords: crimes against persons with disabilities and the disabled; the elderly, minors and women as victims of crime.

На современном этапе развития общества, верховенства закона, одним из важнейших направлений государственной политики является предупреждение преступности. «Предупреждение преступности — это определенный вид деятельности государственных органов и общественных организаций, целью

которого является выявление и устранение причин преступления и условий, благоприятствующих его совершению» [15; с. 132]. Но профилактика преступлений, как и любая иная целенаправленная практическая деятельность, может успешно решать стоящие перед ней задачи только при условии, что она будет опираться на прочную научную базу.

По мнению З.Р. Хановой, «профилактика преступлений, совершаемых против лиц, находящихся в беспомощном состоянии — это осуществляемый государством комплекс социальных, экономических, политических, идеологических, воспитательных, правовых и других мер по противодействию. Главной задачей предупредительной деятельности является воздействие на социальные процессы и явления, порождающие преступления или способствующие их совершению, устранение либо ослабление их криминогенного действия. Социальная ценность профилактики преступлений определяется тем, что она обеспечивает упреждение самой возможности совершения уголовно наказуемых деяний либо прерывание криминальной деятельности на ее ранних стадиях, до достижения преступного результата. Она позволяет вести борьбу с преступностью с использованием не только правовых, но и экономических, культурно-воспитательных, социально-психологических, медицинских, технических, других средств и методов с наименьшими социальными, материальными и иными издержками» [15; с. 238].

А.А. Никитина в своем исследовании утверждает, что «ребенок является особым субъектом права. Несоввершеннолетнему легче причинить вред. Уязвимость детей к насилию объясняется их физической, психической и социальной незрелостью, а также зависимым, подчиненным положением по отношению к взрослым, будь то родители, опекуны, попечители, воспитатели или учителя» [11; с. 4].

Современная криминология предлагает большое количество вариантов мер по предупреждению преступности, стоит начать их рассмотрение с наиболее обширного по уровню и содержанию, формирующего общий социально-профилактический эффект. Реализация этого воздействия является основой для разработки и реализации специальных мер предупреждения.

По мнению И.Р. Шикюла, «в зависимости от содержания, общесоциальные меры, несущие профилактическое воздействие на преступлений, совершаемых против лиц, находящихся в беспомощном состоянии, можно подразделить на экономические, социальные, воспитательные (идеологические); при этом в отечественной криминологической науке традиционной стала точка зрения относительно того, что совершенствование экономического базиса общественных отношений является непременным условием успешности всех остальных профилактических мероприятий» [14].

Очевидно, что предпринимаемые экономические меры не способны решить проблем, возникающих при совершении преступлений против лиц, находящихся в беспомощном состоянии в экономически благополучных странах можно отметить достаточно высокое число подобного рода преступлений. Так, «с 1990 года Япония начала вести учет случаев жестокого обращения с детьми, с тех пор этот показатель не уменьшался, составляя более 60 тыс. случаев в год.

Японской полиции 80 252 раза пришлось уведомлять местные детские консультационные центры о возможных случаях жестокого обращения с детьми в 2018 году. При этом 4571 ребенок в возрасте до 18 лет после обращений за помощью по телефону был взят полицейскими под охрану из-за опасений применения к нему серьезного насилия или угрозы жизни. Часто это происходило по ночам и в выходные дни. Статистические данные по насилию в отношении несовершеннолетних впервые были собраны в 2012 году. С тех пор показатели увеличивались с каждым годом и к 2018 году выросли в 2,8 раза. Произошло заметное увеличение случаев психологического насилия, причем они составляют уже 71,6% от общего числа, а в 2018 году зафиксирован рост на 23,7 процента, по сравнению с предыдущим годом. Полиция задержала рекордное количество — 1419 родителей или приемных родителей по подозрению в нанесении физического вреда или развратных действиях. Здесь также зафиксирован рост на 20,7% по сравнению с 2017 год» [9]. Таким образом можно прийти к выводу, что одного лишь материального благополучия для решения проблемы недостаточно.

Важным элементом общесоциальных мер предупреждения преступлений, совершаемых против лиц, находящихся в беспомощном состоянии является повышение уровня правосознания и правовой культуры населения.

По мнению А.С Бондарева, «правовую культуру можно определить как совокупность знаний, навыков применения, соблюдения и использования законов, а также их глубокое уважение» [8; с. 8]. Представляется обоснованной позиция В.А. Рыбакова, считающего, что «правосознание следует определять как правовые представления и правовые чувства, направленные на создание и реализацию нормативных и индивидуальных правовых актов» [13; с. 7]. Как отмечается в литературе, «правосознание как сложный и многоаспектный социальный и психологический феномен обладает функционально-структурными качествами, которые проявляются в индивидуальных, групповых особенностях субъектов социальных отношений» [10; с. 162]. В целом можно отметить, что «правосознание обладает важной регулятивной ролью. Роль правосознания в правовом регулировании выражается в том, что оно оказывает важное мотивационное воздействие на поведение человека, а также является важнейшим фактором укрепления законности правопорядка» [13; с. 8].

Безусловно, важным элементом общесоциальных мер профилактики и предупреждения преступлений, совершаемых против лиц, находящихся в беспомощном состоянии, является государственная политика. Проблемы причинения вреда лицам, находящимся в беспомощном состоянии и пути их решения нашли свое отражение в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [3], Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [1]. Инструментом практического решения многих вопросов в семейной сфере стала реализация приоритетных национальных проектов «Здоровье» и «Образование», федеральных целевых программ.

Особенное место в системе общесоциальной профилактики преступлений, совершаемых против лиц, находящихся в беспомощном состоянии, зани-

мают мероприятия, направленные на снижение уровня алкоголизации населения. Как показывает исследование, «69% от общего числа преступлений были совершены лицами, находящимися в состоянии опьянения. Подобные данные красноречиво говорят о существовании проблемы в данной сфере. На сегодняшний день в России действует Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года, одобренная Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2009 № 2128-р» [4]. Данная концепция предполагает «ряд мер, направленных на снижение уровня алкогольной зависимости населения и пропаганду здорового образа жизни: разработка и установление механизма координации информационных и обучающих программ и проведение кампаний по формированию здорового образа жизни среди различных слоев населения и возрастных групп; пропаганда здорового образа жизни; укрепление нравственности и самосознания в целях развития способности эффективно противостоять употреблению алкогольной продукции; обеспечение широкой доступности лечебно-профилактических программ, нацеленных на семью; создание реабилитационных и психологических центров по профилактике алкоголизма для работы с населением, в том числе центров по подготовке специалистов-психологов; снижение доступности алкогольной продукции путем ограничения ее розничной продажи по месту и времени; совершенствование системы мониторинга потребления алкогольной продукции и оценки эффективности реализации мер государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией». Также Концепция предполагает разработку и осуществление региональных программ субъектами Российской Федерации.

В рамках данной Концепции, Министерством образования и науки Российской Федерации была сформирована методическая профилактическая программа «Здоровая Россия – общее дело», «целью данной программы является изменение стереотипа мышления по отношению к курению и употреблению алкоголя в пользу понимания того, что это несовместимо с полноценной, здоровой и счастливой жизнью на уровне отдельно взятой личности, семьи, города и страны» [5]. «Представляется, что реализация данной программы может оказать положительное воздействие на повышение семейных ценностей и снизить вероятность виктимизации ввиду девиантного поведения».

Также важными документами в связи с защитой беспомощных лиц, таких как инвалиды, пожилые люди, женщины и несовершеннолетние, предлагающими формирующими направления деятельности и содержащими конкретные меры по профилактике и предупреждению преступлений, совершаемых против лиц, находящихся в беспомощном состоянии, являются национальные планы действий или стратегии. В Российской Федерации – указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». «Главной целью данных актов является определение основных направлений и задач государственной политики в интересах детей и ключевых механизмом ее реализации, базирующихся на общепризнанных принципах и нормах международного права. Одним из направлений деятельности является разра-

ботка мер, направленных на формирование безопасного и комфортного окружения для детей как в обществе, так и в семье. Говорится о необходимости формирования в обществе о нетерпимости ко всем формам насилия и телесного наказания в отношении детей через средства массовой информации, систему образования, социальной защиты, здравоохранения, культуры и семьи. Также акцентируется внимание на то, что в Российской Федерации должна быть сформирована система, обеспечивающая реагирование на нарушение прав каждого ребенка без какой-либо дискриминации, включая диагностику ситуации, планирование и принятие необходимого комплекса мер по обеспечению соблюдения прав ребенка и восстановлению нарушенных прав; правовое просвещение; предоставление реабилитационной помощи каждому ребенку, ставшему жертвой жестокого обращения или преступных посягательств» [2]. А также еще одним актом является распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы».

Помимо государственных программ общенационального уровня большое значение имеют также государственные программы на уровне субъектов федерации. Например, программа «Детство под защитой на 2014 - 2019 годы», утвержденная постановлением Администрации Томской области от 17.12.2013 г. № 539а [6], государственные программы Челябинской области «Реализация государственной национальной политики в Челябинской области на 2016-2020 годы», «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Челябинской области на 2016-2020 годы», «Повышение эффективности реализации молодежной политики в Челябинской области на 2018-2020 годы» [12]. Основной целью этих программ является «создание благоприятных условий для улучшения положения детей и других жертв семейного насилия в Челябинской области, а в основные задачи также входит предотвращение семейных проблем, защита прав и интересов детей». Представляется необходимым дополнить государственные программы субъектов Российской Федерации, такой социальной категорией, как женщины, несовершеннолетние, пожилые люди и инвалиды.

Следовательно, можно отметить, что общая социальная профилактика и предупреждение преступлений, совершаемых в отношении лиц, находящихся в уязвимом состоянии многообразны и все предлагаемые меры автором повысят эффективность предупреждения преступления в отношении рассматриваемых категорий граждан.

Список литературы

1. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента РФ от 09.10.2007. № 1351 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-profilaktiki-nasilstvennyh-prestupleniy-v-otnoshenii-lits-nahodyaschihsya-v-bespomoschnom-sostoyanii> (дата обращения: 12.01.2021).
2. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы: Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 // СПС Консультант Плюс.

3. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // СПС Консультант Плюс.
4. О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2009 № 2128-р // СПС Консультант Плюс.
5. О направлении программы «Здоровая Россия - общее дело»: Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/> (дата обращения 10.05.2021).
6. Об утверждении государственной программы «Детство под защитой на 2014 - 2019 годы»: Постановление Администрации Томской области от 17.12.2013 N 539а [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/>. (дата обращения 10.05.2021).
7. Бондарев А.С. Правовая культура и продукты правовой культуры в их соотношении // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 2. С. 8.
8. Жестокое обращение с детьми в Японии. Настораживающие цифры // URL:<https://rossaprimavera.ru/news/> (дата обращения 10.01.2021).
9. Кузьмин, Ю. А. Смыслонесущие функции правосознания / Ю.А. Кузьмин // Вестник ЧГУ. 2009. №3. С.162.
10. Никитина А.А. Криминологическая характеристика предупреждения бытового насилия в отношении несовершеннолетних: ав-тореф. дис.... канд.юрид.наук / А.А. Никитина. Ростов-на-Дону, 2005. 27 с.
11. Перечень государственных программ Челябинской области на 2019 год [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/>.(дата обращения 10.01.2021).
12. Рыбаков, В. А. Регулирующая роль правосознания / В.А. Рыбаков // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. №3. С.7.
13. Шикула, И. Р. Проблемные вопросы профилактики насильственных преступлений в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии / И.Р. Шикула [Электронный ресурс]. Теория и практика общественного развития. 2017. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-profilaktiki-nasilstvennyh-prestupleniy-v-otnoshenii-lits-nahodyaschihsya-v-bespomoschnom-sostoyanii> (дата обращения: 12.05.2021).
14. Ханова, З.Р. Проблемы профилактики преступлений против несовершеннолетних / З.Р. Ханова // Пробелы в российском законодательстве. 2014. №1. С.132-134.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово участникам конференции..... 3

**Секция: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ
ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ
НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Бертовский Л.В. Специалист и эксперт как особые субъекты уголовного процесса.....	9
Бурмистрова Н.С., Колиниченко И.А. Особенности психологической пролификации идентичности личности с преступной деятельностью в криминалистическом профайлинге.....	13
Гаврилов Б.Я. Роль эффективности уголовного процесса в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства: современное состояние и меры по совершенствованию.....	19
Гармаев Ю.П. Проблема выбора доверителем адвоката в уголовном процессе: теория, практика, правовое просвещение населения.....	26
Давыдов С.И. Взаимодействие следователя с подразделениями по делам несовершеннолетних как гарантия соблюдения их прав в процессе раскрытия и расследования преступлений.....	30
Девяткин Г.С. К вопросу о цифровом неравенстве в уголовном судопроизводстве.....	34
Дубербаев Д.М., Сембекова Б.Р. Использование ДНК при расследовании преступлений.....	39
Ерахтина Е.А. Когнитивная психология в методах допроса свидетеля.....	47
Железняк Н.С. Некоторые размышления о лицах, обладающих особым правовым статусом.....	52
Калугин А.Г. Формирование инклюзивной компетентности в процессе подготовки следователей, дознавателей органов внутренних дел в образовательных организациях МВД России на основе нового поколения федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования.....	55
Квык А.В. Эволюция запретительных (ограничительных) мер в рамках альтернативных заключению под стражу мер пресечения.....	60

Курбатова С.М. Особенности процессуального статуса лиц старших возрастных групп на досудебных стадиях производства по уголовным делам.....	64
Логинова Н.Г., Космодемьянская Е.Е. К вопросу о правовом регулировании физического состояния обвиняемого, подозреваемого в уголовном процессе.....	68
Миронова Г.А. Участие психолога в формировании показаний несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля.....	75
Николюк В.В. «Письмо двенадцати» о неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы в контексте Российской модели уголовно-процессуального доказывания.....	80
Овсянников Ю.В. Установление обстоятельств, имеющих значение для расследования преступлений, совершаемых лицами с психическими отклонениями.....	89
Петухов Е.Н. Престарелый возраст подозреваемого как основание злоупотребления правом органом дознания и прокурором по уголовному делу.....	93
Поляков И.М. Проблемы реализации прав обвиняемых с ограниченными возможностями по уголовным делам о коррупционных преступлениях.....	99
Попова Е.И. Некоторые аспекты обеспечения прав и законных интересов потерпевших пожилых лиц.....	104
Судницын А.Б. Механизм исключения психотравмирующего воздействия на несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.....	109
Табачков А.В. «Новая» форма фиксации доказательственной информации – фоноскопическая?.....	112
Храмов С.М. Особенности производства следственных действий по уголовным делам с участием лиц с ограниченными возможностями.....	118
Черкасова Е.С. Особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по сексуальным уголовным преступлениям с участием потерпевших, имеющих шизотипическое расстройство личности.....	122
Широва (Пашаева) Э.Х., Пашаев Х.П. Кратко об особенностях допроса участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями.....	125

Секция: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Баянов А.И., Курбатова С.М. Дополнительные меры, направленные на охрану прав и законных интересов потерпевших и свидетелей, имеющих возрастные, психологические и иные особенности, в процессе их допроса в судебном заседании.....	129
Власов В.А. Отдельные правовые аспекты обеспечения прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями.....	134
Галимов О.Х. Особенности правового статуса престарелых лиц в уголовном судопроизводстве.....	137
Дутов Ю.И., Луценко П.А. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями в судебном разбирательстве по уголовному делу.....	140
Ильюхов А.А. Организационно-правовые проблемы формирования коллегии присяжных заседателей.....	143
Качалов В.И. Особенности доказывания при разрешении судом вопросов о продлении, изменении или отмене принудительных мер медицинского характера.....	148
Качалова О.В. О возможности рассмотрения в особом порядке уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц.....	153
Коваленко В.А. К вопросу о представительстве несовершеннолетнего в уголовном процессе.....	156
Курбатова С.М., Русаков А.Г. Компенсаторный механизм как средство реализации правового статуса участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями и пресечения злоупотреблений с их стороны.....	162
Луценко П.А., Ковшова Е.С. О соблюдении прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями.....	168
Марковичева Е.В. Компенсация ограниченных возможностей несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля для участия в уголовном процессе.....	171
Муравьев К.В., Замуруева Е.Ю. Проблемные аспекты регламентации сроков уголовно-процессуальных и уголовно-правовых мер воздействия в отношении несовершеннолетних...	175

Пелисова И.П. Позиция прокурора при применении судом статьи 25 УПК РФ в случаях рассмотрения уголовного дела о половом сношении с лицом, не достигнутым возраста шестнадцати лет.....	180
Пупышева Л.А. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих производство о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, не являющихся субъектами уголовной ответственности....	184
Русаков А.Г. К вопросу о соотношении категорий «дееспособность», «вменяемость» и «уголовно-процессуальная дееспособность» в контексте прав участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями...	189
Черкасова Е.С. Лица старших возрастных групп, имеющие когнитивные дисфункции как участники уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями.....	197
Шаталов А.С. О необходимости выделения лиц с ограниченными возможностями в обособленную группу участников уголовного судопроизводства.....	200
Шатрова А.В. Судебная практика в сфере обеспечения прав лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, на личное участие в судебном разбирательстве.....	207

Секция: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Секция: МЕЖДУНАРОДНЫЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Айснер Л.Ю., Наумов О.Д. Когнитивные способности человека: категориальный анализ.....	212
Андреева Ю.В. Правовой статус женщин, содержащихся в следственных изоляторах и имеющих при себе детей в возрасте до 3-х лет.....	217
Галицкая Е.Е. Характеристика осужденного как доказательство на стадии исполнения приговора.....	221
Галицкая Е.Е. Полномочия судьи по поступившему в суд ходатайству или представлению, связанному с исполнением приговора.....	225

Голубовский В.Ю. Особенности преступлений, совершаемых в отношении инвалидов.....	230
Далгалы Т.А. Международно-правовая защита уязвимых групп населения.....	233
Далгалы Т.А. Правовая защита несовершеннолетних как уязвимой группы населения в киберпространстве.....	235
Колмаков В.Ю. Cognitive law and cognitive rights: анализ когнитивной методологии в системе юридических наук.....	237
Колмаков В.Ю. Когнитивно-семантическая концепция права	242
Кунц Е.В. Уголовно-правовая охрана потерпевших – инвалидов.....	246
Курбатова С.М., Федорова Д.А. Некоторые аспекты оказания адвокатами бесплатной юридической помощи в сфере уголовного судопроизводства.....	250
Луценко П.А., Комина М.А. Судебный контроль за соблюдением прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями.....	256
Плошкина Я.М., Назаров А.Д. Правовая регламентация участников уголовного судопроизводства с нарушениями функции слуха или речи по законодательству РФ и ФРГ.....	259
Рахматулин З.Р. Вопросы исполнения наказаний без лишения свободы в отношении лиц с ограниченными возможностями и осужденных, страдающих алкоголизмом и наркоманией.....	265
Терешкова В.В. Избрание меры пресечения в виде содержания под стражей несовершеннолетним в свете международных стандартов.....	269
Шилина А.В. Участие переводчика как компенсаторная гарантия реализации прав участников уголовного судопроизводства, не владеющих языком, на котором ведется производство	279
Широких С.В. Социальная защита инвалидов, осужденных к лишению свободы.....	284
Штефан А.В. К вопросу о проблемах предупреждения преступлений, совершаемых против лиц, находящихся в уязвимом состоянии.....	287

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ:
КОМПЕНСАТОРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы Международной научно-практической конференции

18-19 июня 2021 года, г. Красноярск

Часть 2

Редакционная коллегия:

Л. В. Бертовский, д-р юрид. наук, профессор

С. М. Курбатова, канд. юрид. наук, доцент

Е. А. Ерахтина, канд. юрид. наук, доцент

И. В. Тепляшин, канд. юрид. наук, доцент

А. Г. Калугин, канд. юрид. наук, доцент

А. Б. Судницын, канд. юрид. наук, доцент

Е. В. Богатова, А. Г. Русаков

Издается в авторской редакции

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 24.49.04.953.П. 000381.09.03 от 25.09.2003 г.

Подписано в печать 10.06.2021. Формат 60×84/8. Бумага тип. № 1.

Печать – ризограф. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 70 экз. Заказ № 66

Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117